Валентин Катаев «Алмазный мой венец» /фрагмент/

Москва. Двадцатые годы. Тверская.

Кажется, они – птицелов и королевич – понравились друг другу. Во всяком случае, королевич – уже тогда очень знаменитый – доброжелательно улыбался провинциальному поэту, хотя, конечно, еще не прочитал ни одной его строчки.

Разговорившись, мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время еще стоял на своем законном месте, в голове Тверского бульвара, лицом к необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его маленьким золотым луковкам.

...До сих пор болезненно ощущаю отсутствие Пушкина на Тверском бульваре, невосполнимую пустоту того места, где он стоял.

Привычка.

Недаром же Командор написал, обращаясь к Александру Сергеевичу:

«На Тверском бульваре очень к вам привыкли».

Привыкли, добавлю я, также и к старинным многоруким фонарям, среди которых фигура Пушкина со склоненной курчавой головой, в плаще с гармоникой прямых складок так красиво рисовалась на фоне Страстного монастыря.

Не уверен, что во время свиданий двух поэтов — птицелова и королевича — Страстной монастырь еще существовал. Кажется, его уже тогда снесли. Будем считать в таком случае, что в пустоте остался отсвет его бледно-сиреневой окраски.

Для людей моего поколения есть два памятника Пушкину. Оба одинаковых Пушкина стоят друг против друга, разделенные шумной площадью, потоками автомобилей, светофорами, жезлами регулировщиков. Один Пушкин призрачный. Он стоит на своем старом, законном месте, но его видят только старые москвичи. Для других он незрим. В незаполнимой пустоте начала Тверского бульвара они видят подлинного Пушкина, окруженного фонарями и бронзовой цепью, на которой, сидя рядом и покачиваясь, разговаривали в начале двадцатых годов два поэта и третий – я, их современник.

А Пушкин сегодняшний для меня лишь призрак.

Желая поднять птицелова в глазах знаменитого королевича, я сказал, что птицелов настолько владеет стихотворной техникой, что может, не отрывая карандаша от бумага, написать настоящий классический сонет на любую заданную тему. Королевич заинтересовался и предложил птицелову тут же, не сходя с места, написать сонет на тему Пушкин.

Птицелов экспромтом произнес «Сонет Пушкину» по всем правилам: пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе, с рифмами А Б Б А в первых двух

четверостишиях и с парными рифмами в двух последних терцетах. Все честь по чести. Что он там произнес – не помню.

Королевич завистливо нахмурился и сказал, что он тоже может написать экспромтом сонет на ту же тему. Он долго думал, даже слегка порозовел, а потом наковырял на обложке журнала несколько строчек.

- Сонет? подозрительно спросил птицелов.
- Сонет, запальчиво сказал королевич и прочитал вслух следующее стихотворение:
- Пил я водку, пил я виски, только жаль, без вас, Быстрицкий! Мне не нужно адов, раев, лишь бы Валя жил Катаев. Потому нам близок Саша, что судьба его как наша.

При последних словах он встал со слезами на голубых глазах, показал рукой на склоненную голову Пушкина и поклонился ему низким русским поклоном.

(Фамилию птицелова он написал неточно: Быстрицкий, а надо было...)

Журнал с бесценным автографом у меня не сохранился. Я вообще никогда не придавал значения документам. Но поверьте мне на слово: все было именно так, как я здесь пишу.

...Смешно и трогательно...

Теперь на том месте, где все это происходило, – пустота. С этим мне трудно примириться. Да и улица Горького в памяти навсегда осталась Тверской из «Евгения Онегина».

... «вот уж по Тверской возок несется сквозь ухабы, мелькают мимо будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, бухарцы, сани, огороды, купцы, лачужки, мужики, бульвары, башни, казаки, аптеки, магазины моды, балконы, львы на воротах и стаи галок на крестах»...

Почти такой увидел я Москву, когда после гражданской войны приехал с юга. Впрочем, Москва уже была не вполне онегинская. Хотя львы на воротах и стаи галок на крестах, а также аптеки, фонари, бульвары и прочее еще имелись в большом количестве. Но, конечно, трамваи были уже не онегинские.

Москва пушкинская превращалась в Москву Командора.

Комментарий Олега Лекманова (фрагмент) Валентин Катаев «Алмазный мой венец» (фрагмент)

- **60.** Кажется, они птицелов и королевич понравились друг другу. О восприятии С. Есениным поэзии Э. Багрицкого см. в мемуарах В. Б. Шкловского: «Это было на углу Тверской и Леонтьевского переулка. Сюда нас привел с улицы Есенин. Есенин был с молодым, похожим на него, белокурым человеком <Багрицким. Коммент. >. Тот был повыше Есенина и с таким же, как будто уже налитым водою, бледным лицом. Багрицкий читал "Стихи о соловье и поэте" < ... > Есенин не слушал, не принимал» (Шкловский В. Б. // О Багрицком 1936. С. 295).
- 61. Разговорившись, мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время еще стоял на своем законном месте, в голове Тверского бульвара, лицом к необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его маленьким золотым луковкам. Памятник А. С. Пушкину был открыт в начале Тверского бульвара в 1880 г. (скульптор А. Опекушин, архитектор И. Богомолов). На том месте, где сейчас находится Пушкинская площадь, в 1646 г. была построена церковь Страстной Богоматери (в церкви находилась икона Богородицы, где были изображены также орудия, которыми мучили Христа). В 1654 г. был основан Страстной монастырь. В 1937 г. он был снесен, а площадь переименована из Страстной в Пушкинскую в связи со 100-летием со дня гибели поэта. В 1950 г. здесь было закончено устройство сквера, и на площади был установлен перенесенный с Тверского бульвара памятник Пушкину.
- **62.** Недаром же Командор написал, обращаясь к Александру Сергеевичу: «На Тверском бульваре очень к вам привыкли». Из ст-ния В. Маяковского «Юбилейное» (1924).
- **63.** Желая поднять птицелова в глазах знаменитого королевича, я сказал, что птицелов настолько владеет стихотворной техникой, что может, не отрывая карандаша от бумаги, написать настоящий классический сонет на любую заданную тему <...>

Птицелов взял у королевича карандаш и на обложке толстого журнала «Современник», который был у меня в руках, написал «Сонет Пушкину» по всем правилам: пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе <...> Что он там написал — не помню.

Королевич завистливо нахмурился и сказал, что он тоже может написать экспромтом сонет на ту же тему. Он долго думал, даже слегка порозовел, а потом наковырял на обложке журнала несколько строчек.

- Сонет? подозрительно спросил птицелов.
- Сонет, запальчиво сказал королевич и прочитал вслух следующее стихотворение: Пил я водку, пил я виски, только жаль, без вас, Быстрицкий! Мне не нужно адов, раев, лишь бы Валя жил Катаев. Потому нам близок Саша, что судьба его как наша. Ср. в воспоминаниях И. А. Рахтанова о том, как Э. Багрицкий «в пятнадцать минут», на пари, должен был придумать стихотворение о медведе для детей. «Пари было выиграно» (Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1960. С. 112–113). Свой вариант ст-ния о медведе (соревнуясь с Багрицким?) сочинил и Ю. Олеша, горделиво констатировавший в альбоме, составленном А. Е. Крученых: «Медведь. Сонет на заданную тему, написанный в 12 минут

(честное слово!)» (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 69). Приведем здесь текст этого сонета Олеши по автографу (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 390. Л. 24):

МЕДВЕДЬ (ЭКСПРОМТ-ШУТКА)

сонет

Его лицо, как бронза или медь — Сожженное морозом, как пожаром — Под солнцем, что выкатывалось шаром, Он шел, чтоб победить иль умереть...

Его хватал кустарник, точно сет<ь>, А он шагал, дыша огнем и паром, — Нож запылал, и, сломленный ударом, К ногам охотника упал медведь.

И возвращался он, сугробы руша. Тяжелая за ним влеклася туша, Он уставал, он падал, изнемог.

О, если бы, ножу слепому веря, Я, как охотник, уложил бы зверя И положил ковром у ваших ног.

В записях Олеши рассказывается, как Багрицкий «в пять минут» сочинил сонет на тему «камень», дабы посрамить одесского «буржуазного профессора». Из этого испытания он также вышел победителем: «— Простите меня! — кричал профессор. — Я верю вам! Верю! Хоть и трудно поверить, но верю!» (Олеша 2001. С. 172–175). См. также у Л. Я. Гинзбург: «Одно из проявлений блестящего профессионализма Багрицкого — его пятиминутные сонеты <...> У меня сохранился автограф одного из этих сонетов-импровизаций. Написан он в Кунцеве, в январе 1928 года, на заданную мною тему: "Одесса". Багрицкий написал его в шесть с половиной минут, то есть опоздал на полторы минуты. Он был огорчен этим, сердился и говорил, что мы, гости, мешали ему своими разговорами» (Гинзбург. С. 337). Экспромт Есенина был действительно записан на обложке журнала «Современник». (1925. Январь. № 1) (РГАЛИ. Ф. 3100. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 5.). Он приводится с небольшой неточностью (у Есенина: «Нам не нужно...» и «только б Валя...»). Как «подмалевком» Есенин в данном случае воспользовался собственными строками «Я скажу: "Не надо рая..."» из ст-ния «Гой ты, Русь моя родная...» (1915). К. умалчивает о том, что он тоже принял участие в описываемом поэтическом соревновании. Приведем здесь сонет К. «Разговор с Пушкиным»:

Когда закат пивною жижей вспенен И денег нету больше ни шиша, Мой милый друг, полна моя душа Любви к тебе, пленительный Есенин.

Сонет, как жизнь, суров и неизменен, Нельзя прожить, сонетов не пиша. И наша жизнь тепла и хороша, И груз души, как бремя звезд — бесценен.

Нам не поверили в пивной в кредит, Но этот вздор нам вовсе не вредит.

Доверье... Пиво... Жалкие игрушки.

Сам Пушкин нас благословляет днесь: Сергей и Валентин и Эдуард — вы здесь? — Мы здесь. — Привет. Я с вами вечно. Пушкин.

(Цит. по: Кошечкин С. П., Юсов Н. Г. Комментарий // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7ми тт. Т. 4. М., 1996. С. 469). Сохранились автографы экспромтов К. и Есенина с комментариями автора «АМВ», датировавшего этот эпизод ранней осенью 1925 г.: «По условиям "конкурса" на тему Пушкин (под памятником которого мы сидели) <надо было написать > каждый из нас должен был написать по сонету. Я, как весьма натренированный в этой форме, быстро накатал "сонет". Есенин же долго слюнил карандаш, потел, сонета у него не вышло, и он написал вышеприведенные стишки» (курсивом в ломаных скобках отмечены зачеркнутые К. слова. РГАЛИ. Ф. 3100. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 6.) Далее К. приводит стихи Есенина: «Не уходи <,> побудь со мной <,> // Ведь жизнь моя // как ночь темна. // Пил я водку <,> пил я виски <,> // Только жаль <,> без Вас, Быстрицкий <!> // Нам не нужно адов <,> раев <,> // Только б Валя жил Катаев <.> // Потому нам близок Саша <,> // Что судьба его <,> как наша» (Там же. Л. 7.) Под ст-нием К. приписал примечание: «Есенин допустил явную описку, написав "Быстрицкий" вместо "Багрицкий", т. к. стихи сочинялись на конкурс со мной и Багрицким, с которым я только что познакомил Есенина. B<.> Катаев» (Там же). Сонет Багрицкого не запомнился К., вероятно, потому, что он «сказал свой сонет наизусть» (Там же). В интервью, опубликованном уже после появления «АМВ» в печати, К. рассказал: «В одном месте (помните?) я цитирую сонет королевича — Есенина? Он в тот вечер был записан на обложке какого-то журнала. И вот, когда вышла книга, я неожиданно получил из Тбилиси от одного из читателей этот журнал» (Сов. культура).

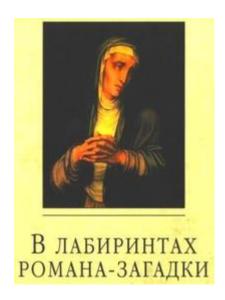
64. Журнал с двумя бесценными автографами у меня не сохранился. Я вообще никогда не придавал значения, документам. — Вероятно, скрытая цитата из хрестоматийно-известного ст-ния Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...», 1956 («Не надо заводить архива, // Над рукописями трястись»), «предсказывающая» появление «парного» портрета Есенина и Пастернака на страницах «АМВ».

Сергей Шаргунов «Дача, Жанна, драка с дураком»

Целый день до этого я читал «Войну и мир». Валялся после завтрака на диване и грыз карамель (жестяная банка). Оставление Москвы, поджоги, тяжелое движение обозов, бледный юнец, который зачем-то начал благословлять Наполеона, сцена расправы над бледным юнцом. Наташа над умирающим Андреем. Карамель кончилась. За открытым окном просторно горел день. С затрепанным томом я пошел на кухню, набил карманы джинсов грецкими орехами, и отправился в сад, в солнце, на деревянную горячую скамейку. Я переворачивал страницу и раскалывал по ореху. Пьер Безухов в захваченной Москве, Наполеон как Антихрист, ожидание французской пули, знакомство с Платоном Каратаевым. Некоторые я с тигриной силой расцеплял в руках, а особо неподатливые орехи клал под зад, надавливал, и с хрустом раскраивал. Читая, выедая орех из осколков, я постепенно вошел в такой нежный транс, в причудливое очарование такое, что неожиданно почувствовал себя другим. Ослепительное прояснение, спровоцированное ясной погодой, открыло толстовский мир, который не даст никакой В ЭТОМ простецки-изящном, солнечно-затуманенном литературовед. толстовском мире я поехал на велосипеде за арбузом.

М. Котова, О. Лекманов (при участии Л. М. Видгорфа)

В ЛАБИРИНТАХ РОМАНА-ЗАГАДКИ

Вместо предисловия

...все лишнее отвергнуто. Оставлен «Алмазный мой венец». Торопясь к фонтану, я его готов надеть на свою плешивую голову.

Валентин Катаев

Валентин Катаев «потерял дар памяти под тяжестью "алмазного венца" и проехался по покойникам как трактор. Зачем это написано? Для кого?» Андрей Устинов —

Вопросы из второго эпиграфа к этой нашей заметке отнюдь не риторические и совсем не простые. Многие читатели как не имели, так и не имеют охоты отгадывать изощренные крестословицы Валентина Петровича Катаева (1897–1986), «чтобы убедиться, после трудной работы, что время и усилия потрачены даром, что короткий и бедный смысл не вознаграждает нас за ненужную возню с расшифровыванием». И не нужно лукаво напоминать, что взятые в кавычки слова представляют собой цитату из отзыва Владислава Ходасевича на стихи не кого-нибудь, а самого Бориса Пастернака^[2]. Не нужно, прежде всего, потому, что Катаев сравнения с Пастернаком решительно не выдерживает, хотя, как еще увидит читатель этого комментария, все время на него набивается^[3].

Главное же состоит в том, что как раз не в отношении Пастернака, а в отношении Катаева суждение Ходасевича, пожалуй, верно — разгадав большинство загадок «Алмазного венца», в некотором удивлении и смущении признаешься себе: пышным катаевским «мовизмом» действительно прикрыт смысл «короткий и бедный». Несколько новых штрихов к человеческому и литературному портрету, две-три неизвестных ранее удачных шутки, парочку-другую пикантных подробностей — вот что прибавляет

катаевское произведение к уже давно сложившемуся в читательском сознании облику большинства героев «Венца».

Все это, конечно, так, да не совсем. Во-первых, нужно признать, что некоторых персонажей своей книги автор «Венца» «воскресил» из полного забвения (как, например, Семена Кесельмана) или — почти из полного забвения (как, например, Владимира Нарбута).

Во-вторых, многие сообщенные Катаевым факты имеют весьма существенное значение для истории советской литературы. Таковы, в частности, подробно изложенные в «Венце» обстоятельства создания «Двенадцати стульев» и «Трех толстяков».

И в-третьих — наиболее важное: процесс расшифровывания катаевских «крестословиц» вовсе не показался нам утомительным и «ненужным». Он представлял собой чудесное и увлекательное вознаграждение за те неизбежные трудности, которые с этим процессом были сопряжены. Катаевские намеки, загадки и недомолвки властно потребовали от комментаторов проштудировать целый ворох газетного, архивного и мемуарного материала, который до сих пор почти не привлекал исследовательского и читательского внимания. В результате Катаев, хочется надеяться, помог нам высветить «хоть с одного боку», но цельную картину литературной жизни Москвы (в меньшей степени — Одессы и Харькова) 1920-х годов. Насколько умело и непредвзято был выставлен свет для этой картины — судить читателю.

I

Нам же остается сказать несколько слов о тех особенностях поэтики и судьбы катаевских беллетристических мемуаров, которые обязательно должны быть приняты во внимание этим любознательным и доброжелательным читателем. В противном случае адекватное восприятие «Алмазного венца» и комментария к нему весьма затруднится.

Коль уж мы употребили формулу «беллетристические мемуары», начать будет уместно с разговора о жанровом своеобразии катаевской книги. Как известно, сам автор «Алмазного венца» изо всех сил открещивался от звания мемуариста. «Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары, — писал он. — Терпеть не могу мемуаров» [4].

Увы, у филолога нет права и возможности внять катаевской требовательной мольбе: если в рамках своего произведения автор оказывается «соседом» исторически существовавшего лица, комментатор и интерпретатор а priori обязан перевести все произведение в разряд биографических источников сведений об этом лице.

 $\rm M$ уже только второй напрашивающийся шаг — это «литературоведческое расследование» (Б. Я. Бухштаб)[5], итогом которого должен стать вывод о достоверности или недостоверности выявленного источника.

В катаевском случае, вопреки устойчивой репутации «Венца» как лживой книги, общая достоверность большинства изображаемых событий не подлежит сомнению. В ходе работы над этим комментарием мы неоднократно убеждались в том, что кажущиеся совершенно невероятными события, описанные у Катаева, как правило, подтверждают свою легитимность при сверке с мемуарами современников писателя и другими документами эпохи.

Так, Наталья Крымова в своем отзыве на «Алмазный мой венец» недвусмысленно усомнилась в том, что Валентин Петрович был лично знаком с великим Велимиром Хлебниковым — «будетлянином». «...об отношениях автора "Растратчиков" с поэтом-будетлянином, если не ошибаюсь, ничего до сих пор не было известно», — ядовито заметила она [6]. В ответ автор апологетической монографии о Катаеве не нашел ничего

лучшего, как заявить, что беда небольшая, «даже если и не был Хлебников в Мыльниковом переулке», где жил Катаев $^{[7]}$.

Однако в альбоме «Футбаза VI-а», составленном Алексеем Крученых, под фотографией Велимира Хлебникова помещено следующее свидетельство Катаева: «Встречался с Хлебниковым в <1>922 году в Москве. Гениальный человек. И еще более гениальный поэтречетвор. Валкатаев» Вряд ли будущий автор «Алмазного венца» в конце 1920-х годов решился бы дурачить близко дружившего с Хлебниковым составителя альбома.

Окончательно развеивает сомнения следующий недавно опубликованный фрагмент из мемуарных записей ближайшего друга-врага Катаева — Юрия Олеши: «Я Хлебникова не видел. У меня такое ощущение, что я вошел в дом и мог его увидеть, но он только что ушел. Это почти близко к действительности, так как он бывал в квартире Е. Фоминой в Мыльниковом переулке, где жил Катаев и где я бывал часто. Катаев его, например, видел, и именно у Е. Фоминой» [9].

Многочисленные сходные примеры читатель обнаружит сам в тексте нашего комментария к «Алмазному венцу».

Совсем другое дело — катаевская нюансировка фактов. Рассказывая в «Алмазном венце» о подлинных в своей основе событиях, Валентин Петрович умело пользовался целым арсеналом уловок, способных преобразить реальность почти до неузнаваемости. Главные среди этих уловок: превращение отрывков чужих мемуаров в подсобный материал для строительства своего собственного текста [10], а также резкое смещение акцентов и психологических мотивировок при описании событий [11]. И наконец — сознательное умолчание о тех обстоятельствах, которые препятствовали автору «Алмазного венца» показывать читателю прошлое в нужном ему, автору, свете.

Так, горестно сетуя на несправедливость опалы, наложенной советским государством на Михаила Зощенко и Бориса Пастернака, Катаев ни словом не обмолвился о собственном активном участии в этой опале^[12]. Благостно излагая обстоятельства своего последнего визита к Михаилу Булгакову, автор «Алмазного венца» «забыл» упомянуть о той своей встрече с Михаилом Афанасьевичем, в ходе которой Булгаков был вынужден оборвать зарвавшегося коллегу негодующей репликой: «Валя, вы жопа»^[13]. И так далее, и так далее.

Иногда, впрочем, автор «Алмазного венца» скрывал истину, что называется, «себе в убыток»: например, стремясь в «Венце» представить Исаака Бабеля этаким волкомодиночкой, чурающимся литературных группировок, Катаев сознательно преуменьшил оценку автором «Конармии» прозы «южно-русской школы»: «У меня сложилось такое впечатление, что ни ключика «Юрия Олешу», ни меня он как писателей не признавал». Между тем, Валентин Петрович не мог не знать о тех высоких словах, которые Бабель произнес о «южно-русской школе» и о прозе лично Катаева с Олешей на своем вечере, состоявшемся в сентябре 1937 года [14].

Возвращаясь к разговору о наиболее точном жанровом определении для книги Катаева, вспомним формулу, которую вечный катаевский оппонент Виктор Шкловский когда-то предложил для юношеского произведения Вениамина Каверина: «памфлетный мемуарный роман»^[15].

II

История усвоения катаевского памфлетного мемуарного романа читающей публикой заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее.

Впервые напечатанное в б номере журнала «Новый мир» за 1978 год, это произведение стремительно завоевало бешеную популярность в интеллигентской среде.

Но единодушия в оценках «Алмазного венца» отнюдь не наблюдалось. Сам автор был склонен воспринимать ситуацию драматически: «...не понят "Алмазный мой венец", клюют, щиплют», — жаловался он в разговоре с поэтом-земляком Семеном Липкиным [16].

Сходное ощущение сохранилось в памяти у литератора националиста Н. Переяслова, который многие годы спустя защищал катаевский роман от потенциальных недругов и поощрительно сопоставлял катаевскую книгу с мемуарной трилогией Ст. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия»: «Я хорошо помню, сколько негодования, возмущения и споров вызвали в свое время напечатанные в "Новом мире" художественные мемуары Валентина Катаева "Алмазный мой венец" <...> что бы там кто ни говорил и ни писал об этой книге, а для меня она и по сей день остается одной из самых горячо любимых и перечитываемых» [17].

Как это ни странно, но реплика Переяслова прозвучала в унисон со следующим высказыванием эмигранта-западника А. Гладилина: «"Алмазный мой венец" вызвал, мягко говоря, недовольство прогрессивной интеллигенции. До Парижа доходили слухи: Москва возмущена! <...> В советской прессе появились ядовито-кислые рецензии. Парадокс: классика отечественной литературы защищала только <радиостанция> "Свобода" в лице вашего покорного слуги» [18].

Чтение насквозь большинства рецензий на роман Катаева ясно показывает, что все эти и некоторые другие суждения о публичной экзекуции, которой якобы подвергся автор «Алмазного венца» после опубликования своих мемуаров, сильно преувеличены. А точнее будет сказать: достаточно многочисленные частные нелицеприятные оценки романа лишь в нескольких случаях преобразились в печатные отклики на новое произведение Героя Социалистического Труда (1974), автора официально канонизированных «Сына полка» и «Маленькой железной двери в стене».

В качестве примера отрицательной оценки «Алмазного венца», не попавшей в печать, приведем здесь мнение поэта Давида Самойлова из его письма к Лидии Корнеевне Чуковской (оно было получено адресаткой 7 июля 1978 года — менее чем через месяц после выхода «катаевского» номера «Нового мира» — такова была степень заинтересованности советской интеллигенции мемуарами Катаева!): «Это набор низкопробных сплетен, зависти, цинизма, восторга перед славой и сладкой жизнью. А завернуто все в такие обертки, что закачаешься. Это, конечно, на первый взгляд. Выручает ассоциативный метод и дешевые парадоксы. Но ведь клюют и на это. Говорят: очаровательно» [19].

В советских газетах и журналах, дружным хором откликнувшихся на выход «Алмазного венца», преобладали совершенно иные голоса.

Правда, в журнале «Дружба народов» действительно была опубликована уже цитировавшаяся нами жесткая рецензия на «Алмазный мой венец», написанная Н. Крымовой: «На удивление постоянное, первое и нескрываемое движение героя "Алмазного венца" — встать рядом, сесть рядом "со своими великими умершими и погибшими друзьями"» [20].

Но эта рецензия, по испытанной советской методе, была уравновешена апологетическим откликом на «Алмазный венец» Евгении Книпович, помещенным в том же номере «Дружбы народов». Книпович писала о «безупречном чувстве меры» Катаева, о его умении говорить о прошлом «с улыбкой и подначкой» [21].

«Вопросы литературы» отреагировали на выход романа язвительной рецензией В. Кардина: «Картинки, подкрепляющие обиходные истины типа "слаб человек", "все

люди, все человеки", портреты писателей "в туфлях и в халате" чаще всего потакают обывательским вкусам» $^{[22]}$.

Но и «Вопросы литературы» в этом же году напечатали аналитический обзор Д. Затонским советской прозы последнего времени, где произведение Катаева было включено в ряд новаторских современных романов: «...стрелки творческой фантазии перемещаются от образной перестройки, перекомпоновки факта к образному же его прочтению. И типичное для времени и эпохи начинают искать не в массовидности, а в характерном и оттого единичном, даже аутентичном» [23].

Остальные оценки произведения Катаева в советской прессе были и того выше. В. Баранов: в «Алмазном венце» писатель «воссоздает такие картины, которые, может быть, читать сегодня и больно, но в истинности которых усомниться мы не имеем ни малейших оснований» [24]. В. Перцовский: «Его задача — не высмеять, не развенчать, а просто быть правдивым до конца» [25]. Н. Поляков: «Алмазный мой венец» — «исповедь большого мастера» [26].

Решительно взял Катаева и его роман под защиту от «примитивных» читателей (и критиков) Н. Шамота: «...я не говорю здесь о тех, кто из всей книги запомнит "флакончиков"[27] да две-три шуточные сценки из писательского быта. Таким надо начинать с азбуки эстетического подхода к произведениям художника»[28].

Особо следует отметить отзыв на «Алмазный мой венец» в главной советской государственной газете, где, помимо всего прочего, указывалось, что «вопреки кажущемуся алогизму» романа, его композиция «выверена весьма придирчиво и строго» [29].

Осторожно-скептически оценил «Алмазный мой венец» в своей малотиражной книге о советской литературе В. Лавров: «При всем своеобразии катаевской прозы есть в новом произведении писателя существенные идейно-художественные изъяны» [30].

Но и это суждение соседствует в советской и постсоветской критике с многочисленными комплиментарными оценками произведения Катаева. Начиная с давней статьи Дм. Молдавского «Гравитация слова (Перечитывая В. Катаева)»: «Книга эта — рассказ о приобщении художника к Революции» И завершая главой из не так давно вышедшей монографии М. А. Литовской «Феникс поет перед солнцем. Феномен Валентина Катаева» (Екатеринбург, 1999).

Провинциальная советская пресса также отозвалась на публикацию нового произведения Катаева: в курортной юрмальской газете была опубликована гневная отповедь Вениамина Каверина автору «Венца» В «Вечерней Одессе» появилась добродушная пародия Семена Лившина «Алмазный мой кроссворд (по Валентину Катаеву)»: «Берег. Море. "Белеет парус одинокий..." Сейчас уже трудно припомнить, кто из нас придумал эту фразу — я или дуэлянт. Да и стоит ли? Ведь позднее один из нас дописал к ней целую повесть» [33].

В 1983 году в той же Одессе была защищена кандидатская диссертация по творчеству Катаева, где об «Алмазном венце» говорилось так: «В. Катаев стремится вернуть читателю, нашим современникам память о поэтах той поры, своих друзьях и соратниках, причем рассказать о них без приукрашивания» [34].

Разительно контрастирует с этой оценкой памфлет Майи Каганской «Время назад!», опубликованный в «тамиздатском» «Синтаксисе»: «...каинова печать на катаевском лбу проступает куда более явственно, чем алмазный нимб над его головой» [35].

«Самиздат» также отозвался на книгу Катаева волной возмущенных открытых писем и критических откликов. Пример далеко не самого резкого из них — статья Б. М. Сарнова

«Величие и падение "мовизма"» 1978 года, которую ее автору довелось напечатать лишь многие годы спустя: «Немало хвалебных и даже восторженных слов можно сказать о прозе Валентина Катаева — о ее словесном изяществе, яркой метафоричности, несравненной пластической выразительности. Одного только о ней не скажешь: она стоит на крови и пророчестве. Пророческий дух русской литературы Катаева не коснулся. И только поэтому (а вовсе не потому, что он в благополучии дожил до глубокой старости) в том воображаемом "пантеоне бессмертных", куда он справедливо поместил всех героев своей книги, для него самого вряд ли могло найтись место» [36]. Сходный упрек был предъявлен Катаеву «самиздатским» автором (М. Волховским) по поводу его следующего произведения — «Уже написан Вертер»: «Я обещал выделить малую толику правды из катаевского сновидения. Она, прежде всего, в чувстве брезгливости, с которым закрываешь эту книжку некогда честного журнала <...> Работа Поисков и Памяти требует не только добросовестности, того НРАВСТВЕННОГО элементарной научной но МАКСИМАЛИЗМА, который неведом Катаеву» [37].

В «самиздатском» машинописном журнале «Сумма», выходившем в 1979—1982 годах в Ленинграде, злую пародию на произведение Катаева поместил известный, литературовед В. Я. Лакшин, лично задетый в «Венце» В этой пародии высмеивалось характерное для романа частое цитирование чужих стихотворений, а также обрывочность повествования и обилие легко разгадываемых «псевдонимов»: «Гусарик, глядя поверх собеседника презрительным взглядом, впервые прочитал свои звонкие, немного фельетонные <...> строфы: "дух изгнанья летел над грешной землей, и лучших дней воспоминанья, и снова бой. Полтавский бой!" Цитирую по памяти, не сверяя с книгой, — так эти стихи запомнились мне, так они, по правде говоря, лучше звучат и больше напоминают людей, которых я забываю» [39].

III

Уже из приведенных откликов на «Алмазный мой венец» вполне очевидно, что основная полемика развернулась вокруг отношения Катаева к персонажам своего произведения и (шире) — о степени соответствия событий, описанных в романе, реальным фактам литературного быта конца 1910-х — конца 1950-х гг.

Сам Катаев ясности в этот вопрос не внес. В одном из интервью он заявил однозначно и категорично: «...все — правда <...> Все, что я написал, за каждое слово я могу отвечать» [40]. В другом — автор «Алмазного венца» воспользовался куда более обтекаемыми и осторожными формулировками: «У меня была своя задача — написать книгу о Революции, о людях, которые безоговорочно приняли Революцию и вращались в ее магнитном поле. И еще я считал своим долгом говорить правду, такую, как я знал <...> Это свободный полет фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся у меня в памяти. В силу этого я избегал подлинных имен и даже выдуманных фамилий» [41].

Одна из целей нашего комментария как раз и состояла в возможно более доказательном и беспристрастном проведении границы на каждой конкретной странице «Алмазного венца» между «истинными происшествиями», описанными Катаевым, и «свободным полетом» его фантазии^[42].

Пусть несколько запоздало, мы стремились отозваться на призыв О. и В. Новиковых из их юбилейной статьи «Зависть. Перечитывая Валентина Катаева»: «...ученым малым и педантам стоит заниматься своим прямым делом — составлением комментариев к истинно веселым книгам, таким, как "Алмазный мой венец"» [43].

Мы сочли необходимым помимо прозвищ, имен, фактов и прямых цитат, встречающихся в «Венце», фиксировать и комментировать игровые катаевские ситуативные отсылки к классической и неклассической русской литературе: от «Обломова» Ивана Гончарова и «Женитьбы» Николая Гоголя до «Зависти» Юрия Олеши и «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского. Ведь когда Катаев пишет в своем романе: «Ей было лет шестнадцать, а я уже был молодой офицер, щеголявший своей раненой ногой и ходивший с костылем под мышкой», то это он не столько правдиво изображает свои отношения с сестрой Юрия Олеши, сколько лукаво отсылает нас к лермонтовской «Княжне Мери». Это читатель и исследователь должны понимать.

В роли полноправной «героини» выступает в «Алмазном венце» Москва — ее архитектурный облик, ее прошлое и настоящее. Московские реалии произведения Катаева откомментированы Л. М. Видгофом.

Пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность всем, кто щедро делился с нами своими знаниями, материалами и библиографическими сведениями. Особое и отдельное спасибо — В. Беспрозванному, Н. А. Богомолову, М. Боровиковой, Стефано Гарзонио, А. И. Ильф, Л. Ф. Кацису, О. А. Коростелеву, Е. Ю. Литвин, С. З. Лущику, Вл. И. Новикову, А. Е. Парнису, Е. В. и Е. Б. Пастернакам, Л. Рукману, А. Ю. Сергеевой-Клятис (составителю примечаний о Б. Пастернаке для данного комментария), А. Б. Устинову, И. Фрайману, Е. Л. Яценко, а также почившему «Гурийскому клубу» в лице А. А. Громова и М. И. Свердлова.

Цитаты из мемуарных и архивных источников в основном были приведены в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

Книга написана при финансовой поддержке Министерства образования РФ, грант для поддержки аспирантов, шифр гранта A03–1.6–8. Посвятить свою книгу мы бы хотели светлой памяти Семена Израилевича Липкина.

Мария Котова

Олег Лекманов

Комментарий к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец»

- **1.** ... таким образом, оставив далеко и глубоко внизу февральскую вьюгу <...> мы снова отправились в погоню за вечной весной... Описывается путешествие Катаева (далее К.) с женой в Европу в 1974 г.
- **2.** Думаю, что мне внушил идею вечной весны (и вечной славы!) один сумасшедший скульптор, с которым я некогда познакомился в закоулках Монпарнаса, куда меня на несколько недель занесла судьба из советской Москвы.

Он был знаменитостью сезона. В Париже всегда осенний сезон ознаменован появлением какого-нибудь гения, о котором все кричат, а потом забывают.

Я сделался свидетелем недолгой славы Брунсвика. Кажется, его звали именно так, хотя не ручаюсь. Память мне изменяет, и я уже начинаю забывать и путать имена. — Прототипом Брунсвика послужил всемирно известный ваятель, уроженец Смоленска, Осип (Иосель Аронович) Цадкин (Zadkine) (1890–1967), с 1909 г. проживавший в Париже (по адресу: 100 bis rue d'Assas). См. реплику К. о том, что образ Брунсвика в романе «Алмазный мой венец» (далее: «АМВ») «навеян образом парижского скульптора Цадкина» (Сов. культура [44]). Автор многочисленных монументальных скульптур (одна из самых знаменитых — «Большой Орфей» в парке Миддельхейм в Антверпене, 195(5 г.), Цадкин,

как и К., в Первую мировую войну добровольцем ушел на фронт. Как и К., он на войне был отравлен газами. Парижскую мастерскую Цадкина К. посетил в 1931 г. С другой стороны, творческая задача, которую ставит перед собой катаевский «сумасшедший скульптор», заставляет счесть его — пусть неполным, но alter ego автора произведения «Алмазный мой венец»: по-видимому, не случайно фамилия «Брунсвик» звучит сходно с фамилией «Брунс» (под этой фамилией в романе «Двенадцать стульев» выведен сам К., о чем упоминается на страницах «АМВ»), Фигура некоего Брунсвика, изваянная из камня, наряду с другими 30 скульптурами украшает пражский Карлов мост. Согласно разысканиям Ю. К. Щеглова, «фамилия "Брунс", видимо, одесского происхождения» (См.: Щеглов Ю. К. Комментарии // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1995. С. 629).

- 3. Он почему-то обратил на меня внимание может быть, потому, что я был выходием из загадочного для него мира советской Москвы. Об этой заграничной поездке К. см. в дневнике Вс. Иванова: «Катаев хвастался своей высокой идеологичностью за границей. А сам больше по кабакам ходил. И все знают, и всем скучно слушать его брехню» (Иванов. С. 26). В свою очередь, К. обозвал Иванова «доморощенным гением» в той своей, так и не опубликованной, заметке, где он указывал, что «с легкой руки бюрократов от литературы почему-то (?) вошло в практику без зазрения совести и не жалея государственных средств, издавать кого попало, что попало, как попало и куда попало» (ОР ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 19).
- **4.** Поверьте, что в один из дней вечной весны в парке Монсо среди розовых и белых цветущих каштанов, среди тюльпанов и роз вы наконец увидите свои изваяния, созданные из неслыханного материала... если я его, конечно, найду... Parc Monctau то есть «парк Мечты», разбитый в 1778 г. в 8-м округе Парижа. Этот парк прославлен множеством архитектурных причуд. Скульптур О. Цадкина в парке Монсо нет.
- **5.** *И вот теперь, лет через пятьдесят, мы с женой.* Эстер Давыдовной Катаевой (р. в 1913 г.) второй женой писателя (с 1934 г.). Ее рассказ о жизни с К. см.: МК.
- **6.** ...полулежали в креслах с откинутыми спинками, в коридоре между двух рядов двойных, герметически закупоренных иллюминаторов, напоминавших прописное О, которое можно было истолковать как угодно, но мною они читались как заглавные буквы некоторых имен и фамилий.

Пожалуй, один из иллюминаторов я мог бы прочесть даже как прописное Ю. Ключик. — «— Можно свистеть вальс и не только на двенадцати косточках. Я умею свистеть и ключиком... — Ключиком! Как? Покажи. У меня есть чудный ключик...» (Олеша Ю. К. Три толстяка // Олеша 1956. С.212). Ср. также в мемуарах Л. Славина о Ю. Олеше (напечатанных в сборнике, который К., без сомнения, штудировал, и где его воспоминания симптоматично отсутствуют): «Как уловить его музыкальный ключ <курсив наш. — Коммент. >, весь этот контрапункт ума, изящного лукавства, завораживающего полета мысли?» (Славин Л. И. // Об Олеше. С. 11). Ближайший друг-соперник юности и молодости К., Юрий Карлович Олеша (1899–1960), первым из литераторов появляется на

страницах «АМВ». Стилистика прозы Олеши кардинально повлияла на поэтику позднего К. Ср. с мнением В. Б. Шкловского о К.: «Он попал под влияние Олеши и никогда не мог от него освободиться» (*Чудаков А. П.* Спрашиваю Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 96) и со свидетельством Б. Е. Галанова: «...мне доводилось слышать от Валентина Петровича, что своей "новой" прозой он во многом обязан Олеше» (Галанов Б. Е. В. Катаев. Размышления о мастере и диалоги с ним. М., 1989. С. 210–211). Ср. также в конспекте, который вел Н. А. Подорольский на вечере К. 14.03.1972 г.: «Влиял Олеша. Завидовал ему "зеленой завистью"» (ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64). По воспоминаниям Е. А. Попова, на встрече с молодыми литераторами в 1977 г. К. назвал Олешу «лучшим писателем XX века», «величие которого состоит в том, что он, вместе с "ассоциативную прозу"» (Попов Е. А. Подлинная история музыкантов». М., 1999. С. 270). Об отношении Олеши к писательскому дару К. см., например, в мемуарах В. Ф. Огнева: «Помню <...>, что Юрий Карлович говорил о Катаеве, приводил его блистательные сравнения» (Огнев В. Ф. Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 263). О взаимоотношениях К. и Олеши в конце 1920-х гг. см., например, в мемуарах П. А. Маркова: «Оба они в это время продолжали серьезную в самом существе дружбу, завязавшуюся еще в Одессе, но одновременно хранили в себе нечто заговорщицкое, существовавшее лишь между ними, окрашенное иронией, которой у них было не занимать стать. При всей их дружбе они не только не походили друг на друга, но во многом были прямо противоположны, хотя бы по характеру юмора» ($Mарков \Pi$. // Об Олеше. С. 106). «В последние годы отношения между Валентином Петровичем и Юрием Карловичем были, мягко говоря, прохладными» (Хелемский Яков. Пан Малярж // Вопросы литературы. 2001. Май-июнь. С. 290), причем в этом, как правило, винят исключительно К., меж тем как Олеша якобы «не то что камня, самой крохотной песчинки» никогда не кинул «в друга своей юности» (Сарнов Б. М. Величие и падение «мовизма» // Октябрь. 1995. № 3. С. 188). Это не вполне соответствует действительности, как, впрочем, и комическое в своей наивности суждение знакомца обоих писателей Л. И. Гинцберга: «Никакой вины Катаева в том, что он преуспел больше Олеши, нет; просто он работал более целеустремленно (и меньше пил)» (Независимая газета. 2001. 3 марта. С. 8). Так или иначе, но 2.12.1955 г. Олеша писал своей матери о К.: «Я с ним поссорился лет семь тому назад, и с тех пор мы так и не сошлись. Иногда я грущу по этому поводу, иногда, наоборот, считаю, что Катаев плохой человек и любить его не надо. Тем не менее с ним связана заря жизни, мы вместе начинали» (Цит. по: Гудкова В. В. Примечания // Олеша 2001. С. 463). Ср. в воспоминаниях И. Кичановой-Лившиц о М. Зощенко: «...для меня навсегда останется загадкой, почему <...> Ю. К. Олеша был почти до робости предан Катаеву» (Кичанова-Лившии И. // Зощенко. C. 445). «M. M. И далее: <3ощенко. — Коммент. > очень огорчало то обстоятельство, что Катаев отвернулся от Олеши, и он хотел их примирить. Катаев обижал, был резок с Олешей. М. М. рассказал <...>, как он шел с Олешей по улице и встретил Катаева. Он взял Олешу за руку и не дал ему сразу уйти. Но примирение не состоялось — Катаев резко свернул в сторону и пошел прочь» (Там же. С. 445), а также в неопубликованных мемуарах И. Я. Боярского: «В наших беседах <с Олешей. — Коммент. > я почувствовал, что между Юрием Карловичем и Валентином Петровичем Катаевым была старая, неуловимая для постороннего глаза вражда. Юрий Карлович очень часто порицал Катаева за его неуважительное отношение к себе, присущие характера скупость, ему черты высокомерие» http://www.pereplet.ru/text/boyarskiy.html) (Боярский И. Литературные коллажи воспоминаниях Б. Ямпольского, где рассказывается о том, как Олеша сообщил автору

мемуаров «о каком-то очередном литературном сабантуе, обсуждавшем очередные исторические вопросы <...>: — Соболев бросал руководящие слова, хорошо поставленным голосом говорил Федин, и Катаев подкинул в общую упряжку свой грязный хвост» (Ямпольский Б. Да здравствует мир без меня // Дружба народов. 1989. № 2. С. 157–158). В мемуарах Инны Гофф, в свою очередь, приведена такая реплика К. об авторе «Трех толстяков» и молодых писателях 1930-х гг.: «Олеша окружал себя шпаной, ему нравилось почитание... Он был как подсадная утка, — потом их сажали» (Гофф. С. 18). Может быть, не лишним будет добавить, что К. не выступал на вечере памяти Олеши, состоявшемся в июне 1962 г. в ЦДЛ (См.: Литература и жизнь. 1962. 7 июня. С. 2). Тем не менее, отвечая в 1983 г. на вопрос интервьюера: «Кто был самым близким вашим другом?», К. назвал фамилию «Олеша» (Известия. 1983. 8 октября. С. 3).

- **7.** (Вроде Пушкина, закончившего «Бориса Годунова». Ай да Пушкин, ай да сукин сын!) Ср. в письме А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому (около 7.11.1825 г.): «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. Л., 1979. С. 146).
- 8. Впрочем, нельзя сказать, что это был ничем не замечательный матч: в нем принимал участие тощий, золотушного вида ришельевец в пенсне на маленьком носике, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь «нападающий века», «суперстар» мирового футбола, Богемский. <...> Его имя до сих пор легенда футбола. Речь идет о Григории Григорьевиче Богемском (1895–1957), знаменитом футболисте, выступавшем за одесские клубы «Вега» и «Спортинг-клуб», чемпионе Российской империи 1913 г. См. о нем также в записях Ю. Олеши (Олеша 2001. С. 435–437).
- **9.**.Стихи же, привлекшие мое внимание, были написаны на канцелярской бумаге, уже вполне устоявшимся почерком: круглые крупные буквы с отчетливыми связками. Ср. у В. Ф. Огнева: «На другой день я читал крупный, аккуратный почерк Ю. Олеши» (Огнев В. Φ . // Об Олеше. С. 262).
- 10. Хотя их гимназия формально ничем не отличалась от других казенных гимназий и называлась Одесская первая гимназия, все же она была некогда Ришельевским лицеем и славилась тем, что в ее стенах побывали как почетные гости Пушкин, а потом и Гоголь. А. С. Пушкин в июле 1823 г., Н. В. Гоголь зимой 1850–51 гг.
- **11.** Я подошел к нему, подбрасывая на тамбурине резиновый мячик. В тамбурин (прообраз настольного тенниса) играли круглыми ракетками без ручек.
- **12.** Мне нравились его стихи, хотя они были написаны по моде того времени немножко под Северянина. «Я писал под Игоря Северянина, манерно, глупо-изысканно <...> Катаев, к которому однажды гимназистом я принес свои стихи в весенний, ясный, с

полумесяцем сбоку вечер. Ему очень понравились мои стихи, он просил читать еще и еще, одобрительно ржал. Потом читал свои, казавшиеся мне верхом совершенства. И верно, в них было много щемящей лирики... Кажется, мы оба были еще гимназисты, а принимал он меня в просторной пустоватой квартире, где жил вдовый его отец с ним и с его братом, — печальная, без быта квартира, где не заведует женщина. Он провожал меня по длинной, почти загородной Пироговской улице, потом вдоль Куликова поля, и нам открывались какие-то горизонты, и нам обоим было радостно и приятно» (Олеша 2001. С. 171, 199). Адрес семьи К. в Одессе был: ул. Базарная, 4. Мать К., Евгения Ивановна Бачей, умерла в 1903 г. О ранних стихах Ю. Олеши см. в набросках мемуаров о нем вдовы, О. Г. Суок-Олеши: «Писать стихи начал мальчиком. Наиболее раннее было опубликовано в газете "Южный вестник" 1915 г. под названием "Кларимонда". К своим стихам относился почти враждебно, никогда их не вспоминал» (Цит. по: Гудкова В. В. Примечания // Олеша 2001. С. 443). Приведем здесь одно из самых характерных для раннего Олеши ст-ний (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр.386. Л. 4. об.):

СИРЕНЕВОЕ РОНДО

Игорю Северянину

По полям скитался целый день...
Все вокруг так солнечно и молодо...
А вдали, над дымом деревень,
Разлилось сиреневое золото...
Вдалеке кудрявится сирень,
И сирень к груди моей приколота...
Хорошо и сладостно и лень,
И горит негаснущее золото...

1915. Август.

- **13.** Время не имеет надо мной власти хотя бы потому, что его не существует, как утверждал «архискверный» Достоевский. К. (автоматически?) припоминает уничижительный эпитет, которым наделил Ф. М. Достоевского В. И. Ленин в письме к И. Ф. Арманд, оценивая роман В. Винниченко «Заветы отцов»: «...архискверное подражание архискверному Достоевскому» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. М., 1970. С. 295).
- 14. ...я подумал, что ту книгу, которая впоследствии получила название «Ни дня без строчки», ключик однажды в разговоре со мной хотел назвать гораздо лучше и без претензий на затрепанное латинское nulla dies sine linea, использованное древними, а вслед за ними и Золя; он хотел назвать ее «Прощание с жизнью», но не назвал, потому что просто не успел. Плакат с латинским изречением «Nulla dies sine linea» («Ни дня без строчки») висел у Эмиля Золя над камином. Когда К. писал «АМВ», он по-французски читал монографию Армана Лану «Бонжур, мсье Золя» (См.: Сов. культура). 1-е издание книги «Ни дня без строчки», составленной О. Г. Суок-Олешей, М. Громовым и В. Б. Шкловским на основе многолетних записей Ю. Олеши, вышло в 1965 г. Сам Олеша склонялся к заглавию «Слова, слова, слова» (см.: Олеша 2001. С. 210); ср., однако,

«катаевский» вариант заглавия с одной из поздних записей Олеши: «Прощание с миром» (Там же. С. 440).

- 15. Я же, вероятно, назову свою книгу, которую сейчас переписываю набело, «Вечная весна», а вернее всего «Алмазный мой венец», как в той сцене из «Бориса Годунова», которую Пушкин вычеркнул, и, по-моему, напрасно. См. эту сцену: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 5. Л., 1978. С. 283. Дополнительный смысловой оттенок заглавия катаевского произведения выявляется при чтении одного из эпизодов его романа «Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона» (1969–1972). Здесь рассказывается о том, как в детстве К. самостоятельно и с воодушевлением производил известный физический опыт с металлической проволокой и солью, наглядно иллюстрирующий явление кристаллизации. «Каждый раз, когда я читаю "Бориса Годунова" и дохожу до того места, где Марина говорит своей горничной: "Алмазный мой венец", я вижу черный шкаф и на нем стакан с насыщенным раствором поваренной соли, а в этом растворе блестит уже совсем готовая коронка» (Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 8. М., 1985. С. 338).
- **16.** Марина уже сделала свой выбор. Я тоже: все лишнее отвергнуто. Среди тех близких знакомых К., о ком он не пишет в «АМВ», композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953), писатели Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) и Алексей Николаевич Толстой (1883–1945).
- **17.** Для меня, хотя и не признанного, но все же поэта. Ср. у Е. Б. Рейна: «Я однажды спросил Валентина Петровича, почему он так и не выпустил книги стихов. Они ведь нравились Бунину, Мандельштаму, Багрицкому это ли не путевка в поэзию! Престарелый Катаев только развел руками и вымолвил: "Не судьба"» (.*Рейн Евгений*. «Не судьба» // Арион. 2002. № 4. С. 72).
- 18. Англия помещалась где-то среди слоев этих накоплений памяти и была порождением воображения некоего поэта, которого я буду называть с маленькой буквы эскесс. — Семен Йосифович (Осипович) Кесельман (Кессельман) (1889–1940), одесский поэт, некоторые свои стихи подписывавший псевдонимом «Эскесс» — «Эс». «Кес<ельман>» (См.: Карпенко Ю. А. Ономастические загадки В. П. Катаева // Русская речь. 1984. № 4. С. 10). Ср. с шутливым псевдонимом, под которым И. Ильф и Е. Петров спрятали поэта Николая Тихонова в своем романе «Двенадцать стульев»: «Энтих» (Двенадцать стульев. С. 305). Имена Кесельмана и К. соседствуют в мемуарах Александра Биска: «Одним из самых слабых считался у нас <в литературном кружке "Среда". — Коммент. > Валентин Катаев: первые его вещи были довольно неуклюжи; я рад сознаться, что мы в нем ошиблись. <Не> все молодые писатели вышли на большую дорогу. Очевидно, кроме таланта нужно и счастье, и уменье подать себя. Что стало, например, с Семеном Кессельманом, очень талантливым поэтом, которого я лично ставил выше всех остальных? Он прекрасно умел передать чувство одиночества в большом городе» (Цит. по: Азадовский Константин. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Новые материалы. І. Париж-СПб., 2001. С. 123). Ср. с автоаттестацией К. из альбома А. Крученых: «Нас в Одессе было трое "популярных" поэтов: Багрицкий, Катаев,

Олеша. На этой тройке Одесса и въехала в Москву» (Цит. по: Сто альбомов (Коллекция А. Е. Крученых). Сообщ. Н. Г. Королевой // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1980. С. 300).

19. ...написавшего: «Воздух ясен, и деревья голы<...> Старый гномик над оконной нишей вновь зажег решетчатый фонарь». — Благодаря любезности С. З. Лущика, мы имеем возможность привести полный текст этого ст-ния С. Кесельмана 1914 г. по изд: Шелковые фонари: Стихи. Одесса, 1914. С. 24:

ЗИМНЯЯ ГРАВЮРА

Воздух ясен и деревья голы, Хрупкий снег — как голубой фаянс; По дорогам Англии веселой Вновь трубит старинный дилижанс.

Вечер тих. За дальней снежной крышей Гаснет в небе золотая гарь; У таверны, над оконной нишей Гном зажег решетчатый фонарь.

У ворот звенит твоя коляска, Ты взошла на скользкое крыльцо, — У камина вспыхнувшая сказка Озарила бледное лицо.

Наше счастье юное так зыбко В этот зимний, в этот тихий час, Словно Диккенс с грустною улыбкой У камина рассказал о нас.

- **20.** Однако в темных, закопченных маленьких кирпичиках иных фабричных корпусов наглядно выступала старомодность девятнадцатого века викторианской Англии, Великобритании, повелительницы полумира. Ср.: «А над Невой посольства полумира» (О. Мандельштам. «Петербургские строфы». 1913).
- **21.** ...владычицы морей и океанов, именно такая, какою ее видел Карл Маркс. Карл Маркс (1818–1883) жил в Лондоне с 1849 г. и до самой своей смерти.
- **22.** ...воображения, занятого воссозданием стихов все того же эскесса: «Вы плачете, Агнесса, вы поете<...> Над старой книгой в темном переплете весна качает голубой фонарь...» Благодаря любезности С. З. Лущика, мы имеем возможность привести полный текст этого ст-ния С. Кесельмана по изданию: Огоньки. Литературнохудожественный еженедельник. Одесса. 1918. 8 июня (27 мая). <С.1>:

ΑΓΗΕССΑ

Лишь только в сумраке закроют двери И грусть моя сольется с полутьмой,

Из синевы далеких повечерий Плывет в мечтах старинный Кентербери, Засыпан белой английской зимой.

Я вижу Вас, притихшая Агнесса, И розы платья Вашего цветут То в церкви, где звенит простая месса, То у камина, где школяр-повеса В скрипучем кресле учит скучный ut.

Я помню голос нежный и несмелый, Каштанов треск на золотых дровах, Когда померкнет день оледенелый, — И ветвь темно-зеленую омелы Над очагом веселым Рождества.

Вы плачете, Агнесса, Вы поете О юности фарфоровой, — как встарь, Мелькают дни в стремительном полете: Над книгой сказок в ветхом переплете Весна качает голубой фонарь...

Все тише песня синих повечерий; В глухом снегу сверкающей пурги Все призрачней старинный Кентербери. Бледнеет ночь — и у стеклянной двери Я слышу Ваши тихие шаги.

- **23.** Он <эскесс> был замечательный пародист, и я до сих пор помню его пародию на входившего тогда в моду Игоря Северянина. Чьи предреволюционные стихи настолько часто подвергались пародированию, что это дало повод современной исследовательнице назвать Северянина «пародической личностью» (Кушлина О. Б. Уж не пародия ли он? // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. М., 1993. С. 117–118).
- 24. «Кто говорит, что у меня есть муж, по кафедре истории прозектор. Его давно не замечаю уж. Не на него направлен мой прожектор. Сейчас ко мне придет один эксцесс, так я зову соседа с ближней дачи, мы совершим с ним сладостный процесс сначала так, а после по-собачьи...» Свою пародию эскесс пел на мотив Игоря Северянина, растягивая гласные. Манера Северянина читать свои стихи описана, например, в мемуарах Б. К. Лившица: «Как известно, он пел свои стихи на два-три мотива из Тома: сначала это немного ошарашивало, но, разумеется, вскоре приедалось» (Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 457). В своей пародии С. Кесельман вышучивает не какое-то конкретное поэтическое произведение Северянина, но сюжеты и экзотический словарь сразу нескольких его ст-ний. Ср., например, в северянинском «Грандиозе» (1910): «Все наслажденья и все эксцессы // Все звезды мира и все планеты // Жемчужу гордо в свои сонеты, // Мои сонеты колье принцессы!», а также в его ст-нии «Письмо из усадьбы» (1910), написанном от лица истомившейся по

любовнику женщины. Упомянем также о юмористическом рассказе С. Кесельмана «Муж», где сходная ситуация описана от лица любовника (См.: Молодой журнал. <Одесса>. 1913. № 1. С. 44—46). В этом же номере «Молодого журнала» были помещены «Литературные заметки» Г. Цагарели, где творчество Кесельмана характеризовалось следующим образом: «...несмотря на молодость поэта С. Кесельмана, в его стихах можно найти все признаки наличности поэтического темперамента и художественного чутья автора. Обстановка поэзии С. Кесельмана: вечер, сумерки. В полумгле неясные очертания предметов, людей, притихшие звуки. Я люблю стихи С. Кесельмана за их нежность, временами доходящую до сентиментальности, за тонкий, покрытый полупрозрачной дымкой рисунок» (Там же. С. 51).

- **25.** ...в полутемном зале литературного клуба, в просторечии «литературки», куда Петр Пильский, известный критик, пригласил через газету всех начинающих поэтов, с тем чтобы, выбрав из них лучших, потом возить их напоказ по местным лиманам и фонтанам, где они должны были читать свои стихи в летних театрах. — Подробнее о (Одесском Литературно-Артистическом «Литературке» обшестве) например: Азадовский Константин. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Новые материалы. І. Париж-СПб., 2001. «Кружок молодых поэтов» был организован журналистом и фельетонистом Петром Моисеевичем Пильским (1879–1941), который 27 мая 1914 г. напечатал в одесских газетах следующее объявление: «Поэтам Одессы. Этой зимой возникла мысль об устройстве вечера молодых поэтов юга <...>. Я прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня в 9 час. вечера» (Цит. по: Лушик С. У истоков южно-русской литературной школы // Дерибасовская-Ришельевская. Одесский альманах. 2002. № 10. Одесса. С.195). 15 июня 1914 г. состоялся вечер «Кружка молодых поэтов» в курзале Хаджибейского лимана (дачное место под Одессой).
- 26. На этом отборочном собрании, кстати говоря, я и познакомился с птицеловом и подружился с ним на всю жизнь. История знакомства К. с Э. Багрицким подробно описана К. в мемуарном очерке «Встреча» (См.: Катаев В. П. // О Багрицком 1936). Эдуард Григорьевич (Годелевич) Багрицкий (наст. фамилия Дзюбин, 1895–1934) был одним из ближайших друзей К. одесского периода. Согласно воспоминаниям С. Г. Гехта, Багрицкий «читал наизусть <...> стихи В. Катаева, которые вряд ли помнит сам Катаев» (Гехт С. // О Багрицком 1936. С. 239). Однако в 1935 г. К. говорил Г. И. Полякову, что Багрицкий «мог сделать безумную гадость человеку, ничего ему не сделавшему» (Спивак. С. 140). Над своим программным ст-нием «Птицелов» Багрицкий работал с 1918 по 1926 г. Ср. также в его автобиографической поэме «Февраль» (1933–1934): «Как я, рожденный от иудея, // Обрезанный на седьмые сутки, // Стал птицеловом я сам не знаю!» Заглавие «Птицелов» носит одна из главок мемуаров о Багрицком К. Г. Паустовского (См.: Паустовский К. Г. // О Багрицком 1973. С. 47).
- **27.** Я думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи. Ср. у Ю. Олеши: «Также был еще в Одессе поэт Семен Кессельман, о котором среди нас, поэтов более молодых, чем он, ходила легенда, что его похвалил Блок... Этот Кессельман, тихий еврей с пробором

лаковых черных волос...» (Олеша 2001. С. 115). Вдова С. Кесельмана уверяла, «что никогда не слышала от мужа о блоковском письме: "Не может быть, чтобы он не сказал бы ей об этом"» (разговор 27 июля 1978) (Сообщено С. 3. Лущиком).

- **28.** Птицелов написал на него следующую эпиграмму: «Мне мама не дает ни водки, ни вина. Она твердит: вино бросает в жар любовный; мой Сема должен быть как камень хладнокровный, мамашу слушаться и не кричать со сна». Эту эпиграмму приводит в своих воспоминаниях об Э. Багрицком и З. Шишова: «Об одесском поэте Семене К., который появлялся в обществе исключительно об руку с мамашей, Эдя написал: <далее следует текст эпиграммы. Коммент.>» (См.: Шишова З. К. // О Багрицком 1936. С. 198).
- **29.** Одно из его немногочисленных стихотворений (кажется, то, которое понравилось Блоку) считалось у нас шедевром. Он сам, читал его с благоговением, как молитву: «Прибой утих <...> Но знает кормчий ваш седой, что ходят по морю святые и носят звезды над водой...» Благодаря любезности С. З. Лущика мы имеем возможность привести полный текст этого ст-ния С. Кесельмана 1913 г. по изданию: Одесские новости. 1915. 22 марта (4 апреля). С. 2 (возможно, К. предположил, что именно это ст-ние понравилось Блоку потому, что оно позднее было перепечатано в известном петроградском журнале: Новый Сатирикон. 1916. № 49 (1 декабря). С. 5):

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ

Прибой утих. Молите Бога, Чтоб был обилен наш улов. Страшна и пениста дорога По мутной зелени валов.

Печальны песни нашей воли, Простор наш древен и велик, Но нас хранит на зыбком поле Прибитый к мачте темный лик.

Туманны утренние зори, Плывет сентябрь по облакам; Какие сны на синем море Приснятся темным рыбакам?

Темна и гибельна стихия, Но знает кормчий наш седой, Что ходят по морю святые И носят звезды над водой.

30. <После революции эскесс> поступил на работу в какое-то скромное советское учреждение, кажется даже в губернский транспортный отдел, называвшийся сокращенно юмористическим словом «Губтрамот». — На самом деле, после революции С. Кесельман работал юрисконсультом в одесском Гостиничном тресте. В Губтрамоте служил персонаж популярной одесской песенки М. Э. Ямпольского «Ужасно шумно в

доме Шнеерсона...» Соломон. Эта песенка цитируется в повести К. Г. Паустовского «Время больших ожиданий» (подсказано нам Н. А. Богомоловым).

- 31. ...во время Великой Отечественной войны и немецкой оккупации вместе со своей больной мамой погиб в фашистском концлагере в раскаленной печи с высокой трубой, откуда день и ночь валил жирный черный дым... С. Кесельман умер своей смертью, от сердечной болезни, перед войной. В начале оккупации вдова поэта, Милица Степановна Заркова, опасаясь надругательства над могилой мужа, убрала с кладбища и спрятала надгробную табличку с именем Кесельмана. Мать поэта скончалась задолго до этого, не позднее самого начала 1930-х гг. (Сообщено С. 3. Лущиком).
- **32.** Не могу взять грех на душу и назвать их подлинными именами. Лучше всего дам им всем прозвища, которые буду писать с маленькой буквы, как обыкновенные слова: ключик, птицелов, эскесс... Читатели по-разному отнеслись к этому приему К. Одни принялись увлеченно разгадывать «псевдонимы», под которыми автор «Венца» спрятал персонажей своего произведения (см., например: Боярский И. Литературные коллажи // http://www.pereplet.ru/text/boyarskiy.html). Другие участвовать в предложенной К. «литературной викторине» желания не изъявили (см. предисловие к настоящему комментарию).
- 33. Исключение сделаю для одного лишь Командора. Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930), чей «псевдоним» в «АМВ», по замечанию современного исследователя, отразил сочетание Маяковском «бендеровского В величественностью Каменного Гостя» (Ронен О. «Инженеры человеческих душ»: к истории изречения // Лотмановский сборник. 2. М., 1997. С. 393). В «АМВ» о В. Маяковском говорится часто, но понемногу, вероятно, потому, что до этого он уже побывал одним из главных героев катаевской повести «Трава забвенья» (1964–1967) (далее ТЗ). О портрете Маяковского в ТЗ не жаловавшая Катаева Л. Ю. Брик писала Эльзе Триоле (6.5.1967 г.): «Все наврано!! Все абсолютно не так» (Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. (1921–1970). М., 2000. С. 510). См. также иронические строки из стния Маяковского «Соберитесь и поговорите-ка» (1928): «Мы знаем, // чем // фарширован Катаев, // и какие // формы у Катаева», а также реплику Маяковского об очерке К. «То, что я видел» (Литературная газета. 1929. № 11), прозвучавшую в выступлении поэта на Дне комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 г.: «Очень часто говорят, что писатель должен войти в производство, а для этого какой-нибудь Катаев покупает за сорок копеек блокнот, идет на завод, путается там среди грохота машин, пишет всякие глупости в газете и считает, что он свой долг выполнил. А на другой день начинается, что это — не так и это — не так» (Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 12. М., 1959. С. 426). Несмотря на столь жесткую критику, К. все же отстаивал свой очерк. См. его записку в изд-во «Земля и Фабрика»: «В РИО Зиф'а. Согласен на перепечатку очерка "То, что я видел" в сборнике о социалистическом соревновании. Валентин Катаев» (ОР ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 22). По сведениям, исходящим от недоброжелателей К., в последний вечер жизни автора «Во весь голос» К. «подсказал Маяковскому выход», «крикнув ему вслед: "Не вздумайте повеситься на подтяжках!"» (Гофф. С. 21).

- **34.** ...он < Командор> уже памятник и возвышается над Парижем поэзии Эйфелевой башней, представляющей собой как бы некое заглавное печатное А. Высокая буква над мелким шрифтом вечного города. Аллюзия на поэтический цикл В. Маяковского «Париж» (1924–25). В 1925 г. этот цикл вышел отдельной книжкой, причем на обложке работы А. М. Родченко было помещено крупное фото Эйфелевой башни.
- 35. А, например, щелкунчик. Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938). Его отношение к К. было двойственным. С одной стороны, в своей «Четвертой прозе» (1929/30) О. Мандельштам назвал К. «мерзавцем» (См.: Мандельштам О. Э. Шум времени. М., 2002. С. 166). С другой стороны, согласно воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, «О. М. хорошо относился к Катаеву: "В нем есть настоящий бандитский шик", — говорил он» (Воспоминания. С. 298). Ср. в конспекте, который Н. А. Подорольский вел на вечере К. 14.03.1972 г.: «С Мандельштамом дружили» (ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64). Заслуживает быть упомянутым то обстоятельство, что в 1930-е гг. К. помогал семье Мандельштамов материально. Свидетельство В. В. Шкловской-Корди: «Осип Эмильевич говорил Катаеву: "Почему ты так... Назначь мне сто рублей в месяц. Тебе это ничего не стоит. Но регулярно. Чтобы мне не просить каждый раз"» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 108). В письме-доносе Н. И. Ежову от 16.3. 1938 г. ген. секретарь СΠ **CCCP** В. П. Ставский сообщал: < Мандельштама. — Коммент. > поддерживают, собирают для него деньги, делают из него "страдальца" — гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин КАТАЕВ, И. ПРУТ и другие литераторы, выступали остро» (Цит. по: Поляновский Э. Гибель Осипа Мандельштама. СПб. — Париж, 1993. С. 126). См. также протокол допроса О. Мандельштама от 17.05.1938 г. (Шенталинский В. А. Рабы свободы: в литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 247). Появление в «АМВ» прозвища Мандельштама вслед за прозвищем Маяковского было «предсказано» в ТЗ, где описана встреча этих двух поэтов в магазине Елисеева: Мандельштам «был в этот момент деревянным щелкунчиком с большим закрытым ртом, готовым раскрыться как бы на шарнирах и раздавить Маяковского, как орех» (ТЗ. С. 360).
- **36.** ...он сам однажды, возможно даже бессознательно, назвал себя в автобиографическом стихотворении с маленькой буквы: «Куда как страшно нам с тобой, товарищ большеротый мой. Ох, как крошится наш табак, щелкунчик, дружок, дурак! А мог бы жизнь просвистать скворцом, заесть ореховым пирогом... Да, видно, нельзя никак». Приводимое К. стих. О. Мандельштама 1930 г. на самом деле обращено к жене, Надежде Яковлевне Мандельштам (урожд. Хазиной) (1899—1980).
- **37.** Ю. О. я уже назвал ключиком. Ведь буква Ю это, в конце концов, и есть нечто вроде ключика. А остальные прописные О иллюминаторов были заглавные буквы имен его матери и жены. Ольги Владиславовны Олеши и Ольги Густавовны Суок (о них см. примеч. № 284, 315).

- 38. Подобно донне Анне, скрестившей на сердце руки, мы видели неземные сны, но, проснувшись, тотчас забывали их. — «Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, // Донна Анна видит сны...» (Ал. Блок. «Шаги Командора», 1912). Цитата из этого блоковского стния (ключевого подтекста сразу нескольких эпизодов «АМВ») в данном случае предсказывает появление Э. Багрицкого уже в следующем абзаце произведения К. Чтение «Шагов Командора» описано многими мемуаристами, Багрицким Г. Н. Мунблитом: «Прочел он "Шаги командора", в которых по-блоковски волшебно и страшно описаны последние часы "познавшего страх" Дон-Жуана. В тех местах, где, словно звон погребального колокола, повторяется имя донны Анны, Багрицкий понижал голос и почти пел, раскачиваясь и притоптывая ногой» (Мунблит Γ . H. Рассказы о писателях. М., 1989. С. 31).
- **39.** ...некогда, давным-давно, еще до первой мировой войны, до моего знакомства с ключиком, птицелов стоял на сцене дачного театра. В своей автобиографии Э. Багрицкий сообщает, что стихи он «начал писать» в 1912–1913 гг. (См.: Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 229). Однако те два ст-ния, которые цитирует далее К., написаны в 1915 г. Речь в этом эпизоде «АМВ» идет о 1914 г.
- 40. Отсутствие гимназического пояса, а также гимназическая куртка со светлыми пуговицами, обшитыми для маскировки серой материей, делали его похожим на выгнанного ученика или экстерна: предосторожность не лишняя, так как учащимся средних учебных заведений строго запрещались публичные выступления. За это беспощадно выгоняли с волчым билетом. Ср. в мемуарах Б. Б. Скуратова о том, как они с Э. Багрицким посещали одесскую пивную, «обмотав пуговицы ученических тужурок специально изготовленными черными коленкоровыми лентами и запрятав подальше форменные фуражки» (Скуратов Б. // О Багрицком 1973. С. 47). В мемуарном очерке К. «Встреча» молодой Багрицкий предстает «юношей в форменной куртке с отрезанными пуговицами» (Катаев В. П. // О Багрицком 1936. С. 177).
- **41.** Наш товарищ из аристократов, барон-фон, одолжил мне свою визитку, шелковый галстук с модным рисунком «павлиний глаз». Катаевский приятель Владимир фон Дитрихштейн (1889–1967). Его шаржированный портрет см.: Т3. С. 226–228.
- **42.** Нам с башен рыдали церковные звоны, для нас подымали узорчатый флаг, а мы заряжали, смеясь, мушкетоны и воздух чертили ударами шпаг, рыча и брызгая слюной, выкрикивал птицелов. Чуть более обширный отрывок из этого, по-видимому, не сохранившегося ст-ния Э. Багрицкого 1912 или 1913 г., приведен в мемуарах К., напечатанных в сборнике: О Багрицком 1936. С. 182.
- **43.** ... зловеще перекошенный рот при слове «смеясь» обнаруживал отсутствие переднего зуба. Ср. в мемуарах З. Шишовой: «У Багрицкого было всего три изъяна: не хватало переднего зуба, не сгибался палец на правой руке, и щеку пересекал шрам ("фистула" знали мы, "сабельный шрам" думали девушки)» (Шишова З. К. // О

- Багрицком 1973. С. 67) и А. Штейнберга: «...на ржавой кровати в белом войлочном ламаистском халате, как буддийский монах из Тибета, поджав под себя ноги, сидел громадного размера мужчина с огромной копной волос цвета перца-соли и с выбитым передним зубом» (Штейнберг А. К верховьям. М., 1997. С. 303).
- **44.** Слова «чертили ударами шпаг» он подкреплял энергичными жестами, как бы рассекая по разным направлениям балаганный полусвет летнего театра воображаемой шпагой. Ср. с описанием манеры чтения стихов молодым Э. Багрицким в мемуарах П. Ершова: «Багрицкий <...> охотно и блестяще читал свои поэмы (у него и лирические стихи превращались в поэмы), широко размахивая рукой, подчеркивая музыку стиха <,> особо скандируя» (Зеленая лампа. С. 3).
- **45.** ...и даже как бы слышался звук заряжаемых мушкетонов, рыдание церковных звонов с каких-то башен по всей вероятности, зубчатых и прочей, как я понял впоследствии, «гумилятины». Упрек, которым советские критики отделывались от ранних стихов автора «Смерти пионерки». Ср. с признанием самого Э. Багрицкого, сделанным С. И. Липкину в 1920-м г.: «"Я его любил, но теперь с ним прощаюсь, другая жизнь у нас, хочу ею дышать"» (Липкин С. И. Страничка автобиографии // Липкин С. И. Декада. М., 1990. С. 7). См. также в «Стихах о поэте и романтике» (1925) Багрицкого: «Депеша из Питера: страшная весть // О черном предательстве Гумилева».
- **46.** Птицелов принадлежал к той элите местных поэтов, которая была для меня недоступна. Ср., например, у А. Биска: «Самым талантливым мы считали Багрицкого, мы все увлекались его первыми стихами, в них было много силы и красок, бесшабашной удали» (Цит. по: Азадовский Константин. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Новые материалы. І. Париж-СПб., 2001. С. 122) и у А. Е. Адалис: «В юности, в Одессе, Эдя считался нашим главарем» (Адалис А. // О Багрицком 1973. С. 256).
- **47.** ...для этой элиты выпускались альманахи квадратного формата, на глянцевой бумаге, с шикарными названиями «Шелковые фонари», «Серебряные трубы», «Авто в облаках» и прочее в этом роде. В альманахах «Серебряные трубы» (1915) и «Авто в облаках» (1915) Э. Багрицкий печатал свои стихи. В альманахе «Шелковые фонари» (1914) его произведения опубликованы не были.
- **48.** Когда наскучат ей лукавые новеллы, и надоест лежать в плетеных гамаках, она уходит в порт смотреть, как каравеллы из дальних стран плывут на темных парусах, читал птицелов с упоением свою знаменитую «Креолку», от палуб кораблей так смутно тянет дегтем... И прочее. Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Креолка» 1915 г. (в котором, отметим, появляется «смеющийся мулат»; эти строки К. намеренно (?) не цитирует. В одной из последующих сцен «АМВ» поэзия Багрицкого будет сопоставлена с поэзией Б. Пастернака «мулата»).

- **49.** Видимо, все это он позаимствовал из пиратских романов Стивенсона, которые, читал на уроках, пряча под парту журнал «Мир приключений». Ср. в рассказе К. «Бездельник Эдуард» об излюбленном времяпрепровождении Э. Багрицкого: «...он совершенно не вставал с постели, с утра до ночи читал романы Стивенсона, отрываясь от чтения лишь для еды» (БЭ. С. 17).
- **50.** Он ютился вместе со всеми своими книгами приключений, а также толстым томом «Жизни животных» Брема его любимой книги. «Крепче Майн-Рида любил я Брэма! // Руки мои дрожали от страсти, // Когда наугад раскрывал я книгу... // И на меня со страниц летели // Птицы, подобные странным буквам, // Саблям и трубам, шарам и ромбам» (Из поэмы Э. Багрицкого «Февраль», 1933–1934).
- 51. Он ютился <...> на антресолях двухкомнатной квартирки (окнами на унылый, темный двор) с традиционной бархатной скатертью на столе, двумя серебряными подсвечниками и неистребимым запахом фаршированной щуки. Ср. в записях Ю. Олеши: «...мне вспомнилась его затхлая еврейская квартира в Одессе, с большими и неуютными предметами мебели, с клеенкой на обеденном столе и окнами, выходящими в невеселый двор <...> Багрицкий болел бронхиальной астмой, унаследованной им от отца, разорившегося, а может быть, не успевшего разбогатеть торгового маклера, которого я видел только один раз, выходящим из дверей с керосиновой лампой в руках» (Олеша 2001. С.170). Ср., однако, в записях Г. И. Полякова об имущественном положении отца поэта, Годеля Дзюбина (втор. половина 1860-х-1919?): «Семья была средней зажиточности, с достатком, имелась домашняя работница» (Спивак. С. 91). Ср. также в мемуарах Б. В. Бобовича: «Жили Дзюбины на Ремесленной улице в маленькой двухкомнатной квартире, уютной, хорошо прибранной» (Бобович Б. Эдуард Багрицкий. К 75-летию со дня рождения // Книжное обозрение. 1970. № 44. С. 10).
- **52.** Его стихи казались мне недосягаемо прекрасными, а сам он гением. Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис! Дионис! декламировал он на бис свое коронное стихотворение... Здесь и далее неточно цитируются строки из ст-ния Э. Багрицкого «Дионис» (1915).
- **53.** Даже небольшой шрам на его мускулисто напряженной щеке след детского пореза осколком оконного стекла воспринимался как зарубцевавшаяся рана от удара пиратской шпаги. Ср. в цитировавшихся выше в комментарии воспоминаниях 3. Шишовой, а также в мемуарах Б. Б. Скуратова: «Он сидел на широкой кровати с черной повязкой на долго не заживающей ране на щеке (последствия флюса)» (Скуратов Б. Б. // О Багрицком 1973. С. 49).
- **54.** Прошло более полувека <...> Угон самолетов уже стал делом обыкновенным. В частности, 11 апреля 1974 г., то есть в том же году, когда К. путешествовал по Европе, террористическая организация Народный фронт освобождения Палестины захватила самолет с заложниками в городе Аль-Хаис (Саудовская Аравия).

- 55. ...я вспомнил давнее-предавнее время и наше путешествие с папой и маленьким моим братом, братиком Евгением Петровичем Катаевым (псевд. Петров, 1903–1942), о взаимоотношениях которого с К. жена автора «АМВ», Эстер Катаева, вспоминала: «Когда Валя откуда-нибудь приезжал, первое, что он делал, это звонил Женьке» (МК). Выразительную деталь давнего итальянского путешествия семьи Катаевых в Италию, касающуюся будущего Евгения Петрова, находим в романе К. «Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона», где рассказывается, что «в Милане возле знаменитого собора его сбил велосипедист, и он чуть не попал под машину» (Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 8. М., 1985. С. 82–83).
- **56.** <Гомер> даже эмпиричен, как и подобает подлинному мовисту: что увидел, то и нарисовал, не стараясь вылизать свою картину. «Бессонница, Гомер, тугие паруса. Я список кораблей прочел до половины...» Оказывается, простой список кораблей это не статистика, а поэзия. Неточно цитируется одноименное ст-ние О. Мандельштама 1915 г.
- **57.** ...он, изнемогая от приступов астматического кашля, в рубашке и кальсонах, скрестив по-турецки ноги, сидел на засаленной перине и, наклонив лохматую нечесаную голову, запоем читал Стивенсона, Эдгара По или любимый им рассказ Лескова «Шер-Амур», не говоря уж о Бодлере, Верлене, Артюре Рембо, Леконте де Лиле, Эредиа, и всех наших символистов, а потом акмеистов и футуристов. Имена из этого списка кочуют из мемуаров в мемуары об Э. Багрицком. Исключение: свидетельство К. о том, что поэт любил рассказ Н. С. Лескова «Шерамур (Чрева-ради юродивый)» (1879).
- **58.** Он первый из нас, левантинцев, ушел в ту страну, откуда нет возврата, нет возврата... Левантинцев то есть потомков европейцев, смешавшихся с сирийскими и ливанскими арабами. В данном случае К. шутливо называет левантинцами одесситов. Ср. в статье В. Б. Шкловского «Юго-Запад» (1933) об Одессе: «Город, когда-то бывший городом анекдотов, город русских левантинцев <...> Одесские левантинцы люди культуры Средиземного моря были, конечно, западниками» (Шкловский. С. 471, 472). Ср. также у К. Г. Паустовского: «У нас в Советском Союзе есть свои "левантийцы". Это "черноморцы" <...> люди <...> жизнерадостные, насмешливые, смелые и влюбленные без памяти в свое Черное море» (Паустовский К. Г. Золотая роза // Паустовский К. Г. Повести. М., 1980. С. 647–648).
- **59.** Раз уж я заговорил о птицелове, то не могу не вспомнить тот день, когда я познакомил его с королевичем. Сергеем Александровичем Есениным (1895–1925). Достоверность некоторых страниц «АМВ», посвященных взаимоотношениям К. с этим поэтом, весьма сомнительна. Создается впечатление, что их шапочное знакомство под пером мемуариста сознательно преображено в закадычную дружбу. Ср., например, с не подтвердившимся (в чем будет иметь возможность убедиться читатель этого комментария) предположением Е. А. Евтушенко: «Может быть, <...> история его

- <К. Коммент.> драки с Есениным, когда они катились по лестнице из квартиры Асеева, <...> есть плод безудержно щедрой фантазии?» (Литературная газета. 1997. 12 февраля. С. 13).
- **60.** Кажется, они птицелов и королевич понравились друг другу. О восприятии С. Есениным поэзии Э. Багрицкого см. в мемуарах В. Б. Шкловского: «Это было на углу Тверской и Леонтьевского переулка. Сюда нас привел с улицы Есенин. Есенин был с молодым, похожим на него, белокурым человеком <Багрицким. Коммент. >. Тот был повыше Есенина и с таким же, как будто уже налитым водою, бледным лицом. Багрицкий читал "Стихи о соловье и поэте" <... > Есенин не слушал, не принимал» (Шкловский В. Б. // О Багрицком 1936. С. 295).
- 61. Разговорившись, мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время еще стоял на своем законном месте, в голове Тверского бульвара, лицом к необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его маленьким золотым луковкам. Памятник А. С. Пушкину был открыт в начале Тверского бульвара в 1880 г. (скульптор А. Опекушин, архитектор И. Богомолов). На том месте, где сейчас находится Пушкинская площадь, в 1646 г. была построена церковь Страстной Богоматери (в церкви находилась икона Богородицы, где были изображены также орудия, которыми мучили Христа). В 1654 г. был основан Страстной монастырь. В 1937 г. он был снесен, а площадь переименована из Страстной в Пушкинскую в связи со 100-летием со дня гибели поэта. В 1950 г. здесь было закончено устройство сквера, и на площади был установлен перенесенный с Тверского бульвара памятник Пушкину.
- **62.** Недаром же Командор написал, обращаясь к Александру Сергеевичу: «На Тверском бульваре очень к вам привыкли». Из ст-ния В. Маяковского «Юбилейное» (1924).
- **63.** Желая поднять птицелова в глазах знаменитого королевича, я сказал, что птицелов настолько владеет стихотворной техникой, что может, не отрывая карандаша от бумаги, написать настоящий классический сонет на любую заданную тему <...>

Птицелов взял у королевича карандаш и на обложке толстого журнала «Современник», который был у меня в руках, написал «Сонет Пушкину» по всем правилам: пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе <...> Что он там написал — не помню.

Королевич завистливо нахмурился и сказал, что он тоже может написать экспромтом сонет на ту же тему. Он долго думал, даже слегка порозовел, а потом наковырял на обложке журнала несколько строчек.

- Сонет? подозрительно спросил птицелов.
- Сонет, запальчиво сказал королевич и прочитал вслух следующее стихотворение: Пил я водку, пил я виски, только жаль, без вас, Быстрицкий! Мне не нужно адов, раев, лишь бы Валя жил Катаев. Потому нам близок Саша, что судьба его как наша. Ср. в воспоминаниях И. А. Рахтанова о том, как Э. Багрицкий «в пятнадцать минут», на пари, должен был придумать стихотворение о медведе для детей. «Пари было выиграно» (Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1960. С. 112–113). Свой вариант ст-ния о медведе

(соревнуясь с Багрицким?) сочинил и Ю. Олеша, горделиво констатировавший в альбоме, составленном А. Е. Крученых: «Медведь. Сонет на заданную тему, написанный в 12 минут (честное слово!)» (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 69). Приведем здесь текст этого сонета Олеши по автографу (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 390. Л. 24):

МЕДВЕДЬ (ЭКСПРОМТ-ШУТКА)

сонет

Его лицо, как бронза или медь — Сожженное морозом, как пожаром — Под солнцем, что выкатывалось шаром, Он шел, чтоб победить иль умереть...

Его хватал кустарник, точно сет<ь>, А он шагал, дыша огнем и паром, — Нож запылал, и, сломленный ударом, К ногам охотника упал медведь.

И возвращался он, сугробы руша. Тяжелая за ним влеклася туша, Он уставал, он падал, изнемог.

О, если бы, ножу слепому веря, Я, как охотник, уложил бы зверя И положил ковром у ваших ног.

В записях Олеши рассказывается, как Багрицкий «в пять минут» сочинил сонет на тему «камень», дабы посрамить одесского «буржуазного профессора». Из этого испытания он также вышел победителем: «— Простите меня! — кричал профессор. — Я верю вам! Верю! Хоть и трудно поверить, но верю!» (Олеша 2001. С. 172–175). См. также у Л. Я. Гинзбург: «Одно из проявлений блестящего профессионализма Багрицкого — его пятиминутные сонеты <...> У меня сохранился автограф одного из этих сонетов-импровизаций. Написан он в Кунцеве, в январе 1928 года, на заданную мною тему: "Одесса". Багрицкий написал его в шесть с половиной минут, то есть опоздал на полторы минуты. Он был огорчен этим, сердился и говорил, что мы, гости, мешали ему своими разговорами» (Гинзбург. С. 337). Экспромт Есенина был действительно записан на обложке журнала «Современник». (1925. Январь. № 1) (РГАЛИ. Ф. 3100. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 5.). Он приводится с небольшой неточностью (у Есенина: «Нам не нужно...» и «только б Валя...»). Как «подмалевком» Есенин в данном случае воспользовался собственными строками «Я скажу: "Не надо рая..."» из ст-ния «Гой ты, Русь моя родная...» (1915). К. умалчивает о том, что он тоже принял участие в описываемом поэтическом соревновании. Приведем здесь сонет К. «Разговор с Пушкиным»:

Когда закат пивною жижей вспенен И денег нету больше ни шиша, Мой милый друг, полна моя душа Любви к тебе, пленительный Есенин.

Сонет, как жизнь, суров и неизменен, Нельзя прожить, сонетов не пиша. И наша жизнь тепла и хороша, И груз души, как бремя звезд — бесценен. Нам не поверили в пивной в кредит, Но этот вздор нам вовсе не вредит. Доверье... Пиво... Жалкие игрушки.

Сам Пушкин нас благословляет днесь: Сергей и Валентин и Эдуард — вы здесь? — Мы здесь. — Привет. Я с вами вечно. Пушкин.

(Цит. по: Кошечкин С. П., Юсов Н. Г. Комментарий // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7ми тт. Т. 4. М., 1996. С. 469). Сохранились автографы экспромтов К. и Есенина с комментариями автора «АМВ», датировавшего этот эпизод ранней осенью 1925 г.: «По условиям "конкурса" на тему Пушкин (под памятником которого мы сидели) <надо было написать > каждый из нас должен был написать по сонету. Я, как весьма натренированный в этой форме, быстро накатал "сонет". Есенин же долго слюнил карандаш, потел, сонета у него не вышло, и он написал вышеприведенные стишки» (курсивом в ломаных скобках отмечены зачеркнутые К. слова. РГАЛИ. Ф. 3100. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 6.) Далее К. приводит стихи Есенина: «Не уходи <,> побудь со мной <,> // Ведь жизнь моя // как ночь темна. // Пил я водку <,> пил я виски <,> // Только жаль <,> без Вас, Быстрицкий <!> // Нам не нужно адов <,> раев <,> // Только б Валя жил Катаев <.> // Потому нам близок Саша <,> // Что судьба его <,> как наша» (Там же. Л. 7.) Под ст-нием К. приписал примечание: «Есенин допустил явную описку, написав "Быстрицкий" вместо "Багрицкий", т. к. стихи сочинялись на конкурс со мной и Багрицким, с которым я только что познакомил Есенина. B<.> Катаев» (Там же). Сонет Багрицкого не запомнился К., вероятно, потому, что он «сказал свой сонет наизусть» (Там же). В интервью, опубликованном уже после появления «АМВ» в печати, К. рассказал: «В одном месте (помните?) я цитирую сонет королевича — Есенина? Он в тот вечер был записан на обложке какого-то журнала. И вот, когда вышла книга, я неожиданно получил из Тбилиси от одного из читателей этот журнал» (Сов. культура).

- **64.** Журнал с двумя бесценными автографами у меня не сохранился. Я вообще никогда не придавал значения, документам. Вероятно, скрытая цитата из хрестоматийно-известного ст-ния Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...», 1956 («Не надо заводить архива, // Над рукописями трястись»), «предсказывающая» появление «парного» портрета Есенина и Пастернака на страницах «АМВ».
- **65.** ...улица Горького в памяти навсегда осталась Тверской из «Евгения Онегина» ... «вот уж по Тверской <...> и стаи галок на крестах...» Из 7-й гл. романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
- **66.** Почти такой увидел я Москву, когда после гражданской войны приехал с юга. Из Харькова, в 1922 г.

- **67.** Москва пушкинская превращалась в Москву Командора. «Проезжие прохожих реже. Еще храпит Москва деляг, Тверскую жрет, Тверскую режет сорокасильный кадилляк». — Из ст-ния В. Маяковского «Москва — Кенигсберг» (1923).
- 68. Два многоэтажных обгоревших дома с зияющими окнами на углу Тверского бульвара и Большой Никитской, сохранившаяся аптека, куда носили раненых, несколько погнутых трамвайных столбов, пробитых пулями, поцарапанные осколками снарядов стены бывшего Александровского военного училища — здание Реввоенсовета республики две шестидюймовки во дворе Музея Революции, бывшего Английского клуба, еще так недавно обстреливавшие с Воробьевых гор Кремль, где засели юнкера. — В упоминаемых К. «обгоревших домах» в свое время находились склады издательства М. и С. Сабашниковых. В конце октября — начале ноября 1917 г. в Москве проходили ожесточенные бои между красногвардейцами и верными Временному правительству формированиями. 28 октября юнкерам удалось взять Кремль (до этого там находились красногвардейцы). С 1 ноября в Кремле действовал штаб сопротивления большевикам — Комитет общественной безопасности. Красногвардейцы обстреливали Кремль из артиллерийских орудий из Китай-города, с Крымского моста, Швивой горки и Воробьевых гор. Подавляя сопротивление юнкеров, большевистские отряды двигались с рабочих окраин к центру Москвы. Упорное противодействие красногвардейцы встретили в ряде мест города, в частности у Никитских ворот. Свидетелем боя за это место Москвы стал К. Г. Паустовский, который жил тогда в доме, стоявшем на месте незастроенной площадки перед нынешним зданием ИТАР-ТАСС. Там, где позднее, в 1923 г., был открыт памятник К. А. Тимирязеву, находился дом Гагарина. Во время боев он был подвергнут артиллерийскому обстрелу, отчего загорелся. Горел и дом Ярославской мануфактуры (Тверской бульвар, 46). Пострадал дом Колокольцева; тяжелые бои шли за здание кинотеатра «Унион» (Б. Никитская, 23 — позднее здесь был «Кинотеатр повторного фильма») и дом Соколова — на его месте теперь стоит здание ИТАР-ТАСС. Какую в точности аптеку имеет в виду К., неясно. Аптека в этом месте города была не одна. В частности, аптека и склад медикаментов находились в упомянутом доме Гагарина в торце Тверского бульвара, но эта аптека не сохранилась. Существует картина Э. Лисснера, запечатлевшая бой у Никитских ворот, причем автор не забыл изобразить и вывеску аптеки. Александровское военное училище находилось на Знаменке, в доме, выстроенном для Апраксиных в конце XVIII века. Юнкера училища приняли активное участие в борьбе с отрядами Красной гвардии и сдались только 3.11.1917 г., в последний день боев (3 ноября революционеры заняли Кремль). После Октября 1917 г. в бывшем Александровском училище расположился Реввоенсовет. В 1944-46 гг. здание было радикально перестроено М. Посохиным и А. Мидоянцем. Ныне принадлежит Министерству обороны РФ.
- **69.** Командор был тоже, прирожденным пешеходом, хотя у него у первого из нас появился автомобиль вывезенный из Парижа «рено», но он нм не пользовался. Ср., однако, в мемуарах И. Б. Березарка: «Из-за границы Владимир Владимирович привез автомобиль. Тогда личная машина была редкостью. Маяковский любил катать товарищей. Я ездил на этой машине неоднократно» (Березарк И. Штрихи и встречи. Л., 1982. С. 36).

70. На «рено» разъезжала по Москве та, которой он посвятил потом сваи поэмы. А он ходил пешком, на голову выше всех прохожих, изредка останавливаясь среди толпы, для того чтобы записать в маленькую книжку только что придуманную рифму или строчку. — Речь идет о Лиле Юрьевне Брик (1891–1978), главной адресатке любовной лирики В. Маяковского. 10.11.1928 г., в ответ на многократные просьбы о покупке автомобиля, поэт сообщал ей из Парижа в Москву: «Покупаю рено. Красавец серой масти 6 сил 4 цилиндра кондуит интерьер. Двенадцатого декабря поедет в Москву» (Любовь. С. 179). О манере Маяковского сочинять стихи на ходу см., например, у Р. Я. Райт-Ковалевой: «...он часто с утра уходил в лес с записной книжкой и работал, бормоча на ходу, расхаживая взад и вперед по какой-нибудь одной полянке или дорожке, как по своей комнате» (Райт-Ковалева Р. Я. // О Маяковском. С. 274). Ср. также в известной статье самого Маяковского «Как делать стихи».

71. Город начал заново отстраиваться с пригородов, с подмосковных бревенчатых деревенек, с пустырей, со свалок, с оврагов <...>

Я люблю проезжать мимо них, среди разноцветных пластмассовых балконов, гордясь тожеством своего государства, которое с неслыханной быстротой превратило уездную Россию в мировую индустриальную сверхдержаву, о чем в нашей юности могло только мечтаться. — Уже в 1918 г. Моссовет начал разработку плана «Новой Москвы». Руководить этой работой были поставлены А. Щусев и И. Жолтовский. Но до воплощения планов в жизнь тогда было далеко. Новым этапом в проектировании переустройства города стал план, представленный А. Щусевым в 1923 г. Он предусматривал реконструкцию города в сочетании с сохранением его традиционного облика и историко-архитектурного наследия. Однако, несмотря на протесты общественности, уже в 1920-е гг. разрушено было немало. Первый снос церковного здания — уничтожение часовни Александра Невского у Охотного ряда — состоялся в 1922 г.; в 1925 г. была снесена церковь Введения на Лубянке. Начало было положено. В 1931 г. было принято решение о разработке Генерального плана реконструкции Москвы; в 1935 г. он был принят (руководитель проекта — главный архитектор Москвы В. Семенов). Хотя план сформулировал целый ряд вполне правильных направлений развития города, он узаконил и нигилистический подход к городскому наследию. Выполнение этого плана привело к ликвидации многочисленных памятников московской старины и существенному искажению городского лица.

- 72. Преображение Тверской не слишком задевало мои чувства, хотя я часто и грустил по онегинской Тверской, по ее призраку. Тверская ул. (с 1932 по 1990 гг. ул. Горького) в советское время подверглась радикальной реконструкции. Масштабные изменения постигли улицу во второй половине 1930-х гг. Она была расширена в два-три раза, некоторые старые дома передвинуты, многие снесены и перестроены.
- 73. Я почти неощутимо пережил эпоху новых мостов через Москву-реку. Большинство современных мостов в центральной части города было выстроено после принятия Генерального плана реконструкции Москвы, в 1936—1939 гг.: Большой Краснохолмский, Большой и Малый Устьинские, Большой Москворецкий, Большой Каменный, Крымский; Новоспасский мост был реконструирован.

74. ...и передвижение громадных старых домов с одного места на другое, эпоху строительства первых линий метрополитена. — Московский Метрополитен вступил в действие в мае 1935 г. Строительство метро началось тремя годами ранее, весной 1932 г. Первая линия московского метро — от «Сокольников» до «Парка культуры». 20.05.1937 г. началось движение от «Столенской» до «Киевской». В марте 1938 г. поезда пошли от «Площади Революции» до «Курской». В этом же году вошла в строй линия «Площадь Свердлова» (ныне «Театральная») — «Сокол».

75. ...исчезновение храма Христа Спасителя, чей золотой громадный купол, ярко блестевший на солнце, можно было разглядеть, как золотую звезду над лесом, когда до Москвы еще оставалось верст шестьдесят.

Теперь вместо него плавательный бассейн с вечной шапкой теплого пара над его изумрудной водой, теплой — можно купаться даже в лютые морозы. — Строительство храма Христа Спасителя было задумано в 1812 г. Он должен был стать зримым свидетельством помощи Провидения в борьбе с нашествием Наполеона и памятником всем погибшим в Отечественной войне. В 1817 г. был утвержден проект А. Витберга, предусматривавший возведение храма на Воробьевых горах. В силу ряда причин проект не был реализован. В 1827 г. Николай I выбрал другое место. В 1831 г. К. Тон создал новый проект храма в «русско-византийском» стиле. Строительство было начато в 1839 г., а в 1883 г. храм был освящен. 5.12.1931 г. он был взорван. На освободившемся месте предполагалось возвести грандиозный Дворец Советов. Строительство было прервано началом Отечественной войны 1941—1945 гг. Позднее котлован использовали для сооружения бассейна «Москва» (вступил в действие в 1960 г.; архитектор Д. Чечулин).

76. Незримая всевластная рука переставляла памятники, как шахматные фигуры, а иные из них вовсе сбрасывала с доски.

Она переставила памятник Гоголю работы гениального Андреева <...> с Арбатской площади во двор особняка, где по преданию сумасшедший писатель сжег в камине вторую часть «Мертвых душ», а на его место водрузила другого Гоголя. — Памятник Н. В. Гоголю работы Н. Андреева был открыт на Арбатской площади в торце Пречистенского бульвара в 1909 г., к 100-летию со дня рождения писателя. В 1952 г., когда исполнялось 100 лет со дня смерти Гоголя, андреевский памятник, очевидно, не соответствовавший казенному оптимизму, был отправлен в Донской монастырь — туда, где уже находились некоторые уцелевшие барельефы уничтоженного храма Христа Спасителя. На месте убранного памятника появился новый, работы Н. Томского, с характерной надписью: «От правительства Советского Союза». В 1959 г. андреевский памятник установили у дома, где Гоголь прожил последние годы жизни, сжег рукописи второго тома «Мертвых душ» и умер. В гоголевское время дом на Никитском бульваре принадлежал знакомому писателя, графу А. П. Толстому.

77. *Сани ныряли с ухаба на ухаб.* — Аллюзия на строку из ст-ния О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой…» (1916): «Ныряли сани в черные ухабы…»

- 78. ...в только что зажегшиеся страусовые яйца голубоватых электрических фонарей на Лубянской площади, посередине которой возвышался засыпанный снегом итальянский фонтан. В 1781 г., в царствование Екатерины II, было начато строительство первого московского водопровода, по которому родниковая вода из обильного ключами села Мытищи должна была прийти в Первопрестольную. Фактически мытищинская вода пришла в Москву в 1830 г. В центре города были сооружены водоразборные фонтаны, которые спроектировал И. Витали. Один из них находился на Лубянской площади (установлен в 1835 г., не сохранился). На соседней Театральной площади и сейчас можно видеть другой, сохранившийся фонтан работы Витали «Играющие амуры» (1835).
- 79. Впоследствии Мясницкую переименовали в улицу Первого мая, потом как-то незаметно в шуме нэпа она опять стала Мясницкой и оставалась ею до тех пор, пока не получила окончательное название улица Кирова. В пореволюционные годы Мясницкую пытались переименовать в улицу Первого мая. Как ни странно, новое название не удержалось. В 1934 г. по Мясницкой от Ленинградского вокзала к центру Москвы проследовал траурный кортеж с привезенным в Москву гробом убитого С. М. Кирова. Это событие послужило причиной переименования улицы: 14 декабря 1934 г. Мясницкая стала ул. Кирова. С 1990 г. снова Мясницкой.
- 80. ...вероятно, в память того сумрачного декабрьского денька, когда посередине улицы по неубранному снегу, издавая тягостный звук мельничного жернова, поворачивались колеса пушечного лафета с низко установленным гробом с телом убитого Кирова, перевозившегося с Ленинградского вокзала в Колонный зал Дома Союзов, а за лафетом темной толпой шли провожающие, наступая на хвойные крестики и матерчатые цветочки, падающие с венков на свинцовый декабрьский снег. — Видный партийный деятель Сергей Миронович Киров (наст. фамилия Костриков, 1886–1934) пал жертвой убийцы 1.12.1934 г. при загадочных обстоятельствах. Его гибель послужила сигналом к началу «большого террора», развязанного И. В. Сталиным. Ср. впечатления К. с фрагментом анонимного отчета, появившегося в «Правде»: «Медленно движется траурная процессия. Позади — Комсомольская площадь. Гавриков переулок. И вот плавные и торжественные аккорды Шопена заполняют сверху донизу все узкое дефиле Мясницкой. Кажется, мы движемся сквозь исполинский зал, задрапированный в красный и черный цвета и убранный бесчисленным количеством портретов погибшего бойца <...> В 12 часов 15 минут траурное шествие достигло Дома союзов» (Москва у гроба любимого Сергея Мироновича // Правда. 1934. 5 декабря. С. 2).
- 81. Исчезла библиотека имени Тургенева <...> Не существует дома, где проходила Командора. — Тургеневская жизни читальня (читальня большая часть И. С. Тургенева) 1885 г. была открыта В ПО инициативе В. А. Морозовой, финансировавшей устройство одной из первых в городе бесплатных и общедоступных библиотек. Здание постройки Д. Чичагова находилось в конце Сретенского бульвара у Мясницких ворот. В этом же месте города проходили Водопьяный и Тургеневский переулки. Водопьяный шел от Мясницкой к Уланскому переулку. В 1972 г. Тургеневская

читальня была снесена; в 1970-е гг. были ликвидированы и все остальные постройки в этой части города. Ныне практически все образовавшееся после сноса пространство на Тургеневской площади занято автостоянкой. С сентября 1920 г. Л.Ю. Брик, Осип Максимович Брик (1888–1945) и В. В. Маяковский проживали в Москве по адресу: Водопьяный переулок, д. 3, кв. 4.

- **82.** ...в той странной нигилистической семье, где он был третий. Открещиваясь от подобных намеков, Л. Ю. Брик разъясняла: «Только в 1918 году я могла с уверенностью сказать О. М. «Брику. Коммент.» о нашей любви «с Маяковским. Коммент.». С 1915-го года мои отношения с О. М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика «...» Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о "треугольнике", "любви втроем" и т. п. совершенно не похоже на то, что было» (Цит. по: Любовь. С. 21).
- 83...и где помещался штаб лефов, гонявших чаи с вареньем и пирожными, покупавшимися отнюдь не в Моссельпроме, который они рекламировали, а у частников известных еще с дореволюционного времени кондитеров Бартельса с Чистых прудов и Дюваля с Покровки, угол Машкова переулка. — Ср. в мемуарах П. В. Незнамова: «На столе стоял большой самовар, все пили чай. Время от времени появлялась Аннушка — пожилая домработница. Все съедобное, что было в квартире, находилось на столе» (Незнамов П. В. // О Маяковском. С. 361). Журнал «Леф» издавался в 1923–25 гг. В его редколлегию входили: В. В. Маяковский (отв. редактор), Б. И. Арватов, Н. Н. Асеев, О. М. Брик, Б. А. Кушнер, С. М. Третьяков, Н. Ф. Чужак. О кондитерской Бартельса — см. примеч. № 396, 397. Кондитерская Дюваля располагалась в д. № 35 по ул. Покровка, на углу с Машковым переулком (ныне — ул. Чаплыгина).

84. Не существует и входной двери, ведущей с грязноватой лестницы в их интеллигентное логово со стеллажами, набитыми книгами, и с большим чайным столом, покрытым камчатной скатертью.

Дверь эта, выбеленная мелом, была исписана вдоль и поперек автографами разных именитых и неименитых посетителей, тяготевших к Лефу, среди которых какая-то коварная рука умудрилась отчетливо вывести анилиновым карандашом стихотворный пасквиль. — Ср. в мемуарах К. Асеевой: «Дверь в нашу комнату была из фанеры, окрашена мелом. Когда кто-нибудь из друзей и знакомых приходил к нам и не заставал дома, то оставлял свою подпись на белой странице двери. Так постепенно с течением времени почти вся дверь заполнилась автографами» (Асеева К. М. // Об Асееве. С. 25). Характерная для «АМВ» подмена: изображается дверь в квартиру Асеевых, но поскольку на этой двери выведен стихотворный пасквиль, она предстает как входная дверь несимпатичных Катаеву Бриков. Ср. также в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова: «Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спинке можно было ясно разобрать крупно написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года, в ночь, наступившую непосредственно после его открытия, и как представители полиции, а впоследствии милиции, ни старались, хулительная надпись аккуратно появлялась каждый день» (Двенадцать стульев. С. 34–35).

- **85.** Командор <...> тогда стремился к простоте и лаконизму и даже однажды сказал: «Язык мой гол». Формула из ст-ния В. Маяковского «Пятый интернационал» (1922).
- **86.** «Лубянский проезд. Водопьяный. Вид вот. Вот фон». Из поэмы В. Маяковского «Про это» (1923).
- 87. Он делил свою жизнь между Водопьяным переулком, где принужден был наступать на горло собственной песне, и Лубянским проездом, где в многокорпусном доходном, перенаселенном доме, в коммунальной квартире у него была собственная маленькая холостяцкая комнатка с почерневшим нетопленным камином, шведским бюро с задвигающейся шторной крышкой и на белой стене вырезанная из журнала и прикрепленная кнопкой фотография Ленина на высокой трибуне <...> Ср. с описанием П. В. Незнамова: «Комната была небольшая, изрядную часть ее полезной площади занимал диван и письменный стол <...> Здесь им написаны были все варианты "Про это". Маяковский писал поэму, и тут же в комнате находилась фотография Л. Ю. Брик в балетном костюме» (Незнамов П. В. // О Маяковском. С. 367). Цитата из поэмы «Во весь голос» (1929–30) («...я себя смирял, // становясь // на горло // собственной песне») употреблена К. не вполне корректно. В. Маяковский в «Во весь голос» полуиронически противопоставляет свою агитпоэзию своей любовной лирике («и мне бы // строчить // романсы на вас»), К. агитпоэзию Маяковского его стихам о В. И. Ленине.
- **88.** Здесь, оставаясь наедине сам с собой, он уже не был главнокомандующим Левым фронтом, отдающим гневные приказы по армии искусств: «...а почему не атакован Пушкин и прочие генералы классики?» Аллюзия на заглавие ст-ния В. Маяковского «Приказ по армии искусства» (1918) и цитата из его ст-ния «Радоваться рано» (1918).
- 89. Здесь он не писал «нигде кроме, как в Моссельпроме», и «товарищи девочки, товарищи мальчики, требуйте у мамы эти мячики», подаваемые теоретиками из Водопьяного переулка чуть ли не как сверхновая форма классовой борьбы, чуть ли не как революционная пропаганда нового мира и ниспровержение старого, от которого «нами оставляются только папиросы "Ира"». Здесь он писал: «...я себя под Лениным чищу». Цитируются стихотворные рекламы В. Маяковского для Моссельпрома (1923—25) и Резинотреста (1923). Никакие не «теоретики из Водопьяного переулка» (=Брики), а сам Маяковский заявлял в автобиографии «Я сам»: «Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю "Нигде кроме как в Моссельпроме" поэзией самой высокой квалификации» (Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 1. М., 1956. С. 22). Строка «Я // себя // под Лениным чищу» взята из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924).
- **90.** Здесь же он поставил и точку в своем конце. Цитата из «Флейты-позвоночника» В. Маяковского. Поэт застрелился 14.4.1930 г.

- **91.** И сейчас еще слышатся мне широкие, гулкие шаги Командора на пустынной ночной Мясницкой Аллюзия на ст-ние Ал. Блока «Шаги Командора» (1912) и на пушкинского «Каменного гостя». Ср. со сходными ассоциациями у Т. В. Толстой: «...он вырос, как каменный гость громадная фигура в расстегнутом, развевающемся ветром пальто, широкая шляпа» (Цит. по: *Парнис А. Е.* Из новых материалов о Вл. Маяковском // De visu. 1993. № 11. С. 15).
- **92.** ...между уже не существующим Водопьяным и Лубянским проездом, переименованным в проезд Серова. В 1939 г. погиб летчик-испытатель, Герой Советского Союза А. К. Серов. В этом же году Лубянский проезд получил его имя стал проездом Серова.
- 93. Не говоря уже о главном Почтамте, географическом центре Москвы, откуда отсчитывались версты дорог, идущих в разные стороны от белокаменной, первопрестольной. Современное здание Главпочтамта построено в 1912 г. (арх. О. Мунц и братья Веснины). До его возведения на этом же месте находился старый почтамт в основе своей дворец начала XVIII в., сооруженный любимцем Петра А. Д. Меншиковым. Меншиковский дворец был отделен от Мясницкой обширным двором. В середине 1780-х гг. в бывшей меншиковской усадьбе расположился Московский почтамт.
- **94.** ...здесь находился Вхутемас, в недавнем прошлом Школа ваяния и зодчества, прославленная именами Серова, Врубеля, Левитана, Коровина. В 1793 г. В. Баженов построил для генерала Юшкова дом у Мясницких ворот. «Юшков дом» в 1844 г. разместил в своих стенах Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В начале XX в. во дворе здания были выстроены вместительные корпуса. В 1921 г. Училище было преобразовано в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). При ВХУТЕМАСе существовало студенческое общежитие-коммуна.
- 95. Здесь обитал художник Л. Пастернак. 4.7.1894 г. Леонид Осипович Пастернак (1862–1945) был назначен преподавателем в Фигурном классе Училища живописи, ваяния и зодчества. С осени этого года Пастернаки жили в квартире при училище на Мясницкой, 21. Это был конец улицы, примыкавшей к Тургеневской площади, рядом располагался приход церкви Фрола и Лавра. Дом выходил на улицу и в Юшков переулок. Раньше он принадлежал Демидовым, в нем располагалась масонская ложа, в середине XIX в. здание перешло в казну и было отдано в аренду Московскому художественному обществу. Подробнее о жизни семьи Пастернаков в этом доме см.: Пастернак А. Л. Воспоминания. М., 2002. С. 25–41.
- **96.** ... и рос его сын. Борис Леонидович Пастернак (1890–1960), выведенный в «АМВ» под кличкой мулат. Ср. в ТЗ изображение Пастернака возле гроба В. Маяковского: «...я

увидел как бы все вокруг заслонившее, все облитое сверкающими слезами скуластое темногубое лицо мулата. Я узнал Пастернака. Его руки машинально делали такие движения, как будто он хотел разорвать себе грудь, сломать свою грудную клетку, а может быть, мне только так казалось» (ТЗ. С. 393). В молодости К. приятельствовал с Пастернаком и восхищался его стихами. Ср. в конспекте, который Н. А. Подорольский вел на вечере К. 14.03.1972 г.: «Два года учился читать Пастернака» (ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64). Однако после опубликования за границей пастернаковского «Доктора Живаго» К. повел себя так, что поэт был вынужден резко порвать с ним отношения. 25.6.1958 г. Борис Леонидович просил К. И. Чуковского в письме: «Если хотите помочь мне, скажите Катаеву, что очки его сбили меня с толку, и я не знал, на чей поклон отвечаю. А потом и пошел любезно разговаривать с ним в ответ на приятные новости, которые он мне сообщил. Но, конечно, что лучше нам совершенно не знаться, таково мое желание. И это без всяких обид для него и без каких бы то ни было гражданских фраз с моей стороны. Просто мы люди совершенно разных миров, ничем не соприкасающихся. И ведь скоро все эти "водоразделы" возобновятся для меня» (Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 5. М., 1992. С. 563). 27.6.1958 г. Пастернак писал П. П. Сувчинскому: «...один из наших подлецов-путешественников <К. — *Коммент.* > рассказал мне, что познакомился с господином Камю и говорил с ним обо мне. Я не хотел верить этому негодяю и принял это за сказку» (см.: Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С. 544). И, наконец, 28.6.1958 г. Пастернак сообщал самому Альберу Камю: «Один бесчестный человек, на чье приветствие я случайно ответил, потому что из-за его черных очков не узнал его, сняв их, поразил меня неприятным известием (если можно ему верить), что у него была возможность познакомиться и говорить с Вами; между прочим, и обо мне. Как это мне неприятно! Я бы предпочел стать жертвой откровенной подлости, чем подать повод к тому, чтобы меня считали ее союзником» (Там же. С. 544). Впрочем, еще в 1926 г. Евгения Владимировна Пастернак писала Борису Леонидовичу: «...Ты помнишь, <...> как набрасывалась я на всякого, кто как-то косвенно обесценивал тебя, вроде Катаева у Асеевых» (Существованья ткань сквозная: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак. М., 1998. С. 164).

- **97.** ...который, вспоминая свою юность, впоследствии написал: «Мне четырнадцать лет < ... > O, куда мне бежать от шагов моего божества!» Из поэмы Б. Пастернака «1905 год» (1925–26).
- **98.** Помню маленькую церквушку Флора и Лавра, ее шатровую колокольню, как бы прижавшуюся к ампирным колоннам полукруглого крыла Вхутемаса. Церковка эта вдруг как бы на моих глазах исчезла, превратилась в дощатый барак бетонного завода Метростроя, вечно покрытый слоем зеленоватой цементной пыли. Церковь Флора и Лавра в Мясниках была из тех московских храмов XVII столетия, которые во многом определяли облик старой Москвы. День св. Флора и Лавра праздновался 18 августа по старому стилю, и со всей Москвы вели на Мясницкую лошадей, чтобы кропить святой водой. В 1932 г. церковь была закрыта, а в 1934 г. снесена.
- **99.** ...рядом с Вхутемасом, против Почтамта, чайный магазин в китайском стиле, выкрашенный зеленой масляной краской, с фигурами двух китайцев у входа. Он

существует и до сих пор, и до сих пор, проходя мимо, вы ощущаете колониальный запах молотого кофе и чая. — «Китайский дом» на Мясницкой улице был выстроен в 1896 г. Р. Клейном и К. Гиппиусом для чаеторговца Сергея Перлова. В 1896 г. в Москву должен был прибыть влиятельный китайский государственный деятель Ли Хунчжан; стремясь принять его у себя, чаеторговец решил превратить свое владение на Мясницкой в некое подобие китайского дворца (Ли Хунчжан, однако, остановился в доме другого московского чаеторговца).

- 100. ...в нетопленной комнате существовал как некое допотопное животное мамонт! великий поэт, председатель земного шара, будетлянин. Велимир Хлебников (наст. имя Виктор Владимирович, 1885–1922), чтобы избежать употребления слова иностранного происхождения «футуристы», предпочитал называть себя и своих поэтических соратников «русской» калькой с этого слова «будетляне». Председателем земного шара В. Хлебников провозгласил себя после февральской революции 1917 г. См., например, его ст-ние «Воззвание Председателей земного шара» (апрель 1917). Подробнее о взаимоотношениях К. с Хлебниковым см. в предисловии к настоящему комментарию.
- 101. ...странный гибрид панславизма и Октябрьской революции, писавший гениальные поэмы на малопонятном древнерусском языке, на клочках бумаги, которые без всякого порядка засовывал в наволочку, и если иногда выходил из дома, то нес с собой эту наволочку, набитую стихами, прижимая ее к груди. Ходовой набор сведений из мемуаров о В. Хлебникове. Ср., например, в некрологе Владимира Маяковского: «Его пустая комната всегда была завалена тетрадями, листами и клочками, исписанными его мельчайшим почерком. Если случайность не подворачивала к этому времени издание какого-нибудь сборника и если кто-нибудь не вытягивал из вороха печатаемый листок при поездках рукописями набивалась наволочка, на подушке спал путешествующий Хлебников, а потом терял подушку» (Маяковский В. В. В. В. В. Хлебников // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 12. М., 1959. С. 27).
- 102. Вечно голодный, но не ощущающий голода, окруженный такими же, как он сам, нищими поклонниками, прозелитами Ср. в мемуарах одной из таких «поклонниц», Р. Я. Райт-Ковалевой, относящихся к предыдущему, «харьковскому» периоду биографии Хлебникова: «Мы уже знали о нем, о манифесте Председателей Земного Шара, уже передавали друг дружке зачитанные до дыр сборники ранних футуристов. Но когда мы увидели самого "Велимира", неприкаянного, голодного, услышали его бормотанье, взглянули в его первобытные, мудрые и светлые глаза, мы приняли его не как Предземшара, а как старшего друга <...> он жил во флигеле, в очень большой, полутемной комнате, куда входили через разломанную, совсем без ступенек, террасу. Там стоял огромный пружинный матрас без простыней и лежала подушка в полосатом напернике: наволочка служила сейфом для рукописей и, вероятно, была единственной собственностью Хлебникова» (Райт Р. Я. Все лучшие воспоминания // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 184. Труды по русской и славянской филологии. Т. IX. Тарту, 1966. С. 266–267).

- 103. Тут же рядом гнездился левейший из левых, самый непонятный из всех русских футуристов, вьюн по природе, автор легендарной строчки «Дыр, бул, щир». — Правильно: «Дыр, бул, щыл» — начальная строка ст-ния, впервые опубликованного в 1913 г. — это катаевское прозвище каламбурно обыгрывает фамилию Алексея Елисеевича Крученых (1886–1968), «быть может, самого "левого" из кубофутуристов» (суждение авторов обобщающей работы о русском футуризме: Баран Х., Гурьянова Н. А. Футуризм // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х гг.). Кн. 2. М., 2001. С. 529). Шаржированно изображая А. Крученых, К. следовал уже прочно сложившейся к этому времени в советской мемуарной и критической литературе традиции. Ср., например, в воспоминаниях Б. К. Лившица 1931 г.: «...крикливые заявления вертлявого востроносого юноши в учительской фуражке, с бархатного околыша которой он тщательно удалял все время какие-то пылинки, его обиженный голос и полувопросительные интонации, которыми он страховал себя на случай провала своих предложений, весь его вид эпилептика по профессии, действовал мне на нервы» (Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 411). Ср. также в дневнике Л. В. Горнунга, 18.2.1919 г. посетившего Крученых по поручению Б. Л. Пастернака: «Поднялся без лифта на восьмой этаж жилого дома во дворе BXУТЕМАСа. Позвонил. Долго никакого ответа. Потом шаги. Потом голос Крученых. Не сразу открыв дверь, он предстал передо мной в одном нижнем белье, это в пятом-то часу дня. Он провел меня в комнату и предложил сесть на ворох книг на диване, а сам начал одеваться» (Горнунг Л. В. Встреча за встречей // Литературное обозрение. 1990. № 5. С. 105).
- **104.** Вьюн так мы будем его называть промышлял перекупкой книг, мелкой картежной игрой. Ср. в мемуарах И. Емельяновой: «Он часто забегал к нам по вечерам <...> поиграть в карты (игрок он был очень азартный и... лукавый), порыться в книгах» (Емельянова И. Легенды Потаповского переулка. М., 1997. С. 27). За карточным столом К. изображает А. Крученых в ТЗ. С. 353.
- 105. ...собирая автографы никому не известных авторов в надежде, что когда-нибудь они прославятся. Ср. со свидетельством художницы Марии Синяковой: «Он барахольщик, у меня подбирает всякий мусор. Он ходил ко мне годами, забирал всякие ненужные рисунки, и ко всем он так ходил. Он ни на что не обижается, что бы ему ни говорили. Он ходит к каждому писателю и забирает всякие книжечки, автографы» (Синякова М. «...Это человек, ищущий трагедии» // Вопросы литературы. 1990. Апрель. С. 267). О коллекционерской деятельности А. Крученых, благодаря которой сохранились творческие автографы многих писателей и поэтов (в том числе самого К.), см.: Сто альбомов (Коллекция А. Е. Крученых). Сообщ. Н. Г. Королевой // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1980.
- 106. ...охотно читал пронзительно-крикливым детским голосом свои стихи, причем приплясывал, делал рапирные выпады, вращался вокруг своей оси, кривлялся своим остроносым лицом мальчика-старичка. Ср. в ст-нии В. Нарбута «Пасхальная жертва», 1913 (которое далее цитируется в «АМВ»): «...душа моя ребенка-старичка» (подсказано нам В. Беспрозванным). О голосе А. Крученых см. в шуточной надписи К. на сотенной купюре 1910 г., подаренной им автору строки «Дыр, бул, щыл»: «Не имей сто рублей, а

имей сто друзей — большевиков. Алеше Крученых <-> мудрый Валя Катаев в 1928 году. Ах, отчего не в 1914-м! Простонал Алеша рыбьим голосом» (ОР ИМЛИ. Ф. 411. Оп. 1. Ед. хр. 1). Ср. также в воспоминаниях М. Н. Бурлюк: «Крученых производил впечатление мальчика, которому на эстраде хочется расшалиться и то бросать в публику графином с водой или же вдруг начать кричать, развязав галстух, расстегнув манжеты и взъерошив волосы. Голос Алексей Елисеевич в то время имел пискливый, а в характере особые черты чисто женской сварливости» (Бурлюк М. Н. Первые книги и лекции футуристов (1909—1913) // Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 284).

- 107. Он весь был как бы заряжен неким отрицательным током антипоэтизма, иногда более сильным, чем положительный заряд общепринятой поэзии. Ср. с мнением О. Мандельштама, высказанным в заметке «Литературная Москва» (1922): «Что же происходит в лагере чистого изобретенья? Здесь, если откинуть совершенно несостоятельного и невразумительного Крученых, и вовсе не потому, что он левый и крайний, а потому, что есть же на свете просто ерунда (несмотря на это, у Крученых безусловно патетическое и напряженное отношение к поэзии, что делает его интересным как личность)» (Цит. по: Мандельштам. С. 276).
- **108.** < Ученики ВХУТЕМАСа> Перемахнув через Пикассо голубого периода и через все его эксперименты с разложением скрипки в разных плоскостях. См., например, экспериментальную работу Пабло Пикассо «Мужчина со скрипкой» (1911–12).
- **109.** ...молодые вхутемасовцы вместе со своим же собратом московским художником Кандинским изобрели новейшее из новейших течений в живописи абстракционизм, который впоследствии перекочевал в Париж, обосновался на Монпарнасе, где, к общему удивлению, держится до сих пор, доживая, впрочем, свои последние дни. Подробно о деятельности Василия Васильевича Кандинского (1866–1944) и его взаимосвязях с молодыми русскими авангардистами см., например: *Hahl-Koch J.* Kandinsky's Role in the Russian Avant-Garde // The Avant-Garde in Russia. 1910–1930. New Perspective. Los Angeles, 1980.
- **110.** *Царили Лавинский, Родченко, Клюн...* Лавинский Антон Михайлович (1893—1968), Родченко Александр Михайлович (1891—1956), Клюн Иван Васильевич (наст. фамилия Клюнков, 1873—1943) художники-авангардисты. Лавинский и Родченко входили в ближайшее окружение В. Маяковского.
- **111.** *К* этому времени относится посещение Лениным Вхутемаса. Визит В. И. Ленина и Н. К. Крупской в коммуну студентов ВХУТЕМАСа 25.02.1921 подробно описан в мемуарах: *Сонькин С. Я.* // О Маяковском.

- **112.** Во дворе Вхутемаса, в другом скучном, голом, кирпичном корпусе, на седьмом этаже, под самой крышей. На самом деле на девятом. Бессознательная (или сознательная) ошибка К., возможно, восходит к шутке Н. Асеева, запомнившейся современникам: «Я знал корпус, где на "верхотурье", как он сам говорил: "на седьмом небе", жил Асеев» (Железнов П. // Об Асееве. С. 95). Ср. далее в «АМВ» о квартире Асеева: «с поднебесной высоты седьмого этажа». Точный адрес Асеевых был: Мясницкая, 21, кв. 18. Ср. также в начальных строках романа В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь Бледный» (подсказано нам Н. А. Богомоловым).
- **113.** ...жил со своей красавицей женой Ладой. На самом деле Ксенией Михайловной Асеевой (урожд. Синяковой) (1893–1985). Имя «Лада» попало в «АМВ» из ст-ния Н. Асеева «Русская сказка» (1927), обращенного к Ксении Синяковой (где оно, впрочем, именем не является): «Говорила моя забава, // моя лада, любовь и слава...»
- 114. ...бывший соратник и друг мулата по издательству «Центрифуга», а ныне друг и соратник Командора. — Николай Николаевич Асеев (1889–1963). Ср. в письме Н. Асеева к Ф. Ф. Майскому (от 28.9.1943 г.): «...знакомство и молодая дружба с Б. Пастернаком. Но все затмило знакомство с Маяковским, сразу как-то пришедшимся по душе» (Асеев Н. Н. Родословная поэзии. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 411). Издательство «Центрифуга», объединившее группу младофутуристов, отколовшихся от изд-ва «Лирика», было основано в феврале-марте 1914 г. по инициативе Сергея Павловича Боброва (1889–1971). О взаимоотношениях Пастернака и Асеева в позднесоветскую эпоху см. в мемуарах В. Т. Шаламова: «Асеев. — Борис Леонидович говорит грустно и негромко. — Асеев. Бывший товарищ. Чужой, совсем чужой человек. Лефовские круги я вспоминаю с отвращением. Пусть переводы, пусть случайная работа — только не лефотворчество. Искусство гораздо серьезней и требует совсем других качеств, чем думали Маяковский и Асеев» (Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 297). Ср. также фрагмент об Асееве (чье имя деликатно не называется) в автобиографическом очерке Б. Пастернака «Люди положения» (1956-57): «...один будущий слепой <Маяковского. — *Коммент*. > приверженец показал какую-то первинок мне ИЗ Маяковского в печати. Тогда этот человек не только не понимал своего будущего бога, но и эту печатную новинку показал мне со смехом и возмущением, как заведомо бездарную бессмыслицу» (Пастернак. С. 453). Тем не менее, Асеева уже в послевоенные годы попрекали дружбой с Пастернаком. Из выступления А. А. Фадеева 1946 г. на заседании Президиума правления ССП СССР, посвященном Постановлению ЦК «О журналах "Звезда" и "Ленинград"»: «Н. Асеев высказал здесь много прекрасных мыслей. Но возьмите его отношение к Пастернаку — вот пример, когда ради приятельских отношений мы делаем уступки. Б. Пастернак не такой старый человек, как Ахматова, — почти наш сверстник, он рос в условиях советского строя, но в своем творчестве он является представителем того индивидуализма, который глубоко чужд духу нашего общества. С какой же стати мы проявляем своего рода угодничество по отношению к человеку, который в течение многих лет стоит на позиции неприятия нашей идеологии» (Литературная газета. 1946. 7 сентября. С. 3).

- 115. ...замечательный поэт, о котором Командор написал: «... Есть у нас еще Асеев Колька. Этот может. Хватка у него моя. Но ведь надо заработать сколько! Маленькая, но семья». Из ст-ния В. Маяковского «Юбилейное» (1924). В ТЗ приводится недобрая шутка Маяковского о Н. Асееве: «— Коля звезда первой величины. Вот именно. Первой величины, четырнадцатой степени» (ТЗ. С. 383).
- 116. Справа от упомянутого перекрестка, если стать лицом к Лубянке, за маленькой площадью с библиотекой имени Тургенева, прямо на Сретенский бульвар выходили громадные оранжевокирпичные корпуса бывшего страхового общества «Россия». Два корпуса так называемого «дома "России"» и поныне господствуют на Сретенском бульваре (д. № 6). Страховая компания «Россия» выстроила доходный дом в 1902 г. (арх. Н. Проскурнин). Решетка ограды, соединяющей корпуса здания в Боброве переулке, и сейчас украшена вензелем «СОР» «страховое общество "Россия"». После Октября 1917 г. в здании разместились многочисленные советские учреждения. С 1920 по 1925 гг. здесь работал Наркомпрос; в доме помещались Главлит, Главполитпросвет, Главное артиллерийское управление, редакции некоторых журналов (в том числе тех, где сотрудничал К.).
- **117.** ...где размещались всякие лито-, тео-, музо-, киноорганизации того времени, изображенные Командором в стихотворении «Прозаседавшиеся», так понравившемся Ленину. «На заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Владимир Ильич очень одобрительно отозвался о стихотворении Маяковского "Прозаседавшиеся" <1922>, напечатанном тогда в "Известиях". "Не знаю, как насчет поэзии, сказал Владимир Ильич, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно".» (Малкин Б. Ф. // О Маяковском. С. 151).
- **118.** Рядом с Наркомпросом находился товарный двор главного Почтамта. Позади самого здания почтамта. Неслучайно «Меншикову башню» именовали церковью на дворе почтамта.
- **119.** ...и оттуда потягивало запахом <...> конского навоза, крупными дымящимися яблоками валившегося из-под хвостов першеронов. Так называлась тяжеловозная порода лошадей, выведенных во Франции, в XIX в., в районе Перш.
- **120.** ...в тот самый Харитоньевский переулок, куда некогда из деревни привезли бедную Таню Ларину на московскую ярмарку невест. Большой Харитоньевский переулок соединяет Чистопрудный бульвар и Садовое кольцо. Название получил по церкви Св. Харитония XVII в., которая была снесена в 1935 г. В переулке сохранились замечательные памятники московской старины: палаты Ратманова (XVII в.), позднее принадлежавшие Сухово-Кобылиным, и палаты П. Шафирова, владельцами которых в 1727–1917 гг. были князья Юсуповы здесь в 1801–1803 гг. проходили ранние детские годы А. С. Пушкина (вообще московское детство поэта связано в первую очередь с этим местом города). Неслучайно именно «у Харитонья в переулке» поселил Пушкин в

«Евгении Онегине» приехавшую в Москву Татьяну Ларину. Еще в 1930-е гг. в Большом Харитоньевском переулке стоял старый дворянский дом, который местные жители считали «домом Лариных» (не сохранился). Некоторое время в переулке жил Е. Баратынский; в 1826 г. он венчался в церкви Харитония.

- 121. ...через мою комнату прошли почти все мои друзья, ринувшиеся с юга <...> на завоевание Москвы: <...> друг. Илья Арнольдович Ильф (наст. фамилия Файнзильберг, 1897–1937) был знаком с К. еще по одесскому кружку «Коллектив поэтов». Членами этого кружка были также Ю. Олеша, Э. Багрицкий, Л. Славин, З. Шишова, А. Фиолетов и др. Ю. Олеша вспоминал: «Существовал в Одессе в 1920 году "Коллектив поэтов". Это был своего рода клуб, где, собираясь ежедневно, мы говорили на литературные темы, читали стихи и прозу, спорили, мечтали о Москве <...> Однажды появился у нас Ильф. Он пришел с презрительным выражением на лице, но глаза его смеялись, и ясно было, что презрительность эта наигранна» (Олеша Ю. К. // Об Ильфе и Петрове. С. 27). В Москве дружба К. с Ильфом еще более окрепла, и продолжалась эта дружба до самой смерти Ильфа, свидетелем которой К. довелось стать (См.: У гроба // Литературная газета. 1937. 15 апреля. С. 1). Некролог К. об умершем писателе назывался «Добрый друг» (Правда. 1937. 14 апреля. С. 6).
- **122.** ...наследник. Лев Исаевич Славин (1896–1984), чей самый известный роман назывался «Наследник» (1930). Со Славиным К. был знаком еще в Одессе. В Москву Славин переехал в 1924 г. и так же, как К., начал активно печататься в газете «Гудок». Приятельские отношения К. со Славиным длились всю его жизнь. Ср. в мемуарах И. Гофф: «Лев Славин, живший через дорогу, в маленькой, похожей на сторожку, даче, приходил поговорить, повспоминать» (Гофф. С. 20).
- 123. Мыльников переулок. Мыльников переулок (ныне ул. Жуковского) расположен параллельно Чистопрудному бульвару и соединяет Большой Харитоньевский переулок и ул. Макаренко (бывший Лобковский переулок). «Мыльниковым» переулок был назван по фамилии одного из домовладельцев (имя Н. Е. Жуковского, одного из отцов российской авиации, переулок получил в 1936 г.). Точный адрес К. в Мыльниковом переулке был: д. 2, кв. 2а. Ее описание см. в мемуарах А. И. Эрлиха: «...квартира из двух маленьких, но настоящих и вполне благоустроенных комнат с гардинами и занавесками, с мебелью, с чайным и обеденным сервизами, даже с домашней работницей, ведавшей всем холостым хозяйством» (Эрлих. С. 57). Доходный дом, где проживал К., был построен в 1905 г. архитектором П. Ушаковым.
- 124. ...был известен тем, что в другом его конце от Харитония находилось здание бывшего училища Фидлера, хранившее на своих стенах следы артиллерийского обстрела еще времен первой революции 1905 года, когда здесь был штаб боевых дружин и его обстреливали из пушек карательные войска полковника Римана. В 1898 г. в Лобковском переулке (ныне ул. Макаренко) было выстроено здание для училища И. Фидлера (арх. С. Эйбушитц). В конце октября 1905 г. здесь сформировался Совет революционных дружин, а в декабре большевистская конференция, проходившая в здании училища, взяла

курс на вооруженное восстание. 9 декабря правительственные войска взяли здание штурмом. В бою погибли 3 дружинника, 15 были ранены. Здание было разгромлено, около ста человек было арестовано. 10 декабря на улицах Москвы появились баррикады — началось восстание.

125. Следующим за Мыльниковым в Харитоньевский выходил Машков переулок. Здесь в высоком, многоквартирном, богатом доме предреволюционной постройки в несколько скандинавском стиле, что было тогда модно, в барских апартаментах Екатерины Павловны Пешковой, жены Максима Горького, в самый разгар гражданской войны, отвлекшись на часок от своих дел, Ленин слушал «Аппассионату» Бетховена, опустив голову на руку и полузакрыв узкие глаза — весь отдавшийся во власть музыки, тревожившей и вместе с тем усыплявшей воображение. — Отсылка к соответствующему фрагменту очерка М. Горького «В. И. Ленин» (1924) (См.: Горький М. Собр. соч.: в 30-ти тт. Т.17. М., 1952. С. 39–40). Квартира Е. П. Пешковой находилась в солидном шестиэтажном доходном доме в Машкове переулке (д. № 1а). Дом построен в 1911 г. архитектором Г. Гельрихом. В 4-комнатной квартире на 4-м этаже М. Горький периодически жил и работал в начале 20-х гг.

126. Запомнилось, как однажды по Харитоньевскому переулку ехал старомодно — высокий открытый автомобиль и на заднем сиденье среди каких-то полувоенных заметно возвышалась худая фигура Максима Горького, с любопытством посматривавшего вокруг. Он был в своей общеизвестной шляпе. Из его пшеничных солдатских усов над бритым подбородком торчал мундштук с дымящейся египетской сигареткой.

Великий пролетарский писатель только что вернулся на родину после долгого пребывания в Сорренто и, пережив волнение и восторг всенародной встречи на площади Белорусско-Балтийского вокзала, уже став национальным героем, ехал к себе домой, на старую квартиру в Машков переулок. — Максим Горький (наст. имя и фамилия Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) высоко ценил раннюю прозу К. 9.01.1927 он писал Д. А. Лутохину из Сорренто: «Вы не обратили внимания на повесть Валентина Катаева "Растратчики", помещенную в 10–12-й книгах "Кр<асной> нови"? Очень талантливая вещь» (Горький М. Неизданная переписка. М., 1976. С. 422). В СССР из Италии Горький впервые после 1917 г. прибыл 28.5.1928 г. «В час дня приезжает в Москву. На перроне Белорусского вокзала в честь Горького выстроен почетный караул красноармейцев и пионеров. Горького встречают представители партии и правительства: К. Е. Ворошилов, С. Орджоникидзе, А. В. Луначарский, Ем. Ярославский, М. М. Литвинов, А. С. Бубнов, писатели А. С. Серафимович, Ф. В. Гладков, Вс. Иванов, Л. М. Леонов и др. <...> С вокзала Горький едет на квартиру Е. П. Пешковой — Машков переулок, № 1, кв. 16» (Летопись жизни и тв-ва А. М. Горького. Вып. 3. 1917–1929. М., 1959. С. 617–618). Ср. в мемуарах Ф. Ф. Раскольникова: «Однажды в Машковом переулке, на квартире Екатерины Павловны Пешковой, где тогда останавливался Горький во время приезда в Москву, в небольшой столовой собралась группа писателей <...> Всеволод Иванов, Юрий Олеша, Валентин Катаев и Владимир Лидин расположились вокруг стола и на широкой низкой тахте» (*Раскольников* Ф. Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 461).

- 127. ...перекресток Мясницкой и Бульварного колыша, по которому, рассыпая из-под колес искры, катились провинциальные вагончики трамвая буквы А, в просторечии «Аннушки». Первые трамваи начали движение по улицам Москвы в 1899 г. Линия «А» вступила в действие в 1911 г. Маршрут трамвая «А» был первоначально одним из самых длинных. До 1995 г. маршрут пролегал от ул. Зацепа до Мясницких ворот. «Аннушка» вновь пошла по Москве в 1997 г.; конечные остановки «Мясницкие ворота» и «Калужская площадь».
- **128.** Но лучше всего запомнился мне Архангельский переулок. Получивший свое название по знаменитой «Меншиковой башне», церкви Архангела Гавриила. В переулке можно видеть два интереснейших храма Меншикову башню и церковь Феодора Стратилата, построенную И. Еготовым в начале XIX в. Переулок связан с жизнью ряда выдающихся деятелей русской культуры. Так, в д. 13/11 в 20-е-30-е гг. проживал инженер В. Г. Шухов, автор первой московской телебашни на Шаболовке, «Шуховой башни», навеса-перекрытия над путями Киевского вокзала и других сложных конструкций.
- **129.** В Кривоколенном, в этом самом изломанном, длиннейшем и нелепейшем переулке во всей Москве, помещалась редакция первого советского толстого журнала «Красная новь», основанного по совету самого Ленина. Редакция располагалась в доме № 14. В. И. Ленин дважды печатался в научно-публицистическом отделе этого журнала.
- **130.** И вот однажды по дороге в редакцию в Архангельском переулке я и познакомился с наиболее опасным соперником Командора. Ср., например, у И. В. Ильинского: «...та часть молодежи, которая признавала Маяковского, отворачивалась от Есенина и наоборот <...> разница усугублялась диспутами и поэтическими спорами-поединками между этими поэтами с выпадами друг против друга» (Ильинский И. В. // О Маяковском. С. 293).
- **131.** ...который за несколько лет до этого сам предсказал свою славу: «Разбуди меня утром рано, засвети в нашей горнице свет. Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт». Неточно цитируется ст-ние С. Есенина «Разбуди меня завтра рано...» (1917).
- 132. < Ранее > он был в своей легендарной заграничной поездке вместе с прославленной на весь мир американской балериной-босоножкой, которая была в восхищении от русской революции и выбегала на сцену московского Большого театра в красной тунике, с развернутым красным знаменем, исполняя под звуки оркестра свой знаменитый танец «Интернационал». У нее в Москве, в особняке на Пречистенке, была студия молоденьких балерин-босоножек, и ее слава была безгранична. С. Есенин женился на Айседоре Дункан (1877–1927) в 1921 г. «В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. Объездил всю Европу и Северную Америку» (Есенин С. А. Сергей Есенин // Есенин С. А. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 5. М., 1962. С. 14). О танцевальном выступлении Дункан под пение залом (а не «под звуки оркестра») «Интернационала» на сцене Большого театра 7.11.1921 г., см.,

например, в мемуарах И. И. Шнейдера (Шнейдер И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М., 1965. С. 38–39). Студия Дункан в Москве находилась по адресу: Пречистенка, 20.

- 133. Один из больших остряков того времени. По-видимому, «большой остряк» (Т3. С. 351) поэт-сатирик Арго (наст. имя и фамилия Абрам Маркович Гольденберг, 1897—1968). Приведем здесь шуточное стихотворение Арго 1928 г., обращенное к Ю. Олеше («Зубило») и сохранившееся в альбоме, составленном А. Е. Крученых (РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 20. Л. 15): Гип-гип-гип-ура Зубило Чтоб тебя хоть раз убило!
- **134.** Она была далеко не развалина, а еще хоть куда! «Дункан показалась мне крупной и монументальной, с гордо посаженной царственной головой, облитой красноватой медью густых, гладких, стриженых волос» (Шнейдер И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М., 1965. С. 7); «Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом» (Горький М. // О Есенине. Т. 2. С. 6); «...увядающее лицо, полное женственной прелести» (Крандиевская-Толстая Н. // Там же. С. 14).
- 135. Изредка доносились слухи о скандалах, которые время от времени учинял русский поэт в Париже, Берлине, Нью-Йорке, о публичных драках с эксцентричной американкой, что создало на Западе громадную рекламу бесшабашному крестьянскому сыну, рубахепарню, красавцу и драчуну с загадочной славянской душой. Ср., например, у Н. В. Крандиевской-Толстой:
- «— Любит, чтобы ругал ее по-русски, не то объяснял, не то оправдывался Есенин, нравится ей. И когда бью нравится. Чудачка!
 - А вы бьете? спросила я.
- Она сама дерется, засмеялся он уклончиво» (Крандиевская-Толстая Н. // О Есенине. Т. 2. С. 16).
- **136.** Но вот королевич окончательно разодрался со своей босоножкой и в один прекрасный день снова появился в Москве «как денди лондонский, одет». Из 1-й главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
- 137. А рядом с ним шел очень маленький, ростом с мальчика, с маленьким носиком, с крупными передними зубами, по-детски выступающими из улыбающихся губ, с добрыми, умными, немного лукавыми, лучистыми глазами молодой человек. Он был в скромном москвошвеевском костюме, впрочем при галстуке, простоватый на вид да себе на уме. Как на широко растиражированной фотографии, где Василий Казин снят рядом с С. Есениным.

- **138.** ...с которым я уже был хорошо знаком и которого сердечно любил за мягкий характер и чудные стихи раннего революционного периода, истинно пролетарские, без подделки; поэзия чистой воды <...> «Мой отец простой водопроводчик, ну а мне судьба сулила петь. Мой отец над сетью труб хлопочет, я стихов вызваниваю сеть». Начальные строки ст-ния В. Казина 1923 г.
- **139.** Вот как писал этот поэт сын водопроводчика из Немецкой слободы. Василий Васильевич Казин (1898–1981) жил в Москве по адресу: Девкин переулок, д. 20, кв. 11. Девкин пер. (с 1922 г. официально назывался Бауманский пер.) один из переулков Немецкой слободы, у Покровской улицы (с 1918 г. Бакунинская ул.). Ср. в письме С. Есенина к Казину из Ленинграда (от 28.6.1924 г.): «Ах, если бы сюда твой Девкин переулок» (Есенин С. А. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 5. С. 176).
- **140.** «Живей, рубанок, шибче шаркай, шушукай, пой за верстаком, чеши тесину сталью жаркой, стальным и жарким гребешком... И вот сегодня шум свиванья, и ты, кудрявясь второпях, взвиваешь теплые воспоминанья о тех возлюбленных кудрях...» Начальные строки ст-ния В. Казина «Рубанок» (1920).
- **141.** Как видите, он уже не только был искушен в ассонансах, внутренних рифмах, звуковых повторах, но и позволял себе разбивать четырехстопный ямб инородной строчкой, что показывало его знакомство не только с обязательным Пушкиным, но также с Тютчевым и даже Андреем Белым. Ср. с признанием самого В. Казина: «Настоящим наставником своим я назвал бы Андрея Белого. Он вел курс стихосложения в литературной студии Пролеткульта, где я учился в 1918—1920 годах <...> Как он рассказывал о Пушкине! Заставлял вслушиваться в звукопись:

Шипенье пенистых бокалов

И пунша пламень голубой...

Ему, Андрею Белому, обязан я своим <далее Казин приводит первую строфу ст-ния "Живей, рубанок, шибче шаркай..." — Коммент.>» (Цит. по: Богомолов Н. А. Андрей Белый и советские писатели. К истории творческих связей // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 319). Отметим, что Андрей Белый в письме к П. Н. Зайцеву от 1.6.1933 г. чрезвычайно высоко оценил роман К. «Время, вперед!»: «В совершенном восторге от романа В. Катаева "Время, вперед!"; непременно прочтите» (Минувшее. Исторический альманах. 15. М.-СПб., 1994. С.329).

- **142.** ...сочинитель «Радуницы». Дебютной книги стихов С. Есенина, вышедшей в Петрограде в 1915 г.
- **143.** ...я увидел: молодого мужчину, я бы даже сказал господина, одетого по последней парижской моде, в габардиновый светлый костюм пиджак в талию, брюки с хорошо выглаженной складкой, новые заграничные ботинки, весь с иголочки, только новая фетровая шляпа с широкой муаровой лентой была без обычной вмятины и сидела на голове

- аккуратно и выпукло, как горшок. Этот портрет С. Есенина подозрительно напоминает известную фотографию поэта 1925 г. (См. ее воспроизведение, например: *Есенин С. А.* Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 3. Между С. 112 и 113).
- **144.** *А из-под этой парижской шляпы на меня смотрело лицо русского херувима.* Расхожее сравнение: «...окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом» (*Изряднова А. Р.* // О Есенине. Т. 1. С. 144).
- **145.** Я < ... > сказал, что полюбил его поэзию еще с 1916 года, когда прочитал его стихотворение «Лисица». Которое было впервые напечатано не в 1916, а в 1917 г.: в 10 номере «Нивы» (от 18 марта). На Первую мировую войну К. пошел добровольцем зимой 1915 г. Ср. в его автобиографии: «В 1915 г., наскоро развязавшись с гимназией, я поступил вольноопределяющимся в действующую армию, в 64-ю артиллерийскую бригаду, где и пробыл с небольшим перерывом до лета 1917 г.» (Катаев В. П. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: в 2-х тт. Т. 1. М., 1959. С. 538).
- **146.** Вам понравилось? спросил он, оживившись. Теперь мало кто помнит мою «Лисицу». Всё больше восхищаются другим «Плюйся, ветер, охапками листьев, я такой же, как ты, хулиган». Из ст-ния «Хулиган» (1920).
- **147.** *Ну и, конечно, «С бандитами жарю спирт…».* Из ст-ния «Да! Теперь решено. Без возврата…» (1922–23).
- **148.** Незнакомый поэт запросто перешагнул через рубеж, положенный передо мною Буниным и казавшийся окончательным. К.-поэт считал себя учеником Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) главного героя катаевской мемуарной книги ТЗ. В своих «Окаянных днях» Бунин писал о К.: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорит: "За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки..."» (Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 121).
- 149. ...я мог бы назвать моего нового знакомого как угодно: инок, мизгирь, лель, царевич... Но почему-то мне казалось, что ему больше всего, несмотря на парижскую шляпу и лайковые перчатки, подходит слово «королевич»... Может быть, даже королевич Елисей... Еще одно ходовое сравнение из мемуаров о поэте. Ср., например, у Пимена Карпова о «златокудром Леле Есенине» (Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 323) и еще более близкое к катаевскому прозвищу у Б. Л. Пастернака: «Есенин к жизни своей отнесся как к сказке. Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан» (Пастернак Б. Л. Люди и положения // Пастернак. С. 455–456). Ср. с наблюдением из дневника композитора-националиста Георгия Свиридова 1978 года: очерк Пастернака «Люди и положения» «является конспектом < курсив

- Γ . Свиридова. *Коммент*. > несравненно более талантливым и несравнимым в художественном отношении с романом Катаева "Алмазный мой венец". В этой последней книге, как выясняется, нет ни одной собственной мысли. Все оценки взяты из статьи Пастернака» (*Свиридов* Γ . Музыка как судьба. М., 2002. С. 308). За указание на этот источник приносим благодарность С. И. Субботину.
- **150.** A я, сказал он, отвечая любезностью на любезность, только недавно прочитал в «Накануне» замечательный рассказ «Железное кольцо», подписанный вашей фамилией. Это произведение К. было опубликовано в литературном приложении № 54 к № 343 газеты «Накануне» (от 27.5.1923 г.), с подзаголовком: «рассказ мрачного романтика».
- 151. Теперь, застрявши перед красным светофором на перекрестке Кировская Бульварное кольцо, я так ясно представил себе тротуар короткого Архангельского переулка, вижу рядом странную, какую-то нерусскую колокольню круглую башню и церковь, как говорят, посещавшуюся масонами соседней ложи. Церковь архангела Гавриила была построена А. Меншиковым в своей усадьбе в 1704—1707 гг. Руководил работами, скорее всего, известный зодчий Иван Зарудный. В строительстве храма принимали участие швейцарские и итальянские архитекторы и мастера. «Башня» превзошла по высоте на 1,5 сажени Ивана Великого и стала самым высоким сооружением в Москве. В 1723 г. в церковь ударила молния, начался пожар, и вся верхняя часть храма сгорела. Восстановительные работы были проведены лишь в 1773—1779 гг. по инициативе масона Г. З. Измайлова. В интерьере церкви появилась масонская символика. Церковь, видимо, служила местом проведения масонских собраний. В середине XIX в. масонские знаки в «Меншиковой башне» были ликвидированы по предписанию митрополита Филарета. Недалеко от этого места была расположена знаменитая масонская «Новиковская» типография (дом в Кривоколенном переулке не сохранился).
- **152.** ...и зеленоватые стволы деревьев, которые в моей осыпающейся памяти запечатлелись как платаны со стволами, пятнистыми как легавые собаки, чего никак не могло быть на самом деле: где же в Москве найдешь платаны? Платаны в Москве действительно не растут. О них см. в мемуарном очерке Т. Тэсс, посвященном К.: «В одном рассказе я упомянула о Приморском бульваре в Одессе, на котором цвели каштаны <...> Бросив на меня беглый взгляд узких внимательных глаз, он сказал:
- А на Приморском бульваре, между прочим, не каштаны, а платаны» (*Тэсс Т.* Друзья моей души. М., 1982. С. 229).
- **153.** А в начале Чистых прудов, как бы запирая бульвар со стороны Мясницкой, стояло скучное двухэтажное здание трактира с подачей пива, так что дальнейшее не требует разъяснений. В несохранившемся здании на Чистопрудном бульваре у Мясницких ворот, примерно там, где сейчас находится входной вестибюль станции метро «Чистые пруды», располагалась пивная И. Малинникова (Чистопрудный бульвар, д. 28, пом. 10).

- **154.** Помню, что в первый же день мы так искренне, так глубоко сошлись, что я не стесняясь спросил королевича, какого черта он спутался со старой американкой, которую, по моим понятиям, никак нельзя было полюбить, на что он, ничуть на меня не обидевшись, со слезами на хмельных глазах, с чувством воскликнул:
- Богом тебе клянусь, вот святой истинный крест! Он поискал глазами и перекрестился на старую трактирную икону. Хошь верь, хоть не верь: я ее любил. И она меня любила. Мы крепко любили друг друга. Можешь ты это понять? А то, что ей сорок, так дай бог тебе быть таким в семьдесят! Ср. с репликой С. Есенина из мемуаров А. И. Тарасова-Родионова: «— Нет, Дункан я любил. Только двух женщин я любил, и второю была Дункан <...> Эту Зинаиду Райх и Дункан» (Тарасов-Родионов А. И. Последняя встреча с Есениным / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. 11. М.-СПб., 1992. С. 367).
- **155.** Он положил свою рязанскую кудрявую голову на мокрую клеенку и заплакал, бормоча: ...и какую-то женщину сорока с лишним лет... называл своей милой... «И какую-то женщину // Сорока с лишним лет // Называл скверной девочкой // И своею милою» (Из поэмы Есенина «Черный человек», 1925).
- **156.** ...в трактире, на углу Чистых прудов и Кировской, там, где теперь я видел станцию метро «Кировская» и памятник Грибоедову. Памятник Грибоедову был установлен в начале Чистопрудного бульвара в 1959 г. (скульптор А. Мануйлов, арх. А. Заварзин).
- 157. Примерно года за полтора до самоуничтожения королевича мне удалось вытащить в Москву птицелова. — Э. Багрицкий переехал в Москву не «года за полтора до самоуничтожения» С. Есенина, а в том же, 1925 г., в котором Есенин покончил с собой. Согласно свидетельству С. И. Липкина, «Багрицкий рассказывал, что как-то к нему пришел Катаев и сказал: "Я купил тебе билет до Москвы". И он поехал. Единственное, что взял из Одессы, это клетку со щеглом» (Липкин). «Когда мы жили в Кунцеве, я заметил, что Катаев при мне у Багрицкого не бывал — они были в ссоре, хотя именно Катаев сыграл большую роль при переезде Багрицкого в Москву. Ни с одним, ни с другим я никогда не обсуждал эту тему» (Там же). Все же Липкин предположил, что Багрицкого и К. рассорил рассказ последнего «Бездельник Эдуард» (1925), где иронически изображена история женитьбы Багрицкого (в рассказе «Эдуарда Тюкина») на Л. Г. Суок (См.: Липкин С. И. Катаев и Одесса // Знамя. 1997. № 1. С. 212). Ср. об этом рассказе в мемуарной заметке П. Г. Антокольского: «Еще не зная его стихов, мы познакомились с Багрицким, с "бездельником Эдуардом", как с героем литературного произведения, — в рассказе В. Катаева» (Антокольский П. Мир поэта // Литературная газета. 1939. 15 февраля. С. 2). Ср. в мемуарной книге Э. Л. Миндлина: «Земляки Катаева — писатели-одесситы предупреждали, что прототип Эдуарда Тачкина» <...> «поэт Эдуард Багрицкий — скоро прибудет в Москву, и мы все увидим тогда, что это за поэт! И ахнем <...> Мы зачитывались рассказами Катаева о бездельнике Эдуарде и ждали приезда Багрицкого» (Миндлин. С. 130). Если принять версию С. И. Липкина, получается, что Багрицкий и К. не общались начиная с самого переезда автора «Птицелова» в Москву.

- **158.** Он уже был женат на вдове военного врача. Э. Багрицкий женился на Лидии Густавовне Суок (1895–1969) в 1920 г. С Суок его познакомил К. См. портрет Л. Суок в «Бездельнике Эдуарде»: «...скромно зачесанная, толстенькая, с розовыми ушками, похожая на большую маленькую девочку в пенсне» (БЭ. С. 12).
- **159.** У него недавно родился сын. Всеволод Эдуардович Багрицкий (1922–1942), впоследствии также ставший поэтом.
- **160.** Он заметно пополнел и опустился. Жена его, добрая женщина, нежно его любила, берегла, шила из своих старых платьев ему толстовки так назывались в те времена длинные верхние рубахи вроде тех дворянских охотничых рубах, которые носил Лев Толстой, но только со складками и пояском. Воспроизводится литературная ситуация «Обломов» (Багрицкий) «вдова Пшеницына» (Лидия Суок). Ср. также в «Бездельнике Эдуарде»: «Эдуард был одет в чистенькую рубашечку и детские брючки, сшитые из старой Лидочкиной юбки. Кокетливый дешевенький галстучек висел у него на тощей шее» (БЭ. С. 37).
- **161.** Он жил стихотворной, газетной поденщиной в тех немногочисленных русских изданиях, которые еще сохранились. В эти годы Э. Багрицкий печатался в газетах «Одесские известия», «Моряк», «Шквал», «Станок» и др.
- 162. Его пожирала бронхиальная астма. По целым дням он по старой привычке сидел на матраце, поджав по-турецки ноги, кашлял, задыхался, жег специальный порошок против астмы и с надсадой вдыхал его селитренный дым. Ср. в записях Ю. Олеши: «От бронхиальной астмы лечатся так называемым абиссинским порошком, который курят, как табак. Запах этого курения стоял в московской квартире Багрицкого. Припадки астмы повторялись у него довольно часто, и, приходя к нему, я почти всегда застигал его в неестественной, полной страдания позе. Он сидел на постели, упершись руками в ее края, как бы подставив упоры под туловище, готовое каждую секунду сотрястись от кашля и, казалось, изо всех сил удерживаемое от этого человеком» (Олеша 2001. С. 170).
- **163.** По-прежнему в небольшой комнате с крашеным полом, среди сохнущих детских пеленок и стука швейной машинки. «Швейная машинка была продана» (БЭ. С. 37).
- **164.** ...его окружали молодые поэты, его страстные и верные поклонники, для которых он был божеством. Ср. в мемуарах одного из молодых тогда одесских стихотворцев: «...я принял отважное решение, отправился на Пушкинскую улицу, в редакцию "Одесских новостей" <...> меня принял высокий, с седым вихром, чуть сутулый консультант в мятых парусиновых брюках и толстовке, одет не по-зимнему. Рукой с необычайно длинными ногтями он отстранил мою тетрадку, сказал, хрипло дыша: "Стихи надо читать вслух" <...>

"Так слушайте. Багрицкий буду я. Вы ничего не знаете. Приходите ко мне в воскресенье вечером на Дальницкую. Вам известно, где находится джутовая фабрика?" — "Да, в конце Молдаванки, за Степовой".

Я пришел по указанному адресу. Халупа. Прихожей не было. Дверь вела сразу в комнату. Она освещалась сверху, фонарем, под которым стояло корыто (или лоханка): видимо, фонарь протекал, южные зимы часто дождливые. Постепенно я привыкал к темноте. Увидел Лидию Густавовну, молодую, в пенсне, возившуюся у "буржуйки" <...> Маленький мальчик Сева пытался выстрелить из игрушечного ружья. Багрицкий, полулежа на чем-то самодельном, стал мне читать поэтов двадцатого века — Блока, Анненского, Ходасевича, Мандельштама, Клюева, Гумилева <...> Его чуть хриплый, задыхающийся голос стал неожиданно звонок, певуч, крепок. До сих пор этот голос живет в моих ушах блоковскими "Шагами командора", "Коллежскими асессорами" Случевского» (Липкин С. И. Страничка автобиографии // Липкин С. И. Декада. М., 1990. С. 6–7).

- **165.** Тут Лида и Севка, тут хорошая брынза, дыни, кавуны, вареная пшенка... и вообще есть литературный кружок «Потоки». Кружок «Потоки» (полное название «Потоки Октября») был организован при Одесских железнодорожных мастерских в первой половине 1920-х гг. «...к названию кружка "Потоки"» Багрицкий «прибавлял два слова и говорил: "Потоки патоки и пота"» (Данилов Н. // О Багрицком 1973. С. 79).
- **166.** Что слава? Жалкая зарплата на бедном рубище певца, вяло сострил он, понимая всю несостоятельность этого старого жалкого каламбура. Каламбурно обыгрываются пушкинские строки из ст-ния «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824): «Что слава? Яркая заплата // На ветхом рубище певца».
- 167. За такие остроты вешают сказал я с той беспощадностью, которая была свойственна нашей компании. Ср. в мемуарах З. Шишовой: «...мы <...> вели себя, как передравшиеся щенки. Ругали друг друга за каждую слабую (по нашим тогдашним понятиям) строку, подмечали слащавость, подражательность. Писали друг на друга пародии» (Шишова З. К. // Об Олеше. С. 37–38). Ср. также в воспоминаниях П. Ершова: «Катаев обычно рубил с плеча, безжалостно критикуя слабые места. Олеша же, маленький, коренастый, ширококостный, задирал дрыгающие ножки в несоразмерно больших ботинках, морщился не то от смеха, не то от боли и жалобно стонал: ой, плохо! ох, как плохо...» (Зеленая лампа. С. 3).
- **168.** Он посмотрел на увеличенный фотографический портрет военного врача в полной парадной форме покойного мужа его жены.

Птицелов чрезвычайно почтительно относился к своему предшественнику и каждый раз, глядя на его портрет, поднимал вверх указательный палец и многозначительным шепотом произносил: — Канцлер! — В рассказе К. «Бездельник Эдуард» фигурирует «большой портрет» Лидочкиного «покойного мужа, бородатого военного врача с портупеей через плечо» (БЭ. С. 14). Ср., однако, в записях Г. И. Полякова: «Багрицкая вспоминает, как в первые годы военного коммунизма, когда нечем было топить печь,

<Багрицкий. — *Коммент.*> без всякого сожаления сжег портрет ее первого мужа» (Спивак. С. 129).

- **169.** Мы прохаживались вдоль готового отойти поезда. Птицелов кисло смотрел на зеленые вагоны третьего класса, бормоча что-то насчет мучений, предстоящих ему в жестком вагоне, в духоте, в тряске и так даже, он даже вспомнил при сей верной оказии Блока: «...молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...» Из ст-ния Ал. Блока «На железной дороге» (1910).
- **170.** Мы поедем вот в этом вагоне, сказал я и показал пальцем на сохранившийся с дореволюционного времени вагон международного общества спальных вагонов с медными британскими львами на коричневой деревянной обшивке, натертой воском, как паркет. — Ср. с рассказом Л. Г. Багрицкой в изложении Г. И. Полякова: «В период жизни в Одессе был один знакомый литератор по фамилии Харджиев. Багрицкий донашивал его старые вещи. Когда Багрицкий уезжал с Катаевым в Москву, Катаев взял два билета в международный вагон. Жена постаралась одеть Багрицкого получше, сшила ему брюки. Но нижнего белья не было. И вот, в последний момент, когда Багрицкий должен был ехать на вокзал, он с ужасом подумал о том, что в международном вагоне нужно будет, по всей вероятности, раздеваться на ночь, а он едет без нижнего белья. Харджиев, который был с ним в это время, срочно поехал домой и привез ему на вокзал кальсоны и нижнюю рубашку, их Багрицкий должен был одеть <так! — Коммент.> в поезде, вечером в уборной» (Спивак. С. 186). Николай Иванович Харджиев (1903–1996) — видный советский филолог и искусствовед. Стоит обратить внимание на то, как тщательно и предусмотрительно Багрицкие и Харджиев скрывали от насмешливого К. факт отсутствия у Багрицкого нижнего белья: в результате эпизод с кальсонами не вошел в «АМВ».
- 171. ...мы читали друг другу свои и чужие стихи, то есть занимались тем, чем привыкли заниматься всегда, и везде, и при любых обстоятельствах: дома, на Дерибасовской, на Ланжероне, в Отраде и даже на прелестной одномачтовой яхте английской постройки «Чайка», куда однажды не без труда удалось затащить птицелова, который вопреки легенде ужасно боялся моря и старался не подходить к нему ближе чем на двадцать шагов. Ср. с изумленным свидетельством С. И. Липкина: «Оказалось, что певец моря не умеет плавать» (Липкин). О яхте «Чайка» и, может быть, об этой же прогулке, состоявшейся летом 1918 г., написано ст-ние Зинаиды Шишовой «Чайка» (обращенное к А. Фиолетову). Процитируем его полностью (по книге: Шишова З. Пенаты. Стихи. Одесса, 1919. С. 18):

Пахнут липовыми сотами Золотые облака. Не следит за поворотами Утомленная рука. Мысли золотом расплавлены, Будто все навеселе, Будто ты поешь, поставленный Самый пьяный на руле!

- 172. ...на «Чайку» налетел с Добиновки внезапный шквал. Яхту бросало по волнам. Наши девушки спрятались в каюте. А птицелов лежал пластом на палубе лицом вниз, уцепившись руками за медную утку, проклиная все на свете, поносил нас последними словами, клялся, что никогда в жизни не ступит на борт корабля. Ср. с рассказом К., записанным Г. И. Поляковым: «Как-то (это было примерно в 1918 г.) поехали в небольшой яхте в открытое море. Когда начался шквал, Багрицкий безумно испугался, лег на палубу, невозможно было его вытащить» (Спивак. С. 136). Ср., однако, со свидетельством Л. Г. Багрицкой о своем муже: «Не был совершенно подвержен морской качке. Мог переносить сильную морскую качку, например, во время бури, без всяких неприятных ощущений» (Спивак. С. 119). Ср. также в мемуарной заметке Б. В. Бобовича о Багрицком: «Лежа в лодке, он декламировал. Было тихо, совсем тихо... Лишь однотонно и скупо поскрипывали борта нашей лодки» (Бобович Б. Юность // Литературная газета. 1939. 15 февраля. С. 2).
- 173. ... и в промежутках читал, кажется, единственное свое горькое любовное стихотворение, в котором, сколько мне помнится, «металась мокрая листва» и было «имя Елены строгое» или нечто подобное. Упоминаемое К. ст-ние Э. Багрицкого, повидимому, не сохранилось. История, рассказанная в этом эпизоде, послужила сюжетной основой для поэмы Багрицкого «Февраль» (1933–1934). Ср. в мемуарах Ф. М. Левина, где приводится такой монолог поэта: «Я пишу поэму. Поэма эта о себе самом, о старом мире. Там почти все правда, все это со мной было <...> когда я увидел эту гимназистку, в которую я был влюблен, которая стала офицерской проституткой, то в поэме я выгоняю всех и лезу к ней на кровать. Это, так сказать, разрыв с прошлым, расплата с ним. А на самом-то деле я очень растерялся и сконфузился и не знал, как бы скорее уйти» (Левин Ф. // О Багрицком 1936. С. 375–376). Отметим также, что Еленой звали возлюбленную самого К. (о которой рассказывается в «АМВ»).
- **174.** Недаром же в его стихах о Пушкине были такие слова: «...рассыпанные кудри Гончаровой и тихие медовые глаза». Из ст-ния Э. Багрицкого «О Пушкине» (1924).
- **175.** Строфы разных стихотворений смешивались между собой, превращаясь в сумбурную, но прекрасную поэму нашей молодости... «Вот так бы и мне в налетающей тьме <...> "Ай, Черное море, хорошее море!.."» Цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Контрабандисты» (1927).
- **176.** «За проселочной дорогой <...> если Дидель свищет птицам и смеется невзначай?» Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Птицелов» (1918–1926). И «Контрабандисты» и «Птицелов» были написаны Багрицким уже в Москве.
- **177.** ...ему хотелось быть и контрабандистом, и чекистом. В 1917 г. Э. Багрицкий служил в одесской милиции, «главным образом из-за любви к оружию» (Спивак. С. 96).

Близким приятелем Багрицкого и К. был одесский чекист Яков Вельский. О взаимоотношениях К. с одесской ЧК подробнее см. в фундаментальном комментарии С. 3. Лущика в изд.: Вертер.

- **178.** «Мы сваи поднимали в ряд < ... > "Вернись обратно, Витингтон, о, Витингтон, вернись обратно!"» Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Баллада о Виттингтоне» (1923).
- **179.** Каким-то образом мы очутились в самый разгар палящего дня этого московского, как сказал бы щелкунчик буддийского, лета в Сокольническом запущенном парке. Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931).
- **180.** ...мы ходили по Москве <...> мимо Пушкина, Тимирязева с голубем на голове. Разумеется, памятника, открытого 4.11.1923 г. Этот памятник находится на месте дома Гагарина, разрушенного и выгоревшего во время октябрьских боев 1917 г. Авторы памятника скульптор С. Меркуров и арх. Д. Осипов.
- 181. Сломивши сопротивление птицелова, я повел его сначала на Сухаревку, где купил ему более или менее приличные ботинки на картонной подошве изделие известных кимрских сапожников. Название «Сухаревка» происходит от фамилии полковника Л. Сухарева, чей стрелецкий полк располагался в конце XVII в. в этом месте Москвы. В 1690–1701 гг. здесь была сооружена Сухарева башня, где Петр I разместил школу, обучавшую математике и навигации. Башню снесли в 1934 г. В XIX начале XX в. на Сухаревке находился обширный рынок; шла торговля съестным, мебелью, антиквариатом, книгами, одеждой, обувью и многим другим. В 1925 г. рынок был вытеснен к кинотеатру «Форум», а в 1930 г. закрыт.
- **182.** Я водил его по редакциям. В мемуарах Е. Плетневой описано, как только что приехавшего в Москву Э. Багрицкого приводит в редакцию одного из столичных журналов Г. А. Шенгели (См.: Плетнева Е. // О Багрицком 1973. С. 165). Подобные воспоминания о Багрицком и К. нам неизвестны.
- **183.** *<Королевич> успел поучиться в университете Шанявского.* На историкофилософском отделении, с 1913 по 1915 гг.
- **184.** ...немного знал немецкий язык. «Есенин не говорил ни на одном из европейских языков» (*Грузинов И. В.* // О Есенине. Т. 1. С. 371).
- **185.** ... потерялся еще в Санкт-Петербурге среди знаменитых поэтов. Речь идет, в первую очередь, об А. А. Блоке, С. М. Городецком и чете Мережковских.

- 186. ...однако время от времени в нем вспыхивала неодолимая жажда вернуться в Константиново, где на пороге рубленой избы с резными рязанскими наличниками на окошках ждала его старенькая мама в ветхом шушуне и шустрая сестренка, которую он очень любил. — Ср. у А. Б. Мариенгофа: «К отцу, к матери, к сестрам (обретавшимся тогда в селе Константинове Рязанской губернии) относился Есенин с отдышкой от самого живота, как от тяжелой клади <...> За четыре года, которые мы прожили вместе, всего один раз он выбрался в свое Константиново. Собирался прожить там недельки полторы, а прискакал через три дня обратно, отплевываясь, отбрыкиваясь и рассказывая, смеясь, как на другой же день поутру не знал, куда там себя девать от зеленой тоски. Сестер же своих не хотел везти в город, чтобы, став "барышнями", они не обобычнели его фигуры» (Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость... М., 1988. С. 17, 18). Ср. также с репликой хмельного С. Есенина в мемуарах А. И. Тарасова-Родионова: «Вот ты знаешь, друг, ведь у меня никого нет близких. Ты скажешь: сестра Катька. К черту! Ты слышишь: к черту! Плевать я хочу на эту дрянь. Сквалыга, каких свет не рожал» (Тарасов-Родионов А. И. Последняя встреча с Есениным / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. 11. М.-СПб., 1992. С. 371).
- **187.** <*Королевич предлагал:*> *С шиком въедем в Константиново! А уж там не сомневайтесь. Моя старушка примет вас как родных. Драчен напечет.* Ср. в ст-нии С. Есенина «В хате» (1914): «Пахнет рыхлыми драченами». Драчены блины, сдобренные яйцами, молоком и маслом.
- **188.** Самогону выставит на радостях. А назад как? Да очень просто: тут же я ударю телеграмму Воронскому в «Красную новь». Он мне сейчас же вышлет аванс. В журнале «Красная новь» (1921–1942), главным редактором которого в то время был Александр Константинович Воронский (1884–1937), С. Есенин опубликовал более 40 своих произведений. О деятельности Воронского на посту главного редактора «Красной нови» (1921–1927) подробнее см., например: Флейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003 (по именному указателю) и: Динерштейн Е. А. А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 67–85.
- **189.** ...надо сидеть в громадном зале <Казанского вокзала>, расписанном художником Лансере. Вместе с художником Ал. Бенуа в 1916–17 гг.
- 190. Мы <с королевичем и птицеловом> сидели в просторной прохладной пивной, уставленной традиционными елками, с полом, покрытым толстым слоем сырых опилок. Половой в полотняных штанах и такой же рубахе навыпуск, с полотенцем и штопором в руке, трижды хлопнув пробками, подал нам три бутылки пива завода Корнеева и Горшанова и поставил на столик несколько маленьких стеклянных блюдечек-розеток с традиционными закусками: виртуозно нарезанными тончайшими ломтиками тараньки цвета красного дерева, моченым сырым горохом, крошечными кубиками густо посоленных ржаных сухариков, такими же крошечными мятными пряничками и прочим в том же духе

доброй старой, дореволюционной Москвы. От одного вида этих закусочек сама собой возникала такая дьявольская жажда, которую могло утолить лишь громадное количество холодного пива, игравшего своими полупрозрачными загогулинами сквозь зеленое бутылочное стекло. — Источником этого описания, по-видимому, послужили мемуары С. Г. Гехта: «Пил Есенин мало, и только пиво марки Корнеева и Горшанова, поданное на стол в обрамлении семи розеток с возбуждающими жажду закусками — сушеной воблой, кружочками копченой колбасы, ломтиками сыра, недоваренным горошком, сухариками черными, белыми и мятными» (Гехт С. // О Бабеле. С. 66).

- **191.** Время от времени королевич выбегал на вокзальную площадь и смотрел на башенные часы Николаевского вокзала, находившегося против нашего Казанского. Николаевский (в наст. время Ленинградский) 1-й железнодорожный вокзал Москвы. Выстроен в 1851 г., арх. К. Тон. Рязанский (нынешний Казанский) вокзал построен в основном в 1913—1926 гг. Полностью строительство было завершено только в 1940 г. Проектируя здание вокзала, А. Щусев использовал мотивы средневековой архитектуры Москвы и Казани.
- **192.** Тогда королевич <...> начал читать нам свою длиннейшую поэму «Анна Онегина». Написанную в 1925 г.
- **193.** ...королевич, забыв свою старушку маму в ветхом шушуне. Ироническая реминисценция из финальной строки есенинского «Письма к матери» (1924): «В старомодном ветхом шушуне».
- 194. А потом скрежет первых утренних трамваев, огибающих бульвары кольца А и тогда еще не вырубленные палисадники кольца Б. То есть Садового кольца. Кольцевая дорога вокруг центральной части Москвы была проведена после пожара 1812 г. и победы над Наполеоном. Некогда по линии нынешнего Садового кольца проходил сооруженный еще при Борисе Годунове земляной оборонительный вал. К началу XIX в. он полуразрушился и потерял всякое оборонное значение. Восстанавливая сгоревшую в огне Отечественной войны Москву, власти города и архитекторы приняли решение снести остатки вала и провести на его месте дорогу. Владельцев домов вдоль кольца обязали развести сады и палисадники. В первое время своего существования ширина Садовых улиц не превышала 25 м. В 1908 г. по кольцу пошел трамвай линии «Б» («букашка»). В 1930-е гг. Садовое кольцо расширяется, сады и палисадники сносятся. В 1937 г. трамвайные пути на Садовом были разобраны, вместо трамвая был пущен троллейбус (маршрут «Б»).
- 195. Десятиэтажный дом в Большом Гнездниковском переулке, казавшийся некогда чудом высотной архитектуры, чуть ли не настоящим американским небоскребом, с крыши которого открывалась панорама низкорослой старушки Москвы, долго еще назывался «дом Нирензее» по имени его бывшего владельца. 10-тиэтажный «дом Нирензее» (Бол. Гнездниковский пер., д. 10) был возведен в 1912—1914 гг. архитектором Э.-К. Нирнзее. Московский «небоскреб» строился как дом «маленьких квартир» в нем,

по замыслу создателя, преимущественно должны были жить холостяки и небольшие семьи. В 1915 г. в дом Нирнзее переселился театр миниатюр Н. Балиева «Летучая мышь» — он давал свои спектакли в полуподвале здания. Впоследствии в доме Нирнзее помещались кабаре «Кривой Джимми», театр Сатиры, цыганский театр «Ромэн» и другие театральные коллективы. В 1915 г. на крыше дома был устроен съемочный павильон кинорежиссера В. Гардина. В годы НЭПа на крыше находились ресторан и кинотеатр. На первом этаже дома Нирнзее в 1922–24 гг. располагалась московская контора берлинской сменовеховской газеты «Накануне».

- **196.** Гастроном № 1 на улице Горького еще до сих пор кое-кто называет «магазин Елисеева». Магазин петербургского купца Г. Елисеева был открыт в нынешнем доме 14 на Тверской улице в 1901 г. «Магазин Елисеева и погреба русских и иностранных вин» привлекали покупателей изобилием самой разнообразной снеди и питья. Интерьер торгового зала поражал буржуазной роскошью. Елисеев открыл свое заведение в старинном московском доме, где некогда помещался салон Зинаиды Волконской (для Елисеева дом перестраивал арх. Г. Барановский). В советское время магазин продолжал работать, став гастрономом № 1.
- 197. ...а булочную невдалеке от него «булочной Филиппова». Фирменный хлебный магазин Филиппова находился на Тверской ул. в д. № 10 по современной нумерации (собственно, и сам дом был выстроен фирмой Филиппова в конце XIX в.). Филипповский хлеб (особенно черный) славился не только на всю Москву, но и далеко за ее пределами. В 1905 г. рядом с магазином была оборудована кофейня-кондитерская, в отделке интерьера которой принимали участие П. Кончаловский и С. Коненков; позднее здесь был устроен ресторан «Центральный». В годы НЭПа, как и до революции, широта ассортимента в бывшей Филипповской булочной радовала покупателей.
- 198. ...хотя сам Филиппов давно уже эмигрировал и, говорят, мечтал о возвращении ему советской властью реквизированной булочной и даже писал из Парижа своим бывшим пекарям просьбу выслать ему хотя бы немножко деньжонок, о чем Командор написал стишок, напечатанный в «Красном перце»: «...в архив иллюзии сданы, живет Филиппов липово, отощал Филиппов, и штаны протерлись у Филиппова...» Речь идет о ст-нии В. Маяковского «Грустная повесть из жизни Филиппова» (1924), опубликованном в номере 23 «Красного перца» за 1924 г. (в 1924—25 гг. К. заведовал литературным отделом этого журнала).
- 199. Что касается дома «Эльпит-рабкоммуна», то о нем был напечатан в газете «Накануне» весьма острый, ядовитый очерк, написанный неким писателем, которого я впредь буду называть синеглазым. Таково в «АМВ» прозвище Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940). Прообразом дома из его рассказа «№ 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна» послужил д. № 10 на Большой Садовой улице, принадлежавший до Октябрьской революции И. Пигиту, владельцу табачной фабрики «Дукат». Здание выстроено Э. Юдицким и А. Милковым в 1903 г. М. Булгаков жил в этом доме в 1921–1924 гг., сначала в кв. 50 («нехорошая квартира», попавшая позднее под своим реальным

№ в роман «Мастер и Маргарита»), а затем — в кв. 34. Рассказ «Дом Эльпит-Рабкоммуна» был опубликован не в газете «Накануне», а во 2 (декабрьском) номере «Красного журнала для всех» за 1922 г. Газета «Накануне» издавалась в Берлине в 1922—1925 гг. Редактором литературного приложения к ней был «сменовеховец» А. Н. Толстой, убеждавший эмигрантов возвращаться в советскую Россию. Сам он вернулся туда летом 1923 г. Ср. в дневнике М. А. Булгакова от 2.9.1923 г.: «Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково). Он сегодня был очень мил <...> Он смел, но он ищет поддержки и во мне и в Катаеве» (Дневник. С. 27). Э. Л. Миндлин вспоминал, что А. Толстой, вернувшись, в Москву, «вообще не отпускал Катаева от себя» (Миндлин. С. 138). См. также следующее письмо автора «Аэлиты» к К.:

```
2 января 24 г.
Ждановская набережная
д. 3. кв. 24.
```

Милый Катаев, с Новым Годом. Спасибо Вам за письмо. Вы думаете неприглядно когда хвалят — очень приглядно. Возьмите в Госиздате «Аэлиту» отд<ельное> изд<ание>, прочтите и напишите мне по совести. Мне нужно Ваше мнение. Сейчас у меня острый роман с «Бунтом машин» — пьесой, которая идет здесь в феврале, в Москве — в марте.

Театр, театр, — вот угар.

Из Вас выйдет очень хороший драматург, если только Вы серьезно возьметесь за работу.

Серьезность работы складывается из следующих основных вещей:

- 1) архитектура 3) разработка характеров
- 2) динамика 4) чувство зрителя.

Архитектура — это есть последовательное развитие сюжета по линии нарастающих: страсти и интереса. Всякая скидка в сторону болезненна.

Динамика — это есть непрерывно увеличивающиеся: страсть и интерес. Падение на минуту интереса производит впечатление чудовищной скуки. Уменьшение страсти — верное обеспечение провала пьесы.

Разработка характеров: в пьесе всегда **одно** главное лицо, фокус пьесы. Остальные разработаны в степени отдаления перспективы. Вести сюжет пьесы может не главное лицо, но второстепенное. Но храни Вас боги Олимпа, чтобы внимание (фокус) перескочил с одного на другого.

Чувство зрителя. Это основа. Тайна тайн, энергия пьесы. Вы должны быть во время написания пьесы одновременно автором, актером и зрителем.

Автор — творческая сила.

Актер — матерьял, к которому сила прилагается.

Зритель — это непереставаемый проверщик, корректор, советчик и моралист.

Драматург должен сотворить (из действительности) своего зрителя и, когда он сотворен, взять его в сотрудничество. Вселите в себя призрак идеального зрителя.

Все что пишу — это найдено — много из своего опыта. Может быть Вам пригодится.

Я редактирую «Звезду», лит<ературную> часть. Присылайте рассказ. Передайте Булгакову, что я очень прошу его прислать для <«>Звезды<»> рукопись. Я напишу ему в ту минуту, когда буду знать его адрес.

Обнимаю Вас, целую мадам Мухе руки.

Наташа <нрзб.> Вам шлет привет.

Всегда Ваш. А. Толстой.

(Жирным шрифтом выделена вставка Толстого в этот текст. РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1.Л. 95–96). К этому посланию, вклеенному в альбом, составленный А. Е. Крученых, К. позднее сделал приписку: «Спасибо! Научил на свою голову. В. Кат<аев> <1>929 г.» (Там же). «Мадам Муха» — первая жена К. — Анна Сергеевна Коваленко, которую также называли «Мусей» и «Мусиком». В приложении к газете «Накануне» печатались такие писатели и поэты, как Б. Пильняк, О. Мандельштам, Н. Асеев, Г. Шенгели и др. М. Булгаков начал сотрудничать с газетой «Накануне» летом 1922 г. (в литературном приложении к № 68 от 18.7.1922 г. появились его «Записки на манжетах») и сразу же стал «любимцем редакции и читателей "Накануне"» (Миндлин. С.129). Э. Миндлин вспоминал, что «Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер» (Там же. С. 145). Рассказы и очерки писателя появлялись почти в каждом № «Накануне», и тем не менее А. Толстой просил Миндлина: «Шлите побольше Булгакова» (Там же. С.145). В 1922-1924 гг. Михаил Афанасьевич опубликовал в «Накануне» «Записки на манжетах», «Красную корону», «Чашу жизни», «Сорок сороков», «Самогонное озеро», «Псалом», серию очерков «Столица в блокноте» и др. произведения. (Подробнее о сотрудничестве Булгакова с «Накануне» см.: *Миндлин Э. Л.* // О Булгакове. С. 145–157, Чудакова 1988. С. 158–245). Сам автор «Записок на манжетах» относился к сменовеховцам с неприязнью — 26.9.1923 г. он записал в своем дневнике: «Компания исключительной сволочи группируется вокруг "Накануне". Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собою. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь "Накануне", никогда бы не увидали света ни "Записки на манжетах", ни многое другое» (Дневник. С. 35). С К. Булгаков познакомился, повидимому, в 1922 г., и, скорее всего, именно в редакции «Накануне». Заведующая редакцией газеты Е. Кричевская 29.12.1922 писала Булгакову: «У меня был П. Садыкер и говорил, что он виделся с Вами и с Катаевым и сговорился с Вами о постоянной работе» (Цит. по: Чудакова 1988. С. 184). Далее М. О. Чудакова пишет: «Накануне нового 1923 г. <к Булгаковым. — Коммент. > зашел Валентин Катаев, звал встречать вместе Новый год» (Там же. С. 185). Долгое время К. и Булгаков были близкими приятелями — К. называл автора «Записок на манжетах» Мишунчиком и Мишуком, а Булгаков К. — Вал юном. В альбом К., составленный А. Е. Крученых, вклеена общая фотография К., Олеши и Булгакова 1920-х гг. с шуточными пояснениями К. Под своей частью фото он написал: «Это я, молодой, красивый, элегантный». А под изображениями Олеши и Булгакова: «А это обезьяна Снукки Ю. К. Олеша, грязное животное, которое осмелилось гримасничать, будучи принятым в такое общество. В. Катаев. Это Мишунчик Булгаков, средних лет, красивый, элегантный» (РГАЛИ, Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 27) (Эту фотографию без катаевских «пояснений» см.: Чудакова 1988. С. 154). В 1925 г. К. подарил Булгакову сборник своих рассказов «Бездельник Эдуард» с такой дарственной надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу Булгакову с неизменной дружбой <,> плодовитый Валюн. 2 мая <1>925 г. Москва» (Опубл.: Чудакова 1988. С. 250; цит. по: ОР РГБ. Ф. 5462. Карт. 1. Ед. хр. 4). Отметим, что опечатки в этом экземпляре книги К. выправил только в рассказе шаржированно «Медь, которая торжествовала» (B котором изображен «Дьяволиады»), обратив, таким оригинальным способом, особое внимание Булгакова на свой шарж. Вероятно, именно в ответ на это Булгаков в повести «Роковые яйца» с иронией упомянул некоего «Валентина Петровича», «заведующего литературной частью», который правит безграмотные статьи газетного репортера Альфреда Аркадьевича Вронского (Булгаков. С. 72). Вышедшую отдельным изданием пьесу «Квадратура круга» К. также преподнес Булгакову с дружеским инскриптом: «В память театральных наших похождений. Мишуку от Валюна. 12 июня <1>928 г. Москва» (ОР РГБ. Ф. 5462. Карт. 1. Ед. хр. 5). Однако, женитьба Булгакова на Л. Е. Белозерской (отмечает М. О. Чудакова) «совпала, по свидетельству самого Катаева, с охлаждением их отношений. В тридцатые годы они все более отдалялись друг от друга» (Чудакова М. О. // О Булгакове. С. 495). По воспоминаниям Е. С. Булгаковой, Михаил Афанасьевич «считал Катаева талантливым писателем, давшим неверное употребление своему таланту и в значительной степени растратившим его» (Там же; ср. с заглавием катаевской повести «Растратчики»).

- **200.** ... *a* тогда он был рядовым газетным фельетонистом, работал железнодорожной газете «Гудок», писал под разными забавными псевдонимами вроде Крахмальная Манишка. — Фельетоны для «Гудка», а также для журналов «Красный перец», «Бич», «Бузотер» и др., с которыми сотрудничал М. Булгаков, он подписывал псевдонимами: М. Булл, Тускарора, Г. П. Ухов, Ф. С-ов, М. Неизвестный, Михаил, Эмма Б., М. Б., Ф. Скитайкин и др. (См. коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой в изд.: Булгаков. С. 709–710). Псевдоним «Крахмальная манишка» комментаторами этого изд. не упоминается, как и в специальном обзоре: Алфавитный перечень произведений МА. Булгакова. Материалы к библиографии / Сост. Б. С. Мягков // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1991. С. 427–444. Ср., однако, с воспоминаниями самого К.: «Работая в "Гудке", Булгаков подписывал свои фельетоны, очень смешные и ядовитые, "Крахмальная манишка". Несколько лет назад этот псевдоним приписывали мне, и один булгаковский фельетон попал в сборник моих сочинений. Думали, что "Крахмальная манишка" — это я» (Катаев В. П. // О Булгакове. С. 123). Действительно, один из фельетонов Булгакова, «Главполитбогослужение», «был ошибочно приписан В. П. Катаеву и включен в сборник его рассказов и фельетонов "Горох в стенку"» (См. об этом: Булгаков. С.733). Но этот фельетон в газете был подписан инициалами «М. Б.», а не псевдонимом «Крахмальная манишка». Возможно, псевдоним «Крахмальная манишка» для К. служил своеобразной эмблемой внешнего облика маниакально аккуратного Булгакова. Ср. у М. О. Чудаковой: «Костюм в те годы был для него прежде всего напоминанием об утраченной социальной принадлежности <...> он был исполненным смысла, рассчитанным на прочтение, — и в трудных обстоятельствах Булгаков собирал его по частям, оповещая друзей о деталях» (Чудакова 1988. С. 214).
- 201. Он проживал в доме «Эльпит-рабкоммуна» вместе с женой. Татьяной Николаевной Булгаковой (Лаппа) (1889–1982), супругом которой М. Булгаков стал в апреле 1913 г. О своей комнате в кв. № 50 будущий автор «Мастера и Маргариты» писал сестре Вере 24.3.1922 г.: «Комната скверная, соседство тоже» (Письма. С. 77). См. также запись в булгаковском дневнике от 29.10.1922 г.: «Первая топка ознаменовалась тем, что знаменитая Аннушка оставила на ночь окно в кухне настежь открытым. Я положительно не знаю, что делать со сволочью, что населяет эту квартиру» (Дневник. С. 35). Будни коммунальной кв. № 50 Булгаков также описал в фельетоне «Самогонное озеро» (1923).
- **202.** Он был несколько старше всех нас, персонажей этого моего сочинения, тогдашних гудковцев, и выгодно отличался от нас тем, что был человеком положительным, семейным, с принципами. Ко времени поступления на работу в «Гудок» М. Булгакову

было немногим более 30 лет. Ср. с воспоминаниями К. о Булгакове: «Он был старше нас всех — его товарищей по газете, — и мы его воспринимали почти как старика. По характеру своему Булгаков был хороший семьянин. А мы были богемой» (Катаев В. П. // О Булгакове. С. 124). Ср. также в мемуарах Э. Л. Миндлина: «С точки зрения двадцатидвухлетнего юноши "четвертый десяток" Булгакова казался почтенным возрастом <...> Сам он очень серьезно относился к своему возрасту — не то чтобы годы пугали его, нет, он просто считал, что тридцатилетний возраст обязывает писателя» (Миндлин. С. 149). Стремление Булгакова к устоявшемуся быту и спокойной жизни ярко проявлялось в его манере одеваться, описание которой стало общим местом мемуарной литературы о писателе. См., например, у Ю. Л. Слезкина: «Булгаков... купил будуарную мебель, заказал брюки почему-то на шелковой подкладке. Об этом он рассказывал всем не без гордости» (Цит. по: Письма. С. 85). Ср., однако, в воспоминаниях К. об авторе «Записок на манжетах»: «Булгаков, например, один раз появился в редакции в пижаме, поверх которой у него была надета старая потертая шуба. И когда я через много лет ему это напомнил, он страшно обиделся и сказал: "Это неправда, никогда я не позволил бы себе поверх пижамы надевать шубу!"» (Катаев В. П. // О Булгакове. С. 123).

203. В области искусств для нас существовало только два авторитета: Командор и Мейерхольд. Ну, может быть, еще Татлин, конструктор легендарной «башни Татлина», о которой говорили все, считая ее чудом ультрасовременной архитектуры.

Синеглазый же, наоборот, был весьма консервативен, глубоко уважал все признанные дореволюционные авторитеты, терпеть не мог Командора, Мейерхольда и Татлина. воспоминаниями К.: «Вообще МЫ тогда воспринимали <Булгакова. — *Коммент.*> на уровне фельетонистов дореволюционной школы фельетонистов "Русского слова", например, Амфитеатрова <...> мы были настроены к этим фельетонистам критически. А это был его идеал. Когда я как-то высказался пренебрежительно о Яблоновском, он сказал наставительно: — Валюн, нельзя так говорить о фельетонистах "Русского слова"!» (Катаев В. П. // О Булгакове. С. 493-494). Об отношении большинства «гудковцев» к творчеству режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда (1874–1940) красноречиво свидетельствует, например, следующая запись Ю. Олеши (20.1.1930 г.): «Будущим любителям мемуарной литературы сообщаю: замечательнейшим из людей, которых я знал в моей жизни, был Всеволод Мейерхольд» (Олеша 2001. С. 25). М. Булгаков же в своей сатирической повести «Роковые яйца» (1927) издевательски «похоронил» режиссера-экспериментатора, упомянув театр «имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами» (Булгаков. С. 70). Л. Е. Белозерская вспоминала, как Булгаков вместе с ней ездил на генеральную репетицию «Ревизора» Мейерхольда («в начале зимы 1926/1927 года») и по пути домой доказывал ей, «что такое самовольное вторжение в произведение искажает замысел автора и свидетельствует о неуважении к нему. По-моему, мы, споря, кричали на всю Москву» (См.: Чудакова 1988. С. 289). Об отношении большинства катаевских и булгаковских молодых современников к творчеству Владимира Евграфовича Татлина (1885–1953) красноречиво свидетельствует, например, следующий фрагмент из мемуаров Валентины Ходасевич: «Ни на кого не похож ни внешне, ни внутренне. Излучает талант во всем, за что бы ни брался» (Ходасевич В. М. Портреты словами. Очерки. М., 1987. С. 89). иронически упоминает о знаменитой башне Татлина в очерке «Биомеханическая глава» (1923): «А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект

Татлина может считаться образцом ясности и простоты» (Булгаков. С. 259). О взаимоотношениях М. Булгакова с В. Маяковским см., например, в мемуарах Л. Е. Белозерской: «В бильярдной зачастую сражались Булгаков и Маяковский <...> Думаю, что никакой особенной симпатии они друг к другу не питали, но оба держались корректно, если не считать того, что Михаил Афанасьевич терпеть не мог, когда его называли просто по фамилии <...> Он считал это неоправданной фамильярностью» (Белозерская Л. Е. // О Булгакове. С. 222–223), М. М. Яншина: «Они стояли как бы на противоположных полюсах литературной борьбы тех лет. Левый фланг — Маяковский, правый — Булгаков. Настроение в этой борьбе было самое воинствующее, самое непримиримое. И вот они время от времени встречаются. <... > Они уважали друг друга и, мне кажется, с удовольствием подчеркивали это. Лишь каждый из них в отдельности, разговаривая со мной, мог между прочим съязвить. Булгаков: "Хм. Маяковщина, примитивная агитация, знаете ли..." Маяковский: "Тети Мани, дяди Вани, охи-вздохи Турбиных..." (Там же. С. 269–270) и С. А. Ермолинского: "Если в бильярдной находился <...> Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ним устремлялись любопытные. Еще бы — Булгаков и Маяковский! Того гляди разразится скандал. Играли сосредоточенно и деловито, каждый старался блеснуть ударом <...> Независимо от результата игры прощались дружески. И все расходились разочарованные" (Там же. С. 439). См. также у самого К., который вспоминал, как он привел В. Маяковского в редакцию журнала "Красный перец", где и состоялась встреча автора "Облака в штанах" с Булгаковым: "Маяковскому не нравились вещи Булгакова, он ругал "Дни Турбиных", хотя тогда еще их не видел. Маяковский посмотрел на Булгакова ершисто <...> Маяковского он <Булгаков. — Коммент. > тоже не очень признавал, но ценил <... > Юмор сблизил Маяковского и Булгакова. Они очень мило беседовали. Но все-таки они тогда стояли по разную сторону театральных течений. Маяковский — это Мейерхольд, а Булгаков — Станиславский"» (Там же. С. 126). См. также: Петровский Мирон. Михаил Булгаков и Владимир Маяковский // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. Сб. статей. М., 1988. С. 369-391.

204. ...и никогда не позволял себе, как любил выражаться ключик, «колебать мировые струны». — Ср. в воспоминаниях К., записанных М. О. Чудаковой: «Мы были против нэпа — Олеша, я, Багрицкий. А он мог быть и за нэп. Мог <...> Вообще он не хотел колебать эти струны (это Олеша говорил — "Не надо колебать мировые струны")» (Чудакова 1988. С. 239). Возможный источник этой фразы Ю. Олеши — знаменитый «мировой оркестр» Ал. Блока (подсказано нам Н. А. Богомоловым).

205. *В* нем было что-то неуловимо провинциальное. — Ср. М. О. Чудаковой, не в последнюю очередь относящимся именно к К.: «Здесь <в покупке Булгаковыми будуарной мебели, не подходившей комнаты. — Коммент. > узнается тот легкий налет безвкусицы, который настойчиво подчеркивается многими мемуаристами, — правда, как правило, недоброжелательными. Москвичи охотно видят в этом провинциализм (любопытно, что особенно — те из москвичей, которые сами приехали из провинции одновременно с Булгаковым)» (Чудакова 1988. С. 212). Будущий автор «Дней Турбиных» приехал в Москву из Киева в конце сентября 1921 г.

- **206.** Впоследствии оказалось, что все это было лишь защитной маской втайне очень честолюбивого, влюбчивого и легкоранимого художника, в душе которого бушевали незримые страсти. Ранимость М. Булгакова отмечалась, например, его второй женой, Л. Е. Белозерской, которая однажды обидела писателя насмешками над его обувью (См.: Белозерская Л. Е. // О Булгакове. С. 193–194).
- **207.** Может быть, и Чехов, приехавший в Москву из Таганрога, мог показаться провинциалом. Антон Павлович Чехов приехал в Москву в 1879 г. В разговорах с М. О. Чудаковой К. тоже отметил, что М. Булгаков «с виду был похож на Чехова» (Чудакова 1988. С. 239). Ср. также в статье об авторе «Мастера и Маргариты», которую К. читал: «Булгакову как бы пришлось повторить судьбу Антоши Чехонте» (Лакшин В. Я. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // Булгаков М. А. Избранная проза. М., 1966. С.8).
- 208. Впоследствии, когда синеглазый прославился и на некоторое время разбогател. Широкая известность пришла к М. Булгакову после публикации его повести «Дьяволиада» в 1924 г. В отзыве на 4 кн. альманаха «Недра» рецензент, поставивший на 1-е место в альманахе повесть А. Серафимовича «Железный поток», так отозвался о новом произведении Булгакова: «И совсем устарелой по теме (сатира на советскую канцелярию) является "Дьяволиада" М. Булгакова, повесть-гротеск, правда, написанная живо и с большим юмором» (Звезда. 1924. № 3. С. 311). Ср. также в отзыве Е. И. Замятина, помещенном в № 2 «Русского современника» (1924 г.), где, наоборот, с нескрываемой иронией говорится о «Железном потоке» Серафимовича и высоко оценивается булгаковский «верный инстинкт в выборе композиционной установки: фантастика, корнями врастающая в быт» (Цит. по: Булгаков. С. 664). В 1925 г. сначала в журнале «Красная панорама», а затем в 6 кн. альманаха «Недра» была напечатана повесть Булгакова «Роковые яйца». 5.10.1926 г. состоялась премьера пьесы Булгакова «Дни Турбиных» во МХАТе, а 28.10.1926 г. — пьесы «Зойкина квартира» в Театре им. Е. Б. Вахтангова. Э. Л. Миндлин: «...на время — но только на недолгое время, пока "Дни Турбиных" еще не были сняты с репертуара, — положение Булгакова изменилось. Он мог позволить себе уже не писать фельетон за фельетоном чуть ли не каждый день <...> Появились деньги — он сам говорил, что иногда даже не знает, что делать с ними» (Миндлин. С. 151–152).
- 209. <Синеглазый> в один прекрасный день вставил в глаз монокль. Монокль М. Булгаков приобрел 13 сентября 1926 г., незадолго до премьеры «Дней Турбиных» (См.: Чудакова 1988. С. 214). В этом монокле автор пьесы сфотографировался, а фотографии потом дарил друзьям и знакомым, которые были буквально ошарашены такой покупкой. Вскоре появилась карикатура Кукрыниксов, на которой Булгаков также был изображен в монокле (См. ее воспроизведение: Чудакова 1988. С. 269). См. также у А. И. Эрлиха: «Однажды в комнату "Четвертой полосы" <газеты "Гудок". Коммент. > занесена была странная весть: в витрине художественного ателье на Кузнецком мосту выставлен некий портрет новый, прежде его не было... Если бы не монокль с тесемкой, не аристократическая осанка в повороте головы, не легкая надменная гримаса левой половины лица <... > можно было бы побиться об заклад, что это <... > Булгаков! <... > Не

помню, кто из нас заметил тогда: — Какой экспонат! <...> Находка. Лучшее украшение для нашей выставки, — последовало разъяснение. — Купим? Один экземпляр в "Сопли и вопли" <стенная "гудковская" газета всевозможных курьезов. — Коммент.>. Так мы и сделали <...> бывший врач и нынешний литератор, скромный труженик <...> и вдруг эта карикатурная стекляшка с тесемкой!.. В предательскую минуту, слишком упоенный собственным успехом, он потерял чувство юмора, так глубоко ему свойственное... Как могло случиться, что он не заметил, не почувствовал всей смехотворности своей негаданной барственной претензии? Однажды он зашел в комнату "Четвертой полосы" и тотчас увидел собственный портрет среди прочих подробностей нашей веселой выставки. Была долгая пауза. Потом он обернулся, вопросительно оглядел всех нас и вдруг расхохотался.

— Подписи не хватает, — сказал он. — Объявить конкурс на лучшую подпись к этому портрету!.. Где достали? У Наппельбаума?

Мы никогда больше не видели его с моноклем» (Эрлих. С. 74–76). Ср. также у М. О. Чудаковой: «Об этом монокле Катаев упоминал и ранее — в одной из наших бесед в июле 1976 года в Переделкине еще до того, как им была задумана и начата повесть: "Он стал совершенно другой! Абсолютно! Появился монокль, ботинки с прюнелевым верхом"; затем — в ноябре 1977 года: "Я говорю: "Что такое? Миша! Вы что, с ума сошли?" Он говорит: а что? Монокль — это очень хорошо!"» (Чудакова 1988. С. 214).

- 210. ...и женился на некой Белосельской-Белозерской, прозванной ядовитыми авторами «Двенадцати стульев» «княгиней Белорусско-Балтийской». Ср. в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова: «Княгиня Белорусско-Балтийская, последняя пассия графа, была безутешна» (Двенадцать стульев. С. 142). Т. Н. Булгакова (Лаппа) и М. Булгаков разошлись в апреле 1924 г. В ноябре Булгаков окончательно ушел от своей первой жены и поселился с Любовью Евгеньевной Белозерской (1895–1987) сначала в школе, где преподавала Н. А. Земская (См.: Письма. С. 97), а с осени 1924 г. в доме № 9 по Обухову (Чистому) переулку (См.: Чудакова 1988. С. 240–241). Свой брак с Л. Е. Белозерской Булгаков зарегистрировал 30 апреля 1925 г. (Там же. С. 250). Подробнее об этом периоде жизни писателя см. также: Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1989. С. 87–192.
- **211.** Синеглазый называл ее весьма великосветски на английский лад Наши. Л. Е. Белозерская вспоминала, что у нее было много прозвищ, придуманных Булгаковым: Топсон, Любанга, Любан, Любаня (См.: Письма. С. 133, 134, 180), однако прозвище «Напси» нам не встречалось ни в письмах М. Булгакова, ни в его дневнике, ни в мемуарах об авторе «Белой гвардии».
- **212.** ...нас сблизила с синеглазым страстная любовь к Гоголю, которого мы, как южане, считали своим, полтавским, даже как бы отчасти родственником, а также повальное увлечение Гофманом. Ср., например, у Е. А. Земской: «Любимым писателем Михаила Афанасьевича был Гоголь» (Земская Е. А. // О Булгакове. С. 57), С. А. Ермолинского: «Особой любовью он любил Гоголя» (Там же. С. 458), а также в письме самого М. Булгакова к В. В. Вересаеву от 2.8.1933 г.: «...просидел две ночи над Вашим Гоголем <над книгой Вересаева "Гоголь в жизни". Коммент. >. Боже! Какая фигура! Какая

личность!» (Письма. С. 262). О влиянии Э.-Т.-А. Гофмана на раннюю прозу К. см., например, в рецензии В. Красильникова на сборник катаевских рассказов «Бездельник Эдуард» (Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 521–522).

- **213.** ... то, что тогда называлось «гримасами нэпа». Ср. с заглавием рассказа М. Зощенко «Гримасы нэпа», напечатанного в 38 номере журнала «Бегемот» за 1927 г. Ср. также в предисловии К. М. Симонова к избранным произведениям М. Булгакова о «среде 20-х годов, с ее, как тогда говорили, "отрыжками нэпа"» (Симонов К. О трех романах Михаила Булгакова // Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973. С. 9).
- 214. Это он пустил в ход словечко «гофманиада». Это словцо нередко встречается в воспоминаниях современников о писателе. Ср., например, у К. Г. Паустовского: «Гофманиада сопутствовала Булгакову всю его жизнь» (Паустовский К. Г. // О Булгакове. С. 106) и у С. А. Ермолинского: «Своеобразная гофманиада разыгрывалась перед читателем» (Ермолинский С. // Там же. С. 434). В альбоме, составленным А. Е. Крученых и посвященном Ю. Олеше, кто-то из друзей автора «Зависти» приписал слово «гофмани<а>да» рядом со строками вырезанного из журнала и вклеенного в альбом стихотворения Олеши «В цирке»: «...О, волшебная минута! // Это детство... // Это сон... // Музыкант трубой опутан // Флейтой черною пронзен! // Тут действительность исчезла // Скажем снова: это сон! // Марш, как слон, ломает кресла, // Вальс летает, как серсо! // Где найдешь такие краски? // Недоступная уму // Ходит лошадь в полумаске // Неизвестно // Почему!» (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 14).
- **215.** Впоследствии один из биографов синеглазого написал следующее: «Он поверил в себя как в писателя поздно ему было около тридцати, когда появились первые его рассказы». Думаю, он поверил в себя как в писателя еще на школьной скамье, не написавши еще ни одного рассказа. Цитируется начальная фраза предисловия: Лакшин В. Я. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // Булгаков М. А. Избранная проза. М., 1966. С. 3.
- **216.** Хотя синеглазый был по образованию медик, но однажды он признался мне, что всегда мыслил себя писателем вроде Гоголя. М. Булгаков закончил медицинский факультет Киевского университета в 1916 г. и потом был практикующим врачом, но, приехав в Москву, в анкетах и автобиографиях об этом, как и о своем участии в войнах 1914—1917 г., не упоминал уже тогда расспросы об этом периоде жизни Булгакова могли серьезно ему повредить (См.: Чудакова 1988. С. 123).
- **217.** Одна из его сатирических книг по аналогии с гофманиадой так и называлась «Дьяволиада». Повесть «Дьяволиада» была закончена М. Булгаковым к лету 1923 г. и напечатана в марте 1924 г. в 4 кн. альманаха «Недра». Затем она была включена писателем в сборник «Дьяволиада» (изд. 1925 и 1926), а в последующие годы выдержала еще ряд переизданий.

- 218. Ненависть наша к нэпу была так велика, что однажды ты с синеглазым решили издавать юмористический журнал вроде «Сатирикона». Когда ты выбирали для него название, синеглазый вдруг как бы сделал стойку, понюхал воздух, в его глазах вспыхнули синие огоньки горящей серы, и он торжественно <...> с ядовитой улыбкой на лице сказал: Наш журнал будет называться «Ревизор»! Следов издательской деятельности М. Булгакова сохранилось немного. Но в январском номере журнала «Корабль» за 1923 г. в разделе «Жизнь искусства. Литературная хроника» под заголовком «Ревизор» было помещено объявление: «Группой беллетристов возбуждено ходатайство о разрешении издания сатирического журнала "Ревизор". Журнал, согласно проэкта, не будет иметь ничего общего с желто-бульварными "юмористическими изданиями". Редактировать журнал будет М. Булгаков» (Корабль. 1923. Январь. С. 51).
- **219.** ...возможно, это было еще до появления «Дьяволиады». Сомнения К. в данном случае вполне объяснимы: попытки М. Булгакова издавать собственный журнал и первая публикация повести «Дьяволиада» разделены всего 2 месяцами.
- 220. Вообще в этом сочинении я не ручаюсь за детали. Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары <...> Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. В силу этого я избегаю подлинных имен, избегаю даже выдуманных фамилий. К замене подлинных имен и фамилий героев «выдуманными» К. прибегнул, например, в рассказе «Вечная слава» (1953), где издевательски изображенных Максимилиана Волошина и его жену Марью Степановну зовут, соответственно, Аполлинарий Востоков и Ольга Ивановна (См.: Огонек. 1954. № 4).
- **221.** *Недаром же сказано, что мысль изреченная есть ложь.* В ст-нии Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830).
- 222. ... Мы с синеглазым быстро накатали программу будущего журнала и отправились в Главполитпросвет. — Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (1920–1930). Он был образован в 1920 г. «для правильной организации политической просветительной работы среди взрослых и юношества в Республике <...> Главный Комитет объединяет политическую просветительную работу следующих отделов Н.К.П. <Народного Комиссариата по Просвещению. — Коммент. > и организаций: А. Отделы Н.К.П.: 1) Политпросвет отдел (б. Внешкольный); 2) Тео, 3) Изо, 4) Музо, 5) Фото-кино, 6) Лито, 7) Центрагит, 8) Роста, 9) Пролеткульт, 10) Центропечать. <Политуправление Б. Агитпросвет отделы: Пура 1) Республики. — Коммент. >, 2) Главполитпути и политвода, 3) профсоюзов В.Ц.С.П.С., 4) по работе в деревне при Ц.К.Р.К.П., 5) По работе среди женщин, 6) Ц. К. Союза Молодежи, 7) инструкторских агитпоездов и пароходов при В.Ц.И.К.» (Положение о Главном Политическом Просветительном Комитете Республики (Главполитпросвет) // Отчет о работе политпросвета Наркомпроса. М., 1920. С. 23). C самого

Главполитпросвета и до его закрытия председателем этой организации была Н. К. Крупская. М. Булгаков работал секретарем Лито Главполитпросвета с 1.11.1921 и 1.12.1921 был уволен в связи с расформированием Лито 23.11.1921 г. Вместо Лито Главполитпросвета было организовано Литературное бюро, которое затем было «переформировано в издательский отдел Главполитпросвета под названием Издательство "Красная Новь"» (См.: Янгиров Р. М. А. Булгаков — секретарь Лито Главполитпросвета // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. С.225, 241–242).

- 223. ... где работал хорошо известный мне еще по революционным дням в Одессе товарищ Сергей Ингулов. Сергей Борисович Ингулов (1893–1938? репрессирован в 1937 г.) партийный работник, журналист. Согласно разысканиям С. З. Лущика, Ингулов в 1919–1920 г. в Одессе был членом подпольного Областкома, секретарем Губкома (Вертер. С. 219). В это время Ингулов и К. поддерживали дружеские отношения, а в 1921 г. они вместе перебрались из Одессы в Харьков (См.: Вертер. С.110). В Москву Ингулов приехал в 1922 г. Здесь он поступил в Главполитпросвет на должность зам. завагитотдела (См.: Главполитпросвет РСФСР. № 30. По-революционному! По-деловому! (Все на борьбу с голодом). М., 1922. С. З, 10). Также он работал в подотделе печати ЦК РКП (См.: РГАЛИ. Ф. 600. Оп. З. Ед. хр. 19. Л. 4.). В 1928 г. Ингулов был зам. заведующего АППО (отдел агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) (См.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы. / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 298), а с июня 1935 г. по декабрь 1937 г., вплоть до ареста, он пребывал в должности начальника Главлита (См.: Влюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб., 2000. С. 47).
- 224. Надо заметить, что в то время уже выходило довольно много частных периодических изданий — например, журнальчик «Рупор», юмористическая газетка «Тачка» и многие другие, — так что я не сомневался, что Сергей Ингулов, сам в прошлом недурной провинциальный фельетонист, без задержки выдаст нам разрешение на журнал. — К. не случайно упоминает здесь журнал «Рупор». В этом московском издании, выпускавшемся на протяжении 1922 г. (всего вышло 5 выпусков), он напечатал несколько стихотворных фельетонов (См. № 4 (С. 14) и № 5 (С. 16)). М. Булгаков опубликовал в «Рупоре» рассказы «Необыкновенные приключения доктора» (№ 2. С. 10–12) и «Спиритический сеанс» (№ 4. С. 6–7). Двухнедельный юмористический журнал «Тачка прокатывает всех!» (выходил в газетном формате) издавался в Москве в 1922-1923 гг. С. Ингулов действительно публиковал многочисленные фельетоны и очерки в провинциальных газетах. См., например, его рассказ «Девушка из совпартшколы» в харьковской газете «Коммунист» (от 2.10.1921.С.1; в этом же номере газеты был напечатан рассказ самого К. «Золотое перо»). Ср. портрет Ингулова в «АМВ» с его изображением в Т3: «Как сейчас вижу сердитое лицо моего старшего товарища и друга Сергея Ингулова <...> В пенсне с толстыми стеклами без ободков, с несколько юмористически сжатыми губами провинциального фельетониста, слегка подражающего Аркадию Аверченко» (Т3. C. 340).
- **225.** ...как у его сестренки-синеглазки. Елены Афанасьевны Булгаковой (1902–1954) младшей сестры М. Булгакова. См. о ней в примеч. № 229.

- **226.** Ингулов <...> тяжело вздохнул.
- Идите домой, сказал он совсем по-родственному и махнул рукой.
- -A журнал? спросил я.
- Журнала не будет, сказал Ингулов.
- Да, но ведь какое название! воскликнул я.
- *Вот именно, сказал Ингулов.*
- Странно, сказал я, когда мы <Булгаков и К. Коммент.> спускались по мраморной зашарканной лестнице. — Достоверность этого эпизода сомнительна. Если поверить К., получается, что идея издания журнала была отвергнута уже при первом разговоре с С. Б. Ингуловым. Но в таком случае непонятно, с какой стати анонс «Ревизора» был помещен в журнале «Корабль». Ср. также в воспоминаниях Э. Л. Миндлина: «Какимто издателям пришла в голову мысль пригласить Булгакова на пост секретаря редакции нового литературного журнала <...> Редакция была создана, Булгаков стал ее полноправным хозяином и, разумеется, привлек нас всех к сотрудничеству <...> Мы пришли — Слезкин, Катаев, Гехт, Стонов, я — на столе стояли стаканы с только что налитым горячим крепким чаем — не меньше чем по два куска настоящего сахара в каждом стакане! <...> Возле каждого стакана лежала свежая французская булка! <...> Уже на следующий день всю молодую (стало быть, не больно сытую) литературную Москву облетело радостное известие: Михаил Булгаков в своей новой редакции каждому приходящему литератору предлагает стакан сладкого чая с белой булкой! <...> А недели через две или три незадачливая редакция прекратила свое существование» (Миндлин С. 147–148). Предположение о том, что в «АМВ», в мемуарах Э. Миндлина и в журнале «Корабль» речь идет об одном и том же журнале, было высказано М. О. Чудаковой (См.: Чудакова М. О. // О Булгакове. С. 492). Далее исследовательница пишет: «Возможно, впрочем, это было другое издание — то, о котором упоминал Булгаков в письме к Ю. Слезкину от 31 августа 1923 года: "В "Накануне" намечается иллюстрированный журнал"» (Там же. С. 492). 28.7.1923 г. в 396 номере газеты «Накануне» было помещено объявление «От редакции»: «...с 1 октября в качестве приложения к газете "Накануне" начнет выходить литературно-художественный еженедельный журнал под ред. А. Н. Толстого». Отметим также, что вопреки скептицизму С. Ингулова в отношении заглавия «Ревизор» для советского периодического издания, одноименный журнал сатиры и юмора благополучно выходил в Ленинграде в 1929–1930 гг., в изд. «Красной газеты».
- 227. Жена Татьяна Николаевна <...> деликатно синеглазого незаметно подкармливала в трудные минуты нас, друзей ее мужа, безалаберных холостяков. — Ср. в воспоминаниях К. о М. Булгакове: «Нас он подкармливал, но не унижая, а придавая этому характер милой шалости. Он нас затаскивал к себе и говорил: "Ну, конечно, вы уже давно обедали, индейку, наверное, кушали, но, может быть, вы все-таки что-нибудь съедите?" У Булгаковых всегда были щи хорошие, которые его милая жена нам наливала по полной тарелке, и мы с Олешей с удовольствием ели эти щи, и тут же, конечно, начинался пир остроумия» (Катаев В. П. // О Булгакове. С. 124). Ср. с репликой Булгакова, приводимой В. Я. Лакшиным: «"У нас лучший трактир в Москве", — восклицал, развеселившись, Булгаков» (Там же. С. 21). Более или менее сносно жить Булгаков начал лишь в 1922 г., когда он стал печататься в газете «Накануне». Положение писателя в 1921 — первой половине 1922 гг. было весьма плачевным — см. описание его быта в письме к

- В. М. Булгаковой-Воскресенской от 17.11.1921: «Бедной Таське приходиться изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды» (Письма. С. 60), а также записи в дневнике Булгакова от 25.1.1922 г.: «Я до сих пор еще без места. Питаемся с женой плохо» (Дневник. С. 21), от 26.1.1922 г.: «Питаемся с женой впроголодь» (Там же) и от 9.2.1922 г.: «Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем» (Там же).
- **228.** Об этих трудных минутах написал привезенный мною в Москву птицелов: «...и пылкие буквы МСПО расцветают сами собой <...> и луна плывет в замерзающем стекле...» Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Ночь» (1926). МСПО Московский союз потребительских обществ.
- 229. ...вместе с приехавшей на зимние каникулы из Киева к своему старшему брату молоденькой курсисткой, которая, как и ее брат, тоже была синеглазой, синеглазкой. По мнению дочери Е. А. Булгаковой (в замужестве Светлаевой) В. М. Светлаевой, Леля (так называли Елену Афанасьевну домашние) впервые появилась в Москве в 1924 г., после окончания Киевского университета (См.: Светлаева. С. 221, 223). Тем не менее, есть все основания полагать, что в декабре 1922 г. или в январе 1923 г. Леля приезжала на несколько дней в Москву к брату именно 1923 г. датированы ст-ния К., посвященные Леле, и его автобиографический рассказ «Медь, которая торжествовала» (в котором идет речь о любви К. к Леле и неудачной катаевской попытке жениться на сестре приятеля). Рассказ датирован самим К. «Зима 1923. Москва». Он был впервые напечатан в 48 номере «Литературного приложения» к 310 (апрельскому) номеру газеты «Накануне» за 1923 г. Позднее, в 1925 г., рассказ вошел в сборник «Бездельник Эдуард». Он послужил основой для изложения истории любви К. и синеглазки в «АМВ». В комментарии мы будем приводить отчетливые цитатные переклички между «АМВ», рассказом «Медь, которая торжествовала» (далее «Медь...») и любовной лирикой К. 1923 г.
- 230. У синеглазого был настоящий большой письменный стол, как полагается у всякого порядочного русского писателя, заваленный рукописями, газетами, газетными вырезками и книгами, из которых торчали бумажные закладки. — В своих мемуарах о М. Булгакове Л. Е. Белозерская упоминает «письменный стол (бессменный "боевой товарищ" в течение восьми с половиной лет)» (Белозерская Л. Е. // О Булгакове. С. 220). Ср. также в рассказе «Медь...»: «Этого достаточно, чтобы я приходил к нему вечером и садился на диван против зеленого абажура лампы, висящей над писательским письменным столом <...> Он подымает ножницы, которыми вырезывал из газеты одобрительную о себе рецензию» (БЭ. С. 48). Ср., однако у А. Явича: «...письменный стол, совершенно пустынный, — ни карандаша, ни листка бумаги, ни книжки, словом, никаких признаков писательского труда. Похоже, все складывалось в ящики стола, как только прекращалась работа» (Явич А. // О Булгакове. С. 158). Автор «Белой гвардии» собирал печатные отзывы о своих произведениях и вклеивал их в специальные альбомы. Ср. у Л. Е. Белозерской о том, что на книжных полках у Булгакова хранились «журналы, газетные вырезки, альбомы с многочисленными ругательными отзывами» (Белозерская Л. Е. // О Булгакове. С.221). также вспоминал, что «на стенах его кабинета Пречистенке. — Коммент. > и столовой висело очень много газетных вырезок, это были

наиболее ругательные рецензии и в адрес Булгакова, и в адрес Художественного театра» (Яншин М. // Там же. С. 271). Ср. также в записях Ю. Л. Слезкина: «По стенам висели старые афиши, вырезки из газет, чудаческие надписи» (Цит. по: Чудакова 1988. С. 149). Упоминаний о заглавии газеты «Накануне» с переставленными слогами в мемуарах о Булгакове мы не встречали.

- 231. Синеглазый немножко играл роль известного русского писателя, даже может быть классика, и дома ходил в полосатой байковой пижаме, стянутой сзади резинкой, что не скрывало его стройной (фигуры, и, конечно, в растоптанных шлепанцах. М. О. Чудакова дополняет этот фрагмент «АМВ» свидетельством Т. Н. Булгаковой: «Дома у него была пижама Костя <двоюродный брат Булгакова. Коммент. > подарил ему заграничную ему родители часто пересылали посылки из Японии <... > Пижама была коричневая, в среднюю клетку, кажется, синюю с красным как бывают шотландские юбки. И он всегда ходил дома в этой пижаме, и потом один знакомый Леонид Саянский даже изобразил его на карикатуре в этой пижаме...» (Чудакова 1988. С. 187–188).
- **232.** ...синеглазого и меня отправляли на промысел. <...> мы должны были идти играть в рулетку. М. О. Чудакова приводит этот фрагмент «АМВ», а также дополняющие его воспоминания Т. Н. Булгаковой: муж будит «в час ночи:
 - Идем в казино у меня чувство, что я должен сейчас выиграть!
 - Да куда идти, я хочу спать!
 - Нет, пойдем, пойдем!

Все проигрывали, разумеется. Наутро я все собирала, что было в доме, — несла на Смоленский рынок» (Чудакова 1988. С. 219).

- 233. ...с тем чтобы выиграть хотя бы червонец могучую советскую десятку, которая на мировой бирже котировалась даже выше старого доброго английского фунта стерлингов: блистательный результат недавно проведенной валютной, реформы. 1924 года. В ходе этой реформы старые совдензнаки были изъяты из обращения после их обмена по курсу 1 новый рубль за 50 000 старых. Итогом реформы стало введение советской твердой валюты червонца, имеющего золотое содержание.
- 234. ...в столице молодого Советского государства, центре мировой революции, имелось два игорных дома с рулеткой: одно казино в саду «Эрмитаж», другое на теперешней площади Маяковского, а тогда Триумфальной, приблизительно на том месте, где сейчас находятся Зал имени Чайковского, Театр сатиры и сад «Аквариум». В 1901 г. антрепренер Шарль Омон перестроил под театр здание на углу Тверской и Большой Садовой. Здесь давали представления развлекательные труппы Буфф и Зон. После Октября 1917 г. дом перешел во владение ГОСТИМа государственного театра им. Вс. Мейерхольда. В 1937 г. тут начато было строительство нового здания для театра. Однако, поскольку театр Мейерхольда был закрыт, вместо театра был возведен Концертный зал им. Чайковского (арх. Д. Чечулин и К. Орлов, 1940 г.). Омон же с 1898 г. был арендатором соседнего увеселительного сада «Чикаго», который он переименовал в «Аквариум». В 1920—1930-е гг. в саду имелись театр и ресторан, был кинозал. Имелось

здесь, на Большой Садовой, в нэповское время и казино. Увеселительный сад «Эрмитаж» у Каретного ряда был открыт Я. Щукиным в 1894 г. В годы НЭПа здесь процветали азартные игры, что вызвало «Стих резкий о рулетке и железке» (1922) В. Маяковского: «Есть одно учреждение, // оно // имя имеет — "Казино". // Помещается в тесноте — в Каретном ряду... <...> Воры, воришки, // плуты и плутики // с вздутыми карманами, // с животами вздутыми // вылазят у "Эрмитажа", оставив "дутики"». В 1911 г. архитектор Б. Нилус построил на Большой Садовой, рядом с площадью Триумфальных ворот, здание для цирка братьев Никитиных. Несмотря на позднейшие перестройки, и в настоящее время можно видеть венчающий сооружение цирковой купол. В 1926 г. цирк был перестроен, и с 1926-го по 1936 гг. здесь работал московский Мюзик-холл. Дав ему в романе «Мастер и Маргарита» название «Варьете», М. Булгаков устроил здесь «сеанс черной магии» прибывшего в Москву Воланда. В Мюзик-холле выступали В. Хенкин и Г. Ярон, демонстрировали свое искусство фокусники, гимнасты, эксцентрики, мимы. На сцене Мюзик-холла шли спектакли-обозрения, комедийные представления. Шел здесь и спектакль «Под куполом цирка» по пьесе И. Ильфа, Е. Петрова и К. (премьера состоялась 23.12.1933 г.; позднее на основе театральной версии был снят фильм «Цирк», но авторы пьесы, не согласные с трактовкой режиссера Г. Александрова, заявили, что снимают свои имена из титров). В 1962–1965 гг. здание радикально перестраивается для театра Сатиры.

235. Иногда в метели с шорохом бубенцов и звоном валдайских колокольчиков проносились, покрикивая на прохожих, как бы восставшие из небытия дореволюционные лихачи, унося силуэты влюбленных парочек куда-то вдоль Тверской, в Петровский парк, к «Яру», знаменитому еще с пушкинских времен загородному ресторану с рябчиками, шампанским, ананасами и пестрым крикливым цыганским хором среди пальм и папоротников эстрады. — В 1826 г. француз Т. Яр открыл ресторан на Кузнецком мосту. Когда в 1830-е гг. был разбит полюбившийся москвичам Петровский парк за Тверской заставой, Яр открыл в парке филиал своего ресторана. Вскоре «Яр» на Кузнецком был закрыт, а вот в ресторане за Тверской заставой дела шли вполне успешно. Особого размаха достиг «Яр» в конце XIX — начале XX вв. при владельце А. Судакове. В 1909 г. архитектор А. Эрихсон начинает строить для Судакова роскошное здание ресторана, в измененном виде сохранившееся до наших дней. В «Яре» выступали, помимо прочих артистов, лучшие московские цыганские хоры — выдающийся цыганский гитарист Федор Соколов, Олимпиада («Пиша») Федорова, Варя Панина. В 1950–52 гг. дом был перестроен для гостиницы «Советская». В доме расположен также цыганский театр «Ромэн».

236. Их рысистые лошади, чудом уцелевшие от мобилизаций гражданской войны, перебирали породистыми, точеными ножками, и были покрыты гарусными синими сетками, с капором на голове, и скалились и косились на прохожих, как злые красавицы. — Ср. в рассказе «Медь...»: «...и рысак в капоре, скалящий, как злая красавица времен Директории, острые зубы и косящий ревнивым глазом» (БЭ. С. 66).

^{237.} — Прямо-таки гофманиада! — сказал я.

[—] Не гофманиада, а пушкиниана, — пробурчал синеглазый, — даже чайковщина. «Пиковая дама». Сцена у Лебяжьей канавки. «Уж полночь близится, а Германа все нет...» — Подразумевается 2-я сцена 2-й картины 3-го действия оперы П. И. Чайковского

«Пиковая дама»: Лиза ждет Германа на набережной Зимней канавки. Мысли Германа всецело заняты богатством, которое ему сулят три карты графини, — он отталкивает девушку и убегает. Лиза бросается в реку.

238. Он вообще был большой поклонник оперы. Его любимой оперой был «Фауст». Он даже слегка наигрывал в обращении с нами оперного Мефистофеля; иногда грустно напевал: «Я за сестру тебя молю», что я относил на свой счет. — О любви М. Булгакова к опере и, в частности, к «Фаусту» Шарля Гуно (1818–1893) писали многие мемуаристы. См., например, приводимый В. Я. Лакшиным рассказ Е. С. Булгаковой о том, как «Булгаков, расхаживая по комнате, под впечатлением только что прочитанной газетной статьи, случалось, напевал на мотив "Фауста": "Он — рецензент... убей его!"» (Лакшин В. Я. // О Булгакове. С.19), а также материалы из собрания Н. А. Булгаковой-Земской, опубликованные ее дочерью, Е. А. Земской: «Например, Михаил, который умел увлекаться, видел "Фауст", свою любимую оперу, 41 раз — гимназистом и студентом. Это точно» (Там же. С. 53). Первая жена Булгакова вспоминала, что он «больше всего любил "Фауста" и чаще всего пел "На земле весь род людской" и арию Валентина — "Я за сестру тебя молю..."» (Там же. С. 111). На свой счет К. относил эти слова, видимо, еще и потому, что Булгаков был против его женитьбы на Елене Афанасьевне. Ср. в «Записках писателя» Ю. Л. Слезкина: «Катаев был влюблен в сестру Булгакова <...>, хотел на ней жениться — Миша возмущался. "Нужно иметь средства, чтобы жениться", — говорил он» (Цит. по: Письма. С. 93). В рассказе «Медь...» влюбленный герой приходит к некоему Ивану Ивановичу (=Булгакову) и сообщает, что хочет жениться на его сестре. «Он хватает ручку и быстро набрасывает на узенькой бумажке инвентарь-рецепт, дающий мне право на любовь. Он похож на доктора. Две дюжины белья, три пары обуви (одна лаковая), одеяло, плед, три костюма, собрание сочинений Мольера, дюжина мыла, замшевые перчатки, бритва, носки и т. д., и т. д. и библия.

— Два года; минимум. Вот-с выполните эту программу — тогда мы с вами поговорим. Да. Еще одна вещь. Он совсем и забыл. Золото, золото. Золотые десятки. Это самое главное. Он преклоняется перед золотом! Купите себе, ну, скажем, десять десяток. Тогда с вами можно будет поговорить даже... о сестре. Он уверен, что это невыполнимо» (БЭ. С. 53). Ср. также у Ю. Слезкина: «Был Булгаков стеснен в средствах, сутулился, подымал глаза к небу, воздевал руки, говорил: "Когда же это кончится!", припрятывал "золотые". Рекомендовал делать то же» (Цит. по: Чудакова 1988. С. 149).

239. ...С бодрыми восклицаниями < ... > мы вошли в двери казино < ... >

Конечно, об игре на номера, о трансверсале и о прочих комбинациях мы и не помышляли. — То есть — о максимальной ставке, когда фишками одного игрока заполняется шестиклеточная горизонталь рулетки.

240. Конечно, мы могли бы в одну минуту проиграть свой трояк. Но ведь без риска не было шанса на выигрыш. Мы медлили еще и потому, что нас подстерегало зловещее зеро, то есть ноль, когда все ставки проигрывали. Естественно, что именно ради этого зловещего зеро Помгол — Комиссия помощи голодающим Поволжья — и содержал свои рулетки. — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК была создана декретом ВЦИК от 18.7.1921 в связи с неурожаем в Поволжье, где голодало 30 млн. чел.

Основными задачами Помгола были: выяснение размеров голода, изыскание средств для борьбы с ним и переселение жителей пострадавших районов. Председателем Комиссии был М. И. Калинин. Центральные и местные комиссии Помгола были упразднены 15.10.1922 согласно постановлению ВЦИК от 7.9.1922.

- **241.** Однако судьба почти всегда была к нам благосклонна. Ср. в рассказе «Медь...»: «Беленький шарик с сухим треском ринулся по краю деревянного бассейна, по красным и черным цифрам <...> У меня ставка на "чет". Выпадает "чет". Удваиваю и ставлю на вторую дюжину. Выиграл. Трансверсаль. Выиграл. Долго везти не может, и все в жизни имеет конец. Я это знаю. В последний раз. На цифру. Не помню, на какую. Но золото у меня должно быть: десять десяток. Сегодня. Плещет бассейн рулетки, и пощелкивает шарик. Стоп. Моя цифра выиграла. Достаточно. У меня в руках куча денег и фишек». (БЭ. С. 55). Ср. также в воспоминаниях К., записанных М. О. Чудаковой: «Однажды я выиграл б золотых десяток... Две я проел, а на 4 купил в ГУМе прекрасный английский костюм. Ну, прекрасный... Цвета маренго... Но не было ни рубашки, ни галстука, ни ботинок. (Смеется.) Ну ничего, я носил свитер! Мы мало придавали этому значения... А ему <Булгакову. — Коммент. > все это было важно. Разное отношение наше к этому — это была разная возрастная психология» (Чудакова 1988. С. 214). Ср., однако, в мемуарах Н. Я. Мандельштам о 1930-х гг.: «"Я люблю модерн", — зажмурившись, говорил Катаев, а этажом ниже Федин любил красное дерево целыми гарнитурами. Писатели обезумели от денег» (Воспоминания. С. 296).
- **242.** Мы <с синеглазкой> уже не могли прожить друг без друга ни часа. Мы ходили по музеев западной холодным, пустынным залам живописи (Морозова Шукина). — Нынешнее здание Академии художеств на Пречистенке (д. № 21) было куплено в 1890-х гг. купцом И. А. Морозовым, который в начале следующего века начал приобретать произведения западноевропейской живописи. В коллекции Морозова были полотна Гогена, Матисса, Сезанна, Ван Гога, Боннара и др.; в русской части собрания (около 300 работ) были представлены Левитан, Коровин, Врубель и др. После Октября 1917 г. коллекция была национализирована и превращена во Второй музей нового западного искусства. Великолепную коллекцию новой французской живописи собрал в своем доме в Бол. Знаменском переулке (ныне — ул. Грицевецкая, д. 8) и С. И. Щукин. Ему удалось приобрести произведения Моне, Гогена, Матисса, Пикассо и других выдающихся живописцев. В 1918 г. собрание Щукина было объявлено Первым музеем нового западного искусства. В 1929 г. щукинское собрание было переведено на ул. Кропоткинскую (бывшая Пречистенка) в д. 21 — объединено с морозовской коллекцией. В 1947 г. музей был расформирован, часть его фондов была отправлена в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, часть — в ленинградский «Эрмитаж».
- **243.** Мы сидели в тесных дореволюционных киношках, прижавшись друг к другу, и я поражался, до чего синеглазка похожа на Мери Пикфорд. Ср. в ст-нии К. «В кино» (1923): «В фойе ресниц дул голубой сквозняк: // Сквозь лелины развеерены Мери. // Но первый кто из чьих ресниц возник // Покрыто мраком двух последних серий» (Цит. по: Катаев В. П. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 10. М., 1986. С. 649).

244. Мы смотрели в Театре оперетты «Ярмарку невест», и ария «Я женщину встретил такую, по ком я тоскую» уже отзывалась в моем сердце предчувствием тоски <...>

...и мы слушали «Гугенотов» в оперном театре Зимина. — Ср. в рассказе «Медь...»: «Вот там стоял <К. — Коммент. > и читал стихи. Затем опера. "Гугеноты" с плохим ансамблем» (БЭ. С. 49). Жених из Киева также упоминается в рассказе К.: «Она не может не уехать. Дома ее ждут. Ждут родные, ждут словари, ждет мальчик, обещавший застрелиться, если она не приедет» (БЭ. С. 46). Отметим, что в начале 1920-х гг. было как минимум два коллектива, носивших название «театр оперетты». 1-й — Театр оперетты на Бол. Дмитровке в д. 17 (в помещении известного до революции кабаре «Максим», устроителем которого был известный антрепренер, «московский мулат» Томас). В труппе этого театра, в частности, выступал Г. Ярон. Второй театр оперетты «Эрмитаж» — работал в одноименном саду, в Каретном ряду (в труппу этого театра входил Л. Утесов). Оперная труппа С. Зимина давала спектакли в д. 6 на Большой Дмитровке, построенном в 1894 г. арх. К. Терским для частного театра купца Г. Солодовникова. С 1896 по 1904 гг. на этой сцене можно было видеть представления оперы Саввы Мамонтова. Затем она перешла в руки третьего частного театрального коллектива — оперы С. Зимина. После Октября 1917 г. «театр акционерного общества С. И. Зимина» (именно так он назван в справочнике «Вся Москва» на 1923 г.) продолжал некоторое время работать там же, где и раньше — в доме № 6 на Большой Дмитровке. Сейчас в этом здании — московский Театр оперетты.

- **245.** ...и в ожидании следующего свидания я как одержимый писал ночью в Мыльниковом переулке: «Голова к голове и к плечу плечо <...> A над темным партером повис балкон и барьер), навалясь, повис <...> "До свиданья: я буду в шесть "...» К. без ошибок цитирует свое ст-ние «Опера» (1923).
- **246.** Из всех этих строф, казавшихся мне такими горькими и такими прекрасными, щелкунчик признал достойной внимания только одну-единственную строчку: «...и барьер, навалясь, повис...» Остальное же с учтивым презрением он отверг, сказав, что это вне литературы. Ср. с позднейшим признанием К.: «Мандельштам браковал все, что я написал, но находил одну-две настоящие строчки, и это было праздником и наградой» (Цит. по: Панкин Б. На грани стихий // Новый мир. 1986. № 8. С. 250).
- **247.** ... Он расхаживал по своей маленькой нищей комнатке на Тверском бульваре, 25. Где О. Мандельштам проживал с апреля 1922 по начало октября 1923 гг.
- **248.** Как раз в это время он <Мандельштам> диктовал новое стихотворение «Нашедший подкову». Которое было написано в 1923 г.
- **249.** ...он зажмурился с несколько раздраженной кошачьей улыбкой, что, впрочем, не мешало ему оставаться верблюдиком. Ср. в мемуарах художника В. А. Милашевского:

«"Верблюдик" — назвал его «Мандельштама. — Коммент.» один из наших писателей «К. — Коммент.», который не всегда, но иногда бывает метким. Не "верблюд" — это совсем не смешно, а вот "верблюдик" — забавно» (Милашевский В. А. Мандельштам / Публ. В. Д. Добромирова // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 94). Ср. также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам: «В Ташкенте во время эвакуации я встретила счастливого Катаева. Подъезжая к Аральску, он увидел верблюда и сразу вспомнил Мандельштама: "Как он держал голову — совсем, как О. Э."» (Воспоминания. С. 299).

- **250.** ...щелкунчик <...> продолжал диктовать высокопарно-шепелявым голосом с акмеистическими завываниями. Ср. в дневниковой записи Ал. Блока от 22.10.1920 г.: «Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание» (*Блок А. А.* Дневник. М., 1989. С.304).
- **251.** ...свой благородный груз... Он нагнулся, взял из рук жены карандаш и написал собственноручно несколько следующих строк.

Это была его манера писания вместе с женой. — Ср. в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам: «...требовал, чтобы я скорее чинила карандаши и записывала <...> Окончательные тексты обычно записывались мной под диктовку» (Вторая книга. С. 164, 388).

- **252.** ... даже письма знакомым, например мне, из Воронежа. Письма О. Мандельштама К. из Воронежа (где поэт отбывал ссылку с конца июня 1934 г. по середину мая 1937 г.), по-видимому, не сохранились.
- **253.** Впрочем, в тот раз он диктовал, кажется, что-то другое. Может быть: «...И военной грозой потемнел нижний слой помраченных небес <...> И с трудом пробиваясь вперед в чешуе искалеченных крыл, под высокую руку берет побежденную твердь Азраил...» Из ст-ния О. Мандельштама «Ветер нам утешенье принес...» (1922).
- **254.** Не эти ли стихи погрузили меня тогда, на рассвете, на ступеньках храма Христа Спасителя, в смертельное оцепенение, в предчувствие неизбежной мировой катастрофы...

Но нет! Тогда были не эти стихи. Тогда были другие, чудные своей грустью и человеческой простотой в этой маленькой комнатке. Стансы: «Холодок щекочет темя <...> Видно, даром не проходит шевеленье этих губ, и вершина колобродит, обреченная на сруб». — Полностью цитируется ст-ние О. Мандельштама 1922 г.

255. Я тоже переживал тогда мучительные дни, но это была вспышка любовной горячки, банальные страдания молодого безвестного поэта, почти нищего, «гуляки праздного». — Цитата из пушкинского «Моцарта и Сальери», начинающая «моцартовскую» тему «АМВ».

- 256. ...с горьким наслаждением переживающего свою сердечную драму с поцелуями на двадцатиградусном морозе у десятого дерева с краю Чистопрудного бульвара, возле катка, где гремела музыка и по кругу как заводные резали лед конькобежцы с развевающимися за спиной шерстяными шарфами, под косым светом качающихся электрических ламп. — Ср. в «Меди...»: «И простудился я на Патриарших Прудах, возле десятого дерева с краю, если считать от грелки, откуда выбегают косые конькобежцы. Меня продуло парадным ветром оркестра, этой медной отдышкой труб, тарелок и барабана. Это случилось вчера <...> Прохожу мимо десятого дерева с краю, мимо единственной в мире колючей проволоки <...> Возле него она сказала мне — люблю. За последние пять лет никто не говорил мне ночью, в снегу, возле колючей проволоки, у черного деревца "люблю"» (БЭ. С. 41, 44). См. также ст-ние К. «Каток» (1923): «В атаку, конькобежцы! // Раскраивайте звезды по небу // Пускай "норвежками" раскосыми // Исполосован в свист каток! // <...> // Над Чистыми и Патриаршими // Фаланги шарфов взяты в плен. // — Позвольте, я возьму вас об руку. // Ура! Мы в огненном кольце! // Громите фланг. // Воруйте маршами // Без исключенья всех Елен!» по: Катаев В. П. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 10. С. 645).
- **257.** ...с прощанием под гулким куполом Брянского вокзала; <...> с ничем не объяснимым разрывом сжиганием пачек писем, слезами, смехом, как это часто бывает, когда влюбленность доходит до такого предела, когда уже может быть только «все или ничего».
- Ср. в рассказе «Медь...»: «— Не отпускай меня, говорила она, и снег налипал на ее ресницы. Зачем ты отпускаешь меня? Что без тебя я буду делать?

Но вокзал уже грозил циферблатом, поезда уже кричали в метели, и бляхи носильщиков гремели номерами, как щиты героев. Билет был прострелен навылет, и никакая сила в мире не могла заставить его выжить.

— Зачем ты меня отпускаешь? — спросила она на площадке вагона, когда уже дважды прозвонил колокол. — Увези меня отсюда к себе. Я не могу без тебя жить. Ты потеряешь меня.

Я молчал. Я знал, почему ее отпускаю. Мне нужна была любовь на всю жизнь. Или — к чорту! На меньшее я был не согласен. Весной она приедет, и уже все время мы будем вместе. Проклятая жадность. Все или ничего» (БЭ. С. 47). Ср., однако, в мемуарной заметке дочери Елены Афанасьевны Булгаковой: «Факт знакомства с В. П. Катаевым раздут до невероятных размеров. А спрашивал ли кто-либо саму Елену Афанасьевну, как она относится к этому знакомству? Если бы Валентин Петрович Катаев не был писателем, встреча с которым "престижна" <...>, то этот эпизод жизни Лели не был бы даже упомянут» (Светлаева. С. 223). Современное здание Брянского вокзала (с 1934 г. — Киевский вокзал) было возведено в 1913–1917 гг. по проекту арх. И. Рерберга. Вокзал выстроен в модном в начале XX в. неоклассическом стиле.

258. ...с мучительной надеждой, что все это блаженство любви может каким-то волшебным образом возродиться из пепла писем, сожженных в маленькой железной печке времен военного коммунизма. — Герой рассказа «Медь...» приехал в Киев к Леле, где и сжег свои письма к ней, а Леля сожгла свои письма к герою. В Киеве же они навсегда

расстаются — Леля отказывает герою рассказа. Ср. также в ст-нии К. «Разрыв» (1923): «Затвор-заслонка, пальцы пачкай! // Пожар и сажа, вечно снись им. // Мы заряжали печку пачкой // Прочитанных, ненужных писем» (Цит. по: *Катаев В. П.* Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 10. С. 646) и во все той же «Меди...»:

«— Кстати, о печке: вот ваши письма. Их четыре, они всегда со мной. Два любимые, старые. Два — новые, в цветных отвратительных конвертах, лживые и колеблющиеся. Кроме того, случайная записка и вязаная перчатка с левой руки, которую я клал себе под подушку, ложась спать.

— Возьмите свои игрушки и отдайте мне мои.

Она, не глядя, выдвигает ящик стола.

Заслонка открывается как затвор Гаубицы и глотает пачки заряда, огонь гудит в колене трубы. Она опускает ресницы. Ну, вот и все» (БЭ. С. 60).

- 259. ... и на хрупком письменном столике в образцовом порядке были разложены толстые словари прилежной курсистки. Ср. в ст-нии К. «Киев»: «Я взорвать обещался тебя и твои словари, // И Печерскую лавру, и Днепр, и соборы, и Киев. // Я взорвать обещался. Зарвался, заврался, не смог» (Цит. по: Катаев В. П. Собр. соч.: В 10-и тт. Т. 10. М., 1986. С. 646). В апреле 1923 г. К. женился на Анне Сергеевне Коваленко. Летом 1924 г. Е. А. Булгакова окончила Киевский институт народного образования и переехала в Москву, поселившись у Н. А. Земской. (См.: Светлаева. С. 221). В Москве Леля Булгакова познакомилась с другом мужа НА. Земской Михаилом Васильевичем Светлаевым, за которого 4.02.1925 г. вышла замуж (Светлаева. С. 226). Остается невыясненным, летом какого года К. мог встречаться с Лелей и гулять с ней по Москве, учитывая, что ко времени ее приезда в Москву в 1924 г. он был женат уже несколько месяцев. Возможно, отрывок о пионерах и летних прогулках с Лелей был целиком вымышлен К.
- **260.** Глядя в окно на эту живую, шевелящуюся под дождем листву, щелкунчик однажды сочинил дивное стихотворение, тут же, при мне записанное на клочке бумаги, названное совсем по-детски мило «Московский дождик». «...Он подает куда как скупо свой воробыный холодок <...> как будто холода рассадник открылся в лапчатой Москве...» Ст-ние О. Мандельштама 1922 г., полностью цитируемое К.
- 261. Я пришел к щелкунчику и предложил ему сходить вместе со мной в Γ лавполитпросвет, где можно было получить заказ на агитстихи <...> мы отправились страхового общества «Россия» бывшего uтам предстали Крупской. — Точный адрес этого учреждения был: Сретенский бульвар, д. 6, 4-й подъезд, 2 эт. Портрет Н. К. Крупской (1869–1939) см. также в очерке К. и Л. В. Никулина «Крупская на трибуне»: «Мы увидели впервые Надежду Константиновну на трибуне, и ее человеческий облик был в тысячу раз замечательнее, чем тот монументальный, который мы себе представляли <...> Речь Крупской не суха, не дидактична, у нее есть самые теплые, можно сказать лирические ноты в голосе <...> соратница Ленина живет и работает в дни осуществления его великих идей, тех идей, которые в наши дни воплощаются в жизнь лучшим учеником Ленина т. И. В. Сталиным» (*Катаев В., Никулин Л.* Крупская на трибуне // Известия. 1934. 8 марта. С. 3).

- 262. Он был преувеличенного мнения о своей известности и, вероятно, полагал, что его появление произведет на Крупскую большое впечатление, в то время как Надежда Константиновна, по моему глубокому убеждению, понятия не имела, кто такой «знаменитый акмеист». Ср. в мемуарах С. И. Липкина: «Мандельштам (не на словах, конечно) то преувеличивал свою известность, то видел себя окончательно затерянным в толпе» (Липкин С. И. Угль, пылающий огнем // Литературное обозрение. 1987. № 12. С. 99) и Э. Г. Герштейн: Мандельштам «внезапно остановился, пораженный догадкой: "А вы читали мои стихи?" "Нет". Он рассердился ужасно. <...> "Но, кажется, только что вышла ваша книга?" растерялась я. "Там нет новых стихов!! Я уже много лет их не пишу. Пишу... написал... прозу..." гневно кричал Мандельштам и, задыхаясь от раздражения, бросил меня одну на пустынной аллее» (Герштейн. С. 10).
- **263.** Мы приняли заказ, получили небольшой аванс, купили на него <...> бутылку телиани грузинского вина, некогда воспетого щелкунчиком. В ст-нии «Мне Тифлис горбатый снится...» (1920): «Если спросишь "Телиани" // Поплывет Тифлис в тумане».
- 264. Он высказал мысль, что для нашей темы о хитром кулаке и его работнице-батрачке более всего подходит жанр крыловской басни: народно и поучительно. Жанр крыловской басни О. Мандельштам позднее пародийно стилизовал в своих «дурацких баснях» (авторское определение). Например: «Однажды из далекого кишлака // Пришел дехканин в кооператив, // Чтобы купить себе презерватив. // Откуда ни возьмись, мулласобака, // Его нахально вдруг опередив, // Купил товар и был таков. Однако!» Ср. с шуточным ст-нием самого К. 1928 г., помещенным в стеклографированной малотиражной брошюре, составленной Алексеем Крученых: «Граждане, запомните! // Не сидите в комнате, // Не пейте аперитив, // Ходите в кооператив // Историю опередив» (Литературные шушу(т)ки. Литературные секреты. М., 1928. С. 8).
- **265.** Щелкунчик пробормотал нечто вроде того, что «...есть разных хитростей у человека много и жажда денег их влечет к себе, как вол...» Он призадумался <...>

И вдруг щелкунчик встрепенулся и, сделав великолепный ложноклассический жест рукой, громко, но вкрадчиво пропел, назидательно нахмурив брови, как и подобало великому баснописцу: — Кулак Пахом, чтоб не платить налога... — Он сделал эффектную паузу и закончил торжественно: — Наложницу <выделено К. — Коммент. > себе завел! — В записи О. Мандельштама или Н. Я. Мандельштам этот текст не сохранился. Доверие, с которым составители и комментаторы мандельштамовских сочинений в данном случае отнеслись к К., публикуя приведенное четверостишие в качестве шуточного ст-ния Мандельштама (См., например: Мандельштама О. Э. Полн. собр. стихотв. СПб., 1995. С. 372), представляется чрезмерным.

266. ...и, сделав великолепный ложноклассический жест рукой. — Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Ахматова» (1914): «Спадая с плеч, окаменела // Ложноклассическая шаль».

- 267. Многое ушло навсегда из памяти, но недавно один из оставшихся в живых наших харьковских знакомых того времени поклялся, что однажды — и он это видел собственными глазами — мы с ключиком вошли босиком в кабинет заведующего республиканским отделом агитации и пропаганды Наркомпроса, а может быть, и какогото культотдела — уже не помню, как называлось это центральное учреждение республики, столицей которой в те времена был еще не Киев, а Харьков. — К., без сомнения, имеет в виду мемуарную книгу Эмилия Миндлина «Необыкновенные собеседники», фрагмент которой автор «АМВ», в комментируемом эпизоде, обыкновению, «творчески переосмысливает». Миндлин сначала вспоминает о своем знакомстве с К. и Ю. Олешей в Харькове: «Один — повыше и почернее, был в мятой шляпе, другой — пониже, с твердым крутым подбородком, вовсе без головного убора. Оба в поношенных костюмах бродяг, и оба в деревянных сандалиях на босу ногу <...> Тот, что повыше, оказался Валентином Катаевым, другой — Юрием Олешей» (Миндлин. С. 159). Затем мемуарист переехал в Москву: «Зимой 1922 года я снова встретился со своими странными харьковскими знакомыми — Катаевым и Олешей. К этому времени я уже был секретарем "Накануне". Как ни убого выглядели наши, молодых "наканунцев", наряды, однажды появившиеся у нас Катаев и Олеша вызывающей скромностью своих одеяний смутили даже нашего брата. Не знаю, приехали ли они из Харькова поездом или пришли пешком, но верхнее платье на них выглядело еще печальнее, чем в Харькове! А ведь и в Харькове они походили на бездомных бродяг! Наш заведующий конторой редакции возмутился появлением в респектабельной редакции двух подозрительных неизвестных.
- Вам что? Вы куда? Полами распахнутой шубы он было преградил им дорогу. Но маленький небритый бродяга в каком-то истертом до дыр пальтеце царственным жестом отстранил его и горделиво ступил на синее сукно, покрывавшее пол огромного помещения» (Там же. С. 160–161).
- **268.** На нас были только штаны из мешковины и бязевые нижние рубахи больничного типа, почему-то с черным клеймом автобазы. Ср. со свидетельством Л. Г. Суок-Багрицкой о том, что ее муж «ходил в казенной рубашке с большим штампом на груди» (Спивак. С. 182).
- **269.** Мы были вполне уважаемыми членами общества, состояли на штате в центральном республиканском учреждении Югроста, где даже занимали видные должности по агитации и пропаганде. Ср. со свидетельством О. Г. Суок-Олеши, относящимся к более раннему, «одесскому» периоду биографии Ю. Олеши, К. и Э. Багрицкого: «Все трое (Катаев, Олеша, Багрицкий) ходили очень "экстравагантно" одетыми, под босяков <...> Все трое: Багрицкий, Олеша и Катаев пользовались академическими пайками» (Спивак. С. 98).
- **270.** Просто было такое время: разруха, холод, отсутствие товаров, а главное, ужасный, почти библейский поволжский голод. Мотив голода возникает в одной из строф харьковского ст-ния К. «Молодежи», напечатанного под инициалами В. К.: «И вот теперь, когда на нас // Идет неумолимый голод, // Все на работу в добрый час, // Кто

сердцем тверд и духом молод» (Коммунист. Харьков, 1921. 2 августа. С. 4). К. служил в Харькове в должности секретаря журнала «Коммунарка Украины». Литературную жизнь города этого периода описал журналист В. Яськов со слов Б. В. Косарева. В частности, Косарев рассказал о своем посещении, вместе с К. и Ю. Олешей, харьковского вечера поэзии В. Маяковского: «...сидели в 6-м ряду <...> Когда Маяковский кончил читать и наклонился, чтобы поднять лежащие на просцениуме записки, Катаев громко сказал: "Маяковский, вы знаете Алексея Чичерина?" — "Знаю". — "А он читает ваши стихи лучше, чем вы". "И тут я не поверил своим глазам, — говорит Б. В.. — Маяковский густо побагровел и как-то беспомощно ответил: "Ну, что ж, я ведь не профессиональный чтец...""» (Яськов Вл. Хлебников. Косарев. Харьков // Волга. 1999. № 11. С. 119). Восторженное описание этого вечера и чтения Маяковским стихов содержится в ТЗ. С. 368-371. См. также в мемуарах А. И. Эрлиха, со слов К.: «Однажды в Харькове Маяковский давал свой открытый вечер, читал "Левый марш", "150 000 000". Катаев и еще несколько молодых, совсем еще безвестных в ту пору литераторов послали поэту записку. Полная самых пламенных восторгов, она заканчивалась робкими надеждами на встречу <...> ответа на записку не последовало» (Эрлих. С. 187). Ср. также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам о своем и Осипа Эмильевича знакомстве с К.: «Мы впервые познакомились с Катаевым в Харькове в 22 году. Это был оборванец с умными живыми глазами, уже успевший "влипнуть" и выкрутиться из очень серьезных неприятностей» (Воспоминания. С. 298). Приведем здесь стихотворные экспромты, которыми обменялись К. и Олеша в 1921 г., после временного переезда К. из Харькова в Одессу. Они сохранились в альбоме Г. И. Долинова (ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 2. Л. 26).

Экспромт К.:

Покинув надоевший Харьков, Чтоб поскорей друзей обнять, Я мчался тыщу верст отхаркав, И вот — нахаркал здесь в тетрадь.

25/октя<бря> <1>921 Одесса.

Ответ Ю. Олеши: Прочтя стихи твои с любовью Скажу я, истину любя, — От них я скоро харкну кровью, Иль просто харкну на тебя!

25/окт<ября> <1>921 г. Одесса Ю. О.

271. ...мы обычно питались по талонам три раза в день в привилегированной, так называемой вуциковской столовой, где получали на весь день полфунта сырого черного хлеба, а кроме того, утром кружку кипятка с морковной заваркой и пять совсем маленьких леденцов, в обед какую-то затируху и горку ячной каши с четвертушкой крутого яйца, заправленной зеленым машинным маслом, а вечером опять ту желчную кашу, но только сухую и холодную. — Ср. с описанием обеда главного героя повести К. «Уже написан Вертер» (1979), действие которой разворачивается в Одессе, в начале 1920-х гг.: «Когда они, Дима и его сотрапезница, заканчивали обед, состоящий из плитки

спрессованной ячной каши с каплей зеленого машинного масла, к ним сзади подошли двое» (Вертер. С. 19).

- **272.** ...знойный августовский день в незнакомом городе, где почти пересохла жалкая речушка забыл ее название. Харьковская река Лопань.
- **273.** Мы вышли на сухую замусоренную площадь, раскаленную полуденным украинским солнцем, и вдруг увидели за стеклом давно не мытой, пыльной витрины телеграфного агентства выставленный портрет Александра Блока. Он был в черно-красной кумачовой раме. Александр Александрович Блок умер 7.08.1921 г.
- 274. «Во рву некошеном... красивая и молодая... Нет имени тебе, мой дальний, нет имени тебе, весна... О доблестях, о подвигах, о славе... Революцьонный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!.. И Кельна дымные громады... Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, Анна видит неземные сны... Дыша духами и туманами... И шляпа с траурными перьями и в кольцах узкая рука... Далеко отступило море, и розы оцепили вал. Окна ложные на небе черном и прожектор на древнем дворце; вот проходит она вся в узорном и с улыбкой на смуглом лице, а вино уж мутит мои взоры, и по жилам оно разлилось; что мне спеть в этот вечер, синьора, что мне спеть, чтоб вам славно спалось... Только странная воцарилась тишина... Отец лежал в Аллее Роз...» Это все написал он, он... В этот «центон» вошли фрагменты следующих стихотворных произведений Ал. Блока: «На железной дороге» (1910), «Нет имени тебе, мой дальний...» (1906), «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908), «Двенадцать» (1918), «Скифы» (1918), «Шаги Командора» (1910–1912), «Незнакомка» (1906), «Равенна» (1909), «Окна ложные на небе черном...» (1909), «В голубой далекой спаленке...» (1905), «Возмездие» (1910–1921).
- **275.** Нас охватило отчаяние. Мы вдруг ощутили эту смерть как конец революции, которая была нашим божеством. Не в духе того времени были слезы. Мы разучились плакать. Сходное впечатление смерть Ал. Блока произвела едва ли не на всех молодых почитателей русской поэзии начала XX века. Ср., например, в мемуарах Н. Н. Берберовой: «Я шла по Бассейной в Дом Литераторов. Было воскресенье (и канун дня моего рождения), часа три <...> Я вошла в парадную дверь с улицы <...> И тогда я увидела в черной рамке объявление, висевшее среди других: "Сегодня, 7 августа, скончался Александр Александрович Блок". Объявление еще было сырое, его только что наклеили.

Чувство внезапного и острого сиротства, которое я никогда больше не испытала в жизни, охватило меня. Кончается... Одни... Это идет конец. Мы пропали... Слезы брызнули из глаз» (Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография. М., 2001. С. 154). См. также некрологическую заметку В. Рожицына «Александр Блок», опубликованную в харьковской газете «Коммунист» 11.8.1921 г.

276. Из коридора иногда доносились «...шаги глухие пехотинцев и звон кавалерийских шпор...» — Источник этой цитаты установить не удалось.

- **277.** Но вдруг дверь приоткрылась и в комнату без предварительного стука заглянул высокий красивый молодой человек, одетый в новую, с иголочки красноармейскую форму: гимнастерка с красными суконными «разговорами». Так на военном жаргоне называли клапаны с прорезанными отверстиями для пуговиц на красноармейской форме.
- **278.** Разрешите войти? спросил он, вежливо стукнув каблуками. Вы, наверное, не туда попали, тревожно сказал я. Нет, нет! воскликнул, вдруг оживившись, ключик. Я уверен, что он попал именно сюда. Неужели ты не понимаешь, что это наша судьба? Шаги судьбы. Как у Бетховена!

Ключик любил выражаться красиво.

- Вы такой-то? спросил воин, обращаясь прямо к взъерошенному ключику, и назвал его фамилию. Ну? не без тожества заметил ключик. Что я тебе говорил? Это судьба! А затем обратился к молодому воину голосом, полным горделивого шляхетского достоинства: Да. Это я. Чем могу служить? Я, конечно, очень извиняюсь, произнес молодой человек на несколько черноморском жаргоне и осторожно вдвинулся в комнату, но, видите ли, дело в том, что послезавтра именины Раисы Николаевны, супруги Нила Георгиевича, и я бы очень просил вас... Виноват, а вы, собственно, кто? Командарм? прервал его ключик. <...> одним словом я хотел бы вам заказать несколько экспромтов на именины Раисы Николаевны. Игра на сходстве звучания слов «командарм» и «командор». «Серьезное» оплакивание Ал. Блока неожиданно разрешается бурлескным эпизодом, травестирующим тему блоковских «Шагов Командора» (1910–1912).
- **279.** Обычно в таких случаях мне пишет экспромты один местный авторкуплетист, но — антр ну суа дит — в последнее время я уже с его экспромтами не имел того успеха, как прежде. — Между нами говоря (фр.).
- **280.** Мы сбегали на базар, который уже закрывался, купили у солдата буханку черного хлеба, выпили у молочницы по глечику жирного молока. То есть по кувшинчику.
- **281.** Мы так к нему привыкли, что каждый раз, оставаясь без денег, что у нас называлось по-черноморски «сидеть на декохте», говорили: Хоть бы пришел наш дурак. «Сидеть на декохте» (декокте) декокт отвар, медицинское снадобье.
- **282.** Эта забавная история закончилась через много лет, когда ключик сделался уже знаменитым писателем < ... > Мы довольно часто ездили (конечно, всегда в международном вагоне!) в свой родной город < ... >

Мы всегда останавливались в лучшем номере лучшей гостиницы с окнами на бульвар и на порт. — Речь идет о гостинице «Лондонская», располагающейся в Одессе по адресу: Приморский бульвар, 11.

- **283.** И вот однажды рано утром, когда прислуга еще не успела убрать с нашего стола вчерашнюю посуду, в дверь постучали, после чего на пороге возникла полузабытая фигура харьковского дурака <...>
- Здравствуйте. С приездом. Я очень рад вас видеть. Вы приехали очень кстати. Я уже пять лет служу здесь, и вообразите какое совпадение: командир нашего полка как раз послезавтра выдает замуж старшую дочь Катю. Так что вы с вашей техникой вполне успеете. Срочно необходимо большое свадебное стихотворение, так сказать, эпиталама, где бы упоминались все гости, список которых... Пошел вон, дурак, равнодушным голосом сказал ключик, и нашего заказчика вдруг как ветром сдуло. Воспроизводится литературная ситуация: «Агафья Тихоновна» (Олеша) «женихи» («харьковский дурак»), подкрепленная неудачным заказом «дурака»: «...командир нашего полка как раз послезавтра выдает замуж старшую дочь Катю».

284. — Ключик, — говорю я, — родился вопреки укоренившемуся мнению не в Одессе, а в Елисаветграде, в семье польского — точнее литовского — дворянина, проигравшего в карты свое родовое имение и принужденного поступить на службу в акцизное ведомство, то есть стать акцизным чиновником. Вскоре семья ключика переехала в Одессу <...>

Отец, на которого сам ключик в пожилом возрасте стал похож как две капли воды, продолжал оставаться картежником, все вечера проводил в клубе за зеленым столом и возвращался домой лишь под утро, зачастую проигравшись в пух, о чем извещал короткий, извиняющийся звонок в дверь.

Мать ключика была, быть может, самым интересным лицом в этом католическом семействе. Она была, вероятно, некогда очень красивой высокомерной брюнеткой, как мне казалось, типа Марины Мнишек, но я помню ее уже пожилой, властной, с колдовскими жгучими глазами на сердитом, никогда не улыбающемся лице <...>

Бабушка ключика была согбенная старушка, тоже всегда в черном и тоже ходила в костел мелкими-мелкими неторопливыми шажками, метя юбкой уличную пыль. — Ср. в записях Ю. Олеши: «Я родился в 1899 году в городе Елисаветграде, который теперь называется Кировоград. Я ничего не могу сказать об этом городе такого, что дало бы ему какую-либо вескую характеристику. Я прожил в нем только несколько младенческих лет, после которых оказался живущим уже в Одессе <...> Отец, которого в те годы я, конечно, называл папой, пьет, играет в карты. Он — в клубе. Клуб — одно из главных слов моего детства <...> мама моя была красивая. Говор стоял об этом вокруг моей детской головы, да и вот передо мною ее фотография тех времен. Она в берете, с блестящими серыми глазами — молодая, чем-то только что обиженная, плакавшая и вот уже развеселившаяся женщина. Ее звали Ольга <...> В детстве говорили, что я похож на отца» (Олеша 2001. С. 66-68). Здесь же говорится о бабушке, Мальвине Францевне Герлович, «с ее поэтической душой» (Там же. С. 80). «Родители Ю. К. Олеши — Карл Антонович и Ольга Владиславовна Олеша. Со времени их отъезда в Польшу Ю. Олеша их больше не видел. Отец умер в 1940-х годах, матери было суждено пережить сына (она умерла 1 февраля 1963 г.)» (Гудкова В. В. Примечания // Олеша 2001. С. 448). Сестра будущего писателя, Ванда, умерла в 1919 г. (родилась она в 1897 г.).

285. Сестру ключика я видел только однажды, и то она как раз в это время собиралась уходить и уже надевала свою касторовую гимназическую шляпу с зеленым бантом, и я успел с нею только поздороваться, ощутить теплое пожатие девичьей руки, — робкое, застенчивое, и заметил, что у нее широкое лицо и что она похожа на ключика, только миловиднее <...>

Ей было лет шестнадцать, а я уже был молодой офицер, щеголявший своей раненой ногой и ходивший с костылем под мышкой.

Вскоре началась эпидемия сыпного тифа, она и я одновременно заболели. Я выздоровел, она умерла. — Ср. в записях Олеши: «<...> Сестра была для меня существом удивительным. Нет, вернее, в отношении моем к сестре было много такого, что сейчас удивляет меня: я, безусловно, например, видел в ней женщину <...> Она умерла в сочельник. Я видел момент смерти» (Олеша 2001. С. 70). В комментируемом эпизоде воспроизводится литературная ситуация: «княжна Мери» (сестра Олеши) — «Грушницкий» (К.).

286. Судьба дала ему <ключику>, как он однажды признался во хмелю, больше таланта, чем мне, зато мой дьявол был сильнее его дьявола.

Что он имел в виду под словом «дьявол», я так уже никогда и не узнаю. Но, вероятно, он был прав. — Ср. в мемуарах А. К. Гладкова: «Утром в газетах было объявление о шестидесятилетии писателя К. К. — многолетний друг Ю. К., товарищ юности, свидетель его первых литературных дебютов. Их связывало очень многое, но что-то и разделяло: не берусь сказать, что именно, хотя Олеша и рассказывал об этом, но как-то странно и недостоверно. Но в этот день, о чем бы мы ни говорили, он все время возвращался к этому юбилею К., возвращался по-разному — то драматически, то элегически, то с задором, то с какой-то тихой грустью. Уже вечером и довольно поздно Ю. К. вдруг вскочил с места и заявил, что немедленно едет поздравлять К. Он попросил бутылку коньяку, засунул ее почему-то во внутренний карман пиджака и пошел к выходу. Через минуту он вернулся и предложил нам ехать с ним. Это было нелепо — все сидевшие за столом были незнакомы с К. Олеша уговаривал, настаивал, требовал, потом как-то неожиданно легко согласился, что ехать действительно не стоит. Бутылка коньяку была водружена на стол. Дальше в разговоре Ю. К. назвал К. "братом", но тут же начал говорить злые парадоксы о братской любви. На короткое время мы остались вдвоем. Он вдруг спросил меня: кто лучше писатель — К. или он? Я промолчал и подумал, что это молчание его рассердит. Но он не рассердился и, наклонившись ко мне, сказал: — Пишу лучше я, но... — он выдержал длинную театральную паузу — ...но его демон сильнее моего демона!..» (Γ ладков A. K. // Об Олеше. С. 275). Сравнение своей прозы с прозой К. — лейтмотив размышлений позднего Ю. Олеши о своем писательском даре. Свидетельство М. В. Ардова: «У Юрия Карловича появилось нечто, что можно было бы назвать "комплексом Катаева"» (Новый мир. 2000. № 5. С. 120). См. также в записях Олеши: «Читал "Белеет парус одинокий". Хорошо. Катаев пишет лучше меня. Он написал много. Я только отрывочки, набор метафор» (Олеша 2001. С. 243); «Словом, мне кажется, что я мог бы написать о Куприне не хуже, чем написал Катаев» (Там же. С. 191). Олеша имеет в виду очерк: Катаев Валентин. Творчество Александра Куприна // Огонек. 1954. № 22. С. 16.

287. Стоит ли описывать древние итальянские города-республики <...> с балконами, говорящими моему воображению о голубой лунной ночи и шепоте девушки с

распущенными волосами в маленькой унизанной жемчугами ренессансной шапочке. — Отсылка к соответствующему эпизоду, по-видимому, — не столько шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта», сколько одноименного фильма Ф. Дзеффирелли, снятого в 1968 г.

288. Впрочем, здесь нельзя было найти площадь Звезды. Для этого следовало вернуться в Париж <...> где от высокой Триумфальной арки с четырьмя пролетами расходятся как лучи двенадцать сияющих авеню.

Очевидно, туда стремилась фантазия ключика, когда он заставил своего Тибула идти по проволоке над площадью Звезды. — Ср. в «Трех толстяках»: «Тибул задержался секунду на карнизе. Ему нужно было перебраться на противоположную сторону площади. Тогда он мог бы бежать с площади Звезды в сторону рабочих кварталов» (Олеша 1956. С. 144). Центральная площадь Парижа — Place de Charles de Gaulle — Etoile («Площадь Шарля де Голля — Звезды»).

289. Меня же влекла к себе Равенна, одно имя которой, названное Александром Блоком, уже приводило в трепет.

С юношеских лет я привык повторять магические строки: «Все, что минутно, все, что бренно, похоронила ты в веках. Ты как ребенок спишь, Равенна, у сонной вечности в руках». — Здесь и далее с небольшими неточностями цитируется «Равенна» (1909) Ал. Блока. Ср. в мемуарах Б. В. Бобовича о Ю. Олеше: «Помню, как некогда он упивался четырехкратным рокотаньем буквы "р" в блоковском стихотворении "Равенна"» (Бобович Б. // Об Олеше. С. 24).

290. Мы поднялись по каменной лестнице и вошли в мавзолей, посредине которого стоял гроб Теодорика. Но гроб был открыт и пуст, подобный каменной ванне. Я так привык представлять себе блоковского спящего в гробе Теодорика, что в первое мгновение замер как обворованный. — Ср. в письме Ал. Блока к матери от 13.5.1909 г. из Флоренции: «В Равенне мы были два дня. Это — глухая провинция, еще гораздо глуше, чем Венеция. Городишко спит глухо, и всюду — церкви и образа <...> Мы видели могилу Данта, древние саркофаги, поразительные мозаики, дворец Теодориха. В поле за Равенной — среди роз и глициний — могила Теодориха» (Блок А. А. Собр. соч.: в 8-ми тт. Т. 8. М.-Л., 1963. С. 284).

291. На обратном пути мы посетили церковь Святого Франциска, снова попали в тьму и холод католического собора с кострами свечей. Я бросил в автомат монетку, и вдруг перед нами, как на маленькой полукруглой сцене, ярко озарилась театральная картина поклонения волхвов: малютка Христос, задрав пухлые ножки, лежал на коленях нарядной мадонны, справа волхвы и цари со шкатулками драгоценных даров, слева — коровы, быки, овцы, лошади, на небе хвостатая комета <...> Это повторилось раз десять и вдруг погасло, напомнив стихотворение, сочиненное мулатом, кажется «Поклонение волхвов», где хвостатая звезда сравнивается со снопом. — Речь идет о ст-нии Б. Пастернака «Рождественская звезда» (1947), вошедшем в «Стихотворения Юрия Живаго»: «Мерцала звезда по пути в Вифлеем. // Она пламенела, как стог, в стороне // От неба и Бога».

292. — Ключик, — говорил я несколько дней спустя в старинном миланском университете <...> — был человеком выдающимся. В гимназии он всегда был первым учеником, круглым пятерочником, и если бы гимназия не закрылась, его имя можно было бы прочесть на мраморной доске, среди золотых медалистов, окончивших в разное время Ришельевскую гимназию, в том числе и великого русского художника Михаила Врубеля.

Ключик всю жизнь горевал, что ему так и не посчастливилось сиять на мраморной доске золотом рядом с Врубелем. — Одесский Ришельевский лицей, ко времени обучения в нем Ю. Олеши преобразованный в Ришельевскую гимназию, был открыт в 1817 г. Будущий автор «Зависти» окончил Ришельевскую гимназию в 1917 г. О его гимназических успехах ср. у Б. В. Бобовича: «Окончив в Одессе Ришельевскую гимназию с золотой медалью, Олеша уже в гимназические годы обладал знаниями, далеко превосходившими те, что давало учебное заведение. Он был отличным латинистом и всю жизнь мог вам на выбор цитировать Горация, Вергилия, Тита Ливия, Овидия Назона. В историю он был влюблен горячо и неизменно, знал ее досконально, непоказно и, смело наслаждаясь своей эрудицией, нередко ставил в тупик самых знающих» (Бобович Б. // Об Олеше. С. 23).

- **293.** *Он совсем не был зубрилой.* Исподволь обыгрывается звуковое сходство слова «зубрила» с будущим псевдонимом Ю. Олеши «Зубило».
- 294. Единственным недостатком был его малый рост, что, как известно, дурно влияет на характер и развивает честолюбие. Люди небольшого роста, чувствуя как бы свою неполноценность, любят упоминать, что Наполеон тоже был маленького роста. Ключика утешало, что Пушкин был невысок ростом, о чем он довольно часто упоминал. Ключика также утешало, что Моцарт ростом и сложением напоминал ребенка. Ср. в мемуарах 3. Шишовой: «С удивлением я вспоминаю, что совсем недавно кто-то сказал, что Олеша "один из таких больших маленького роста людей, как, например, Наполеон и еще кто-то". Мне Юра никогда не казался маленьким или низеньким» (Шишова 3. К. // Об Олеше. С. 29).
- 295. При маленьком росте ключик был коренаст, крепок, с крупной красивой головой с шапкой кудрявых волос, причесанных а-ля Титус, по крайней мере в юности. Ср. с впечатлениями А. Н. Старостина о Ю. Олеше: «Меня удивило, что для того, чтобы поцеловать женщину, мужчине пришлось приподняться на носках. Помнится, что я ощутил какую-то обиженность. Такая породистая голова требовала более крупного постамента» (Старостин А. // Об Олеше. С. 57–58), а также с автопортретом писателя: «Я росту маленького; туловище, впрочем, годилось бы для человека большого, но коротки ноги, потому я нескладен, смешон; у меня широкие плечи, низкая шея, я толст» (Олеша 2001. С. 55). Ср. также с портретом Олеши из мемуаров Л. И. Славина, где к писателю примеривается прозвище, которое К. дал другому персонажу «АМВ»: «Широкогрудый, невысокий, с большой головой гофмановского Щелкунчика, с волевым подбородком, с насмешливой складкой рта» (Славин Л. И. // Об Олеше. С. 11).

- 296. Какой-то пошляк в своих воспоминаниях, желая, видимо, показать свою образованность, сравнил ключика с Бетховеном. — Хотя внешность писателя сравнивали с обликом Бетховена многие мемуаристы, выпад К. наверняка целил в Виктора Борисовича Шкловского (1893–1984), отмечавшего в своих воспоминаниях об Олеше: «Он был похож, я убедился, на Бетховена» (*Шкловский В. Б.* // Об Олеше. С. 299). См. отрывок из рецензии К. на «Ни дня без строчки»: «В досадном несоответствии с блистательным текстом всей книги находится вялое вступление В. Шкловского» (Цит. по: Катаев В. П. Собр. соч.: в 10ти тт. Т. 10. М., 1986. С. 542). «У них старые счеты». Так Л. Ю. Брик охарактеризовала взаимоотношения К. и Шкловского в письме к Э. Триоле от 6.5.1967 г. (См.: Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. (1921–1970). М., 2000. С. 509). См. также в мемуарах И. Гофф о Шкловском и К.: «Меня всегда удивляло их ожесточенное взаимное неприятие. Оно сочеталось с жгучим и взаимным интересом одного к другому» (Гофф. С. 11). После выхода в свет «АМВ» Шкловский написал на К. такую, ходившую в списках, эпиграмму (цитируем по одному из списков, оказавшихся в нашем распоряжении): «Из десяти венцов терновых // Он сплел алмазный свой венец. // И очутился гений новый. // Завистник старый и подлец».
- **297.** В своем сером форменном костюме Ришельевской гимназии, немного мешковатый, ключик был похож на слоненка <...> Ведь и любовь может быть слоненком! «Моя любовь к тебе сейчас слоненок, родившийся в Берлине иль Париже <...> Не плачь, о нежная, что в тесной клетке он сделается посмеяньем черни...» Ну и так далее. Помните? К. пользуется своим званием «литературного генерала», чтобы (не называя имени автора) процитировать запрещенного в СССР Николая Гумилева (ст-ние «Слоненок» из гумилевской книги «Огненный столп» 1921 г.). Может быть, нелишним будет указать на то обстоятельство, что ключевой для «АМВ» образ «алмазного венца» возникал до этого не только у Пушкина, но и у Гумилева в ст-нии «Песня о купце и короле»: «Однажды сидел я в порфире златой, // Горел мой алмазный венец».
- **298.** Едва сделавшись поэтом, он сразу же стал иметь дьявольский успех у женщин, вернее у девушек курсисток и гимназисток, постоянных посетительниц наших литературных вечеров. Ср. в рассказе К. «Бездельник Эдуард», где о Ю. Олеше говорится как о «молодом лирике, стяжавшем себе флорентийскими поэмами завидную популярность у городских барышень» (БЭ. С. 10).
- **299.** Одно время он был настолько увлечен Ростаном в переводе Щепкиной-Куперник, что даже начал писать рифмованным шестистопным ямбом пьесу под названием «Двор короля поэтов», явно подражая «Сирано де Бержераку». Здесь К. начинает «краткую прогулку» по тем страницам записей Ю. Олеши, которые сам автор «Трех толстяков» условно объединил заглавием «Золотая полка». Ср. в этих записях: «В юности я подражал Ростану (опять-таки Щепкиной-Куперник) сочинял комедию в стихах» (Олеша 2001. С. 369).
- **300.** Я думаю, что опус ключика рождался из наиболее полюбившейся ему строчки: «Теперь он ламповщик в театре у Мольера». Ср. у Ростана в переводе Т. Щепкиной-

Куперник: «Я... я... ламповщиком служу я... у... Мольера» (реплика Рагно, V действие, VI явление).

301. Помню строчки из его стихотворения «Альдебаран»: «...смотри, — по темным странам, среди миров, в полночной полумгле, течет звезда. Ее Альдебараном живущие назвали на земле...» Слово «Альдебаран» он произносил с упоением. Наверное, ради этого слова было написано все стихотворение. — Приводим полный текст этого ст-ния Ю. Олеши по автографу (РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6–8):

БЕАТРИЧЕ

Г. А. Шенгели

Данте. «Ты, Боже, герцог... Но каких владений? Какое имя из других нежней? Перебираю сладкие, земные и руки отряхаю и гляжу: текут, текут... <нрзб> и падают, сияя и звеня. Тоскана? — Видишь: это Твой Георгий! Смотри: смеется, шлем раскрылся розой... Ему не страшно биться в день такой, меж лютиков, на зелени, в траве, когда на небе — облак или плод, архистратиг — садовник или воин? Конь бел, как горлинка, как рыба, он плещется и вьется от сиянья двух длинных шпор, двух золотых комет! Дракон не страшен воину такому, дракон для грешников — исчадье ада, для праведников — ящерица лишь, для рыцаря святого — только сердце иссохшее и черное, как боб! Тоскана — ты не хочешь? Есть другие... Вот слушай: Роза. Роза. Был инок, неумелый в ремеслах: ни киноварью алой, драгоценной заглавия по золоту писать, ни рисовать, как круглою рукою Подносит Ева яблоко Адаму, и с пальмы змей качается над ней, ни сочинять, в сладчайший лад псалма, о том, как лань зеленою тропою из мокрых кущ явилась, и сиял крест на челе весенним смутным утром, так ничего не знал он, не умел,

но только пел, как ветер пел:
Мария! —
и Богоматерь, Деву Пресвятую,
из братьи всей усердней почитал.
Смеялись иноки, но ты, о Боже,
Ты знаешь все — кому удел какой...
И вот, когда он умер,
на устах,
Покрывшихся смертельной чернотою,
пять алых роз Паникадилом дивным
вдруг расцвели —
пять страстных букв: Мария,
стеблями от замолкнувшего сердца.
Чей весь златой Ты пробовал в тот час».

Так говоря, что видит Алигьери:
Куст розовый, где листья — латы, розы — < нрзб > без рукавиц слабеющие руки:
пять лепестков — персты сложились купно, отягчены сияющей пчелою:
она уйдет, уйдет звеня — с венца в ладонь — в темнеющую кровью сердцевину, где листья вкруг — военные зубцы железных нарукавников доспеха!
Где головы — когда так много рук?
Кто их поверг и смял под конским брюхом и улетел, сияя стременами, стремительный, как искра из меча?

И поднимает очи Алигьери и узнает, кто рыцарей поверг: там, над кустом, шумел, сиял и раскрывался Рай... Струился свет, стекая, как Архангел, меняя драгоценные цвета, — огромный свет, свет конницы небесной, свет плата Вероники, свет от одежд, лица, очей, от рук там, над кустом, представшей Беатриче.

И Алигьери знал, какое имя дать Господу владениям Его. Он так сказал: «Как к Господу, умерши, прихожу, и спросит он: "Чего тебе я не дал?"

"Что мне хотеть?" — тогда Ему скажу: "Раз я любовь великую изведал". И покажу: "Гляди по темным странам, — там в высоте, в текучей смутной мгле, горит звезда. Ее Альдебараном живущие назвали на земле. Когда бы вдруг с небес рука Твоя меня совсем забыла б меж другими, — то и тогда что требовал бы я, раз женщины нежнее было имя?"»

- **302.** *Потом настало время Метерлинка.* Об увлечении Ю. Олеши Метерлинком см. в его записях (Олеша 2001. С. 381–383).
- **303.** Некоторое время ключик носился с книгой, кажется, Уолтера Патера, «Воображаемые портреты», очаровавшей его своей раскованностью и метафоричностью. См., например, издание: Патер У. Воображаемые портреты. Ребенок в доме. М., 1908.
- **304.** Зачитывался он также «Крестовым походом детей», если не ошибаюсь Марселя Швоба. Речь идет об издании: Швоб М. Крестовый поход для детей. СПб., 1910.
- **305.** Всю жизнь ключик преклонялся перед Эдгаром По, считал его величайшим писателем мира. Об отношении Ю. Олеши к Эдгару По см. в его записях (Олеша 2001. С. 344, 371).
- **306.** Ключик упорно настаивал, что Вертинский выдающийся поэт, в доказательство чего приводил строчку: «Аллилуйя, как синяя птица». Из песенки Александра Николаевича Вертинского (1889–1957) «Аллилуйя» (1916–1917).
- **307.** Самое поразительное было то, что впоследствии однажды сам неумолимый Командор сказал мне, что считает Вертинского большим поэтом, а дождаться от Командора такой оценки было делом нелегким. В мемуарах Л. Ю. Брик рассказывается о том, что В. Маяковский любил напевать юмористически переиначенные строки из песенки А. Вертинского «Лиловый негр» (1916). (Брик Л. Ю. // О Маяковском. С. 347). См. также в записях Ю. Олеши: «Я хочу вспомнить здесь, в этом некрологе ушедшему артисту и, безусловно, поэту, мнение о нем Владимира Маяковского, не оставшееся у меня в памяти в точности, но сводившееся к тому, что он, Маяковский, очень высоко ставит творчество Вертинского» (Олеша 2001. С. 330).

- **308.** Увлекался ключик также и Уэллсом. Об отношении Ю. Олеши к Г. Уэллсу см. в его записях (Олеша 2001. С. 371–374).
- **309.** Не знаю, заметили ли исследователи громадное влияние Уэллса-фантаста на Командора, автора почти всегда фантастических поэм и «Бани» с ее машиной времени. Ср. с репликой изобретателя Чудакова из «Бани» Маяковского: «Смотри, фейерверочные фантазии Уэльса, футуристическая мощь Эйнштейна, звериные навыки спячки медведей и йогов все, все спрессовано, сжато и слито в этой машине» (Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 11. М., 1958. С. 280).
- **310.** Не говорю уж о постоянном, устойчивом влиянии на ключика Толстого и Достоевского. Ср., однако, в мемуарах Л. И. Славина: «Есть мнение, особенно распространенное в актерской среде, что Достоевского с его визионерством, с его мучительными резекциями души, с его обостренным вниманием, направленным на самого себя, Олеша предпочитал всем другим художникам. Это заблуждение основано на неполном знании Олеши. Толстой вот к кому тянулось все то доброе и ясное, что было в Олеше. Признаки неприязни к Достоевскому и прежде проскальзывали в печатных высказываниях Олеши» (Славин Л. И. // Об Олеше. С. 13–14). Об отношении Ю. Олеши к Достоевскому см. в его записях (Олеша 2001. С. 294–297).
- 311. Однажды я прочитал ключику Бунина <...> Ключик поморщился. Но, видно, поэзии Бунина удалось проникнуть в тайное тайных ключика; в один прекрасный день, вернувшись из деревни <...> ключик прочитал мне новое стихотворение под названием «В степи», посвященное мне и написанное «под Бунина». «Иду в степи под золотым закатом... Как хорошо здесь! Весь простор румян, и все в огне, а по далеким хатам ползет, дымясь, сиреневый туман» ну и так далее. Это ст-ние Ю. Олеши было впервые опубликовано Е. Розановой (См.: Знамя коммунизма. 1965. 11 августа. С. 3; см. также: Олеша Юрий. Облака: Стихи. Одесса, 1999. С. 11). Приводим его полный текст по автографу (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 10):

В СТЕПИ

Вал. Катаеву

Иду в степи под золотым закатом... Как хорошо здесь! Весь простор — румян, И все в огне, а по далеким хатам Ползет, дымясь, сиреневый туман...

Темнеет быстро. Над сухим бурьяном Взошла и стала бледная луна И закачалась в облаке багряном. Все умерло. Бескрайность. Тишина. А вдоль межи — подсолнечники-астры... Вдруг хрустнет сзади, будто чьи шаги, Трещит сверчок, а запоздалый ястреб В зеленом небе зачертил круги...

Легко идется без дневного зноя, И пахнет все, а запахи остры... Вдали табун, другой: идут «в ночное» И запылали в синеве костры...

1915. Июль.

Об отношении Олеши к И. Бунину и о знакомстве с ним через посредничество К. см.: Олеша 2001. С. 304–309.

312. Думаю, что влиял на ключика также и Станислав Пиибышевский — польский декадент, имевший в то время большой успех. «Под Пшибышевского» ключик написал драму «Маленькое сердце», которую однажды и разыграли поклонники его таланта на сцене местного музыкального училища. Я был помощником режиссера, и в сцене, когда некий «золотоволосый Антек» должен был застрелиться от любви к некой Ванде, я должен был за кулисами выстрелить из настоящего револьвера в потолок. Но, конечно, мой револьвер дал осечку, и некоторое время «золотоволосый Антек» растерянно вертел в руках бутафорский револьвер, время от времени неуверенно прикладывая его то к виску, то к сердцу, а мой настоящий револьвер, как нарочно, давал осечку за осечкой. Тогда я трахнул подвернувшимся табуретом по доскам театрального пола. «Золотоволосый Антек», вздрогнув от неожиданности, поспешил приложить бутафорский револьвер к сердцу и с некоторым опозданием упал под стол, так что пьеса в конечном итоге закончилась благополучно. — Воспроизводится литературная ситуация: из рассказа В. Ю. Драгунского «Смерть шпиона Гадюкина» — «шпион Гадюкин» («золотоволосый Антек») — Дениска Кораблев (К.). Ср. также в «Автобиографии» Ю. Олеши: «Литературой стал заниматься поздно, лет восемнадцати. Стихи. Написал пьесу — "Маленькое сердце". Ставилась в Одессе. Один раз. Провалилась. Подражал Пшибышевскому» (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 4). Об увлеченности молодого Олеши творчеством польского модернистского прозаика и драматурга Станислава Пшибышевского (1868–1927) свидетельствует и то обстоятельство, что эпиграфом из него сопровождается одно из стний Олеши 1916 г. (См.: РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 386. Л. 8). О пьесе Олеши «Маленькое сердце» ср. в мемуарах Б. В. Бобовича: «Много лет назад Олеша читал нам свою юношески трогательную лирическую пьесу "Маленькое сердце". Уже тогда она свидетельствовала об авторском вкусе, протестующем против шаблона и литературной приземленности. Было в этой пьесе что-то от Стриндберга, но собственное ощущение явлений, влечение к прекрасному в этой пьесе светилось совсем по-олешински. Мы, участники литературного кружка "Зеленая лампа", разыграли "Маленькое сердце" на сцене Одесской консерватории. Часто потом Юрий Олеша вспоминал об этом своем раннем драматургическом опыте и говорил о нем и грустно, и, может быть, чуть иронически, но всегда с щемящей жалостью об ушедшей юности, с чуть звучавшей в его голосе болью и добротой» (Бобович Б. // Об Олеше. С. 24) и П. Ершова: «Под влиянием жеманного стихотворения 3. Шишовой о самоубийстве юноши из-за любви Юрий Олеша внезапно и стремительно написал трехактную пьесу в стихах — "Маленькое сердце", — каждый акт минут на десять на пятнадцать. Это был его первый драматургический опыт, где слышались отзвуки и Метерлинка, и Леонида Андреева, и все было зыбко, неясно, загадочно: "Маленькое Сердце" надо было не понимать, а "чувствовать". Недолго думая, вся братия поставила этот спектакль и доставила себе больше удовольствия, чем публике. Олеша ходил то именинником, то омрачался: — Театр удивительная вещь, — качал он головой, — у него дьявольские тайны и законы. Пишешь и воображаешь так, а выходит этак...» (Ершов П. Одесская литературная колыбель (Отрывки из воспоминаний) // Опыты. < Нью-Йорк>. 1957. № 8. С. 97). См. также в неопубликованном очерке Г. И. Долинова «Литературный путь Юрия Олеши», написанном в конце 1920-х гг. (ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 11. Л. 3–4): «<...> в Апреле 1918-го года появился журнал "Южный огонек" <...> <в 1 номере которого. — Коммент.> помещена заметка о постановке в зале консерватории 11-го апреля пьесы Юрия Олеши "Маленькое сердце" <...> Пьеса была поставлена и разыграна силами того же студенческого лит<ературного> кружка и частично членами организованного тогда же Валентином Катаевым, на коммерческих началах, кружка "Зеленая лампа". Ставил пьесу лектор кружка Петр Ершов. Во 2-м № <«>Ю<жного> огонька<»> помещен снимок всего ансамбля, игравшего пьесу во главе с Ю. Олешей. Пьеса, помнится, была написана на сюжет стихотворения одной из поэтесс кружка <-> Шишовой. Цитируем:

СМЕРТЬ

Коротенький звонкий выстрел. Как будто хлопнула пробка...

Мелькнули тени драпри... <так в тексте. - Коммент.>

На круглом столике рядом зеленая с белым коробка,

Кажется от папетри. <так в тексте. - Коммент.>

В темном пролете парадной мелькнули испуганно лица, —

Значит, дело с концом, —

Сейчас невеста и сестры будут плакать и биться

Над Вашим скорбным лицом.

Бедненький бледный мальчик, умерший слишком рано —

В двадцать с немногим лет.

Только я имею, как это им ни странно,

Ваш последний портрет.

Бедненький мертвый мальчик, я, как черная злая кошка,

была на Вашем пути...

Хрупкий такой и нежный, подождите меня немножко —

Я тоже должна уйти...

- <...> Пьеса дальше зала консерватории не пошла, но в дальнейшем Олеша не раз возвращался к драматическим формам».
- **313.** ...и публика была в восторге, устроила ключику овацию, и он выходил несколько раз кланяться, маленький, серенький, лобастенький слоненок. Ср. с замечанием М. Б. Чарного о том, что на карикатуре Кукрыниксов Ю. Олеша «похож на хитрого слона, напялившего на себя огромную шляпу» (Чарный М. Б. Время и его герои. Встречи с писателями и книгами. М., 1973. С. 335).
- **314.** Я был свидетелем его любовной драмы, как бы незримой для окружающих: ключик был скрытен и самолюбив. Ср. о Ю. Олеше у С. И. Липкина: «Он вообще был очень скрытным и ни на что не жаловался» (Липкин). Тем не менее, в неопубликованном письме Олеши к Эмилии Львовне Немировской содержится отчетливый для адресата намек на любовную драму будущего автора «Зависти» (См.: ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 24. Л. 2-Л. 2 об.):

Милая Милечка!

Нужно скорее приезжать в Москву. Довольно Одессы. Но с какой любовью и нежностью я вспоминаю об Одессе, — о всем: о коллективе, о «Пеоне IV», о Хламе, об университетских вечерах. Кончилась какая-то чудесная жизнь: молодость, начало поэзии, революция, любовь. Начинается другая жизнь. Для меня это дырявая, ненужная жизнь. У меня есть и деньги, и дело, и возможность работать по-настоящему. Но мне очень плохо живется. Жду. Может быть, будет лучше.

Вы, вероятно, знаете причину этого скверного моего состояния.

Как живете Вы? Как Ваше здоровье, которое, я помню, хромало. Поправляйтесь. Приезжайте. Спасибо за память обо мне. А то уже очень многие забыли обо мне.

Целую руку

с преданностью и уважением

Ю. Олеша.

Спасибо за рецензию об «Игре в плаху».

Москва 12-III-23 г. Чистые пруды.

Отметим, что это послание писалось в квартире К.

315. Подругой ключика стала молоденькая, едва ли не семнадцатилетняя, веселая девушка, хорошенькая и голубоглазая. — Суок Серафима Густавовна (1902–1982) гражданская жена Ю. Олеши, а с 1922 г. — Владимира Нарбута, а потом Н. И. Харджиева, а еще потом (с 1956 г.) — В. Б. Шкловского. Ее сестра Лидия Густавовна Суок (1896–1969) была женой Э. Багрицкого. Сестра Ольга Густавовна (1899–1978) — женой Ю. Олеши. М. О. Чудакова, автор книги об Олеше, которая не понравилась Ольге Густавовне, приводит ее реплику, прозвучавшую в разговоре с исследовательницей 29.2.1972 г.: «Я уверена, что и Катаев вступится... Он очень любил Олешу» (Чудакова. С. 77). 9.03.1930 г. Олеша писал О. Г. Суок: «Не обижай Симу. Я ее очень люблю. Вы две половинки моей души» (Цит. по: Гудкова В. Ю. Олеша и В. Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний». М., 2002. С. 137). См. портрет Серафимы Суок в рассказе К. «Бездельник Эдуард»: «...прелестная девятнадцатилетняя шатенка <...> со смуглыми обнаженными руками и завитками распущенных волос» (БЭ. С. 11, 12). См. в этом же рассказе идиллическое изображение отношений Олеши и Серафимы Суок: «Симочка подсела на клеенчатый диван к своему лирику, и они долго полулежали, опутанные голубоватым табачным дымом» (Там же. С. 13). О реакции Серафимы Суок на «АМВ» см. в мемуарах В. Ф. Огнева: «Прочитав "Алмазный мой венец", С. Г. <...> плакала, Катаев в романе расправился и с ней самой. Шкловский кричал, что "пойдет бить ему морду". Вытерев нос и сразу перестав плакать, С. Г. сказала: "Этого еще не хватало! Пойдем спать, Витя"» (Огнев В. Ф. Амнистия талану. Блики памяти. М., 2001. С. 259). В этих же воспоминаниях описаны поздние визиты Олеши к Шкловским: «Юрий Олеша появлялся на Черняховского <у Шкловских. — Коммент. > не часто. Но паника в семье Шкловских была большая. Витя, открыв дверь, спрашивал: "Ты к Симе?" — и уходил в кабинет, плотно прикрыв дверь. Нервничал. Из другой комнаты доносился разговор. Громкий — Симочки, тихий — Олеши. Минут через пять Олеша выходил в коридор, брезгливо держа в пальцах крупную по тем временам купюру. Сима провожала его заплаканная» (Там же. С. 252).

- **316.** *Мы разночинцы*. Ср. с катаевской подписью под фотографией А. Н. Толстого в альбоме, составленном А. Е. Крученых: «Автор письма граф Ал. Н. Толстой за утренним туалетом. С почтением, разночинец В. Катаев» (РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л.97) и с отрывком из рассказа К. «Медь, которая торжествовала»: «А я разночинец, у меня нет быта и правил, нет семьи, нет ничего, кроме молодости, закаленной дочерна в пламени великого пятилетия» (БЭ. С. 63). Вероятный источник этой автохарактеристики К. автобиографическая фраза О. Мандельштама из его книги «Шум времени» (1923): «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, и биография готова» (Цит. по: Мандельштам. С. 41).
- **317.** Может быть, мы излишне идеализировали революцию, не понимая, что <...> полная, химически чистая свобода настанет в мире еще не так-то скоро, лишь после того, когда на земном шаре разрушится последнее государство и «все народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Неточная цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Он между нами жил...» (1834). У Пушкина: «...народы распри позабыв // В великую семью соединятся».
- 318. В реквизированном особняке при свете масляных и сальных коптилок мы читали по вечном стихи, в то время как в темных переулках города, лишенного электрического тока, возле некоторых домов останавливались автомобили ЧК с погашенными фарами и над всем мертвым и черным городом светился лишь один ярко горевший электричеством семиэтажный дом губчека, где решались судьбы последних организаций, оставленных в подполье бежавшей из города контрреволюцией, а утром на стенах домов и на афишных тумбах расклеивались списки расстрелянных. — Деятельность одесской губчека подробно воссоздана в повести К. «Уже написан Вертер» (1979). Главному герою этой повести художнику Диме, арестованному по доносу сексотки Инги, удается затем выйти на свободу. О том, что творилось в особняке, принадлежавшем одесской губчека, К. знал не понаслышке — в 1920 г. он проходил по делу о польско-английском заговоре и провел в тюрьме несколько месяцев: арестованный в марте К. был освобожден между 5 и 14 сентября (См.: Вертер. С. 82). В комментарии С. 3. Лущика сообщается, что точный адрес особняка одесской губчека был: Маразлиевская, д. 40. Он же отмечает, что этот особняк состоял не из семи этажей (как у К. в «АМВ» и в повести «Уже написан Вертер»), а из пяти. Упомянутая в «АМВ» афишная тумба со списками расстрелянных — ключевой образ повести «Уже написан Вертер». Здесь художника Диму тайно выпускает из тюрьмы друг его матери, но в список расстрелянных Диму все же вносят, чтобы не вызывать подозрений у других чекистов. Матери Димы суждено разминуться с сыном, прочесть его имя в списке расстрелянных на афишной тумбе и покончить с собой.
- **319.** Я даже не заметил, с чего и как начался роман ключика. Просто однажды рядом с ним появилась девушка, как нельзя более соответствующая стихам из «Руслана и Людмилы»: «...есть волшебницы другие, которых ненавижу я: улыбка, очи голубые и голос милый о друзья! Не верьте им: они лукавы! Страшитесь, подражая мне, их упоительной отравы» Из 4-й песни «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина.

320. Вероятно, читатель с неудовольствием заметил, что я злоупотребляю цитатами. Но дело в том, что я считаю хорошую литературу <...> составной частью окружающего меня мира <...>

Процитировал же Толстой предутреннюю летнюю луну, похожую на кусок ртути. Именно на кусок. <выделено K. — Kоммент.> Xотя ртуть в обычных земных условиях существует как шарик. — «Месяц, еще светивший, когда он выходил, теперь только блестел, как кусок ртути» (Tолстой Π . H. Анна Kаренина // Толстой Π . H. Полн. K0 соч.: в 90 тт. K1. 1935. K3. K4.

321. Семья ключика уехала в Польшу. Ключик остался. — В 1922 году.

322. Дела наши поправились. Мы прижились в чужом Харькове, уже недурно зарабатывали, иногда вспоминая свой родной город и некоторые проказы прежних дней, среди которых видное место занимала забавная история брака дружочка с одним солидным служащим в губпродкоме. По первым буквам его имени, отчества и фамилии он получил по моде того времени сокращенное название Мак <...>

Но в один прекрасный день дружок с веселым смехом объявила ключику, что она вышла замуж за Мака и уже переехала к нему.

Она нежно обняла ключика, стала его целовать, роняя прозрачные слезы, объяснила, что, служа в продовольственном комитете, Мак имеет возможность получать продукты и что ей надоело влачить полуголодное существование, что одной любви для полного счастья недостаточно, но что ключик навсегда останется для нее самым светлым воспоминанием, самым-самым ее любимым друзиком, слоником, гением и что она не забудет нас и обещает нам продукты.

Тогда я еще не читал роман аббата Прево и не понял, что дружочек — разновидность Манон Леско и что тут уж ничего не поделаешь.

Ключик в роли кавалера де Гриё грустно поник головой. Он начитался Толстого и был непротивленцем. Я же страшно возмутился и наговорил дружочку массу неприятных слов, на что она, весело смеясь, блестя голубыми глазами, сказала, что понимает, какую глупость совершила, и согласна в любой миг бросить Мака, но только стесняется сделать это сама. Надо, чтобы она была насильно вырвана из рук Мака, похищена.

— Это будет так забавно, — прибавила она, — и я опять вернусь к моему любимому слоненку.

Так как ключик по своей природе был человек воспитанный, не склонный к авантюрам, то похищение дружочка я взял на себя как наиболее отчаянный из всей нашей компании.

В условленное время мы отправились с ключиком за дружочком. Ключик остался на улице, шагая взад-вперед перед подъездом, хмурый, небритый, неумный, как ревнивый гном, а я поднялся по лестнице и громко постучал в дверь кулаком <...>

Вид у меня был устрашающий: офицерский френч времен Керенского, холщовые штаны, деревянные сандалии на босу ногу, в зубах трубка, дымящая махоркой, а на бритой голове красная турецкая феска с черной кистью, полученная мною по ордеру вместо шапки в городском вещевом складе.

Не удивляйтесь: таково было то достославное время— граждан снабжали чем бог послал, но зато бесплатно <...>

— Ты меня извини, дорогой, — сказала дружочек, обращаясь к Маку. — Мне очень перед тобой неловко, но ты сам понимаешь, наша любовь была ошибкой. Я люблю ключика и

должна к нему вернуться. — Ср. с изложением этого эпизода Г. И. Поляковым, в 1935 г., со слов С. Г. Суок, Л. Г. Суок, Ю. Олеши и К.: «Познакомились на одном из литературных вечеров с одним бухгалтером, который питал слабость к стихам и даже сам пописывал стихи под псевдонимом Мак (начальные инициалы). Попавши к Багрицким и Олешам <...> он сразу влюбился в Симу <...>, бывшую в то время женой Олеши. В это время Багрицкие и Олеши успели уже распродать почти все вещи, и становилось туго, у бухгалтера же водились кое-какие запасы продовольствия — он служил и получал паек. Решили использовать знакомство с ним для того, чтобы подкормиться. Вначале у него несколько раз были в гостях одни сестры, затем они привели с собой мужей, причем бухгалтеру не было известно, что они являются мужьями сестер <...> В дальнейшем любовь бухгалтера настолько возросла, что он предложил Симе руку и сердце. Легкомыслие компании было настолько велико, что для того, чтобы позабавиться и как следует "погулять", решено было согласиться на это предложение, причем сам Олеша совершенно не протестовал против такого оборота» (Спивак. С. 179–180). После заключения брака С. Г. Суок и Мака «Багрицкий и Олеша сидели вдвоем в подавленном состоянии. Решено было идти выручать Симу и забрать ее домой. Пошел Олеша. Однако хозяин даже не пустил его на порог. В это время пришел В. Катаев. Узнав, в чем дело, он принялся за него более решительно. Придя к бухгалтеру, с которым не был знаком, он вызвал его якобы по делу. Вошел в комнату и сказал: "Ну, Сима, собирайтесь". Бухгалтер даже не протестовал, настолько он был ошеломлен такой решительностью <...> Сима быстро собрала свои вещи, прихватив попутно также и кое-что из вещей бухгалтера <...> Бухгалтер не прекратил после этого знакомства с Багрицким и Олешей. Он временами приходил к друзьям, садился в уголок комнаты и восторженно смотрел на Симу, прося в качестве особой милости позволить ему посидеть и полюбоваться ею еще несколько минут. В таких случаях Катаев, если он был при этом, брал на себя роль распорядителя и говорил: "Вам разрешается пробыть еще 10 минут, Мак" или: "Ваш срок истек". В последнем случае бухгалтер беспрекословно вставал и уходил» (Спивак. С. 180–182).

- 323. Тогда я еще не читая роман аббата Прево и не понял, что дружочек разновидность Манон Леско и что тут уж ничего не поделаешь. В романе аббата Антуана Франсуа Прево (1697–1763) «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731), легкомысленная героиня которого переходит из объятия в объятье, пользуясь великодушием и благородством своего многолетнего верного поклонника. Ср. с уподоблением современной исследовательницы, возможно, восходящим к сравнению из «АМВ»: «Особенно интересен был рассказ <жены Зощенко. Коммент. > о Лиле Островской, женщине яркого авантюрного склада, несомненно близкой по типу к Лиле Брик, баронессе Будберг и другим Манон Леско XX века» (Чудакова. С. 231).
- **324.** Ключик остался на улице, шагая взад-вперед перед подъездом, хмурый, небритый, нервный, как ревнивый гном. Ср. у Л. И. Славина: «"Король гномов" так назвал его когда-то Борис Ливанов» (Славин Л. И. // Об Олеше. С. 11).
- **325.** Вид у меня был устрашающий: офицерский френч времен Керенского, холщовые штаны, деревянные сандалии на босу ногу, в зубах трубка, дымящая махоркой, а на бритой голове красная турецкая феска с черной кистью, полученная мною по ордеру вместо шапки

в городском вещевом складе. — Ср. у К. Г. Паустовского: «На эстраде, набитой до отказа молодыми людьми и девицами, краснела феска Валентина Катаева» (Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. М., 2002. С. 141).

- **326.** ...через полчаса в мою комнату вбежала нарядно одетая, в модной шляпке, с сумочкой, даже, кажется, в перчатках дружочек, а следом за ней боком, криво, как бы расталкивая воздух высоко поднятым плечом, прошел в дверь человек в новом костюме и в соломенной шляпе-канотье высокий, с ногой, двигающейся как на шарнирах. Вероятно, в той же шляпе, которая запечатлена на воронежской фотографии В. Нарбута 1918 г. (См. это фото, например, в издании: // Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. Иллюстрации между страницами 382 и 403).
- 327. Это был колченогий. Владимир Иванович Нарбут (1888–1938), чей портрет в «АМВ» квалифицированный биограф поэта расценивает как «недоброжелательный шарж» (Тименчик Р. Д. Нарбут Владимир Иванович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4. М-П. М., 1999. С. 229). Другой исследователь отмечал, что Нарбут в «АМВ» изображен «довольно неприязненно, хотя и выразительно» (Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Нарбут В. И. Избранные стихи. Paris, 1983. С. 21). «— Не огорчайся, Роман, будто со стороны утешал сына Нарбута друг покойного отца Валентин Петрович Катаев, это просто такой стиль» (*Бялосинская Н.*, *Панченко Н.* Косой дождь // Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 7). Ср. также у Т. Р. Нарбут и В. Н. Устиновского: «Недобросовестные и недоброжелательные, падкие на сенсации мемуаристы сумели факты, которые были исказить те известны» Устиновский В. Н. Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.320). Прозвище Нарбута «колченогий», возможно, отсылает внимательного читателя «АМВ» к следующему фрагменту «Египетской марки» О. Мандельштама: «— Я уважаю момент, холодно произнес колченогий ротмистр, — но, извините, я с дамой, — и, ловко подхватив свою спутницу, брякнул шпорами и скрылся в кафе» (Мандельштам. С. 70).
- 328. Остатки деникинских войск были сброшены в Черное море; обезумевшие толпы беглецов из Петрограда, Москвы, Киева почти все, что осталось от российской Вандеи. По аналогии с западным французским департаментом, где в марте-декабре 1793 г. развернулась гражданская война между частью населения, поддерживавшей Великую французскую революцию, и выступавшей против нее.
- 329. Нашей Одукростой руководил прибывший вместе с передовыми частями Красной Армии странный человек колченогий. Среди простых, на вид очень скромных, даже несколько серых руководящих товарищей из губревкома, так называемой партийнореволюционной верхушки, колченогий резко выделялся своим видом. В. Нарбут прибыл в Одессу 15 мая 1920 г. Одесское украинское отделение РОСТА, которое он возглавлял с 1920 по 1921 гг., К. позднее назвал «школой политического воспитания беспартийных поэтов» (См.: Скорино Л. Писатель и его время. М., 1965. С. 162). В Одессе Нарбут организовал также выпуск литературных журналов «Лава» и «Облава». Подробнее

см.: *Берловская Л. В.* Владимир Нарбут в Одессе // Русская литература. 1982. № 3. О Ю. Олеше и К. в Одукросте вспоминал Б. В. Косарев: «...в Одессе в РОСТА художники часто насмехались над ними. Принесут Катаев и Олеша какие-нибудь стихотворные подписи к плакату, который надо нарисовать, — что-то про Петлюру и халтуру и натуру <...>, а те и говорят: "Ну, покажите, как это должно выглядеть", а потом смеются над их беспомощными, "гимназическими" рисунками» (см.: *Яськов Вл.* Хлебников. Косарев. Харьков. С. 119).

- **330.** ...с наголо обритой головой хунхуза. От кит. хунхуцзы, букв. краснобородый; так называли участников вооруженных банд в Маньчжурии. Ср. в ст-нии В. Нарбута «Большевик» (1920): «Обритый наголо хунхуз безусый, // хромая, по пятам твоим плетусь».
- **331.** ...он появлялся в машинном бюро Одукросты, вселяя любовный ужас в молоденьких машинисток; при внезапном появлении колченогого они густо краснели, опуская глаза на клавиатуры своих допотопных «ундервудов» с непомерно широкими каретками.

Может быть, он даже являлся им в грешных снах. — Воспроизводится литературная ситуация из «Зависти» Ю. Олеши: Андрей Бабичев (Нарбут) — машинистки: «Девушек, секретарш и конторщиц его, должно быть, пронизывают любовные токи от одного его взгляда» (Олеша 1956. С. 26). Ср. также в рассказе К. «Бездельник Эдуард», опубликованном при жизни В. Нарбута: «...заведующий "Югростой", демонический акмеист и гроза машинисток» (БЭ. С. 26).

332. Говорили, что он происходит из мелкопоместных дворян Черниговской губернии, порвал со своим классом и вступил в партию большевиков. Говорили, что его расстреливали, но он по случайности остался жив, выбрался ночью из-под кучи трупов и сумел бежать. Говорили, что в бою ему отрубили кисть руки. Но кто его так покалечил — белые, красные, зеленые, петлюровцы, махновцы или гайдамаки, было покрыто мраком неизвестности. — В. Нарбут происходил из старинного украинского дворянского рода, имевшего литовские корни. В Черниговской губернии поэт родился и провел детство. К большевикам он примкнул после Февральской революции 1917 г., выйдя из партии левых эсеров. Кисти руки Нарбут лишился в 1918 г., в новогоднюю ночь. Сам он следующим образом сообщал об этом в письме к М. А. Зенкевичу: «Ничего особенного со мной не было — кроме того, что я в январе прошлого года вследствие несчастного случая (описывать его крайне тяжело мне) потерял кисть левой руки» (Владимир Нарбут. Стихи и письма / Публ. и коммент. Л. Пустильник // Арион. 1995. № 3. С. 50). См. также сообщение в газете «Глуховский вестник»: «В дер. Хохловка, Глуховской волости, в усадьбе Лесенко было совершено вооруженное нападение неизвестных злоумышленников на братьев Владимира Ивановича и Сергея Ивановича Нарбут <...> Нарбут ранен выстрелом из револьвера. Ему ампутирована рука» (Цит. по: *Бялосинская Н.*, *Панченко Н*. Косой дождь // Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 27). Эти же авторы сообщают со ссылкой на семейное предание: «Никто не сомневался, что нападение было политическим, покушались на Нарбута-большевика» (Там же).

- **333.** Во всяком случае, у него был партийный билет и все тогдашние чистки он проходил благополучно. В. Нарбут официально вступил в РКП в 1919 г. К. 49 лет спустя: «...в 1958 году вступил в партию, что явилось логическим завершением всей моей духовной жизни» (Катаев В. П. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: в 2-х тт. Т. 1. М., 1959. С. 540).
- 334. ...автор нашумевшей книги стихов «Аллилуйя», которая при старом режиме была сожжена как кощунственная по решению святейшего синода. Первое издание которой вышло в 1912 г., в Петербурге, второе в Одессе, в 1922 г. В синодальной типографии был выполнен набор для обложки «Аллилуйя». 1-е изд. этой книги было конфисковано из продажи департаментом полиции постановлением суда за порнографию. Ср. в рассказе К. «Фантомы» о поэме В. Нарбута «Александра Павловна» (1914—1922): «В стихах, которые я прочел, точек было больше, чем слов. И клянусь, я эти точки яростно заполнил» (БЭ. С. 74). Ср. с шутливым инскриптом самого Нарбута на издании «Александры Павловны»: «А это более древние плоды порнографии и пр. Насладись, приятель Соловьев! 11/22 В. Нарбут» (Частное собрание).
- **335.** Вскоре в местных «Известиях» стали печататься его стихи. Вот, например, как он изображал революционный переворот в нашем городе: «...от птичьего шеврона до лампаса полковника все погрузилось в дым. О, город Ришелье и Де-Рибаса! Забудь себя, умри и стань другим». Неточно цитируется начало ст-ния В. Нарбута «Годовщина взятия Одессы» (1921).
- **336.** Эта поэтическая инверсия «птичий шеврон» привела нас в восхищение. Мы все страдали тогда детской болезнью поэтической левизны. Сервильная отсылка к заглавию известной работы В. И. Ленина «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» (1920).
- 337. Помню еще отличное четверостишие колченогого того периода: «Щедроты сердца не размечены, и хлеб все те же пять хлебов, Россия Разина и Ленина, Россия огненных столбов». Это и впрямь было прекрасное, хотя и несколько мистическое изображение революции. Цитируется начало ст-ния В. Нарбута «Россия» (1918). Отчетливо христианская символика нарбутовского образа «пяти хлебов» побудила К. упрекнуть поэта в «несколько мистическом изображении революции».
- **338.** Должен, кстати, опять предупредить читателей, что все стихи в этой книге я цитирую исключительно по памяти <...> Сделал же поправку Толстой, цитируя стихи Пушкина: «... и горько жалуюсь и горько слезы лью, но строк постыдных не смываю». А у Пушкина не «постыдных», а «печальных». Знаменитая «поправка» из толстовских «Воспоминаний». См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. Т.34. М.-Л., 1950. С. 346. А цитировал Толстой ст-ние А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828).

- **339.** *Едучи впоследствии с колченогим в одном железнодорожном вагоне по пути из Одессы в Харьков.* В. Нарбут заведовал харьковским Укроста в 1921 г. Из Одессы он уехал 14 апреля 1921 г.
- **340.** ...я слышал такую беседу колченогого с одним весьма высокопарным поэтомклассиком. Они стояли в коридоре и обсуждали бегущий мимо них довольно скучный новороссийский пейзаж.

Поэт-классик, носивший пушкинские бакенбарды, некоторое время смотрел в окно и наконец произнес свой приговор пейзажу, подыскав для него красивое емкое слово, несколько торжественное:

— *Всхолмления!*..

На что колченогий сказал:

— Ото... ото... скудоумная местность.

Он был ироничен и терпеть не мог возвышенных выражений. — «Поэт-классик» — Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1954), которого в катаевском окружении упрекали в «аккуратном классицизме» (См.: Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. М., 1971. С. 127). Ср. в автобиографии Шенгели: «...я пробрался в Керчь, а затем в Одессу, где прожил почти два года <...> К этому времени относится мое знакомство с Багрицким, Олешей, Катаевым, Верой Инбер, Л. Гроссманом и др. Осенью 21 г. я возвратился в Харьков» (Лица. Биографический альманах. 5. М.-СПб., 1994. С. 377). Ср. также в рецензии В. Нарбута на подготовленную Г. Шенгели книгу «Еврейские поэты»: «Небольшая книжка, в 13 поэм, дает полное представление о том неоклассицизме, который вылупился из скорлупы акмеизма» (Цит. по: *Тименчик Р. Д.* К вопросу о библиографии В. И. Нарбута // De visu. № 11. 1993. С. 57). С «пушкинскими бакенбардами» Шенгели снят на фотографии, воспроизведенной как приложение к мемуарам: Лишина Т. Г. «Так начинают жить стихом...». Отрывок из книги воспоминаний // Прометей. № 5. (1968). С. 321. В 1940 г., в заметке «Слово надо любить!» К. заклеймил один из фрагментов послесловия Шенгели к переводам из Байрона как «потрясающий по своему цинизму и полной нелюбви к слову» (Литературная газета. 1940. 15 сентября. С. 2).

- **341.** Он умудрялся создавать строчки шестистопного ямба без цезуры, так что тонический стих превращался у него в архаическую силлабику Кантемира. Ср. у современного стиховеда о том, что в нарбутовском «6-стопном ямбе нет опорных ударений, ритм становится трудноуловимым, и стих кажется тяжел и громоздок» (Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 90). Ср. также в акмеистическом манифесте Н. С. Гумилева о подразумеваемом Нарбуте: «...акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда-либо, свободной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения» (Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм (1912) // Гумилев Н. С. Сочинения: в 3-х тт. Т. 3. М., 1991. С. 17). Вторая параллель подсказана нам Н. А. Богомоловым; первая В. Беспрозванным.
- **342.** Но зато его картины были написаны не чахлой акварелью, а густым рембрандтовским маслом. С голландской живописью поэзия В. Нарбута сравнивалась, например, в рецензии, напечатанной в: Искусство и театр. Ташкент, 1922. № 2. С. 9.

- 343. Эстетика его творчества состояла именно в полном отрицании эстетики. Это сближало колченогого с Бодлером, взявшим, например, как материал для своего стихотворения падаль. Подразумевается классическое ст-ние Бодлера «Падаль» (1843). Ср. в письмах самого В. Нарбута к М. А. Зенкевичу: «Антиэстетизм мной, как и тобой, вполне приемлем, при условии его живучести. На днях я пришлю тебе стихи, из которых ты увидишь, что я шагнул еще далее, пожалуй, в отношении грубостей <..> Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер. Не так ли?» (Владимир Нарбут. Стихи и письма / Публ. и коммент. Л. Пустильник // Арион. 1995. № 3. С. 48, 47).
- **344.** На нас произвели ошеломляющее впечатление стихи, которые впервые прочитал нам колченогий своим запинающимся, совсем не поэтическим голосом из только что вышедшей книжки с программным названием «Плоть». В эту книгу, изданную в Одессе, в 1920 г., вошли стихи В. Нарбута, писавшиеся в 1912–14 гг. Ср. катаевское изображение «колченогого» с портретом читающего свои стихи поэта из мемуаров К. Г. Паустовского: «Не обращая внимания на аудиторию, Нарбут начал читать свои стихи угрожающим, безжалостным голосом. Читал он с украинским акцентом <...> Но неожиданно в эти угрюмые строчки вдруг врывалась щемящая и невообразимая нежность» (Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. М., 2002. С. 141).
- **345.** В этом стихотворении, называющемся «Предпасхальное», детально описывалось, как перед пасхой «в сарае, рыхлой шкурой мха покрытом», закалывают кабана и режут индюков к праздничному столу. В ст-нии В. Нарбута «Предпасхальное» (1913) «убой скота и аутопсия преломлены через христианский мотив смерти, попирающей смерть» (Тименчик Р. Д. Нарбут Владимир Иванович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4. М-П. М., 1999. С. 228).
 - **346.** «Плоть» была страшная книга.
- «Ну, застрелюсь. И это очень просто <...> А пальцы, корчась, тянутся к виску...» Неточно цитируются строки из ст-ния В. Нарбута «Самоубийца» (1914).
- **347.** *Он был мелкопоместный демон.* Издевательская отсылка к заглавию романа Федора Сологуба «Мелкий бес» и к лермонтовскому «Демону».
- **348.** Он хотел и не мог искупить какой-то свой тайный грех, за который его уже один раз покарали отсечением руки, но он чувствовал, что рано или поздно за этой карой последует другая, еще более страшная, последняя. 8.10.1919 г., в Ростове-на-Дону, В. Нарбута арестовала белая контрразведка как коммунистического редактора и члена Воронежского губисполкома. «Несмотря на пытки, никаких тайн он не раскрыл» (Нарбут Т. Р., Устиновский В. Н. Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 320). По счастливой случайности, поэт вскоре был освобожден из тюрьмы при налете

красной конницы. Обстоятельства ареста и заключения Нарбута стали достоянием гласности в 1928 г., когда партийные инстанции рассмотрели вопрос о скрытии Нарбутом своих показаний белым в Ростове-на-Дону. В результате поэта исключили из партии (см.: Правда. 1928. 3 октября). 26.10.1936 г. Нарбут был арестован по доносу, осужден на 5 лет, повторно судим тройкой НКВД 7.4.1938 г. и расстрелян 14 апреля. См. в его деле 1936 г. утверждение о том, что из партии Нарбут был исключен «за предательское поведение во время ареста его деникинской контрразведкой в 1919 г.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 121. Л. 61).

- 349. Недаром же он писал: «Как быстро высыхают крыши. Где буря? Солнце припекло. Градиной вихрь на церкви вышиб под самым куполом стекло. Как будто выхватив проворно остроконечную звезду метавший ледяные зерна, гудевший в небе на лету. Овсы лохматы и корявы, а рожью крытые поля: здесь пресечены суставы, коленца каждого стебля. Христос! Я знаю, ты из храма сурово смотришь на Илью: как смел пустить он градом в решу и тронуть скинию твою? Но мне прости меня, я болен, я богохульствую, я лгу твоя раздробленная голень на каждом чудится шагу». С небольшими неточностями цитируется ст-ние В. Нарбута «После грозы» (1913).
- **350.** В Харькове после смерти Блока, после исчезновения Гумилева, после поволжского голода мы настолько сблизились с колченогим, что часто проводили с ним ночи напролет, пили вино, читая друг другу стихи, ключик, дружочек и я, еще не отдавая себе отчета, чем все это может кончиться. К эвфемизму «исчезновение» К. прибегнул, чтобы избежать слова «расстрел» (Н. С. Гумилев был казнен большевиками по сфабрикованному обвинению 25.8.1921 г.).
- **351.** И вот я уже стою в тесной редакционной комнате «Красной нови» в Кривоколенном переулке и смотрю на стычку королевича и мулата <...> мулат по ходячему выражению тех лет, похожий одновременно и на араба и на его лошадь. К. слегка перевирает формулу из очерка Марины Цветаевой «Световой ливень» (1922): «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня» (Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7-ми тт. Т. 4. М., 1994. С. 212).

352. Что между ними произошло?

Так я до сих пор и не знаю. В своих воспоминаниях мулат, кажется, упомянул о своих отношениях с королевичем и сказал, что эти отношения были крайне неровными: то они дружески сближались, то вдруг ненавидели друг друга, доходя до драки. — «То, обливаясь слезами, мы клялись друг другу в верности, то завязывали драки до крови, и нас силою разнимали и растаскивали посторонние» (Пастернак Б. Л. Люди и положения // Пастернак. С. 457). То столкновение, которое изображено в комментируемом фрагменте «АМВ», произошло после того, как Б. Пастернак, грубо оскорбленный репликой С. Есенина, дал ему пощечину.

- 353. Не знаю, как мулат, но королевич всегда ненавидел мулата и никогда с ним не сближался, по крайней мере при мне. Из письма Б. Л. Пастернака к Г. Ф. Устинову от 24.1.1926 г.: «Мы с Есениным далеки. Он меня не любил и этого не скрывал» (Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. М., 1995. С. 391). См. также в мемуарах А. К. Гладкова: «За две недели до смерти С. Есенина Н. Асеев разговаривал с ним о призвании поэта и о многом другом. Есенин защищал право поэта на писание ширпотребной лирики романсного типа. Асеев записал слова Есенина: "Никто тебя знать не будет, если не писать лирики: на фунт помолу нужен пуд навозу вот что нужно. А без славы ничего не будет, хоть ты пополам разорвись тебя не услышат. Так вот Пастернаком и проживешь!.."» (Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. М., 2002. С. 227–228).
- **354.** ...а королевич, из которого еще не вполне выветрился хмель, загнал меня в угол и вдруг неожиданно стал просить помирить его с Командором. Ср. в пастернаковской «Охранной грамоте» фрагмент, соседствующий с тем, который К. цитировал в «АМВ» страницей выше: «Есенин в период недовольства имажинизмом просил меня помирить и свести его с Маяковским, полагая, что я наиболее подхожу для этой цели» (Пастернак. С. 457).
- **355.** Послушай, друг, говорил он умоляющим, нежным, почти ребячьим голосом. Ну что тебе стоит? Ты же с ним хорошо знаком. Он тебя печатает в своем «Лефе». В 4 номере за 1924 г., где было помещено ст-ние К. «Война».
- **356.** ...он меня тоже любит, только не хочет признаться там у себя, в Водопьяном переулке, стесняется своих футуристов, лефов или как их там комфутов, пропади они пропадом. Ср. в мемуарах Л. Ю. Брик: «При жизни Есенина Маяковский полемизировал с ним, но они знали друг другу цену. Не высказывали же свое хорошее отношение из принципиальных соображений. Есенин переносил свое признание на меня и при встречах называл меня "Беатрисочкой", тем самым приравнивая Маяковского к Данте» (Брик Л. Ю. // О Маяковском. С. 352). Ср., однако, с эпиграммой на Осипа Брика, которая обычно приписывается С. Есенину: «Вы думаете, кто такой Ося Брик? // Исследователь русского языка? // А на самом-то деле он шпик // И следователь ВЧК».
- 357. Я был смущен и стал объяснять, что я вовсе не в таких близких отношениях с Командором, чтобы приводить в Водопьяный переулок незваных гостей, что меня там самого недолюбливают и еще, чего доброго, дадут по шее. Иллюстрацией к этому суждению могут послужить, например, следующие строки из загадочного, но весьма красноречивого письма Л. Ю. Брик к В. Маяковскому от 31.7.1929 г. из Москвы в Ялту: «Володик, очень тебя прошу не встречаться с Катаевым. У меня есть на это серьезные причины. Я встретила его в Модпике «Московском обществе драматических писателей и композиторов. Коммент. >, он едет в Крым и спрашивал твой адрес. Еще раз прошу не встречайся с Катаевым «подчеркнуто 1451 Л. Ю. Брик. Коммент. >» (Любовь. С. 184).

- **358.** Королевич льстиво и в то же время издевательски заглядывал мне в лицо своими все еще хмельными глазами и поцеловал меня в губы. Как скоро станет ясно поцелуем Иуды.
- **359.** Тогда ладно, сказал королевич, не хочешь вести меня к Командору, так веди меня к его соратнику, а уж он меня наверняка подружит с самим. Соратник у него первый друг. А соратник тебя любит, я знаю, ты с ним дружишь, он считает тебя хорошим поэтом < ... > B дверях появилась русская белокурая красавица несколько харьковского типа < ... >

Это было временное жилище недавно вернувшегося в Москву с Дальнего Востока соратника <...> все в этой единственной просторной комнате приятно поражало чистотой и порядком <...>

— Какими судьбами! — воскликнула хозяйка и назвала королевича уменьшительным именем.

Он не без галантности поцеловал ее ручку и назвал ее на «ты».

Я был неприятно удивлен.

Оказывается, они были уже давным-давно знакомы и принадлежали еще к дореволюционной элите, к одному и тому же клану тогда начинающих, но уже известных столичных поэтов.

В таком случае при чем здесь я, приезжий провинциал, и для какого дьявола королевичу понадобилось, чтобы я ввел его в дом, куда он мог в любое время прийти сам по себе?

По-видимому, королевич был не вполне уверен, что его примут. Наверное, когда-то он уже успел наскандалить и поссориться с соратником.

Не следует забывать, что соратник и мулат были близкими друзьями и оба начинали в «Центрифуге» С. Боброва <...>

- А где же Коля? спросил королевич.
- Его нет дома, но он скоро должен вернуться. Я его жду к чаю.

Королевич нахмурился: ему нужен был соратник сию же минуту <...>

Лицо королевича делалось все нежнее и нежнее. Его глаза стали светиться опасной, слишком яркой синевой. На щечках вспыхнул девичий румянец. Зубы стиснулись. Он томно вздохнул, потянув носом, и капризно сказал:

- Беда хочется вытереть нос, да забыл дома носовой платок.
- Ах, дорогой, возьми мой.

Лада взяла из стопки стираного белья и подала королевичу с обаятельнейшей улыбкой воздушный, кружевной платочек <...>

— О нет! — почти пропел он ненатурально восторженным голосом. — Таким платочком достойны вытирать носики только русалки, а для простых смертных он не подходит.

Его голубые глаза остановились на белоснежной скатерти, и я понял, что сейчас произойдет нечто непоправимое. К сожалению, оно произошло.

Я взорвался.

- Послушай, сказал я, я тебя привел в этот дом, и я должен ответить за твое свинское поведение. Сию минуту извинись перед хозяйкой и мы уходим.
 - H ? c непередаваемым презрением воскликнул он. $\mathit{Ч}$ тобы я извинялся?
 - Тогда я тебе набью морду, сказал я.

— Ты? Мне? Набьешь? — с еще большим презрением уже не сказал, а как-то гнусно пропел, провыл с иностранным акцентом королевич.

Я бросился на него, и, разбрасывая все вокруг, мы стали драться как мальчишки < ... >Мы с королевичем вцепились друг в друга, вылетели за дверь и покатились вниз по лестнице. — Весь этот эпизод, по-видимому, представляет собой пересказ мемуарной новеллы Николая Асеева «Три встречи с Есениным», приспособленный для собственных целей К. Характерен выбор источника для пересказа — свою новеллу Асеев напечатал единственный раз, в 1926 г. Сначала поэт сообщает, что они с женой, Ксенией Асеевой, познакомились с Есениным зимой 1924 г.: «Он говорил, что любит Маяковского <...> Я шутя предложил ему вступить в "Леф"» (Aceeв H. H. Три встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.-Л., 1926. С. 184). «Затем я увидел Есенина в редакции "Красной нови". Он сидел в кабинете А. К. Воронского совершенно пьяный, опухший и опустившийся <...> Голос звучал сипло и прерывисто. Он читал "Черного человека"» (Там же. С. 186). Затем Асеев рассказывает о той своей встрече с Есениным, которая описана в «АМВ»: «Однажды в последних числах октября 1925 г. мне пришлось вернуться домой довольно поздно. Живу я на девятом этаже, ход ко мне по неосвещенной лестнице. Здоровье жены, долго перед тем лечившейся, которое за последнее время пошло на поправку, явно ухудшилось. Она рассказала мне. Днем, в мое отсутствие, забрались ко мне наверх двое посетителей: С. А. Есенин и один беллетрист <по всей вероятности, — К., хотя доказательством этому может послужить только "АМВ". — Коммент. >. Пришел Есенин ко мне в первый раз в жизни. Стали ждать меня. Есенин забыл о знакомстве с женой в "Стойле Пегаса". Сидел теперь тихий, даже немного застенчивый, по словам жены. Говорили о стихах. Есенин очень долго доказывал, что он мастер первоклассный, что технику он знает не хуже меня с Маяковским <...> Сидел он, ожидая меня, часа четыре. И переговорив все, о чем можно придумать при малом знакомстве с человеком, попросил разрешения сбегать за бутылкой вина. Вино было белое, некрепкое. И только Есенин выпил — начался кавардак. Поводом послужил носовой платок. У Есенину не оказалось, он попросил одолжить ему. Жена предложила ему свой маленький шелковый платок. Есенин поглядел на него с возмущением, положил в боковой карман и начал сморкаться в скатерть. Тогда "за честь скатерти" нашел нужным вступиться пришедший с ним беллетрист. Он сказал ему:

— Сережа! Я тебя привел в этот дом, а ты так позорно ведешь себя перед хозяйкой. Я должен дать тебе пощечину.

Есенин принял это как программу-минимум. Он снял пиджак и встал в позу боксера. Но беллетрист был сильнее его и меньше захмелел. Он сшиб Есенина с ног, и они клубком покатились по комнате. Злополучная скатерть, задетая ими, слетела на пол со всей посудой. Испуганная женщина, не зная, чем это кончится, так как дрались с ожесточением, подняла крик и, полунадорвавшись, заставила их все-таки прекратить катанье по полу. Есенин даже успокаивал ее, говоря:

— Это ничего! Это мы боксом дрались честно!

Жена была испугана и возмущена; она потребовала, чтобы они сейчас же ушли. Они и ушли, сказав, что будут дожидаться на лестнице» (Там же. С. 189–190).

360. В дверях появилась русская белокурая красавица несколько харьковского типа. — «До первой мировой войны наша семья жила в Харькове» (Асеева К. М. // Об Асееве. С. 12). Ср. с портретом Ксении Асеевой из мемуаров О. Петровской: «...юная золотоволосая

музыкантша, любительница стихов <...> ее эмалевые глаза, тоненькая фигурка, высокие каблуки» (Там же. С. 53).

- **361.** Это было временное жилище недавно вернувшегося в Москву с Дальнего Востока соратника. Очередная неточность К. (если учесть, что этот эпизод разворачивается в 1925 г.). С Дальнего Востока в Москву Асеевы выехали 28 января 1922 г.
- **362.** ...все в этой единственной просторной комнате приятно поражало чистотой и порядком. «Асеев Н. Н. живет с женой в темной сырой комнате. Над комнатой детский сад, вследствие чего исключается почти всякая возможность работать» (Литературная газета. 1929. 26 августа. С. 3).
- **363.** Не следует забывать, что соратник и мулат были близкими друзьями и оба начинали в «Центрифуге» С. Боброва. Ср. в мемуарах И. В. Грузинова: «Есенин нападал на существующие литературные группировки символистов, футуристов и в особенности на "Центрифугу"» (Грузинов И. В. // О Есенине. Т. 1. С. 368).
- **364.** Лада в ужасе бросилась к окну, распахнула его в черную бездну неба и закричала, простирая лебедино-белые руки:
 - Спасите! Помогите! Милиция!

Но кто мог услышать ее слабые вопли, несущиеся с поднебесной высоты седьмого этажа! — Издевательски воспроизводится ситуация плача Ярославны из «Слова о полку Игореве».

365. ...я был уверен, что нашей дружбе конец, и это было мне горько. А также я понимал, что дом соратника для меня закрыт навсегда.

Однако через два дня утром ко мне в комнату вошел тихий, лажовый и трезвый королевич. Он обнял меня, поцеловал и грустно сказал:

- А меня еще потом били маляры. Не вполне удавшаяся попытка дезавуировать следующий фрагмент новеллы «Три встречи с Есениным», где поэт в пьяном покаянном бреду рассказывает Н. Асееву: «...маляры. Они подговорены. Их Н. подговорил меня побить. Ты не знаешь. Как мы вышли от тебя жена твоя осердилась, ну, а нам же нужно было докончить: мы же ведь честно дрались боксом. Вот мы и зашли туда, где был ремонт. Я бы его побил, но он подговорил маляров, они на меня навалились, все пальто в краску испортили, новое пальто, заграничное» (Асеев Н. Н. // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.-Л., 1926. С. 192).
- **366.** Конечно, никаких маляров не было. Все это он выдумал. Маляры это была какаято реминисценция из «Преступления и наказания». Убийство, кровь, лестничная клетка, Раскольников...

Королевич обожал Достоевского. — Ср. с репликой поэта, приводимой в мемуарах В. И. Эрлиха: «— Интересно... Как вы думаете? Кто у нас в России все-таки лучший

- прозаик? Я так думаю, что Достоевский! Впрочем, нет! Может быть, и Гоголь. Сам я предпочитаю Гоголя» (Эрлих В. // О Есенине. Т. 2. С. 341).
- **367.** Таинственно улыбаясь, он сказал мне полушенотом, что меня ждет нечаянная радость. Аллюзия не столько на название одной из икон Богоматери, сколько на заглавие сборника Ал. Блока «Нечаянная радость» (1907).
- **368.** После этого он как некое величайшее открытие сообщил мне, что он недавно перечитывал «Мертвые души» и понял, что Гоголь гений.
- Ты понимаешь, что он там написал? Он написал, что в дождливой темноте России дороги расползлись, как раки. Ты понимаешь, что так сказать мог только гений! Перед Гоголем надо стать на колени. Дороги расползлись, как раки! «...дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпят из мешка» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 6. Л., 1951. С. 60).
- **369.** Я не захотел уступить ему первенство открытия, что Гоголь гений, и напомнил, что у Гоголя есть «природа как бы спала с открытыми глазами» и также «графинчик, покрытый пылью, как бы в фуфайке» в чулане Плюшкина, похожего на бабу. «Леса, пуга, небо, долины все, казалось, как будто спало с открытыми глазами» (Гоголь Н. В. Вий // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 2. Л., 1937. С. 186); «Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке» (Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 125).
- **370.** В этот миг раздался звонок и в дверях появился соратник. Это и был приятный сюрприз, обещанный мне королевичем. Оказывается, королевич уже успел где-то встретиться с соратником, извиниться за скандал, учиненный на седьмом этаже, и назначил ему свидание у меня, с тем чтобы прочитать нам еще никому не читанную новую поэму, только что законченную. История примирения Асеева и Есенина (безо всякого участия «беллетриста») изложена в новелле так. Есенин просит: «— Я должен к тебе приехать извиниться. Я так опозорил себя перед твоей женой» (Там же. С. 190). «Я ответил ему, что лучше бы не приезжать извиняться, так как дело ведь кончится опять скандалом» (Там же. С. 191).
- **371.** Соратник, крупный поэт, был, кажется, единственным из всех лефов признававшим меня. Он настолько верил в меня как в поэта, что даже сердился, когда я брался за прозу. В мемуарах о В. Маяковском Н. Асеев упоминает «Валентина Катаева, печатавшего в "Лефе" свои стихи, которые он потом превратил в прозу» (Асеев Н. Н. Родословная поэзии. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 341).
- **372.** ...его дружба со мною имела скорее характер покровительства, что еще Пушкин назвал «иль покровительства позор». В ст-нии «Дружба» (1825).

- 373. Самое удивительное, что я никак не могу написать его словесный портрет. Ни одной заметной черточки. Не за что зацепиться: ну в приличном осеннем пальто, ну с бритым, несколько старообразным сероватым лицом, ну, может быть, советский служащий среднего ранга, кто угодно, но только не поэт, а между тем все-таки что-то возвышенное, интеллигентное замечалось во всей его повадке. А так ни одной заметной черты: рост средний, глаза никакие, нос обыкновенный, рот обыкновенный, подбородок обыкновенный. Даже странно, что он был соратником Командора, одним из вождей Левого фронта. Ну, словом, не могу его описать. Ср. с портретом Н. Асеева в мемуарах П. В. Незнамова: «...он подтянутый и стройный, какой-то пепельно-светлый, потому что рано поседевший, шел своей летящей походкой» (Незнамов П. В. // О Маяковском. С. 358). Ср. также у Ю. Олеши: «Одно из первых посещений пивной у меня связано с воспоминанием об Асееве <...> Асеев, тогда, разумеется, молодой, но с тем же серым лицом, все предлагал заказать целый ящик пива. Причем не ради того, чтобы побольше выпить, а только из желания позабавиться тащат ящик, ставят у ног. Незримо присутствует в этом воспоминании Катаев» (Олеша 2001. С. 192).
- 374. Помнится, в то утро королевич привел с собой какого-то полудеревенского паренька, доморощенного стихотворца, одного из своих многочисленных поклонниковприживал, страстно в него влюбленных. — По-видимому, речь идет о Якове Петровиче Овчаренко (псевд.: Иван Приблудный) (1905–1937, репрессирован). Ср. в мемуарах С. Д. Спасского о С. Есенине: «Он сидит в "Стойле Пегаса", вокруг сторонники, подражатели. Какой-нибудь Ваня Приблудный, которому кажется, что так легок есенинский путь» (Спасский С. Д. // С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 203) и у А. Б. Мариенгофа: «Как-то, не дочитав стихотворения, он схватил со стола тяжелую пивную кружку и опустил ее на голову Ивана Приблудного — своего верного Лепорелло. Повод был настолько мал, что даже не остался памяти» (Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость... М., 1988. С. 49).
- **375.** Королевич подошел ко мне, обнял и со слезами на глазах сказал с непередаваемой болью в голосе, почти шепотом:
- Друг мой, друг мой, я очень и очень болен! Сам не знаю, откуда взялась эта боль < ... > Слова эти были сказаны так естественно, по-домашнему жалоб но, что мы сначала не поняли, что это и есть первые строки новой поэмы. Здесь и далее: неточно цитируются фрагменты «Черного человека» (1925).
- **376.** ...у него имелся цилиндр, привезенный из-за границы, и черная накидка на белой шелковой подкладке, наряд, в котором парижские щеголи некогда ходили на спектаклигала в Грандопера. «В Петрограде, спасаясь от дождя. Коммент. > бегали из магазина в магазин, умоляя продать нам без ордера шляпу. В магазине, по счету десятом, краснощекий немец за кассой сказал:
 - Без ордера могу отпустить вам только цилиндры.

Мы, невероятно обрадованные, благодарно жали немцу пухлую руку <...> Вот правдивая история появления на свет легендарных и единственных в революции

цилиндров» (Mариенгоф A. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость... М., 1988. С. 28).

377. Извозчик дремал на козлах. Королевич подкрался, вскочил на переднее колесо и заглянул в лицо старика, пощекотав ему бороду. — И далее: «Есенин разговаривает с извозчиком» — еще одна ходовая тема для авторов мемуаров о поэте. См., например, у И. И. Старцева (Старцев И. // О Есенине. Т. 1. С. 415).

378. Королевич еще раз прочитал «Черного человека», и мы отправились все вместе по знакомым и незнакомым, где поэт снова и снова читал «Черного человека», пил не закусывая, наслаждаясь успехом, который имела его новая поэма.

Успех был небывалый. Второе рождение поэта. — Еще одна «пастернаковская» подсветка образа С. Есенина — аллюзия на заглавие книги Б. Пастернака «Второе рождение» (1932).

379. Конечно, я не смог не потащить королевича к ключику, куда мы явились уже глубокой ночью.

Ключик с женой жили в одной квартире вместе со старшим из будущих авторов «Двенадцати стульев». — По адресу: д. 1/22, кв.24 по Сретенскому переулку. Ср. в мемуарном очерке Ю. Олеши об И. Ильфе: «Комната была крошечная. В ней стояли две широкие, так называемые тахты — глаголем, — то есть одна перпендикулярно вершине другой. Просто два пружинных матраца на низких витых ножках» (Олеша Ю. Памяти Ильфа // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 179). Квартира находилась на втором этаже, а первый был занят колбасным производством (может быть, не случайно в «Зависти» Олеши именно изготовлением усовершенствованной колбасы поглощен Андрей Бабичев). Дом снесен в 2003 г.

380. ...и его женой, красавицей художницей родом из нашего города. — Мария Николаевна Ильф (1904–1981) была уроженкой Одессы, ученицей худож. студии Д. Кардовского. Женой И. Ильфа она стала в 1924 г.

381. Появление среди ночи знаменитого поэта произвело переполох <...>

Уже совсем захмелевший королевич читал свою поэму, еле держась на ногах, делая длинные паузы, испуганно озираясь и выкрикивая излишне громко отдельные строчки, а другие — еле слышным шепотом.

Кончилось это внезапной дракой королевича с его провинциальным поклонником, который опять появился и сопровождал королевича повсюду, как верный пес. Их стали разнимать. Женщины схватились за виски. Королевич сломал этажерку, с которой посыпались книги, разбилась какая-то вазочка. Его пытались успокоить, но он был уже невменяем. — «Я жил в одной квартире с Ильфом. Вдруг поздно вечером приходит Катаев и еще несколько человек, среди которых Есенин. Он был в смокинге, лакированных туфлях, однако растерзанный, — видно, после драки с кем-то. С ним был некий молодой человек, над которым он измывался, даже, снимая лакированную туфлю, ударял ею этого

человека по лицу <...> Потом он читал "Черного человека". Во время чтения схватился неуверенно (так как был пьян) за этажерку, и она упала» (Олеша 2001. С. 119).

382. Его навязчивой идеей в такой стадии опьянения было стремление немедленно мчаться куда-то в ночь, к Зинке и бить ей морду.

«Зинка» была его первая любовь, его бывшая жена, родившая ему двоих детей и потом ушедшая от него к знаменитому режиссеру. — Ср. в мемуарах И. И. Старцева: «Не раз с обидой за себя заговаривал о своей прежней жене» (Старцев И. // О Есенине. Т. 1. С. 417). Брак Есенина с его первой женой — Зинаидой Николаевной Райх (1894—1939) был расторгнут 5 октября 1921 г. Вторым мужем Райх стал Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

383. Королевич никогда не мог с этим смириться, хотя прошло уже порядочно времени <...> У Командора тоже: «Вы говорили: "Джек Лондон, деньги, любовь, страсть", — а я одно видел: вы — Джиоконда, которую надо украсть! И украли». — Из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» (1914—15).

384. Осипшим голосом он пытался кричать:

- И этот подонок... это ничтожество... жалкий актеришка... паршивый Треплев... трепло... В. Э. Мейерхольд играл Треплева в первой МХАТовской постановке чеховской «Чайки».
- 385. Королевич был любимцем правительства. Его лечили. Делали все возможное. Отправляли неоднократно в санатории. Его берегли как национальную ценность. Но он отовсюду вырывался. «...так "крыть" большевиков, как это публично делал Есенин, не могло и в голову прийти никому в советской России; всякий, сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян. Относительно же Есенина был только отдан в 1924 году приказ по милиции доставлять в участок для вытрезвления и отпускать, не давая делу дальнейшего хода. Вскоре все милиционеры центральных участков знали Есенина в лицо. Конечно, приказ был отдан не из любви к Есенину и не в заботах о судьбе русских писателей, а из соображений престижа: не хотели подчеркивать и официально признавать "расхождения" между "рабоче-крестьянской" властью и поэтом, имевшим репутацию крестьянского» (Ходасевич В. Ф. Есенин // Ходасевич В. Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992. С. 168).
- 386. <Соратник> уже и тогда предвидел конец Командора, его самоуничтожение. Ведь Командор много раз говорил об этом в своих стихах, но почему-то никто не предавал этому значения. Приведем здесь только знаменитые строки из поэмы В. Маяковского «Флейта-позвоночник» (1915): «Все чаще думаю // не поставить ли лучше // точку пули в своем конце». Можно также напомнить о следующем факте: в 1919 г. Р. О. Якобсон сказал Л. Ю. Брик, что он не в состоянии «представить себе Володю старым», на что она ответила: «Володя до старости? Никогда! Он уже два раза стрелялся, оставив по одной пуле в револьверной обойме. В конце концов пуля попадет» (Якобсон Р. О. Новые строки Маяковского // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 191).

387. Ключик молчал <...>

Я вспомнил, как **тогда** <выделено К. — Коммент.> он приехал из Харькова в Москву ко мне в Мыльников переулок <...> Один из первых вопросов, заданных мне, был вопрос, виделся ли я уже с дружочком и где она поселилась с колченогим. — В. Нарбут жил в Марьиной роще. См., например, во «Всей Москве» на 1927 г.: «Нарбут Владимир Ив. Александровская ул., 8, кв. 18. Т.: 1–26–46» (Изд-во «Земля и фабрика и ЦК ВКП)». Александровская ул. в 1934 г. стала Октябрьской.

- 388. ...было решено второе, после Мака, похищение дружочка. Но на этот раз я не рискнул идти в логово колченогого: слишком это был опасный противник, не то что Мак. Не говоря уж о том, что он считался намного выше нас как поэт, над которым незримо витала зловещая тень Гумилева, некогда охотившегося вместе с колченогим в экваториальной Африке на львов и носорогов, не говоря уж о его таинственной судьбе, заставлявшей предполагать самое ужасное, он являлся нашим руководителем, идеологом, человеком, от которого, в конце концов, во многом зависела наша судьба. Переведенный из столицы Украины в Москву, он стал еще на одну ступень выше и продолжал неуклонно подниматься по административной лестнице. В этом отношении по сравнению с ним мы были пигмеи. В нем угадывался демонический характер). — С 1922 г. В. Нарбут работал в Наркомпросе в Москве, с 1924 г. — зам. отделом печати при ЦК РКП(б), с января 1927 г. одним из руководителей ВАПП. Был редактором журналов «30 дней» и «Вокруг света», основателем и председателем правления изд. «Земля и фабрика». В этом изд-ве были выпущены книги К. «Приключения паровоза» (1925), «Отец» (1928), «Птички божьи» (1928), «Растратчики» (два изд.: 1928 и 1929) и др. М. Л. Спивак отмечает, что «состоявшийся в 1922 году перевод В. Нарбута в Москву, в отдел печати ЦК РКП(б) открыл дорогу в столицу его одесским подчиненным» (Спивак. С. 87). По едкому выражению Н. Я. Мандельштам, «одесские писатели» «ели хлеб» «из рук» Нарбута (Вторая книга. С.52). См. в ее же мемуарах о манере Нарбута держаться с подчиненными: «...по всем коридорам издательства гремел его голос и пугал и так запуганных служащих, редакторов всех чинов и мастей» (Там же. С. 51). В Африку Нарбут ездил не с Н. Гумилевым, но по протекции Гумилева в октябре 1912 — январе 1913 гг. Нужно заметить, что бравирование собственной трусостью и моральной небрезгливостью характерно не только для «АМВ», но и для жизненной стратегии К. в целом. Ср. с изумленной записью в дневнике К. И. Чуковского от 15.8.1959 г.: «Катаева на прессконференции спросили: "Почему вы «Советское государство. — Коммент. > убивали еврейских поэтов?"
- Должно быть, вы ответили: "Мы убивали не только еврейских поэтов, но и русских", сказал я ему.
- Нет, все дело было в том, чтобы врать. Я глазом не моргнул и ответил: "Никаких еврейских поэтов мы не убивали"» (Чуковский. С. 288).
- **389.** Вместе с дружочком к нам вынулась наша бродячая молодость, когда мы на случайных квартирах при свете коптилки читали только что вышедшее «Все сочиненное» Командора один из первых стихотворных сборников, выпущенных молодым Советским государством на плохой, тонкой, почти туалетной бумаге.

Боже мой, как мы тогда упивались этими стихами с их гиперболизмом, метафоричностью, необыкновенными составными рифмами, разорванными строчками и сумасшедшими ритмами революции. — Это издание, выпущенное в Петрограде в 1919 г., стало настольной книгой для целого поколения советской молодежи. Ср., например, в метуарах Д. Д. Шостаковича: «Я начал увлекаться поэзией Маяковского с раннего возраста. Есть такая книжка "Все сочиненное Владимиром Маяковским". Она была издана на плохой бумаге в 1919 году» (Шостакович Д. Д. // О Маяковском. С. 315) и В. М. Саянова: «Его книгу "Все сочиненное Владимиром Маяковским" я постоянно носил с собой» (Саянов В. М. // Там же. С. 513).

- **390.** «Дней бык пег. Медленна лет арба. Наш бог бег, сердце наше барабан». Из стния В. Маяковского «Наш марш» (1917).
- **391.** *Мы выучили наизусть «Левый марш» с его «Левой! Левой! Левой!»* Из ст-ния В. Маяковского «Левый марш» (1918). Ср. в мемуарах Л. Н. Сейфуллиной: «Поздней ночью, возвращаясь в свое холодное убежище Гензеля, с его "благородными сиротами и вдовами", мы хором декламировали:

Кто там шагает правой?

Левой!

Левой!

Левой!

И не показался нам длинным обратный пеший путь с Лубянки на Усачевку. Мы устали и были голодны, но чувствовали себя счастливыми, сытыми, прекрасно одетыми, богатыми» ($Ce\ddot{u}\phi y$ ллина Π . H. // О Маяковском. С. 487).

392. Мы хором читали: «Сто пятьдесят миллионов <...> Ротационкой шагов, в булыжном верже площадей отпечатано это издание». — И далее — цитируются фрагменты поэмы В. Маяковского «150 000 000» (1919–20). В отличие от ст-ний «Наш марш» и «Левый марш», поэма «150 000 000» не вошла и не могла войти в книгу «Все сочиненное Вл. Маяковским», поскольку первое изд. этой поэмы вышло без имени ее автора (предполагалось, что все желающие будут ее дописывать). Поэму «150 000 000» Ю. Олеша и К. впервые услышали в чтении Э. Багрицкого, на одной из встреч одесского «Коллектива поэтов»: «Рыча и задыхаясь, Багрицкий читает нам последнюю новинку революционной Москвы — поэму Маяковского "150.000.000"» (Катаев Валентин, Олеша Юрий. Друг. К десятой годовщине со дня смерти И. Ильфа // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С.4).

393. ...Именно в этот миг кто-то постучал в окно.

Стук был такой, как будто постучали костяшками мертвой руки.

Мы обернулись и увидели верхнюю часть фигуры колченогого, уже шедшего мимо окон своей ныряющей походкой, как бы выбрасывая вперед бедро. Соломенная шляпа-канотье на затылке. Профиль красивого мертвеца. Длинное белое лицо. — Ср. с портретом поэта в воспоминаниях Э. Г. Герштейн: «Нарбут, высокий, прихрамывающий, с одной рукой в

перчатке — трофеи времен гражданской войны, носил прекрасный английский костюм и имел гордый вид барина-чудака. Я про себя называла его "князь"» (Герштейн. С. 43).

394. ...за высокой каменной стеной заиграла дряхлая шарманка, доживавшая свои последние дни, а потом раздались петушиные крики петрушки.

Щемящие звуки уходящего старого мира. Вероятно, они извлекали из глубины сознания колченогого его стихи: «Жизнь моя, как летопись, загублена, киноварь не вьется по письму. Ну, скажи: не знаешь, почему мне рука вторая не отрублена?» — Неточно цитируются первые строки ст-ния В. Нарбута «Совесть» (1919).

395. Через некоторое время после коротких переговоров, которые с колченогим вел я, дружочек со слезами на глазах простилась с ключиком, и, выглянув в окно, мы увидели, как она, взяв под руку ковыляющего колченогого, удаляется в перспективу нашего почему-то всегда пустынного переулка.

Было понятно, что это уже навсегда. — Ср. в воспоминаниях Э. Г. Герштейн: «Она <Н. Я. Мандельштам. — Коммент.> по-своему пересказывала известную в литературной Москве историю первого брака Серафимы Густавовны с Юрием Олешей, о ее бегстве наподобие Настасьи Филипповны от Олеши к Нарбуту и назад от Нарбута к Олеше, о женитьбе Олеши на ее сестре, одним словом, о сестрах Суок, отчасти знакомых читателям по <...> повести В. Катаева. Иногда Мандельштамы таинственно говорили о возобновившейся ревности Нарбута или о какой-нибудь новой выходке Олеши, и тон Осипа Эмильевича приобретал при этом неописуемую важность» (Герштейн. С. 43). Отметим, что в одном из сохранившихся писем из лагеря (от 9.3.1938 г.) Нарбут называет Серафиму Густавовну «дружком» (См.: Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 379). В другом (от 29.10.1937 г.) — интересуется здоровьем «Юрия Карловича» Олеши (Там же. С.373).

396. Чистые пруды. Цветущие липы. Кондитерская Бартельса в большом пряничном доме стиля модерн-рюс на углу Покровки, недалеко от аптеки, сохранившейся с петровского времени. Кинотеатр «Волшебные грезы», куда мы ходили смотреть ковбойские картины, мелькающие ресницы Мери Пикфорд, разворошенную походку Чарли Чаплина в тесном сюртучке, морские маневры — окутанные дымом американские дредноуты с мачтами, решетчатыми, как Эйфелева башня...

А позади бывшая гренадерская казарма, где в восемнадцатом году восставшие левые эсеры захватили в плен Дзержинского. — «Я помню, как с Ильфом мы ходили в кино, чтобы смотреть немецкие экспрессионистские фильмы с участием Вернера Крауса и Конрада Вейдта и американские с Мэри Пикфорд или с сестрами Толмэдж. Кино "Уран" на Сретенке» (Олеша 2001. С. 316–317). «Гренадерская казарма» — Покровские казармы, один из центров левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 г.

Говоря о «большом пряничном доме», К. имеет в виду д. № 14 на Чистопрудном бульваре, выстроенный П. Микини и С. Башковым в 1900-х гг. Это был доходный дом, созданный расположенной поблизости церковью Троицы на Грязях. Дом интересен декором, напоминающим о древней владимирской архитектуре. Кондитерские Бартельса охотно посещались москвичами как в предреволюционное время, так и после Октября 1917 г. Так, А. И. Цветаева, рассказывая о своем и сестры детстве, упоминает

кондитерскую у Никитских ворот: «У Никитских ворот был Бартельс. Его мы ужасно любили: небольшой, невысокий, уютный. Круглые столики. Мы пили чай, кофе, иногда шоколад» (Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1995. С.22). В начале 1920-х гг. «бартельсовские» кафе-кондитерские были, в частности, и в самом центре города — на Тверском бульваре в д. 35/47 и на Тверской (д. 46). Аптека петровских времен, упомянутая К., находилась на Покровке в д. 14 («аптека № 11»), По преданию, аптека на этом месте была открыта еще в 1703 г. неким «Гаврилой Саульсом», выходцем из австрийских земель.

397. В том же доме, где помещались «Волшебные грезы», горевшие по ночам разноцветными электрическими лампочками, находилось и то прекрасное, что называлось у нас с легкой руки ключика на ломаном французском языке «экутэ ле богемьен», что должно было означать «слушать цыган». — Кинотеатр «Волшебные грезы» (так он назывался до 1930 г., а позднее носил название «Аврора») находился в д. 16 по ул. Покровка, в здании, замыкающем Покровский бульвар. В этом же доме находилась и пивная Селиверстова, где, очевидно, и выступали упомянутые К. цыгане.

398. Однажды в присутствии Командора ключик не удержался и произнес с пафосом: — Протуберанец!

Командор слегка поморщился, вокруг его рта появились складки, и он сказал:

— Послушайте, ключик, а вы не могли бы выражаться менее помпезно?

Ключик стал обидчиво объяснять, что слово «протуберанец» вполне научное и обозначает астрономическое явление, связанное со структурой солнечной короны, на что Командор только безнадежно махнул рукой. — Ср. в мемуарах М. Зорина: «Юрий Карлович вспоминает, как однажды он читал рассказ < "Вишневая косточка" (1929). — Коммент. > Маяковскому. В тексте была фраза: "Собака попала в солнечный протуберанец". Олеша и сам не мог объяснить, почему ему понравилось это слово "протуберанец". Это из астрономии. Маяковский нахмурился, попросил повторить. Олеша с некоторой гордостью снова прочитал эту фразу. "Что такое протуберанец?" — спросил Маяковский. Олеша начал объяснять, что английский писатель и астроном Джинс в книге "Вселенная вокруг нас" описывает протуберанец. "Объясните, чтобы я, читатель, понял", — сердился Маяковский. "Представьте себе сумрак в глубоких каменных воротах, и неожиданно вырывается солнечный рукав — этот самый протуберанец, в который попала собака". — "Какая чепуха, какое издевательство над читателем, ученость хочется показать, — рассвирепел Маяковский. — Напишите об этом просто и ясно, а не щеголяйте, как попугай, разноцветными перьями".

- Знаете, прошло два года, я неожиданно встретил Маяковского. Он шел мне навстречу. Маяковский снял шляпу и на всю улицу крикнул: "Здравствуйте, Олеша, как протуберанец?.." Злопамятный был на этот счет...» (Зорин М. // Об Олеше. С. 93–94).
- **399.** «...ночью снежной и мятежной чей-то струнный перебор» и тени саней, летящих к «Яру», и звон колокольчика, и шорох крупных бубенцов... Строки из неканонического варианта известного романса «Гайда, тройка! Снег пушистый...», упоминающегося в произведениях Ал. Блока, И. Бунина и самого К.

- **400.** По странному стечению обстоятельств в «Гудке» сосалась компания молодых литераторов, которые впоследствии стали, смею сказать, знаменитыми писателями, авторами таких произведений, как «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Три толстяка», «Зависть», «Двенадцать стульев», «Роковые яйца», «Дьяволиада», «Растратчики», «Мастер и Маргарита» и много, много других. Автором 1-го, 2-го, 6-го, 7-го и 9-го произведений был М. А. Булгаков; 3-го и 4-го Ю. Олеша; 5-го И. Ильф и Е. Петров; 8-го сам К.
- **401.** ...заведующая финансовым отделом, старая большевичка из ленинской гвардии еще времен «Искры».

Эта толстая пожилая дама в вязаной кофте с оторванной нижней пуговицей, с добрым, но измученным финансовыми заботами лицом и юмористической, почти гоголевской фамилией — не буду ее здесь упоминать. — Изображается старая большевичка, «искровка» Розалия Самойловна Землячка (урожд. Залкинд, 1876—1947), которая в эти годы занимала руководящие должности в РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция) и НКПС (Народный комиссариат путей сообщения).

- **402.** Ключик зарабатывал больше нас всех. Он вообще родился под счастливой звездой. Его все любили.
- Что вы умеете? спросили его, когда он, приехав из Харькова в Москву, пришел наниматься в «Гудок».
 - А что вам надо?
 - Нам надо стихи на железнодорожные темы.
 - Пожалуйста <...>

Секретарь прочел и удивился — как гладко, складно, а главное, вполне на тему и политически грамотно! После этого возник вопрос: как стихи подписать?

- Π одпишите как хотите, хотя бы «A. Π ушкин», сказал ключик, я не тщеславный.
- У нас есть ходовой, дежурный псевдоним Зубило, под которым мы пускаем материалы разных авторов. Не возражаете?
 - *Валяйте.*

Через месяц ходовой редакционный псевдоним прогремел по всем железнодорожным линиям, и Зубило стал уже не серым анонимом, а одним из самых популярных пролетарских сатирических поэтов, едва ли не затмив славу Демьяна Бедного. — Ср. в мемуарах заведующего культурно-бытовым отделом «Гудка» И. Овчинникова: «В коридорах редакции все чаще стал появляться невысокого роста, слегка сутуловатый молодой человек в поношенном пальтишке.

- Одессит, поэт, живой человек, пишет стихотворные фельетоны, аттестовала незнакомца Фомина. Разрешите, я дам ему какую-нибудь нашу тему? Талантище из парня так и прет.
 - <...> На другой же день новичок пришел в редакцию с готовым фельетоном:
- Олеша, назвал он себя, подавая маленькую крепкую ладонь, и положил на стол листок со стихами <...> В стихах говорилось о капитане, который, командуя небольшим пароходиком, частенько возил на нем свою возлюбленную спекулировать по прибрежным городам <...> Под стихами подпись: "Касьян Агапов".

Фельетон мне понравился.

- А вот подпись, говорю, мне не нравится. Нашему читателю хорошо бы чтонибудь деповское, железнодорожное, с металлом!
 - А вы что предлагаете? <...>
- Есть у наших слесарей универсальный инструмент зубило: им рубят железо, зачищают на литье раковины и заусеницы, срубают головки и гайки болтов, когда они не поддаются ключу.

Не дослушав до конца моей тирады, Олеша взял ручку, пропахал жирную черту по Касьяну Агапову, а сверху крупно и четко вывел: "Зубило"» (Овчиников И. // Об Олеше. С. 44–45). В этих же мемуарах приводится фраза прославленного советского баснописца Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова, 1883–1945) о фельетонистах «четвертой полосы» «Гудка»: «— А в этом анафемском "Гудке" сидит чертова дюжина фельетонистов» (Там же. С. 50). Ср. также у К. Зелинского об Олеше: «Его имя <,,Зубило". — Коммент. >, как воинский клич, могло двигать людьми и подчас заменяло уголь в паровозах. Чуть ли не какая-то станция носит это имя» (Зелинский К. Критические письма. Кн. вторая. М., 1934. С. 210).

403. Он часто брал меня с собой на свои триумфальные выступления, приглашая «в собственный вагон», что было для меня, с одной стороны, комфортабельно, но с другой - *грызло мое честолюбие.* — Изображенная К. ситуация зеркально отражена в записи Ю. Олеши от 9.4.1954 г.: «...по середине Горького в ЗИМе, как в огромной лакированной комнате, прокатил Катаев... Я склонен забыть свою злобу против него. Кажется, он пишет сейчас лучше всех» (Олеша 2001. С. 199). Ср. также выразительную сценку из мемуаров М. Кушнеровича: «Катаев с женой и Олеша. Катаевы длинные, Олеша маленький. Катаевы одеты великолепно — явно "на выход", — особенно Эстер <...>, светлоглазая, худая, с красивым хищноватым лицом. Олеша, как всегда, невзрачен, в каком-то помятом плащике, с непокрытой головой — остроносая, мохнатая птица. У Катаевых собственный автомобиль. Подержанный, но иностранный. Он небольшой, трехместный, с задним карманом на покатом багажнике, и этот карман, если его открыть, и есть третье место. Его открывают, и туда молчаливо забирается Юрий Карлович. Поднимает ворот плаща» (Новое время. 2002. № 35. (1 сентября). С. 27). О местоположении К. и Олеши в официальной «табели о рангах» послевоенной советской литературы выразительно свидетельствует, например, разъясняющий комментарий к карикатуре И. Игина «Пароход "Союз писателей СССР"»: «Белеет парус одинокий быстроходной яхты В. Катаева. Хоть суденышко по сравнению с кораблем и невелико, однако не отстает! Вслед за ним спешит на спасательном круге инсценировок Ю. Олеша» (Литература и жизнь. 1958. 7 декабря. С. 4).

404. Ключик-Зубило выступал со своими знаменитыми буриме перед тысячными аудиториями прямо в паровозных депо, имея не меньший успех, чем наш харьковский дурак, некогда сделавший свою служебную карьеру стишками молодого ключика. — Ср. в мемуарах И. Овчинникова: «Олеша стоит в стороне на эстраде и карандашиком помечает у себя что-то на листке. Но вот сказана последняя рифма, Олеша выступает вперед, на авансцену, и начинает без запинки читать стихи, построенные им на точно тех самых рифмах, которые только что предложил зал. Эффект получался ошеломляющий. С этим номером Олеша выступал и за пределами Москвы — перед железнодорожниками Киева, Харькова, Ростова. Под такое необычное собрание местные власти уважительно предоставляли, как правило, здание своего цирка» (Овчинников И. // Об Олеше. С. 46).

- **405.** <Друг> был до кончиков ногтей продуктом западной, главным, образом французской, культуры, ее новейшего искусства живописи, скульптуры, поэзии. Какимто образом ему уже был известен Аполлинер, о котором мы (даже птицелов) еще не имели понятия. Ср. в мемуарах Л. И. Славина: «В пору молодости, в 20-х годах, Ильф увлекался более всего тремя писателями: Лесковым, Рабле и Маяковским» (Славин Л. И. // Об Ильфе и Петрове. С. 41). Ю. Олеша отмечал не только увлеченность Ильфа французской живописью, но и его осведомленность о «каких-то литературных настроениях Запада», неизвестных молодым одесским поэтам, но уже освоенных Ильфом (Там же. С. 28). В числе авторов, которыми зачитывался Ильф в то время, Е. Б. Окс назвал Стерна, Диккенса, Конан-Дойля, Флобера, Мопассана, Франса и др. (Окс Е. Из воспоминаний // Петров. С. 256).
- 406. Во всем его облике было нечто неистребимо западное. Он одевался как все мы: во что бог послал. И тем не менее он явно выделялся. Даже самая обыкновенная рыночная кепка приобретала на его голове парижский вид, а пенсне без ободков, сидящее на его странном носу и как бы скептически поблескивающее, его негритянского склада губы с небольшой черничной пигментацией были настолько космополитичны, что воспринять его как простого советского гражданина казалось очень трудным. Ср. в мемуарной заметке К. и Ю. Олеши об И. Ильфе: «Коричневая ворсистая кепка спортивного покроя и толстые стекла пенсне без ободков интриговали нас не меньше, чем его таинственное молчание» (Катаев Валентин, Олеша Юрий. Друг. К десятой годовщине со дня смерти И. Ильфа // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4), а также в воспоминаниях Олеши об Ильфе: «Ему нравилось быть хорошо одетым. В ту эпоху достигнуть этого было довольно трудно. Однако среди нас он выглядел европейцем <...> На нем появлялся пестрый шарф, особенные башмаки, он становился многозначительным» (Олеша Ю. К. // Об Ильфе и Петрове. С. 28).
- **407.** Он дружил с наследником (так мы назовем одного из нашей литературной компании). О дружбе Л. Славина и И. Ильфа в Одессе см. в мемуарах С. А. Бондарина: «Чаще всего Ильф появлялся там <в "Коллективе поэтов". Коммент. > вместе с Львом Славиным. За Славиным в кружке тоже укрепилась репутация беспощадного и хлесткого критика» (Бондарин С. // Об Ильфе и Петрове. С. 60). Т. Лишина рассказывает в своих мемуарах, что она часто видела Ильфа на собраниях, где «он обычно сидел молча, не принимая никакого участия в бурных поэтических дискуссиях» (Лишина Т. // Там же. С. 74). Сходно описывает посещения Ильфом поэтических вечеров Л. Славин: «Ильф воздерживался от выступлений и в одесской писательской организации "Коллектив поэтов", где наша литературная юность протекала <...> в обстановке вулканически-огненных обсуждений и споров» (Славин Л. И. // Там же. С. 43).
- **408.** Нечто маяковское всегда витало над ним. Л. Славин так описал впечатление молодых одесских поэтов от знакомства с творчеством В. Маяковского: «Его поэзия прогремела, как открытие нового мира и в жизни и в искусстве», а И. Ильф «первую юношескую влюбленность в Маяковского <...> пронес через всю жизнь» (Славин Л. И.

// Об Ильфе и Петрове. С. 41–42). Е. Б. Окс видел сходство с Маяковским в следующей строке Ильфа: «Выньте лодочки из брюк» (*Окс Е.* Из воспоминаний // Петров. С. 260).

- **409.** В нем чувствовался острый критический ум, тонкий вкус, и втайне мы его побаивались, хотя свои язвительные суждения он высказывал чрезвычайно редко, в форме коротких замечаний «с места», всегда очень верных, оригинальных и зачастую убийственных. Ср. в мемуарах Т. Лишиной: «...стоило только кому-нибудь прочесть плохие стихи, как он делал с ходу меткое замечание, и оно всегда било в самую точку. Както не очень одаренный поэт прочел любовные стишки, где рифмовалось "кочет" и "хочет", Ильф с места переспросил: "Кто хочет?" И восклицание это надолго пристало к поэту. Ильфа побаивались, опасались его острого языка, его умной язвительности» (Лишина Т. // Об Ильфе и Петрове. С. 74). Ср. также об Ильфе в мемуарах С. А. Бондарина: «Он не читал, но его мнением дорожили: предполагалось, что он пишет какие-то исключительные, не похожие ни на что вещи. Он больше молчал, сидя в углу, в пенснэ» (Бондарин С. // О Багрицком 1973. С. 229).
- 410. Однажды, сдавшись на наши просьбы, он прочитал несколько своих опусов. Как мы и предполагали, это было нечто среднее между белыми стихами, ритмической прозой, пейзажной импрессионистической словесной живописью и небольшими философскими отстранные. Рифм не было, не было размера. Стихотворение в прозе? Нет, это было более энергично и организованно. Я не помню его содержания, но помню, что оно состояло из мотивов города» (Об Ильфе и Петрове. С. 28). Оригинальность поэзии Ильфа отмечал и Л. Славин: «Высоким голосом Ильф читал действительно необычные вещи, ни поэзию, ни прозу, но и то и другое, где мешались лиризм и ирония, ошеломительные раблезианские образы и словотворческие ходы, напоминавшие Лескова» (Там же. С. 43).
- **411.** Сейчас, через много лет, мне трудно воспроизвести по памяти хотя бы один из его опусов. Помню только что-то, где по ярко-зеленому лугу бежали красные кентавры, как бы написанные Матиссом, и молнии ложились на темном горизонте, и это была вечная весна или нечто подобное... Согласно сведениям А. И. Ильф (устное сообщение), стние, которое припоминает К., не сохранилось. Е. Б. Окс по памяти приводит такой фрагмент одной из поэм И. Ильфа:

На Вандименовой земле,

Что в самом низу географической карты.

Бидеино сердце познало любовь.

И вот души Биде стропила

Трещат под тяжестью любви...

Комнату своей жизни он оклеил мыслями о ней,

С солнца последние пятна очистил...

(см.: Окс Е. Из воспоминаний // Петров. С. 260).

- **412.** Можете себе представить, каких трудов стоило устроить его на работу в Москве. И. Ильф приехал в Москву в 1923 г. Сначала он поселился у К., а затем ему дали комнату при типографии «Гудка», где он жил вместе с Ю. Олешей. Ср. в воспоминаниях С. Г. Гехта об Ильфе: «Сперва он жил в Мыльниковом переулке, на Чистых прудах, у Валентина Катаева. Спал на полу, подстилая газету... Летом двадцать четвертого года редакция "Гудка" разрешила Ильфу и Олеше поселиться в углу печатного отделения типографии, за ротационной машиной» (Гехт С. // Об Ильфе и Петрове. С. 118).
- **413.** Пришлось порядочно повозиться, прежде чем мне не пришла на первый взгляд безумная идея повести его наниматься в «Гудок».
 - *А что он умеет?* спросил ответственный секретарь.
 - *Все и ничего*, сказал я.
- Для железнодорожной газеты это маловато, ответил ответственный секретарь, легендарный Август Потоцкий <...> Вы меня великодушно извините, обратился он к другу, которого я привел к нему, но как у вас насчет правописания? Умеете вы изложить свою мысль грамотно?

Лицо друга покрылось пятнами. Он был очень самолюбив. Но он сдержался и ответил, прищурившись:

- В принципе пишу без грамматических ошибок.
- Тогда мы берем вас правщиком, сказал Август. История о том, как К. привел И. Ильфа в «Гудок», несколько расходится с версией этого события из мемуаров А. И. Эрлиха. Согласно Эрлиху, Ильф первоначально поступил в «Гудок» на должность библиотекаря, и лишь позднее, когда «редакция газеты <...> задумала в ту далекую пору выпускать еженедельный литературно-художественный журнал», Ильф принес фельетон, написанный им специально для этого нового журнала (Эрлих А. И. // Об Ильфе и Петрове. С. 125). Вот как Эрлих описывает роль К. в этой истории: «Несколько авторов написали по фельетону, но пришлось забраковать их все без исключения. В. Катаев объявил тогда:
 - У меня есть автор! Ручаюсь!

Спустя два дня он принес рукопись.

— Отличная вещь! Я говорил! <...>

Фамилия автора — короткая и странная — ничего нам не говорила.

- Кто это Ильф?
- Библиотекарь. Наш. Из Одессы, не без гордости пояснил Валентин Катаев.

Мы настояли, чтобы редактор подобрал другого работника для библиотеки и перевел Ильфа в газету, в "обработчики" четвертой полосы» (Там же).

414. ... ответственный секретарь, легендарный Август Потоцкий. — Об Августе Владиславовиче Потоцком (1892–1940, репрессирован) ср. у М. Л. Штиха (М. Львова): «Это был человек необычайной судьбы. Граф по происхождению, он встретил революцию как старый большевик и политкаторжанин <...> Атлетически сложенный, лысый, бритый, он фигурой и лицом был похож на старого матроса» (Штих М. // Об Ильфе и Петрове. С. 102). Ю. Олеша посвятил А. Потоцкому, заведующему редакцией «Гудка», такое четверостишие:

Коль на душе вдруг станет серо, Тебя мы вспомним без конца, — Тебя, с улыбкой пионера И с сердцем старого бойца.

(Там же. С. 103).

- **415.** Сегодня трудно себе представить, но в стране была безработица и в Москве работала Биржа труда. Московская биржа труда была торжественно закрыта 13.3.1930 г.
- **416.** Мы еще не созрели для славы. Мы еще были бутоны. Аполлон еще не требовал нас к священной жертве. Аллюзия на хрестоматийные строки из пушкинского «Поэта» (1827).
- 417. Мы шагали мимо Дома Союзов, где в Колонном зале проходили политические процессы. — Здание Благородного дворянского собрания было М. Ф. Казаковым в 1770-х гг. Большой зал собрания (Колонным его назвали уже в советское время) украшают 28 колонн почти 10-метровой высоты. После Октября 1917 г. Совнарком передал здание профсоюзам. В Колонном зале Дома союзов проходили громкие политические процессы конца 1920-х — начала 1930-х гг.: 18.05.1928 г. — 6.07.1928 г. здесь слушалось «Шахтинское дело» (о так называемом «вредительстве» на предприятиях Шахтинского района Донбасса); 25.12.1930 г. — 7.01.1931 г. — дело «Промпартии» (подсудимые обвинялись в целенаправленной антисоветской деятельности в области планирования экономики); 1.03.1931 г. — 9.03.931 г. — процесс по делу Союзного бюро меньшевиков. Все эти процессы стали прообразами многочисленных процессов 1930-х гг. См. в итоге не попавший в печать отклик К. на один из подобных процессов (дело Зиновьева-Каменева): «Нет слов для выражения моей ярости. И подумать только, что некоторые из этих мерзавцев имели наглость смотреть нам, писателям, в глаза и протягивать руку <...> в то время, когда в другой руке сжимали нож подлого террора против самых дорогих и близких нам людей! Расстрелять сволочей! Без пощады!» (ОР ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 20).
- 418. Мы посещали знаменитую первую Сельскохозяйственную выставку в Нескучном саду. — В воскресенье, 19.08.1923 г. в Москве открылась Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. На берегу Москвы-реки на обширной территории, занятой ранее огромной свалкой, неподалеку от Крымского моста, под руководством ведущих архитекторов были выстроены многочисленные павильоны. Автором Генплана выставки и главных павильонов был И. Жолтовский, в планировании, проектировании и украшении выставочных объектов приняли участие А. Щусев, М. Гинзбург, Н. Колли, В. Мухина, А. Экстер, С. Коненков и др. Выставка отличалась разнообразием архитектурных решений: восточном В стиле спроектировал среднеазиатский павильон Ф. Шехтель, в конструктивистском выстроил павильон «Махорка» К. Мельников и т. д. Знакомиться с экспонатами можно было с 8 утра до 12 ночи. Выставка завершила свою работу 21.10.1923 г. В 1928 г. на объединенной территории бывшей выставки, Нескучного сада и прилегающей части Воробьевых гор был образован Центральный парк культуры и отдыха, в 1932 г. получивший имя Горького.

Крымский мост — один из 9 новых мостов через Москву-реку, построенных по Генеральному плану реконструкции города. Сооружен в 1936—38 гг. по проекту А. Власова и Б. Константинова. Принадлежит к разряду висячих мостов, основной элемент его несущей конструкции — две мощные цепи, каждая длиной 297 м. Старый Крымский мост был выстроен инженером В. Шпейером в 1872 г. Как и современный мост, его предшественник также относился к типу мостов с ездой понизу, хотя и имел совершенно иной вид.

- 419. Быть может, самая его <ключика> блестящая и нигде не опубликованная метафора родилась как бы совсем случайно и по самому пустому поводу: у нас, как у всяких холостяков, завелись две подружки-мещаночки в районе Садовой-Триумфальной, может быть в районе Миусской площади. — Название «Миусы» до сих пор не имеет точного объяснения. По одному из преданий здесь был казнен видный казак-разинец Миуска. Долгое время территория здесь не была застроена. В первой половине XIX в. на Миусах торговали лесом. Активное строительство началось только в конце позапрошлого столетия. В 1906 г. появляется бесплатный родильный приют, сооруженный на деньги А. Абрикосовой; С. Рябушинский финансирует возведение Археологического института (1914). Капитал золотопромышленника А. Шанявского послужил для строительства здания Народного университета (1912). В 1913 г. на Миусах начали строить огромный собор Александра Невского в честь отмены крепостного права в России. К октябрю 1917 г. собор был возведен, но отделать храм не успели. Не подобрав ему никакого применения (проекты были разные; например, вносилось предложение устроить здесь крематорий), собор разрушили в 1940-41 гг. В начале 1920-х гг. на Миусы переехал с Трубной площади знаменитый птичий рынок. Здесь продавали певчих птиц, устраивали петушиные бои, торговали щенками.
- **420.** (Вот видите, сколько мне пришлось потратить слов для того, чтобы дать понятие о наших молоденьких возлюбленных!)

Однако ключик решил эту стилистическую задачу очень просто.

Однажды, посмотрев в окно на садящееся за крыши солнце, он сказал:

- Сейчас придут флаконы. Ср. «зеркальную» метафору в рассказе Ю. Олеши «Лиомпа» (1928): «Флакон был бракосочетающейся герцогиней» (Олеша 1956. С. 271).
- **421.** Остальные метафоры ключика общеизвестны: «Она прошумела мимо меня, как ветка, полная цветов и листьев» и т. д. Из «Зависти» Ю. Олеши (См.: Олеша 1956. С. 44). Ср. в мемуарах И. Б. Березарка: «Московские молодые люди объяснялись в любви словами знаменитого романа: "Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев"» (Березарк И. Штрихи и встречи. Л., 1982. С. 77).
 - **422.** Наконец, неизвестные «голубые глаза огородов» <...>

Он подарил мне эту гениальную метафору, достойную известного пейзажа Ван Гога. — Под названием «Цветущий миндаль».

- **423.** Вот что писал Пушкин: «...Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе...» См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. С. 62.
- **424.** Ее можно видеть в «Метрополе» вечером. Она танцует танго, фокстрот или тустеп с одним из своих богатых поклонников вокруг ресторанного бассейна, где при свете разноцветных электрических лампочек плавают как бы написанные Матиссом золотые рыбки. Подразумевается картина Анри Матисса (1869–1954) «Красные рыбы» (1911). Знаменитый ресторан «Метрополя» со световым фонарем проектировал А. Эрихсон.
- **425.** Следом за небожительницей в ранге красавиц идет хорошенькая девушка более современного полуспортивного типа, в кофточке джерси с короткими рукавами, с ямочками на щеках и на локотках, чаще всего азартная любительница пинг-понга, имеющая у нас кодовое название «Ай-дабль-даблью. Блеск домен... Стоп! Лью!». (Дань американизму Левого фронта двадцатых годов: из стихов соратника.) Неточная цитата из ст-ния Н. Асеева «Работа» (1923).
- **426.** После ай дабль-даблью идет таракуцка (происходит от румынского слова «тартакуца», то есть маленькая высушенная тыквочка, величиной с яблоко, превратившегося у нас в южнорусское слово «таракуцка» любимая игрушка маленьких деревенских детей). Ср. в ТЗ: «Таракуцка это маленькая высушенная тыквочка, которой обычно играли на Украине деревенские дети. Этим же словом в шутку называли хорошенькую, круглолицую девушку» (ТЗ. С. 312) и в романе К. «Разбитая жизнь, или рог Оберона»: «...сухие карликовые тыквочки называются "таракуцки"» (Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 8. М., 1985. С. 287).
- 427. Их еще называли «фуордики» в честь первых такси, недавно появившихся на улицах Москвы. Это определение, по-видимому, было придумано И. А. Ильфом: «Девушкифордики. Челка, берет, жакетик, длинное платье, резиновые туфли» (Ильф И. А. Записные книжки. Первое полное издание. М., 2000. С. 566). Параллель между цитируемой записью и комментируемым фрагментом «АМВ» отмечена А. И. Ильф. Быстрые и маневренные «форды» были заметным явлением на улицах Москвы 1920-х 1930-х гг. Так, в очерке И. Ильфа «Москва от зари до зари» (1928) «бородатые извозчики» с грустью смотрят на «победный бег широкозадых автобусов <первые автобусы английской фирмы "Лейланд" пошли по Москве в 1924 г. Коммент. >, низкорослых такси и легковых машин», причем называются именно «черные фордики» и «реввоенсоветовский паккард». В «Любителях футбола» (1930) И. Ильф и Е. Петров упоминают о полулегендарном случае, когда толпы болельщиков затоптали попавшийся им на пути к стадиону «Динамо» «фордик, модель "А"». «Такси-фордики» вспоминает, рассказывая о своем московском детстве, Ю. Нагибин, встречаются они и в произведениях других писателей.

- **428.** Таракуцки были маленькие московские парижанки, столичные штучки, то, что когда-то во Франции называлось «мидинетки». Так именовали (и не только во Франции) работниц шляпных и портновских заведений. Ср. в цитировавшемся ранее «Слоненке» Гумилева: «Чтоб в нос ему пускали дым сигары // Приказчики под хохот мидинеток».
- 429. Моя комната была проходным двором. В ней всегда, кроме нас с ключиком, временно жило множество наших приезжих друзей. Некоторое время жил с нами вечно бездомный и неустроенный художник, брат друга, прозванный за ивет волос, рыжим. — Михаил Арнольдович Файнзильберг (1896–1942) — старший брат И. Ильфа. По воспоминаниям Е. Б. Окса, «его кличка была Мифа. Его еще звали близкие друзья "рыжий Миша" <...> Он носил ирландскую бороду, то же пенсне» ($O\kappa c E$. Из воспоминаний // Петров. С. 257). Ср. также у Л. Славина: «...зачастил брат Ильфа, художник Маф — Михаил Арнольдович, за глаза больше известный под именем Миша Рыжий, а впоследствии — в Москве — Лорд-хранитель Дома печати» (Славин Л. И. // Об Ильфе и Петрове. С. 68). Мемуаристы отмечали незаурядный ум М. Файнзильберга, его необычную внешность, «он буквально оглушал собеседника оригинальностью, парадоксами» (Окс Е. Из воспоминаний // Петров. С. 264). В альбоме «Ильф-Петров. "Эти двое" за 10 лет <.> /1923–1933/», составленном А. Е. Крученых, под одной из групповых фотографий рукой Ю. Олеши написано: «В 1923 < году> Тверской бульвар. Москва». А еще ниже М. А. Файнзильберг приписал: «Это произошло в лето 1924. Юра врет про 23 год. Меня тогда на Тверском бульваре (в частности, в Москве не было еще). Миша» (РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3). Следовательно, изображаемые в этом эпизоде «AMB» события можно приурочить к 1924 г. Впоследствии М. Файнзильберг, как и многие друзья К., подрабатывал в «Гудке»: «Около художественного отдела "Гудка" имели пропитание художники: Д. Даран, Маф (Михаил Арнольдович Файнзильберг <...> выполняли текущую работу по номеру — ретушь, перерисование, заголовки, иллюстрации» (Цит. по: Петров. С. 96). Ср. также у В. Е. Ардова: «Михаил Арнольдович, обитал в Москве. Он печатал свои рисунки в московских изданиях, подписывая их псевдонимом "Маф"» (Ардов. С. 131).

430. Так вот этот самый рыжий художник откуда-то достал куклу, изображающую годовалого ребенка, вылепленную совершенно реалистически из папье-маше и одетую в короткое розовое платьице.

Кукла была настолько художественно выполнена, что в двух шагах ее нельзя было отличить от живого ребенка. — В альбоме А. Крученых «Ильф-Петров. "Эти двое" за 10 лет <.>/1923—1933/» наклеены вырезанные с фотографии силуэты Ю. Олеши и И. Ильфа с куклой на коленях. Слева от изображения Олеши нарисована стрелка и написано «Ю. Олеша», а справа, рядом с фотографией Ильфа — «И. Ильф. 1924 г.» (РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4). Ниже, под фотографией, рукой Олеши сделана подпись: «Дитя Катаева // в руках негодяев'а?». Еще ниже рукой М. А. Файнзильберга приписано: «Этот Андрюшка подарен мною Ильфу (брату) в Петрограде» (Там же. Л. 4).

431. Однажды, когда ключик сидел на подоконнике, к нему подошли две девочки из нашего переулка — уже не девочки, но еще и не девушки, то, что покойный Набоков назвал

«нимфетки», и одна из них сказала, еще несколько по-детски шепелявя: — Покажите нам куклу. — Одной из этих девочек была Валентина Леонтьевна Грюнзайд. Ср. о ней в мемуарах А. И. Эрлиха: «Однажды в весенний день Олеша увидел в раскрытом окошке одного из домов в Мыльниковом переулке девочку с книжкой. Ей было лет одиннадцатьдвенадцать, не больше. Она читала с самозабвением, губы ее быстро и беззвучно шевелились» (Эрлих. С. 59). Пользуясь своим положением «литературного генерала», К. не просто называет имя запрещенного в СССР Владимира Владимировича Набокова (1899—1977), но и ссылается на самый скандальный набоковский роман «Лолита» (1961).

- 432. Тут же не сходя с места ключик во всеуслышание поклялся, что напишет блистательную детскую книгу-сказку, красивую, роскошно изданную, в коленкоровом переплете, с цветными картинками, а на титульном листе будет напечатано, что книга посвящается... — Речь идет о «Трех толстяках» (1924) Ю. Олеши. См. в альбоме А. Е. Крученых «Ильф-Петров. "Эти двое" за 10 лето /1923-1933/» подпись Олеши под фотографией В. Л. Грюнзайд: «Нужно помнить также, что В. Л. Катаевой-Петровой-Грюнзайд был посвящен (вернее написан для нее, когда она была дитя) роман "Три толстяка". Ю. Олеша» (Цит. по: Петров. С. 198). См. также запись Е. Петрова в рукописном альманахе К. Чуковского: «Моя жена Валентина в шестилетнем возрасте выучила Вашего "Крокодила" и помнит его до сих пор наизусть <...> Евг. Петров. 1 декабря <1>929 г. Ленинград» (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 235) и обиженно-ироничное примечание к этой записи рукой Олеши: «Евгений Петров <...> умалчивает, что его жене, Валентине, когда она была тринадцатилетней девочкой, был посвящен роман "Три Толстяка". Она выросла и вышла замуж за другого» (Там же). О своей работе над «Тремя толстяками» Олеша вспоминал: «Я писал их совсем юным — то в маленькой комнате при типографии "Гудка", где жил с таким же юным Ильфом, то у Катаева в узкой комнате на Мыльниковом, то в "Гудке" в промежутках между фельетонами. В комнате при типографии, которая была крохотная — один пол! — я и писал, лежа на полу... Я писал, пользуясь типографским рулоном — несколько, правда, отощавшим, но все же целым бочонком бумаги» (Олеша 2001. С. 327).
- **433.** *Он стал за ней ухаживать как некий добрый дядя.* То есть как Гумберт Гумберт за Лолитой в романе В. В. Набокова «Лолита».
- **434.** Дело дошло до того, что ключик пригласил ее с подругой в упомянутое уже здесь кино «Волшебные грезы» на ленту с Гарри Пилем. Гарри Пиль (1892–1963) популярный немецкий актер и режиссер. Он ставил, в основном, приключенческие фильмы со сложными трюками «Летающее авто» (1920), «Странствующий Унус» (1920), «Всадник без головы» (1921) и др. Особой популярностью у зрителей пользовался фильм Гарри Пиля «Лжепринц» (другое название «Знатный иностранец»), шедший в советском прокате как раз в 1924 г.
- **435.** ...обещанную книгу ключик стал писать, рассчитывая, что, пока он ее напишет, пока ее примут в издательстве, пока художник изготовит иллюстрации, пока книга выйдет в свет, пройдет года два или три, а к тому времени девочка созреет, поймет, что

он гений, увидит напечатанное посвящение и заменит ему дружочка. — Роман «Три толстяка» был закончен в 1924 г., но первое отдельное его изд. вышло лишь в 1928 г. в издательстве «Земля и фабрика».

- 436. Он написал нарядную сказку с участием девочки-куклы; ее иллюстрировал (по колченогого) один из лучших графиков дореволюционной протекции *Добужинский.* — Речь идет о Мстиславе Валериановиче Добужинском (1875–1957, умер в эмиграции). В письме от 26.12.1927 г. он сообщал Ф. Нотгафту: «Представь себе, получил предложение от Вл. Нарбута из Москвы ("Земля и фабрика") сделать книжку — конечно, возьмусь» (Добужинский М. В. Письма. СПб, 2001. С. 214). В январе 1928 г. художник исполнил иллюстрации к сказке «Три толстяка». В том же году на выставке книжного искусства Москве ему был присужден диплом за ee оформление (См.: Добужинский М. В. Письма. СПб, 2001. С. 22, 382). Ср. шутливую надпись Ю. Олеши на титульном листе 1-го изд. «Трех толстяков», наклеенном в альбом А. Е. Крученых: «Рисунки из Парижа (Добужинский), бумага из Нью-Йорка (Бурлюк) <,> текст из Одессы. Олеша» (Жирным шрифтом выделены вставки в текст. РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 39). На титульном листе 1-го изд. книги значилось: «Посвящается Валентине Леонтьевне Грюнзайд». Еще ниже на том же титульном листе в альбоме Крученых рукой Олеши написано: «Все кончено (?) Олеша 1933» (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 39).
- 437. ...на титульном листе четким шрифтом было отпечатано посвящение, однако девичья фамилия девочки, превратившейся за это время в прелестную девушку, изменилась на фамилию моего младшего братиа, приехавшего из провинции и успевшего прижиться в Москве, в том же Мыльниковом переулке. — Ср. с (не во всех деталях достоверным) рассказом внучки Е. Петрова и В. Грюнзайд, Екатерины Катаевой: «В старой Москве жила девочка Валя Грюнзайд, из очень хорошей семьи: ее отец был поставщиком чая Его Императорского Двора <...> Она была очень избалованным ребенком, и в нее был влюблен Юрий Олеша. Девочка Валя очень часто выглядывала в окно, и Юрий Карлович, проходя мимо и видя ее, говорил друзьям: "Я ращу себе невесту!" А чтобы девочке Вале не было скучно, он написал для нее сказку <...> Первый экземпляр книжки он подарил ей с надписью: "Всегда Ваш, Валя!" Бабушка нередко рассказывала мне эту историю. В ней фигурировала кукла, которую ей привез ее отец, впоследствии, в революционные времена, репрессированный. Эта большая говорящая кукла сидела у Вали на окне. Именно о ней написал в своей сказке Олеша <...> В один прекрасный день Юрий Олеша провел своего друга Женечку Катаева мимо окна и показал ему девушку Валю... Любовь у дедушки с бабушкой была умопомрачительная» (Российская газета. 2002. 14 декабря. С. 6). Ср. также у В. Е. Ардова: «Брак их состоялся на моей памяти. Помнится, Валентина Леонтьевна, выходя замуж в 1928 году, была еще очень молода, и пришлось, кажется, обмануть регистраторшу в загсе, прибавив невесте возраст. Петров оказался превосходным семьянином, и брак был вообще крайне удачным» (Ардов. С. 135).
- **438.** Он сразу же влюбился в хорошенькую соседку, но не стал ее обольщать словесной шелухой, а начал за ней ухаживать по всем правилам, как заправский жених, имеющий серьезные намерения: он водил ее в театры, рестораны, кафе «Битые сливки» на Петровке за церковкой, которой уже давно не существует и куда водил своих

возлюбленных также Командор) — очень модное место в Москве. — Церковь Рождества Богородицы в Столешниках помещалась на углу Петровки и Столешникова переулка (Петровка, 13). Храм XVII—XIX вв. был снесен в 1927 г. Модное кафе рядом называлось «Густые сливки». Это было кооперативное заведение, руководимое М. Каменевым; оно находилось в д. 10 по Столешникову переулку. В рекламном объявлении, помещенном в справочнике «Вся Москва» на 1927 г., сообщается об ассортименте заведения: «Сливки сбитые / кофе» (3-й отдел справочника. С. 715).

- 439. ...в нашей семье он <брат К.> всегда считался положительным, а я отрицательным. Ср., например, в мемуарах Бориса Ефимова: «...как несправедливо и капризно разделила между ними природа (или Бог) человеческие качества. Почему выдающийся талант писателя был почти целиком отдан Валентину Петровичу, а такие ценные черты, как подлинная порядочность, корректность, уважение к людям, целиком остались у Евгения» (Ефимов Б. Е. Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 67) и в повестях К. «Белеет парус одинокий» (1936) и «Хуторок в степи» (1956), где противопоставлены друг другу два брата старший, «двоечник» Петя, и младший, «отличник» Павлик:
- «— Не понимаю, чего же ты радуешься? Сплошные двойки! Петя с досады топнул ногой.
- Вот так я и знал! <...> Как вы, тетя, не понимаете? Важно, что *отметки!* Понимаете: от-мет-ки! <...>

В ранце у Павлика находился табель с отличными оценками за вторую четверть <...> Павлик благодаря своим невинным, шоколадно-зеркальным милым глазкам обладал счастливой способностью всегда выходить сухим из воды» (*Катаев В. П.* Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 4. М., 1984. С. 160, 268). Ср., впрочем, с несколько иным мнением о братьях Катаевых, зафиксированным в дневнике Вс. Иванова от 5.10.1942: Иванов. С. 153.

- **440.** Затем я говорю студентам о нашей семье, о рано умершей матери и об отце, окончившем с серебряной медалью Новороссийский университет, ученике прославленного византииста, профессора, академика Кондакова. Кондакова Николая Павловича (1844—1925). См. его книгу: Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М., 2002. Отец К., кандидат историко-филологических наук Петр Васильевич Катаев, преподавал в одесском женском епархиальном училище. Его выразительный портрет см.: Т3. С. 270—272.
- **441.** Я рассказываю, как у нас в семье ценился юмор. Ср. в конспекте, который Н. А. Подорольский вел на вечере К. 14.03.1972 г.: «О родителях. Мама полтавская девушка. Пушкин, Гоголь. Мама юмористична (отец меньше). Лесков. "Лесковщина". Отсюда Евгений Петров» (ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64). Подробно о своей семье К. рассказал в романе «Разбитая жизнь, или рог Оберона».
- **442.** Брат приехал ко мне в Мыльников переулок с юга, вызванный моими отчаянными письмами. Евгений Катаев приехал в Москву в 1923 г. Классическую одесскую гимназию он окончил в 1919 г.

443. *Отец умер.* — В 1921 году.

- 444. Где-то в степях Новороссии он <брат> гонялся на обывательских лошадях за бандитами — остатками разгромленной петлюровщины и махновщины, особенно районе вполне свирепствовавшими в еще не ликвидированных немеиких колоний. — Беллетризованное изображение этих погонь см. в приключенческой повести А. Козачинского «Зеленый фургон», где Евгений Катаев выведен под именем Володи Бойченко (См., например: Козачинский А. Зеленый фургон. М., 1940). Ср. также в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Я переступал через трупы умерших от голода людей и производил дознания по поводу 17 убийств. Я вел следствия, так как следователей судебных не было. Дела сразу шли в трибунал» (Петров. С. 139).
- **445.** *Он поселился у меня.* Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Мой брат Валя. Его комната с примусом и домработницей в передней» (Петров. С. 132).
- 446. ...ему предложили место <...> ни более ни менее как в Бутырской тюрьме надзирателем в больничном отделении. — Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Я еду в Москву переводиться в Моск<овский> угол<овный> розыск. В кармане у меня револьвер. Я очень худой и гордый молодой человек. И провинциальный» (Петров. С. 127). Провинциализм Е. Петрова отметил и В. Ардов: «Он казался неуверенным в себе, как и полагается провинциалу, недавно прибывшему в столицу» (Ардов. С. 117). Бутырская тюрьма была выстроена М. Ф. Казаковым в конце XVIII в. Первоначально постройка представляла собой крестообразное здание с церковью посередине, окруженное стеной с четырьмя башнями по углам. Тюрьма не раз перестраивалась и расширялась. В начале ХХ в. она вмещала около 2500 человек. В Бутырской тюрьме содержался Е. Пугачев, революционеры XIX в., эсер-бомбист И. Каляев, участники восстания 1905 г. (в частности, Николай Шмидт), многие большевики (например, Ф. Дзержинский). В 1908–1909 гг. в Бутырках сидел В. Маяковский. В пореволюционное время тюрьму наполнили, помимо уголовников, анархисты, не согласные с большевиками социалисты разных толков, «старорежимные» чиновники и полицейские, пленные поляки, православные священники и др. В 1938 г. в Бутырской тюрьме дожидался отправки в лагерь О. Мандельштам.
- 447. Я настаивал, чтобы он бросил свою глупую затею. Он уперся. Тогда я решил сделать из него профессионального журналиста и посоветовал что-нибудь написать на пробу. Он уперся еще больше. Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Как Валя убедил меня писать рассказ. Работа профессионального журналиста» (Петров. С. 93); и далее: «Валя водит меня по редакциям <...> Знакомство первого дня <...> "Крокодил", "Накануне"» (Там же. С. 132–133). Ср. также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам о К.: «Он приходил к нам в Москве с кучей шуток фольклором Мыльникова переулка, ранней богемной квартиры одесситов. Многие из этих шуток мы прочли потом в "Двенадцати стульях" Валентин подарил их младшему брату, который приехал из Одессы

устраиваться в уголовный розыск, но, по совету старшего брата, стал писателем» (Воспоминания. С. 298).

- **448.** Рукопись < рассказа Е. Петрова > полетела на «юнкерсе» в Берлин, где печаталось «Накануне». Ср. в мемуарах Э. Л. Миндлина: «Самолеты "Дерулюфт" ежедневно доставляли в Москву газету "Накануне" и ее приложения» (Миндлин. С. 122).
- **449.** ...и вернулась обратно уже в виде фельетона, напечатанного в литературном приложении под псевдонимом, который я ему дал. Ср. в мемуарах В. Е. Ардова: «...по щепетильности своей Евгений Петрович полагал нужным уступить свою настоящую фамилию старшему брату, В. П. Катаеву, который в то время "завоевывал" Москву смелой поступью многообразного и сочного дарования» (Ардов. С. 117). Ср. в записях самого Е. Петрова: «Я пишу рассказ и придумываю неудачный псевдоним. Первый гонорар» (Петров. С. 140). Э. Л. Миндлин в своих воспоминаниях иначе, без драматических подробностей, описывает историю появления рассказа Е. Петрова в «Накануне»: «Однажды Катаев привел в редакцию очень скромного юношу в серой кепочке.
- Знакомьтесь. Это мой брат Женя Петров. Он вам сейчас даст свой рассказ, и вы с удовольствием его напечатаете. Женя, знакомься!

Женя Петров вынул из кармана переписанный от руки рассказ "Гусь и украденные доски" — рассказ был тут же одобрен, перепечатан нашей машинисткой и на следующий день отправлен в Берлин. В марте 1924 года он был напечатан и с удовольствием прочитан читателями» (Миндлин. С. 130). К. пристраивал в «Накануне» не только произведения своего брата Евгения, но и рассказы своего земляка — Семена Гехта (См. об этом: Миндлин. С. 131).

- **450.** После этого я отнес номер газеты с фельетоном под названием «Гусь и доски» (а может быть, «Доски и Гусь») на Мыльников и вручил ее брату, который был не столько польщен, сколько удивлен.
 - Поезжай за гончаром, сухо приказал я.

Он поехал и привез домой три отличных, свободно конвертируемых червонца, то есть тридцать рублей, — валюту того времени. — Рассказ «Уездные очерки. Гусь и украденные доски» за подписью «Евг. Петров» был опубликован в «Литературной неделе» (приложении к газете «Накануне») 9.03.1924. (№ 58 (575)).

- **451.** ...он стал очень прилично зарабатывать, не отказываясь ни от каких жанров: писал фельетоны в прозе и, к моему удивлению, даже в стихах. Свои стихотворные фельетоны Е. Петров подписывал псевдонимом «Шило в мешке» и печатал, в основном, в 1924 г., в сатирическом журнале «Красная оса».
- **452.** ...подружился со всеми юмористами столицы, наведывался в «Гудок». Е. Петров перешел в газету «Гудок» в 1926 г.

- **453.** МК помещался тут же рядом, в том особняке, где сейчас находится Прокуратура СССР, и мы <с Командором> сидели в пустой комнате агитпропа и сочиняли лозунги, которые потом, написанные на кумачовых полотнищах, поплыли над толпой по улицам Москвы, а потом через всю Красную площадь мимо Мавзолея, еще в то время деревянного. Московский комитет ВКП(б) находился в доме 15 «а» на Большой Дмитровке. Весь этот эпизод, по-видимому, вымышлен К. в полном собрании сочинений В. Маяковского (которое К. консультировал) никакие стихотворные лозунги Маяковского к годовщинам Октябрьской революции не приводятся и не упоминаются. Каменный, 3-й по счету Мавзолей В. П. Ленина был построен из красного гранита и черного лабрадорита в 1929—1930 гг. Первые два мавзолея были временными и, соответственно, деревянными. Автор всех трех сооружений А. В. Щусев.
- **454.** По странному стечению обстоятельств через несколько лет на том же самом месте мы встретились с Командном, шагавшим на голову выше остальных прохожих. Он только что написал «Марш времени» для своей «Бани» и тут же в такт своим чугунным шагам прочитал его мне. Ср. в Т3: «...мы <...> встретились с ним случайно на Большой Дмитровке, против ломбарда, он сразу же сказал:
 - Только что написал. Именно то, чего не хватало.

Он достал из бокового кармана вчетверо сложенный лист графленой бумаги, но не стал в нее смотреть, даже не развернул, а, продолжая идти по улице, под ногу прочел "Марш времени" <из пьесы "Баня", 1929–1930 гг. — *Коммент.*> <...>

- Как вы думаете, Мейерхольду понравится?
- Он будет в восторге. В этом же самая суть нашей сегодняшней жизни. Время, вперед! Гениальное название для романа о пятилетке.
- Вот вы его и напишите, этот роман. Хотя бы о Магнитострое. Названье "Время, вперед!" дарю, великодушно сказал Маяковский, посмотрев на меня строгими, оценивающими глазами» (ТЗ. С. 378–79).
- **455.** Прочитав где-то сплетню, что автор «Трех мушкетеров» писал свои многочисленные романы не один, а нанимал нескольких талантливых литературных подельщиков, воплощавших его замыслы на бумаге, я решил однажды тоже сделаться чем-то вроде Дюма-пэра и командовать кучкой литературных наемников. Благо в это время мое воображение кипело и я решительно не знал, куда девать сюжеты, ежеминутно приходившие мне в голову. Среди них появился сюжет о бриллиантах, спрятанных во время революции в одном из двенадцати стульев гостиного гарнитура. — Подробное описание совместной работы Александра Дюма-отца с многочисленными соавторами (О. Маке и др.), которым он платил деньги за рукописи предоставление рукописей, перерабатывал, a затем ЭТИ например: Моруа А. Три, Дюма. М., 1965. C. 150–164. Cp. шутливое катаевское уподобление Ильфа и Петрова литературным неграм с возмущенной репликой Эжена де Мирекура, автора памфлета «Фабрика романов "Торговый дом "Александр Дюма и Ко""»: продажные литераторы «унижают себя, работая, как негры под свист плетки надсмотрщика-мулата» (Цит. по: Моруа А. Три Дюма. М.,1965. С. 162). Ср. в мемуарах Е. Петрова о том, как К. однажды вошел в комнату четвертой полосы «Гудка» со словами: «Я хочу стать советским Дюма-отцом <...> — Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пэром? — спросил Ильф. — Потому, Илюша, что уже давно пора открыть

мастерскую советского романа, — ответил Старик Собакин, — я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми» (*Петров Е.* // Об Ильфе и Петрове. С. 16–17).

456. Сюжет не бог весть какой, так как в литературе уже имелось «Шесть Наполеонов» Конан-Дойля — Ср. в статье В. Б. Шкловского «Юго-Запад» (1933): «Валентин Катаев, с моей точки зрения, хорош не там, где он старается, написал превосходнейший приключенческий роман "Растратчики" на нашем материале. С новой линии — бесполезности приключений — он дал сюжет Ильфу и Петрову для книги "Двенадцать стульев". Сюжет он взял недалеко. У Конан Дойля есть рассказ "Шесть Наполеонов"» (Шкловский. С. 473). В «АМВ» К. задним числом признал правоту Шкловского.

457. ...а также уморительно смешная повесть молодого, рано умершего советского писателя-петроградца Льва Лунца <...>

Маленький, худенький, с прелестным личиком обреченного на раннюю смерть, Лев Лунц, приведенный Кавериным в Мыльников переулок, с такой серьезностью читал свою повесть, что мы буквально катались по полу от смеха. — Лев Натанович Лунц (1901-1924) и Вениамин Александрович Каверин (наст. фамилия: Зильбер, 1902–1989) входили в литературную группу «Серапионовы братья»; оба они в то время стремились возродить сюжетную прозу. В июне 1923 г. смертельно больной Лунц уехал из Петрограда лечиться в Гамбург; в мае 1924 г. он умер в гамбургском госпитале от эмболии мозга. К. пересказывает сюжет повести Лунца «Через границу», которая предположительно датируется концом 1922 — началом 1923 гг. (См.: Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким (Предисл., публ. и примечания А. Л. Евстигнеевой) // Лица: Биографический альманах. 5. М.-СПб.,1994. С. 360). Таким образом, К. мог услышать чтение этой повести Лунцем не ранее зимы 1923 г. и не позднее июня того же года. Мы не располагаем другими свидетельствами о знакомстве К. с Лунцем, а также о чтении последним повести «Через границу» в Мыльниковом переулке. Сведения о повести Лунца автор «АМВ» мог почерпнуть из статьи В. Б. Шкловского «Современники и синхронисты», опубликованной в 3 № журнала «Русский современник» за 1924 г. В частности, Шкловский рассказывал: «Лунц писал веселый роман в письмах о том, как едут почтенные люди Через границу и везут с собой деньги в платяной щетке. Щетку крадут. Тогда начинается бешеная скупка всех щеток на границе. Роман кончается письменным заказом одного лавочника: "Еще два вагона платяных щеток прежнего образца"» (Шкловский. С. 370). Полностью повесть см.: Луни Л. Через границу / Предисл., публ. и примечания А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. 5. М.-СПб., 1994. С. 358–374. Отметим, что В А. Каверин в своих воспоминаниях о Б. Пастернаке назвал «АМВ» «грязной и кокетливой книгой», чья отличительная особенность — «развязная ложь» (Каверин. С. 358).

458. Почему я выбрал своими неграми именно их — моего друга и моего брата? На это трудно ответить. Тут, вероятно, сыграла известную роль моя интуиция, собачий нюх на таланты, даже еще не проявившиеся в полную силу. — К. обыгрывает свой псевдоним «Старик Саббакин». Согласно М. П. Одесскому и Д. М. Фельдману, И. Ильф и Е. Петров начали писать «Двенадцать стульев» не позднее сентября 1927 г., а уже через месяц авторы показали К. одну из частей романа, и он отказался от соавторства. В январе 1928 г.

«Двенадцать стульев» были закончены, и в том же месяце начинается их публикация в журнале «30 дней». По версии М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана, договоренность о печатании журналом романа «Двенадцать стульев» была достигнута задолго до его окончательного завершения, причем имя К. послужило гарантом появления романа в печати (См.: Двенадцать стульев. С. 5–6). Не случаен и выбор журнала, в котором был напечатан роман, — ответственным редактором «30 дней» был В. Нарбут. Таким образом, совместный дебют Ильфа и Петрова правомерно было бы назвать не «удачным экспромтом», а «отлично задуманной и тщательно спланированной операцией» (Там же. С. 8). На это косвенно указывает и скорость, с которой Ильф и Петров писали роман: «...соавторы торопились, работая ночи напролет, не только по причине природного трудолюбия, но и потому, что вопрос о публикации был решен, сроки представления глав в январский и все последующие номера журнала — жестко определены» (Там же. С. 8).

459. До этого дня они оба были, в общем, мало знакомы друг с другом. Они вращались в разных литературных сферах. — К моменту начала работы над романом (сентябрь 1927 г.) И. Ильф и Е. Петров были знакомы гораздо лучше, чем это хочет представить К. — в начале июня 1927 г. они вместе путешествовали по Кавказу. См. об этом: Ильф И. А. Записные книжки. С. 53–114.

460. Я же уехал на Зеленый мыс под Битумом сочинять водевиль для Художественного театра, оставив моим крепостным довольно подробный план будущего романа. — Ср. с подписью К. под фотографией в альбоме А. Е. Крученых, посвященном автору «Растратчиков»: «<1927> Осень под Батумом на Зеленом мысу, где я писал второй акт "Квадратуры". Сидят первые слушатели. Средний — комсомолец Юрочка Иванов <,> служивший парт<?>компасом» (РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 13).

461. ...деля время между купаньем, дольче фар ньенте и писанием «Квадратуры круга». — Дольче фар ньенте — сладкая нега (итал.). «Квадратура круга» была опубликована в майском номере «Красной нови» за следующий, 1928 г. Отдельным изданием она вышла также в 1928 г., а осенью этого же года в Московском Художественном театре состоялась премьера «Квадратуры круга». О своей работе над «Квадратурой круга» К. рассказал в интервью сотруднику журнала «Современный театр» (См.: Беседа с автором // Современный театр. 1928. № 39. С. 614). Комедия пользовалась большой популярностью у публики — к марту 1929 г. было дано 100 представлений, хотя даже близкие друзья К. не очень высоко ее оценили. См. отзыв о «Квадратуре круга» Ю. Олеши: «Пьеса Катаева несколько схематична. Уже с середины первого акта можно предсказать дальнейшее развитие. Тайна раскрывается ранее, чем зритель находит вкус к ее поискам» (30 дней. 1928. № 10. С. 80–81). Попутно приведем здесь шуточное ст-ние Олеши, обращенное к К.-драматургу и сохранившееся в альбоме, составленном А. Е. Крученых (РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1., Д. 20. Л. 7.):

ДРАМАТУРГУ КАТАЕВУ

Ходил я в театры в порыве алканий Бинокль розоватый на нос нацепив... Я видел «Блоху»...

Там блоха на аркане, Я «Зойкину» видел... Там вошь на цепи! (Зубило = Ю. О. 1927 г.)

- **462.** ...косые черноморские волны, безостановочно набегающие на пляж, те самые волны, о которых по ту сторону Зеленого мыса сочинял мулат, еще более посмуглевший на аджарском солнце, следующие строки: «...их много. Им немыслим счет <...> одним концом ночное Поти, другим светящийся Батум...» Цитируются фрагменты из стния Б. Пастернака «Волны» (1931). В городе-курорте Кобулеты в Аджарии на берегу Черного моря Пастернак со своей второй женой Зинаидой Николаевной Пастернак (урожд. Еремеевой, в первом браке Нейгауз, 1897–1966) жил летом 1931 г.
- **463.** ...мои спутники, два грузинских поэта. Скорее всего Тициан Табидзе (1895–1937) и Паоло Яшвили (1895–1937).
- 464. ...я покинул райскую страну, где рядом с крекинг-заводом сидели в болоте черные, как черти, буйволы, выставив круторогие головы, где местные наркомы в башлыках, навороченных на голову, ездили цугом в фаэтонах с зажженными фонарями по сторонам козел, направляясь в загородные духаны пировать, и их сопровождал особый фаэтон, в котором ехал шарманщик, кативший ручку своей старинной шарманки, издававшей щемящие звуки австрийских вальсов и чешских полек, где старуха-аджарка в чувяках продавала тыквенные семечки, сидя под лохматым, как бы порванным банановым листом, служившим навесом от солнца... Анафорический синтаксис этого отрывка заставляет вспомнить о «Зверинце» (1909–11) Велимира Хлебникова. Крекинг переработка нефти или ее фракций для получения моторного топлива.
- **465.** Едва я появился в холодной, дождливой Москве, как передо мною предстали мои соавторы. К. приехал в Москву примерно в октябре 1927 г. Ср. в мемуарах Е. Петрова: «Все-таки мы окончили первую часть <романа. Коммент. > вовремя. Семь печатных листов были написаны в месяц. <... > Мы торжественно понесли рукопись Дюма-отцу, который к тому времени уже вернулся» (Петров Е. // Об Ильфе и Петрове. С.20).
- **466.** Один из них вынул из папки аккуратную рукопись, а другой стал читать ее вслух. Ср. в мемуарах Е. Петрова: «Мы готовились к самому худшему. Но он прочел рукопись, все семь листов прочел при нас» (Петров Е. // Об Ильфе и Петрове. С. 20).
- **467.** *<Брат и друг> ввели совершенно новый, ими изобретенный великолепный персонаж. Остапа Бендера, имя которого ныне стало нарицательным, как, например, Ноздрев.* Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура *<...>* Но Бендер постепенно стал выпирать из приготовленных

для него рамок, приобретая все большее значение. Скоро мы уже не могли с ним сладить» (Петров. С. 24), а также у В. Б. Шкловского в «Юго-Западе»: «В схеме, предложенной Катаевым, Остапа Бендера не было. Героем был задуман Воробьянинов и, вероятно, дьякон, который теперь почти исчез из романа» (Шкловский. С. 473).

- **468.** Я больше не считаю себя вашим мэтром. Ученики побили учителя, как русские шведов под Полтавой. Заканчивайте роман сами, и да благословит вас бог. Завтра же я еду в издательство и перепишу договор) с нас троих на вас двоих. Соавторы переглянулись. Я понял, что именно этого они от меня и ожидали. Ср. с диалогом, приведенным в мемуарах Е. Петрова: К. «очень серьезно сказал:
- Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели.
 - А как же рука мастера? спросил Ильф.
- Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пэра. Продолжайте писать сами. Я думаю, книга будет иметь успех» (*Петров Е.* // Об Ильфе и Петрове. С. 20–21).
- **469.** Однако не очень радуйтесь, сказал я, все-таки сюжет и план мои, так что вам придется за них заплатить. Я не собираюсь отдавать даром плоды своих усилий и размышлений...
- В часы одинокие ночи, дополнил мою мысль братец не без ехидства. Строка из ст-ния А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно…» (1851).
 - **470.** Чего же вы от нас требуете? спросил мой друг.
- Я требую от вас следующего: пункт «а» вы обязуетесь посвятить роман мне, и вышеупомянутое посвящение должно печататься решительно во всех изданиях как на русском, так и на иностранных языках, сколько бы их ни было. Это обещание было выполнено. См. в 1-м и во всех последующих изд. «Двенадцати стульев»: «Посвящается Валентину Петровичу Катаеву».
- **471.** Пункт «б» обойдется вам не так дешево. При получении первого гонорара за книгу вы обязуетесь купить и преподнести мне золотой портсигар. Другой информацией об этом золотом портсигаре мы не располагаем. Представляется весьма вероятным, что К. в данном случае просто отослал внимательного читателя ко второму роману двух соавторов о великом комбинаторе «Золотой теленок». Ср. в тексте этого романа: «Великий комбинатор готовился всю зиму. Он покупал североамериканские доллары с портретами президентов в белых буклях, золотые часы и портсигары» (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1995. С. 323). Возможно, впрочем, что это авторы «Золотого теленка» столь оригинальным способом передавали привет «старику Саббакину».
- **472.** Долго ли, коротко ли, но после разных цензурных осложнений роман наконец был напечатан в журнале и потом вышел отдельной книгой. О цензурных препятствиях на пути прохождения романа см.: Одесский М. П., Фельдман Д. М. Комментарий //

Двенадцать стульев. 1-е отдельное изд. романа вышло в 1928 г. в изд-ве «ЗиФ». В журнальном варианте романа было 37 глав, в первом отдельном издании — 41 глава.

- 473. Леди и гамильтоны, торжественно сказал я словами известного нашего вратаря, который, будучи на приеме в Англии, обратился к собравшимся со спичем и вместо традиционного «леди и джентльмены» начал его восклицанием «леди и гамильтоны», будучи введен в заблуждение нашумевшей кинокартиной «Леди Гамильтон». К. пересказывает популярный анекдот об Алексее Петровиче Хомиче (1920–1980). Фильм «Леди Гамильтон», с участием Вивьен Ли и Лоуренса Оливье, был поставлен в 1941 г. В СССР он попал в качестве так называемого «трофейного» фильма.
- **474.** Роман «Двенадцать стульев», надеюсь, все из вас читали, и я не буду, леди и гамильтоны, его подробно разбирать. Замечу лишь, что все без исключения его персонажи написаны с натуры, со знакомых и друзей, а один даже с меня самого, где я фигурирую под именем инженера, который говорит своей супруге: «Мусик, дай мне гусик», или что-то подобное. Ср. со следующей репликой персонажа «Двенадцати стульев» Брунса:
 - «— Мусик!!! Готов гусик?!
- Андрей Михайлович! закричал женский голос из комнаты. Не морочь мне голову!

Инженер, свернувший уже привычные губы в трубочку, немедленно ответил:

- Мусик! Ты не жалеешь своего маленького мужика!» (Двенадцать стульев. С. 402).
- **475.** Что касается центральной фигуры романа Остапа Бендера, то он написан с одного из наших одесских друзей. В жизни он носил, конечно, другую фамилию, а имя Остап сохранено как весьма редкое.

Прототипом Остапа Бенджа был старший брат одного замечательного молодого поэта, друга птицелова, эскесса и всей поэтической элиты. — Осип (домашнее прозвище — «Остап») Беньяминович Шор (1899–1978) был не старшим, а младшим братом Натана Беньяминовича Шора (1894–1918), писавшего под псевдонимом «Анатолий Фиолетов». Ср. о Фиолетове в мемуарах С. А. Бондарина: «Я не раз слышал <...> признания от старших товарищей Багрицкого или Катаева, что они многим обязаны Анатолию Фиолетову-Шору, его таланту, смелому вкусу» (Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. М., 1971. С. 126). «А. Фиолетову» посвящены «драматические сцены» Э. Багрицкого «Трактир» (1919). Отметим, что по версии А. Пчхеидзе (на наш взгляд, не очень убедительной) прототипом Остапа Бендера послужил сам (Пчхеидзе А. Авантюристы, писатели, прототипы // Collegium. <Киев>, 1993. № 2. С. 161– 163).

476. <*А.* Фиолетов> издал к тому времени за свой счет маленькую книжечку крайне непонятных стихов, в обложке из зеленой обойной бумаги, с загадочным названием «Зеленые агаты». Там были такие строки: «Зеленые агаты! Зелено-черный вздох вам посылаю тихо, когда закат издох». — Приведем это ст-ние полностью по сб. «Зеленые агаты» (Одесса, 1914):

АГАТЫ И ЛЯГУШКИ

Зеленые Агаты! Зеленочерный вздох Вам посылаю тихо, когда Закат издох, Средь темноты певучей, Агатами пленен, Я дал им цвет Лягушек, и гордо восхищен. Агаты — Символ Ночи, Лягушки — тишь болот, А в общем сочетаньи узорный Переплет. Прелестно элегантен чернозеленый цвет, Зеленовым Агатам мой радостный привет... И матовые строки Мечтой своей назвав, Конечно, о, конечно, Я безусловно прав...

477. И прочий вздор вроде «...гордо-стройный виконт в манто из лягушечьих лапок, а в руке — красный зонт» — или нечто подобное, теперь уже не помню. — Приведем это стние полностью по сб. «Серебряные трубы» (Одесса, 1915):

виконт

Изысканно-вежлив и мягок Гордо-стройный виконт, В манто из лягушачьих лапок И в руке красный зонт.

Он бродит по плитам бульвара И с ним пудель «Парис». В аллеях печальных и старых Томно пахнет нарцисс.

Виконт переходит с панели В тишь, где шорох песка. Он ждет черноглазую Нелли И туманит тоска...

О Нелли, терзаешь ты снова! — Ах, в толпе не она ль?.. Моноклем на ленте лиловой Он лорнирует даль.

- **478.** Это была поэтическая корь, которая у него скоро прошла, и он стал писать прелестные стихи сначала в духе Михаила Кузьмина. Именно так в советской печати было принято искажать фамилию поэта Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936), причем делалось это едва ли не намеренно. Интересно, что в катаевской ТЗ фамилия «Кузмин» воспроизводится правильно без мягкого знака (См.: ТЗ. С. 250).
- **479.** К сожалению, в памяти сохранились лишь осколки его лирики. «Не архангельские трубы <...> золотое Аллилуйя над высокою могилой». Благодаря любезности Н. А. Богомолова мы имеем возможность привести здесь полный текст этого и еще двух ст-ний А. Фиолетова по автографам:

Не архангельские трубы — Деревянные фаготы Пели мне о жизни грубой, О печали и заботах. Не скорбя и не ликуя, Ожидаю смерти милой, Золотого «аллилуя» < так! - Коммент. >Над высокою могилой. И уже, как прошлым летом, Не пишу и не читаю, Озаренный тихим светом, Дни прозрачные считаю. Мне не больно. Неужели Я метнусь в благой дремоте? Все забыл. Над всем пропели Деревянные фаготы.

480. Он написал: Есть нежное преданье на Ниппоне <...> в свою картину. — Приводим полный текст этого ст-ния по автографу из собрания Н. А. Богомолова:

ХУДОЖНИК И ЛОШАДЬ (Из японских преданий)

Есть нежное преданье на Нипоне О маленькой лошадке, вроде пони, И добром живописце Канаоко, Который на дощечках, крытых лаком, Изображал священного микадо В различных положеньях и нарядах.

Лошадка жадная в ненастный день пробралась На поле влажное и рисом наслаждалась. Заметив дерзкую, в отчаянье великом, Погнались пахари за нею с громким криком. Вся в пене белой и вздыхая очень тяжко, К садку художника примчалась вмиг бедняжка.

А он срисовывал прилежно вид окрестный С отменной точностью, для живописца лестной. Его увидевши, заплакала лошадка: «Художник вежливый, ты дай приют мне краткий: За мною гонятся угрюмые крестьяне, Они побьют меня, я знаю уж заране...»

Подумав, Канаоко добродушный Лошадке молвил голосом радушным: «О бедная, войди в рисунок тихий, Там рис растет и красная гречиха...»

И лошадь робко спряталась в картине, Где кроется, есть слухи, и поныне...

26-XI-15

481. Он изобразил осенние груши на лотке; у них от тумана слезились носики и тому подобное. — Приводим полный текст этого ст-ния по автографу из собрания Н. А. Богомолова:

В ФРУКТОВОЙ ЛАВКЕ

Как холодно розовым грушам! Уж щеки в узорах румянца. Прильнувши к витрине послушно, Их носики жалко слезятся.

Октябрь злой сыростью дышит, А у груш тончайшая кожа

И было б, бесспорно, не лишним Им сшить из сукна, предположим,

Хоть маленький китель, пальтишко — В одежде всегда ведь теплее!

Но к вам невнимательны слишком... Ax, как я вас, груши, жалею!..

X.1915

482. Брат футуриста был Остап, внешность которого соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности <...> Он был блестящим оперативным работником. Бандиты поклялись его убить. Но по ошибке, введенные в заблуждение фамилией, выстрелили в печень футуристу, который только что женился и как раз в это время покупал в мебельном магазине двуспальный полосатый матрац. — Отсылка к той сцене из «Двенадцати стульев», где изображено жилище молодоженов Коли и Лизы: «В комнате из мебели был только матрац в красную полоску» (Двенадцать стульев. С. 189). К. неточно излагает обстоятельства гибели Фиолетова. Как и брат, он служил в одесском уголовном розыске. В заметке, опубликованной в № газеты «Одесская почта» от 28(15).11.1918 г., сообщалось: «Около 4 часов дня инспектор уголовно-розыскного отделения, студент 4 курса Шор в сопровождении агента Войцеховского находились по делам службы на "Толкучке", куда они были направлены для выслеживания опасного преступника». «Следом за ними, — рассказывал Осип Шор, — туда вошли двое неизвестных. Один из них подбежал к Анатолию. Анатолий сделал попытку вынуть из кармана пистолет, но незнакомец, который стоял в стороне, опередил его» (Рассказ О. Шора цит. по заметке: Александров Р., Голубовский Е. Поэт Анатолий Фиолетов // Альманах библиофила. Вып. IX. М., 1980. С. 238). См. также в газете «Южная мысль» от 25(12).12.1918 г.: «... состоится вечер поэтов памяти Анатолия Фиолетова. В вечере примут

участие Л. П. Гроссман, Ал. Соколовский, Ю. Олеша, Э. Багрицкий, В. Инбер, А. Адалис, И. Бобович, С. Кесельман, В. Катаев».

483. Я не был на его похоронах, по ключик рассказывал мне, как молодая жена убитого поэта и сама поэтесса, красавица, еще так недавно стоявшая на эстраде нашей «Зеленой лампы». — Подробнее об этом кружке одесских поэтов, возникшем в 1918 г., см., например, в мемуарах П. Ершова (Зеленая лампа). Здесь же набросан выразительный портрет К. того времени: «Катаев все еще ходил в военных рейтузах и френче, весело щурил монгольские глаза, походя острил и сыпал экспромтами. Всегда шумливый, категоричный, приподнятый, он любил читать свои стихи, тоже приподнятые, патетические. И когда начинал читать, глаза его расширялись, голос звучал сочно и глубоко» (Зеленая лампа. С. 3). Приведем также шуточное ст-ние, сохранившееся в альбоме Ю. Олеши, составленном А. Е. Крученых. Автором этого ст-ния, по предположению Олеши, был Лев Славин (РО ГЛМ. Ф.139. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.):

(ПОЭТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО) ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Небритый, хмурый, шепелявый Скрипит Олеша лилипут. Там в будущем — сиянье славы И злая проза жизни — тут.

За ним, кривя зловеще губы, Рыча, как пьяный леопард, Встает надменный и беззубый Поэт Багрицкий Эдуард.

Его поэма — совершенство. Он не марает даром лист, И телеграфное агентство Ведет, как истинный артист.

Но вот, ввергая в жуткий трепет, Влетает бешеный поэт — Катаев — и с разбега лепит Рассказ, поэму и сонет.

Экзакустодиан Пшенка

- **484.** ...как царица с двумя золотыми обручами на голове, причесанной директуар, и читавшая нараспев свои последние стихи: «...Радикальное средство от скуки изящный мотор-ландоле. Я люблю ваши смуглые руки на эмалевом белом руле...» ...теперь, распростершись, лежала на высоком сыром могильном холме и, задыхаясь от рыданий, с постаревшим, искаженным лицом хватала и запихивала в рот могильную землю <...>
- Ничего более ужасного, говорил ключик, в жизни своей я не видел, чем это распростертое тело молодой женщины, которая ела могильную землю, и она текла из ее накрашенного рта. Воспроизводится ситуация песни А. Вертинского «То, что я должен сказать». Речь идет о Зинаиде Константиновне Шишовой (Брухновой, 1898–1977), авторе

стихотворного сборника «Пенаты» (Одесса, 1918). В своих мемуарах поэтесса упоминает о «золотом обруче, который» она «купила на последние деньги» (*Шишова 3. К.* // О Багрицком 1973. С. 61). Приводим полный текст ст-ния 3. Шишовой, цитируемого К. (по альбому Г. И. Долинова; ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 2. Л. 10):

SPLEEN

Радикальное средство от скуки Ваш мотор — небольшой landanlet... Я люблю Ваши смуглые руки на эмалевом белом руле. Ваших губ утомленные складки И узоры спокойных ресниц... — Ах, скажите, ну разве не сладко Быть, как мы, быть похожим на птиц. Я от шляпы из старого фетра Отколю мой застенчивый газ... Как-то душно от солнца, от ветра И от ваших настойчивых глаз. Ваши узкие смуглые руки, Профиль Ваш, отраженный в стекле... Радикальное средство от скуки Ваш мотор — небольшой landanlet.

Процитируем также несколько фрагментов из неопубликованной «Автобиографии» 3. Шишовой (РО ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1152. Л. 2, Л. 3, Л. 6-8.): «В 8-ой аудитории Юридического факультета зародился первый Одесский Союз Поэтов. Там я впервые выступила с чтением стихов. Там я познакомилась, а впоследствии сдружилась с Катаевым и Адалис <...> Освободившиеся от Олешей, "ахматовщины", "гумилевщины", "северянинщины", мы назвали свой кружок "Зеленая лампа". Если вспомнить, что враги наши сгруппировались вокруг о<бщест>ва "Бронзовый гонг" — станет понятным, представителями каких враждующих литературных течений мы были <...> В 1934 г. я умирала от белокровия <...> Катаеву написали об этом в Москву. Мы не виделись много лет, но в молодости товарищи находили у меня кое-какие способности. Катаев выслал мне деньги на поездку в Москву. Я оставила сына у родственников и поехала. После очень трудной и горькой жизни я впервые попала в человеческие условия. Катаев устроил меня в санаторий, на несколько месяцев снял для меня комнату. От белокровия моего не осталось и следа. Даже беспокойство о сыне не мешало мне быть счастливой. И вдруг в один прекрасный день Катаев потребовал, чтобы я занялась литературой. Был к этому и очень удобный случай, готовился к выходу альманах памяти Багрицкого. Катаев предложил мне написать воспоминания о Багрицком. Я пятнадцать лет ничего не писала и была уверена, что никогда не смогу писать.

— Каждая "дамочка" имеет право писать воспоминания. Это необязательно должно быть высоким произведением искусства, — убеждал меня Катаев. Я робко протестовала. В глубине души я была убеждена, что опозорюсь <...>.

История о том, как Катаев буквально вытолкнул меня в литературу, заслуживает того, чтобы об этом рассказать подробно:

В ту пору я жила на Бронной и ежедневно завтракала, обедала и ужинала у Катаева на Тверской. Перед тем, как придти, я обычно звонила ему по телефону. Какой же был мой ужас, когда, позвонив однажды ему, я вдруг услышала:

- Приходи, но только после того, как напишешь статью о Багрицком.
- Я не могу, протестовала я, т. е. я могу, но я должна обдумать.
- Ну так обдумай! был неумолимый ответ.

Я решилась на хитрость. Я знала, что после завтрака Катаев обычно уходит из дому. Я переждала и позвонила Любе, катаевской домработнице.

- Любочка, говорит Зинаида Константиновна. Я сейчас приду завтракать, там у вас осталось что-нибудь?
- Зина Константиновна, ответила Люба смущенно, для вас все оставлено, но Валентин Петрович сказал, чтобы не давать, пока вы не принесете какую-то рукопись.

Тогда я засела и за три часа написала статью о Багрицком».

485. Но что же в это время делал брат убитого поэта Ocman? <...>

Он узнал, где скрываются убийцы, и один, в своем широком пиджаке, матросской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, вошел в подвал, где скрывались бандиты, в так называемую хавиру. — То есть в квартиру (жарг.).

- **486.** Всю ночь Остап провел в хавире в гостях у бандитов. При свете огарков они пили чистый ректификат. То есть беспримесный, дистиллированный спирт.
- 487. Теперь трудно поверить, но в моей комнате вместе со мной в течение нескольких дней на диване ночевал великий поэт будетлянин, председатель земного шара. Здесь он, голодный и лохматый, с лицом немолодого уездного землемера или ветеринара, беспорядочно читал свои странные стихи, из обрывков которых вдруг нет-нет да и вспыхивала неслыханной красоты алмазная строчка, например: «...деньгою серебряных глаз дорога...» при изображении цыганки. Из хлебниковского «Куска» (1921).
- **488.** Или: «...прямо в тень тополевых тент, в эти дни золотая мать-мачеха золотой черепашкой ползет»... Из ст-ния В. Хлебникова «Весны пословицы и скороговорки...» (1919).
- **489.** Или: «Мне мало надо! Краюшку хлеба, да каплю молока, да это небо, да эти облака». Пятистишие В. Хлебникова 1922 г.
- **490.** Или же совсем великое! «Свобода приходит нагая <...> о верноподданном солнца самосвободном народе...» Неточно цитируется ст-ние В. Хлебникова 1917 г. из его цикла («поэмы») «Война в мышеловке». Одним из живописных подтекстов этого ст-ния послужила картина Сандро Боттичелли «Весна» (1480) (См.: Арензон Е. Р. Свобода, богиня, весна... (Стихотворение «Свобода приходит нагая...» в контексте основных творческих идей В. Хлебникова // Хлебниковские чтения. Материалы конференции 27–29

ноября 1990 г. СПб., 1991). «Весна» Боттичелли (упоминаемая в «АМВ») — источник ключевого для катаевского произведения образа «вечной весны».

491. Он показывал мне свои «доски судьбы» — большие листы, где были напечатаны математические непонятные формулы и хронологические выкладки, предсказывающие судьбы человечества <...>

Неизвестно, когда и где он их сумел напечатать, но, вероятно, в Ленинской библиотеке их можно найти. Мой экземпляр с его дарственной надписью утрачен, как и многое другое, чему я не придавал значения, надеясь на свою память. — Хлебниковские «Доски судьбы» готовили к печати близкие и самоотверженные друзья поэта, художники С. П. Исаков и крохотным результате тиражом книга: Хлебников В. Доски судьбы. М., <1922–1923>. Экземпляра этой книги «с дарственной надписью» В. Хлебникова у К. быть не могло, поскольку «Доски судьбы» были напечатаны уже после хлебниковского отъезда из Москвы. Только в настоящее время появилось (текстологически не вполне надежное): Хлебников наконец издание Велимир. Доски судьбы / Реконструкция текста, сост., коммент., очерк В. Бабкова. М., 2001.

- 492. Я был взбешен, что его не гадают, и решил повести будетлянина вместе с его наволочкой, набитой стихами, прямо в Государственное издательство. — Речь идет об апреле или мае 1922 г. В эти и предшествующие месяцы В. Хлебников усиленно занимался перепиской и подготовкой к печати своих произведений («Доски судьбы», «Зангези», «Ночной обыск», «Настоящее» и др.). В номере «Известий» от 5.03.1922 г. было опубликовано программное ст-ние поэта «Не шалить!» — без заглавия, посредничестве В. Маяковского. Важный фон эпизода «АМВ», повествующего о попытке К. напечатать Хлебникова: в 1919 г. поэт вручил Маяковскому свои рукописи для издания. Маяковский сочинений будетлянина не напечатал, а с возвращением рукописей тянул. Р. О. Якобсон: «Я на него очень сердился, что он не издавал Хлебникова, когда мог и когда получили деньги на это» (см.: Янгфельдт Б. Якобсон-будетлянин. Сб. материалов. Stockholm, 1992. С. 45). В апреле 1922 г. Хлебников писал матери: «Мне живется так себе, но вообще я сыт-обут, хотя нигде не служу. Моя книга <вероятно, "Доски судьбы". — Коммент. > — мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается» (Собр. произвед. Велимира Хлебникова: в 5-ти тт. Т. 5. Л., 1933. С. 325). Государственное издательство РСФСР (1919–1930) в 1919–1923 гг. помещалось в особняке С. Рябушинского, стоящем на углу Малой Никитской ул. и Спиридоновки (д. 6/2). Дом в стиле модерн был построен Ф. Шехтелем в начале ХХ в. Во главе Госиздата стоял сначала В. Боровский, затем И. Скворцов, М. Покровский и О. Шмидт. Здесь, при Госиздате, летом 1922 г. начала выходить первая московская литературная газета «Московский понедельник». В январе 1923 г. Госиздат перебрался в д. 4/6 на ул. Рождественка.
- **493.** Он сначала противился, бормоча с улыбкой, что все равно ничего не выйдет, но потом согласился, и мы пошли по московским улицам, как два оборванца, или, вернее сказать, как цыган с медведем. Я черномазый молодой молдаванский цыган, он исконно русский пожилой медведь, разве только без кольца в носу и железной цепи <...>

Оставив будетлянина в вестибюле внизу на диване, среди множества авторов с рукописями в руках, и строго наказав ему никуда не отлучаться и ждать, я помчался вверх <...>

Терять мне в ту незабвенную пору было нечего, и я, кашляя от скрытого смущения и отплевываясь, не стесняясь стал резать правду-матку: дескать, вы издаете халтуру всяких псевдопролетарских примазавшихся бездарностей, недобитых символистов, в то время как у вас под носом голодает и гибнет величайший поэт современности, гениальный будетлянин, председатель земного шара, истинный революционер-реформатор русского языка и так далее <...>

Я бросился вниз, но будетлянина уже не было. Его и след простыл. Он исчез. Вероятно, в толпе, писателей, как и всегда, нашлись его страстные поклонники и увели его к себе, как недавно увел его к себе и я. Я бросился на Мыльников переулок. Увы. Комната моя была пуста.

Больше я уже никогда не видел будетлянина. — Этот фрагмент подозрительно схож со следующим эпизодом из «Второй книги» (1970) Н. Я. Мандельштам: «Незадолго до своего отъезда <из Москвы. — Коммент. > Хлебников пожаловался, что не хочет уезжать, но вынужден из-за отсутствия жилья <...>

Мандельштам, человек с быстрыми реакциями, услыхав жалобу Хлебникова, тотчас потащил его на Никитскую — в книжный магазин группы писателей, чтобы поговорить с Бердяевым, который тогда был председателем Союза писателей <...> Бердяева застали на месте, и Мандельштам обрушился на него со всей силой иудейского темперамента, требуя комнаты для Хлебникова <...> Требование свое Мандельштам мотивировал тем, что Хлебников величайший поэт мира, перед которым блекнет вся мировая поэзия, а потому заслуживает комнаты хотя бы в шесть метров <...> Хлебников, слушая хвалу, расцвел, поддакивал и, как сказал Мандельштам, бил копытом и поводил головой <ср. с метафорой "цыган и медведь" у К. — Коммент.> <...> Хлебников согласился бы и на темный угол. Только никто ради него не пошевелил пальцем, Бердяев не зашел, как просил Мандельштам, проверить возможность перестройки, и Хлебников уехал. Его просто выбросили из Москвы в последнее странствие» (Вторая книга. С. 82–83). Ср. в «Литературной Москве» (1922) О. Мандельштама: «В Москве Хлебников, как лесной зверь, мог укрываться от глаз человеческих и незаметно променял жестокие московские ночлеги на зеленую новгородскую могилу» (Мандельштам. С. 275).

494. В одном месте на Никитской он не удержался и вошел в букинистический магазин. — В этот период на Большой Никитской находились многочисленные книжные лавки и магазины (улица была одним из центров книготорговли в Москве): «Артели художников слова» — в д. 15; лавки Амвросиева, Бровкина, Васильева, Блоха и Ечнетова — в д. 24; в этом же здании — магазины «Дельфин» и «Деятель искусства»; 3-й магазин Госиздата — в д. 13; «Колос» — в д. 22; лавки Кривова — в д. 9 и 15 и др.

495. ...где его зверино-зоркие глаза еще с улицы увидели на прилавке «Шарманку» Елены Гуро. — Эта книга рассказов, стихов и пьес Елены (Элеоноры) Генриховны Гуро (1877—1913) вышла в 1909 г., в Петербурге. Гуро и В. Хлебников высоко ценили творчество друг друга, «...образ Елены Генриховны многими нитями связан со мной» (Из письма В. В. Хлебникова к М. В. Матюшину // Хлебников Велимир. Неизданные произведения. М., 1940. С. 364).

496. ...и «Садок судей» второй выпуск — одно из самых ранних изданий футуристов, напечатанное на синеватой оберточной толстой бумаге, посеревшей от времени, в обложке из обоев с цветочками. Он держал в своих больших лапах «Садок судей», осторожно перелистывая толстые страницы и любовно поглаживая их <...>

Ему так хотелось иметь эти две книжки! Ну хотя бы одну — «Садок судей», где были, кажется, впервые напечатаны его стихи. — В этом описании К. смешивает 1-й и 2-й выпуски «Садка судей»: вышедший в Петербурге в апреле 1910 г. 1-й «Садок судей» действительно правомерно назвать «одним из самых ранних изданий футуристов». В этом сборнике В. Хлебников был представлен внушительной подборкой, хотя его поэтический дебют состоялся на 2 года раньше: в октябрьском номере петербургского журнала «Весна» Хлебников напечатал ст-ние в прозе «Искушение грешника». Сведения о том, что Хлебников дебютировал в «Садке судей», К., вероятно, почерпнул из некролога В. Маяковского, где упомянут «"Садок судей" (1908 г.) с первыми стихами Хлебникова» (Маяковский В. В. В. В. Хлебников // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 12. М., 1959. С. 28). 2-й выпуск «Садка судей» вышел в феврале 1913 г. «Издатели, Матюшин и Гуро, желали и внешностью сборника и составом участников подчеркнуть его преемственную связь с первым "Садком Судей". Но об обойной бумаге, на которой вышел первый "Садок", напоминала только обложка, а из зачинателей недоставало Василия Каменского <...> Зато появились новые лица: Маяковский, Крученых и (Лившии Б. К. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. C. 412).

- **497.** На балконе безвкусного особняка <...> ненадолго показалась стройная, со скрещенными на груди руками фигура Валерия Брюсова, которого я сразу узнал по известному портрету не то Серова, не то Врубеля. Михаил Александрович Врубель (1856–1910) написал свой знаменитый портрет Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) в 1906 г.
- **498.** Ромбовидная голова с ежиком волос. Скуластое лицо, надменная бородка, глаза египетской кошки, как его описал Андрей Белый. В мемуарной книге «Начало века»: «...складывая на груди свои руки, с глазами египетской кошки...» (Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 165).
- **499.** Он еще царствовал в литературе, но уже не имел власти. С 1919 г. по февраль 1921 г. В. Брюсов был пред. Президиума Всерос. союза поэтов; с 1921 г. зав. лит. подотделом отдела худож. образования при Наркомпросе, членом Гос. ученого совета, профессором 1-го МГУ.
- **500.** ...человечек с грозными пиками усов (тот самый литературный критик, фамилию которого Командор так ужасно и, кажется, несправедливо зарифмовал со словом «погань») оказался довольно симпатичным и даже ласковым. Ср. в ст-нии В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926): «Чтобы разнеслась // бездарнейшая погань, //

раздувая // темь // пиджачных парусов, // чтобы // врассыпную // разбежался Коган, // встречных // увеча // пиками усов». Петр Семенович Коган (1872–1932) в описываемый период был председателем Гос. художественного комитета Наркомпроса и президентом Государственной Академии художественных наук. «Маяковский в то время, если человек был не Коган, хорошо к нему относился. Когана, вероятно, он не читал» (Шкловский В. Б. // О Маяковском. С. 191). Ср. также запись в дневнике К. Чуковского от 24.06.1964: «Петра Семеновича Когана Маяк. презирал, как воплощение всяческой тупости. Издевался над ним в стихах» (Чуковский. С. 356).

- 501. Он стал меня успокаивать, всплеснул ручками, захлопотал:
- Как! Разве он в Москве? Я не знал. Я думал, что он где-то в Астрахани или Харькове! В Астрахань В. Хлебников прибыл в августе 1918 г. В марте 1919 г. он уехал из Астрахани в Москву. Из Москвы в Харьков Хлебников перебрался в середине апреля 1919 г. С 28 декабря 1921 г. поэт снова в Москве.
- **502.** Потом до Москвы дошла весть, что он умер где-то в глубине России, по которой с котомкой и посохом странствовал вместе со своим другом, неким художником. Потом уже стало известно, что оба они пешком брели по дорогам родной, милой их сердцу русской земли, по ее городам и весям, ночевали где бог послал, иногда под скупыми северными созвездиями, питались подаянием. Сперва простудился и заболел воспалением легких художник. Он очень боялся умереть без покаяния. Будетлянин его утешал:
 - Не бойся умереть среди родных просторов. Тебя отпоют ветра.

Художник выздоровел, но умер сам будетлянин, председатель земного шара. И его «отпели ветра».

...Кажется, он умер от дизентерии.

Впрочем, за достоверность не ручаюсь. Так гласила легенда. — К. путает (или сознательно совмещает в один) 2 разных эпизода из биографии В. Хлебникова. Первый эпизод описан в мемуарах Дмитрия Васильевича Петровского (1892–1955), а К. запомнился, скорее всего, в пересказе Ю. Олеши: «Однажды, когда Дмитрий Петровский заболел в каком-то странствии, которое они совершали вдвоем, Хлебников вдруг встал, чтобы продолжить путь.

- Постой, а я? спросил Петровский. Я ведь могу тут умереть.
- Ну что ж, степь отпоет, ответил Хлебников.

Степь отпела как раз его самого! Мы не знаем, где и как он умер, где похоронен» (Олеша 2001. С. 412). Взаимоотношения К. и Петровского выразительно характеризует письмодонос В. П. Ставского в отдел печати ЦК от 23.4. 1938 г.: «Поэту Петровскому Дм. было отказано в приеме в члены <писательского. — Коммент. > Клуба, "потому что у него не клубный характер", как выразился Валентин Катаев» (см.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 281). В свое предсмертное странствие Хлебников пустился с художником Петром Васильевичем Митуричем (1887—1956). Приведем здесь выдержки из дневника Митурича этого времени. Запись от 29.5.1922 г.: «Велимир рассказал <врачу. — Коммент. >, что он спал на земле, что у него лихорадка персидская» (Митурич 77. Последние дни Хлебникова / Вст. слово, публикация и коммент. М. Митурича-Хлебникова // Арион. 1994. № 4. С. 107). Запись от 27.6.1922 г.: «Утром на вопрос <больничной сиделки. — Коммент. > Федосьи, трудно ли ему? — ответил: "Да".

Сделал глоток воды и вскоре потерял сознание. На зов мой не отвечал и на касание не реагировал никак. Напряжение в дыхании заметно ослабевало. Правая рука трепетала. Я делал портрет» (Там же. С. 110). Запись от 28.6.1922 г.: «Велимир ушел с земли в 9 часов 28 июня 1922 года в деревне Санталово Новгородской губернии Крестецкого уезда» (Там же). Отметим, что болезнь Хлебникова и К., и сам поэт определили неверно.

503. Затем на некоторое время в комнату на Мыльниковом переулке вселилась банда странных, совсем юных поэтов-ничевоков, которые спали вповалку на полу и прыгали в комнату в окно прямо с улицы, издавая марсианские вопли. Они напечатали сборник своих сумбурных стихотворений под названием «Собачий ящик», поставив вместо даты: «Москва. Хитрое рынок. Советская водогрейня». Один из них носил почему-то котелок. — В группу ничевоков входили Рюрик Рок (наст. имя Геринг Рюрик Юрьевич, 1898—1930-е?), Сусанна Мар (наст. имя Чалхушьян Сусанна Георгиевна, 1900—1965), Олег Эрберг (1898—1956) и некоторые другие поэты. Активная деятельность группы приходится на период с 1920 по 1923 гг. 1-е изд. сб. декретов-манифестов «Собачий ящик, или Труды Творческого Бюро Ничевоков в течение 1920—1921 гг.» вышло в 1922 г. В конце этого года появилось второе изд. сборника, в приложении к которому было опубликовано «Открытое письмо Маяковскому» П. Митурича, в котором В. Маяковский обвинялся в утаивании рукописей Хлебникова (может быть, поэтому фрагмент о ничевоках следует в «АМВ» за фрагментом о Хлебникове). Подробнее об этой группе см.: Никитаев А. Т. Ничевоки: материалы к истории и библиографии // De visu. 1992. № 0. С. 59—64.

504. Хитров рынок был тем самым прибежищем босяков, местом скопления самых низкопробных московских ночлежек, которые некогда послужили материалом для Художественного театра при постановке «На дне». — «Для этой пьесы я водил артистов труппы Художественного театра со Станиславским и Немировичем-Данченко во главе по притонам Хитрова Рынка, а художника Симова даже в самые трущобные подземелья Кулаковки, в тайные притоны "Сухого оврага", которые Симов увековечил в своих прекрасных декорациях» (Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1981. С. 336). Название «Хитров рынок» произошло от фамилии генерал-майора Н. Хитрово, которому принадлежала обширная усадьба в этой части Москвы в 1820-е гг. Место было пустое и неухоженное. По инициативе Хитрово здесь в 1824–25 гг. был устроен рынок. Во второй половине XIX в. Хитровская площадь стала местом, где обретались безработные, нищие, бродяги, воры и барышники. «Хитрованцы» ютились в местных ночлежных домах, пили и обсуждали свои дела в местных трактирах с неофициальными названиями «Пересыльный», «Сибирь» и «Каторга». В конце XIX — начале XX вв. Хитровскую площадь окружали ночлежки Ромейко (потом Кулакова), Степанова (Ярошенко), Бунина, Румянцева, братьев Ляпиных. По примерным подсчетам, в этих домах помещалось в начале XX в. 6000–7000 человек. В центре площади находился обширный навес для защиты от ненастья, здесь же торговали едой и дешевой одеждой. Рядом устроили водогрейню. Ликвидирован рынок был в 1924 г. Помещения ночлежек отремонтировали и переделали под квартиры для рабочих и служащих.

505. Незадолго до своего конца однажды грустным утром ко мне зашел королевич, трезвый, тихий, я бы даже сказал благостный — инок, послушник. Только скуфейки на нем

- не было. Аллюзия на начальную строку ст-ния С. Есенина 1914 г.: «Пойду в скуфье смиренным иноком».
- **506.** *Ты знаешь, негромко сказал он, не такой уж я пропащий.* Очевидная отсылка к знаменитой есенинской строке «Я такой же как вы пропащий…».
- **507.** Не могу удержаться, чтобы не переписать здесь по памяти: «Клен ты мой опавший <...> Сам себе казался я таким же кленом, только не опавшим, а вовсю зеленым...» Цитируются строки из ст-ния С. Есенина «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (1925).
- **508.** Он читал со слезами на слегка уже полинявших глазах. Ну и, конечно: «Слышишь мчатся сани, слышишь сани мчатся <...> И станцуем вместе под тальянку трое». Полностью цитируется ст-ние С. Есенина «Слышишь мчатся сани, слышишь сани мчатся...» (1925).
- **509.** Мы не торопясь пошли к нему через всю по-осеннему солнечную Москву, в конце Пречистенки, мимо особняка, где некогда помещалась школа Айседоры Дункан, и поднялись на четвертый или пятый этаж большого, богатого доходного дореволюционного дома в нордическом стиле, вошли через переднюю, где стояли скульптуры Коненкова Стенька Разин и персидская княжна, одно время даже украшавшие Красную площадь, гениально грубо вырубленные из бревен. Деревянная скульптурная группа «Степан Разин с дружиной» Сергея Тимофеевича Коненкова (1874—1971) украшала Красную площадь в 1918 г. К этой группе примыкала фигура персидской княжны, вылепленная Коненковым из цемента. Ныне фигура персидской княжны утрачена, а деревянная скульптура помещается в корпусе Бенуа Русского музея в С-Петербурге.
- **510.** Там немолодая дама новая жена королевича, внучка самого великого русского писателя, вся в деда грубоватым, мужицким лицом, только без известной всему миру седой бороды. Брак С. Есенина с Софьей Андреевной Толстой (1900–1957) был заключен 18.09.1925 г. Жила Софья Андреевна между Пречистенкой и Остоженкой, в Померанцевом переулке, д. № 3, кв.8. В. Ф. Наседкин: «Квартира С. А. Толстой в Померанцевом переулке, со старинной, громоздкой мебелью и обилием портретов родичей, выглядела мрачной и скорее музейной» (Наседкин В. Ф. // О Есенине. Т. 2. С. 306). Сходство С. А. Толстой с Л. Н. Толстым общее место мемуаров о Есенине. См., например, у Н. Н. Никитина; «…обликом она поразительно напоминала Льва Николаевича» (Никитин Н. // Там же. С. 128).
- **511.** Я даже удивил королевича Иннокентием Анненским, плохо ему знакомым: «Нависнет ли пламенный зной, бушуя расходятся ль волны <...> сгорая коснуться друг друга, одним парусам не дано». Неточно цитируется ст-ние И. Ф. Анненского «Два паруса лодки одной» (1904).

- 512. Но самого-самого последнего он не прочел. Оно было посмертное, написанное мокрой зимой в Ленинграде, в гостинице «Англетер», кровью на маленьком клочке бумажки <...>Долгое время мне казалось — мне хотелось верить, — что эти стихи обращены ко мне, хотя я хорошо знал, что это не так. — 23.12.1925 г. С. Есенин приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Англетер». 27.12.1925 он рассказал В. Н. Эрлиху, что утром хотел записать ст-ние «До свиданья, друг мой, до свиданья...», а так как в номере гостиницы не оказалось чернил, он разрезал себе руку и написал стихи кровью. 28.12.1925 поэт покончил с собой. Предположение К. (пусть даже сколь угодно гипотетическое и подкрепленное постоянными обращениями «друг» королевича к автору «АМВ») о том, что предсмертное ст-ние Есенина обращено к нему, выглядит совершенно фантастическим. Близкий приятель Есенина В. Г. Шершеневич полагал, что его последнее несуществующему пространство» другу, (Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец // «Мой век, мои друзья и подруги»: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 627).
- **513.** И долгое время передо мной стояла да и сейчас стоит! неустранимая картина:

…черная похоронная толпа на Тверском бульваре возле памятника Пушкину с оснеженной курчавой головой, как бы склоненной к открытому гробу, в глубине которого виднелось совсем по-детски маленькое личико мертвого королевича, задушенного искусственными цветами и венками с лентами… — Ср. в мемуарах Ю. Н. Либединского: «Москва с плачем и стонами хоронила Есенина <...> Перед тем как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину. Мы знали, что делаем, — это был достойный преемник пушкинской славы» (Либединский Ю. Н. // О Есенине. Т. 2. С. 155). Рассказ о С. Есенине в «АМВ» начинается у памятника А. С. Пушкину; здесь же он и завершается.

- **514.** ...в объемистой стеклянной чаше, наполненной белым сухим вином ай-даниль. Речь идет о мускатном вине «Ай-Даниль Токай».
- **515.** Мы сидели в Мыльниковом переулке: мулат, альпинист худой, высокий, резко вырезанный деревянный солдатик с маленьким носиком, как у Павла Первого. Николай Семенович Тихонов (1896–1979). Ср. в его, написанной от третьего лица, автобиографии «Моя жизнь»: «...<в детстве. Коммент.> он любит драку. У него 2000 бумажных, деревянных, оловянных солдат, пушек, лошадей, паровозов и кораблей» (Перекресток. С. 5–6). В 1946 г. Н. Тихонов следующим образом характеризовал творчество К.: «Катаев имеет талант веселого и занимательного рассказчика. Но под этой веселостью и занимательностью скрыты очень глубокие вещи» (Литературная газета. 1946. 20 июня. С. 2).
- **516.** ... *птицелов*, *арлекин*. Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978), начинавший как актер Вахтанговской студии. Интересно, что М. Цветаева, согласно

мемуарам своей сестры, сопоставляла с портретом Павла I именно внешность П. Антокольского (а не Н. Тихонова, как это делает К.): «— Ты понимаешь, он ни на кого не похож. Нет, похож — но в другом цвете на Павла Первого. Такие же огромные глаза. Тяжелые веки. И короткий нос» (Цветаева А. И. Воспоминания о Павлике Антокольском // Воспоминания о П. Антокольском. Сборник. М., 1987. С. 35).

- **517.** ...сошлюсь на Пушкина: «Те, которые пожурили меня, что никак не назвал моего Финна, не нашед ни одного имени собственного, конечно почтут это за непростительную дерзость правда, что большей части моих читателей никакой нужды нет до имен и что я не боюсь никакой запутанности в своем рассказе» (письмо Гнедичу от 29 апреля 1822 года; из ранних редакций). См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. С. 507.
- **518.** Я тоже не боюсь никаких запутанностей. Ср. в «Египетской марке» О. Мандельштама: «Я не боюсь бессвязности и разрывов» (Мандельштам. С. 75).
- **519.** *Мы все уже были пьяны, «как пьяный Дельвиг на пиру».* Из 6-й главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
- 520. Деревянный солдатик был наш ленинградский гость, автор романтических баллад, бывший во время первой мировой войны кавалеристом, фантазер и дивный рассказчик, поклонник Киплинга и Гумилева, он мог бы по табели поэтических рангов занять среди нас первое место, если бы не мулат. Мулат царил на нашей дружеской попойке. Деревянный солдатик был уважаемый гость, застрявший в Москве по дороге в Ленинград с Кавказа, где он лазил по горам и переводил грузинских поэтов. — Ср. в «Моей жизни» Н. Тихонова: «...любимыми авторами — спутниками уже <в детстве. — Коммент. > намечены четыре, с которыми он не расстается и потом; под их влиянием он пишет многие стихи предвоенного периода; эти авторы — Пушкин, Гейне, Киплинг и Ш. де-Костер <...> Человек, видавший лошадь близко только проходя мимо извозчика, попадает в полк <...> Кавалерийский Очень кратковременное личное Н. С. Гумилевым заставляет его сильно сосредоточиться и задуматься над своей работой» (Перекресток. С. 7, 9). Об устных рассказах Тихонова см. у В. А. Каверина: «...те, кто впервые посетил этот гостеприимный дом, слушали новые импровизированные романы. Он рассказывал их не очень умело, прямолинейно, грубовато, но зато с истинным воодушевлением, хотя слушать Николая Семеновича было подчас утомительно» (Каверин. С. 267). Сопоставление дарований Тихонова и Б. Пастернака — общее место литературной критики 1920-х гг. См., прежде всего, работу: Тынянов Ю. Н. Промежуток (1924) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, а также записные книжки самого Тихонова: Перекресток. С. 321–331. О тихоновских переводах из грузинских поэтов см., например: Балуашвили В. Тихонов и Грузия // Творчество Николая Тихонова. Л., 1973. После своего первого путешествия в Грузию, в 1924 г., Тихонов начал бывать там ежегодно.

- **521.** ...мулат был хотя и свой брат, московский, но стоял настолько выше как признанный гений, что мог считаться не только председателем нашей попойки, но самим богом поэзии, сошедшим в Мыльников переулок в обличии мулата с конскими глазами и наигранно простодушными повадками Моцарта, якобы сам того не знающим, что он бог. Ср. эту не очень доброжелательную отсылку К. к пушкинскому «Моцарту и Сальери» со следующим фрагментом «Охранной грамоты» самого Б. Пастернака: «Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихиею» (Пастернак. С. 455).
 - **522.** Его стихи из книги «Сестра моя жизнь» и из «Темы и вариации». 1922 и 1923 гг.
- **523.** ...которые он щедро читал, мыча в нос и перемежая густыми, низкоголосыми междометиями полуглухонемого, как бы поминутно теряющего дар речи. О манере Пастернака читать свои стихи см., например, у Н. Н. Вильмонта: «Читал он тогда не так, как позднее, начиная со "Второго рождения" <...>, не просто и неторопливо-раздумчиво, а стремительно-страстно, поражая слух яростно гудящим словесным потоком. Я не сразу потом привык к его новому, приглушенному, способу "подавать свои стихи". Но тогда даже pianissimo было напоено патетической полнозвучностью. Начал он с "Разрыва", и, словно грозно взревевший водопад, обрушились на нас и на меня его стихи... Там, где на краткий срок спадал его голос, "шуму вод подобный", стихи начинали звучать тегда voce по-особому нежной, благородной мужской страстностью» (Вильмонт Н. Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 38–39).
- **524.** ... по сравнению с ним все наши, даже громогласные до истерики пассажи арлекина и многозначительные строфы птицелова, казались детским лепетом. Ср. с автохарактеристикой собственной поэзии Э. Багрицким: «... мои стихи сложны, и меня даже упрекают в некоторой непонятности. Это происходит оттого, что я часто увлекаюсь сложными образами и сравнениями» (Багрицкий Э. Г. Из статьи «Как я пишу» // Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 233). О влиянии поэзии Б. Пастернака на поэзию Багрицкого сказано довольно много. О влиянии поэзии Багрицкого на поэзию Пастернака ничего. Однако повод для такого разговора есть. Ср., например, в пастернаковском «Гамлете» (1946): «Прислонясь к дверному косяку» и в стнии Багрицкого «Тиль Уленшпигель» (1926): «И, прислонясь к дверному косяку, // Веселый странник...» и проч.
- **525.** Если у художников бывают какие-то особые цветовые периоды, как, например, у Пикассо розовый или голубой, то в то время у мулата был «период Спекторского». Длившийся с 1925 по 1930 гг., пока писалась одноименная стихотворная повесть. Разрозненные фрагменты этой повести цитируются в «АМВ» далее.
- **526.** Изображая косноязычным мычанием, подобно своему юродствующему инвалиду, гундося подражающему пиле. Ср. в ст-нии Б. Пастернака «Балашов» из «Сестры моей жизни»: «Юродствующий инвалид // Пиле, гундося, подражал».

- **527.** Важны были совсем не повесть, не все эти неряшливые, маловразумительные перечисления, а отдельные строки. Ср. у Л. Я. Гинзбург: «Н. говорит, что Пастернак поэт не стихов, даже не строф, но строчек. Что у него есть отдельные удивительные строки, которые контекст может только испортить» (Гинзбург. С. 354).
- **528**. Дальше развивался туманный «спекторский» сюжет, сумбурное повествование. Ср. со сходным упреком-требованием, выдвинутым участником «дружеской пирушки», Н. Тихоновым: «"Спекторский", идя к синтезу, должен отказаться от лирических отступлений, он изолирует сюжет» (Перекресток. С. 331).
- **529.** Триумф мулата был полный. Я тоже, как и все, был восхищен, хотя меня и тревожило ощущение, что некоторые из этих гениальных строф вторичны. Где-то давным-давно я уже все это читал. Но где? Не может этого быть! И вдруг из глубины памяти всплыли строки <...> Что это: мулат? Нет, это Полонский, из поэмы «Братья» <...> Впрочем, тогда в Мыльниковом переулке об этом как-то не думалось. Все казалось первозданным. Невероятно было представить, что в «Спекторском» мулат безусловно вторичен! — Поэма «Братья» писалась Я. Полонским в 1866–1870 гг. В комментируемом фрагменте у К. идет речь о явлении, которое получило в филологической науке наименование «семантический ореол метра» (подробнее например: Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999). Вряд ли нужно специально оговаривать, что «механизм культурной памяти» и «вторичность» — понятия отнюдь не синонимические. Впрочем, во вторичности «Спекторского» упрекнул И Н. Тихонов: **(O)** Пастернаке <Тихонов. — Коммент. > говорит сложно, и заинтересованно, и враждебно: говорит как глубоко и лично задетый человек. Он признается, что продирался через Пастернака <...> Тихонов добавляет: "В самом деле, за что боролись... "Спекторский" похож на поэмы Фета. Не на стихи, а именно на поэмы"» (Гинзбург. С. 355). Подробнее о «Спекторском» см., прежде всего: Φ лейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 145— 184.
- **530.** *Арлекин* маленький, вдохновенный, весь набитый романтическими стихотворными реминисценциями, — орал на всю улицу свои стихи, как бы наряженные в наиболее яркие исторические платья из театральной костюмерной: в камзолы, пудреные парики, ложно-классические тоги, рыцарские доспехи, шутовские кафтаны... — Ср. в мемуарах А. И. Цветаевой: «Как забыть невысокую легкую фигуру Павлика — на эстраде, в позе почти полета, читающего стихи! Как забыть его пламенные интонации, его манеру чтения стихов <...> цветут над залом имена Робеспьера, Марата с их зловещей и грозной судьбой — и так уже переехал Павлик в тот век, что уж будто не в России мы, а во Франции» (Цветаева А. И. Воспоминания о Павлике Антокольском // Воспоминания о П. Антокольском. Сборник. М., 1987. С. 36). Куда злее и ближе к К. о манере Антокольского держаться на людях писал К. И. Чуковский: «Антокольский с мнимой энергией прокричал свой безнадежно пустопорожний доклад, так и начал с крика, словно

возражая кому-то, предлагая публике протухшую, казенную концепцию» (Чуковский. С. 233).

- **531.** Мулат простился с нами и вошел в подъезд, а потом по лестнице в свою, разгороженную фанерой квартиру «...Как образ входит в образ и как предмет сечет предмет...» Из ст-ния Б. Пастернака «Волны» (1931).
- **532.** А отражение солнца било как прожектор из купола храма Христа Спасителя в немытые, запущенные окна его квартиры, где его ждали жена и маленький сын. Б. Пастернак, вместе с первой женой, Евгенией Владимировной Пастернак (урожд. Лурье, 1899–1965) и сыном Женей (р. в 1923 г.) проживал тогда по адресу: Волхонка, 14 кв. 9, на втором этаже не существующего ныне особняка на месте Музея частных коллекций. Здесь Борис Леонидович со своими родителями, сестрами и братом жил с 1911 г. В самом начале 1920-х гг. квартиру уплотнили, а после отъезда родителей в 1921 г. за границу еще больше. Ко времени женитьбы Бориса Леонидовича на Евгении Владимировне в распоряжении молодой семьи была только одна комната бывшая мастерская отца.
- **533.** Пожалуй, я еще могу рассказать, как однажды я вез к себе в Мыльников переулок два кожаных кресла, купленных мною на аукционе, помещавшемся в бывшей церкви в Пименовском переулке. Имеется в виду церковь Св. Пимена в Старых Воротниках (Старопименовский переулок). Храм был выстроен в 1682 г., в XIX в. перестраивался. Церковь закрыли в 1923 г., и в ней был устроен комиссионный магазин. Проводились распродажи. В 1932 г. «Старый Пимен» снесли.
- **534.** ...два молодых человека < К. и Багрицкий>, заложив ногу на ногу и покуривая папиросы, едут, сидя в кожаных креслах, посреди многолюдной столицы, едут мимо Цветного бульвара, мимо памятника Достоевскому, мимо Трубного рынка. В XIX начале XX вв. Трубный рынок («Труба») славился продажей певчих птиц и других домашних животных тут сложился «птичий рынок». Он был упразднен в 1924 г. и на какое-то время переместился на Миусы.
- **535.** Именно во время этой поездки в креслах я впервые услышал «Думу про Опанаса». Поэму Э. Багрицкого 1926 г.
 - **536.** ...и «Стихи о соловье и поэте». Э. Багрицкого (1925 г.).
- **537.** Забыл сказать, что у птицелова всю жизнь была страсть сначала к птицам, а потом к рыбкам. Любовь Э. Багрицкого к рыбам и птицам наиболее часто встречающаяся подробность из мемуаров о поэте. Специально об этом см.: *Тарловский М.* Багрицкий и животный мир // Багрицкий 1973. См. также эпиграмму

- А. Архангельского на Багрицкого: «Романтики оплот, // Биологизма бард, // Почетный рыбовод // И птичник Эдуард».
- **538.** Вот что он мне тогда прочел: «Весеннее солнце дробится в глазах < ... > Греми же в зеленых кусках коленкора, как я громыхаю в газетных листах!» С перестановками строк и неточностями цитируются «Стихи о соловье и поэте» Э. Багрицкого.
- **539.** ...В Мыльниковом же переулке ключик впервые читал свою новую книгу «Зависть». Ожидался главный редактор) одного из лучших толстых журналов. Федор Федорович Раскольников (наст. фамилия Ильин, 1892—1939, репрессирован), с 1924 г. ставший одним из редакторов журнала «Красная новь», хороший знакомый К. и Ю. Олеши.
- **540.** Ты напрасно решил ехать вместе со мной, говорил ключик с раздражением. Двадцать третий номер никогда не придет. Я это тебе предсказываю. Трамваи меня ненавидят. Аллюзия на знаменитый фрагмент «Зависти» Ю. Олеши: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня» и т. д. См. в той же «Зависти»: «— Я ничего не понимаю в механике, молвил Кавалеров, я боюсь машин» (Олеша 1956. С. 26, 101).
- 541. Преодолев страх, он раскрыл свою рукопись и произнес первую фразу своей повести: «Он поет по утрам в клозете». — Процитируем здесь фрагмент заметки Вл. Соболева «Изгнание метафоры» (1933), где пересказывается монолог К. о Ю. Олеше: К. «говорил <...> о нарочитости начальных строк олешинской "Зависти", <...> о нарочитости олешиного стиля вообще» (Литературная газета. 1933. 17 мая. С. 4). Далее Соболев дословно приводит обширный монолог К.: «Весь в декадентстве — Олеша <...> Проза Мандельштама — проза декадента. Я хочу сказать об Олеше, потому что часто думаю об этом талантливом, но — пусть будет резко! — малокультурном писателе <ср. с рассуждениями самого Олеши: "Наше поколение (тридцатилетних интеллигентов) необразованное поколение. Гораздо умней, культурней, значительней нас были Белый, Мережковский, Вячеслав Иванов" (Олеша 2001. С. 33). — Коммент. >. Смотрите: Олеша нигде не переведен. Разве только случайно кто полюбопытствовал. Это писатель, который не выйдет за пределы одного языка. Олешу не переведут, ибо в Париже — к примеру, в Париже — он выглядел бы провинциалом. Там дети говорят метафорами Олеши, и часто говорят лучше Олеши. Там рядовые журналисты приносят в газету десятифранковые заметки с метафорами Олеши» (Там же). Олешу эта заметка задела за живое. Уже в следующем номере «Литературной газеты» Вл. Соболев напечатал свою беседу с автором «Зависти» под названием «Гуляя по саду», где едва ли не каждая реплика Олеши адресовалась К.: «...,посвящается Катаеву" Олеша произносит всякий раз, когда метафорическая напряженность речи готова оборваться под собственной тяжестью» (Литературная газета. 1933. 29 мая. С. 4). А еще через некоторое время «Литературная газета» (одним из редакторов которой, напомним, в это время был Э. Багрицкий) опубликовала заметку В. Б. Шкловского «Простота — закономерность» в защиту Олеши: «Катаев отказывается от метафор Олеши, сам уходя от метафор» (Литературная газета. 1933. 5 июня. С. 2).

- **542.** Почуяв успех, ключик читал с подъемом, уверенно, в наиболее удачных местах пуская в ход свой патетический польский акцент с некоторой победоносной шепелявостью. Ср. у С. А. Герасимова: «Он говорил с неуловимым литовским акцентом, необыкновенно изящным и трогательным» (Герасимов С. А. // Об Олеше. С. 101). О том же чтении «Зависти», что и К., вспоминал Л. В. Никулин: «Олеша положил перед собой рукопись, сказал:
 - "Зависть". Так это называется. И начал читать.

Часто говорят: писатель читал свои произведения превосходно, — даже в тех случаях, когда он заика и не выговаривает двадцать букв алфавита. Но Олеша действительно читал превосходно. Когда Олеша произнес первую фразу повести: "Он поет по утрам в клозете", мне показалось, что редактор "Красной нови" слегка вздрогнул. Но Олеша читал дальше, на одном дыхании, без актерского нажима, прекрасно оттеняя диалог» (*Никулин Л.* // Об Олеше. С. 67).

- **543.** Редактор был неумолим и при свете утренней зари, так прозрачно и нежно разгоравшейся на расчистившемся небе, умчался на своей машине, прижимая к груди драгоценную рукопись. Ср. в мемуарах А. И. Эрлиха: «... на квартире у Катаева однажды вечером собралось несколько писателей и критиков, в том числе и тогдашний редактор журнала "Красная новь". Олеша прочитал им свою новую повесть "Зависть". Гости, немногословно похвалив повесть, разошлись. Редактор журнала не сказал, что он почтет за честь напечатать у себя это новое произведение» (Эрлих. С. 78). Ср., однако, у Л. В. Никулина: судьба повести «была решена мгновенно» (Никулин Л. // Об Олеше. С. 67). «Зависть» появилась в 7–8 номерах «Красной нови» за 1927 г. Вот как эту повесть оценивал сам ее автор: «У меня есть убеждение, что я написал книгу "Зависть", которая будет жить века. У меня сохранился ее черновик, написанный мною от руки. От этих листов исходит эманация изящества. Вот как я говорю о себе!» (Олеша 2001. С. 312).
- 544. В повести все вытесненные желания ключика превратились в галерею странно правдоподобных персонажей, хотя и как бы сказочных, но вполне современных, социальных, реальных и вместе с тем нереальных, как бывает только во сне. По устному наблюдению В. Беспрозванного, К. здесь лукаво отсылает внимательного читателя к работам З. Фрейда, о котором выше в «АМВ» говорилось скорее иронически. Ср. также в мемуарах Л. В. Никулина указание на возможность соотнесения фабулы «Зависти» с жизненной драмой самого Ю. Олеши (изображенной и в «АМВ»): «В "Зависти" было что-то болезненно пережитое. Позднее называли подлинные имена персонажей и ситуации, схожие с теми, что были в жизни» (Никулин Л. // Об Олеше. С. 67). Ср. также с прозрачным (для посвященных) намеком самого Олеши на то, что главным прототипом для Андрея Бабичева послужил Владимир Нарбут: «Если бы он был не "колбасником", а, скажем, заведующим издательством, это было бы пресно» (Юрий Олеша. Беседа с читателями // Литературный критик. 1935. № 12. С. 159). О поэтике «Зависти» см., прежде всего: Чудакова. С. 13–73.

- **545.** ...над нашим папой в соломенной шляпе и люстриновом пиджаке. То есть в пиджаке из люстрина жесткой безворсовой ткани.
- **546.** Он стучал щеткой о щетку, и этот стук напоминал пощелкиванье кастаньет и какой-то ранний рассказ мулата о Венеции первые пробы в прозе. Подразумевается следующий фрагмент пастернаковской «Охранной грамоты», написанной в 1930 г. и никак не могущей считаться «первой пробой» Б. Пастернака в прозе: «За занавеской, протянутой во всю ширину чердака, слышался стук и шелест сапожной щетки. Он слышался уже давно. Это, верно, чистили обувь на всю гостиницу» (Цит. по: Пастернак. С. 247).

547. ...мы встречались с синеглазкой возле катка <...>

Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном вагоновожатой, — отрезал атеисту голову поскользнувшемуся на рельсах, политых постным маслом из бутылки, разбитой раззявой Аннушкой по воле синеглазого, который тогда уже читал мне страницы из будущего романа. — Каток на Патриарших прудах был впервые залит в конце XIX в. по инициативе Русского гимнастического общества. Вопрос о том, ходил ли у Патриарших прудов трамвай, остается нерешенным. С одной стороны, сведения о маршруте предполагаемого трамвая в соответствующих московских справочниках и архивах не обнаружены. С другой стороны, действительно имелся проект пустить трамвай по Малой Бронной и Спиридоновке. Кроме того, есть свидетельства (в том числе и старожилов этих мест), что трамвай у Патриарших ходил. Высказывалось предположение, что здесь некоторое время существовала линия грузового трамвая. По устному утверждению булгаковеда Б. Мягкова, исследования с помощью метода биолокации подтвердили, что у Патриарших прудов некогда были проложены трамвайные пути.

- **548.** Ключик никак не мог поверить, что я собственными глазами видел Нотр-Дам. Тут уж он мне не скрываясь завидовал. «Я никогда не был в Европе. Побывать там, совершить путешествие в Германию, Францию, Италию моя мечта. Вижу во сне иногда заграницу» (Олеша 2001. С. 25).
- **549.** Кроме того, у него была какая-то тайная теория узнавать характер человека по ушам. В мемуарах Б. Ямпольского приводится реплика Ю. Олеши об ушах А. А. Фадеева: «...костяные уши Каренина» (Ямпольский Б. Да здравствует мир без меня // Дружба народов. 1989. № 2. С. 147).
- **550.** *Бунин говорил, что у меня уши волчьи.* Ср. в ТЗ об И. Бунине: «Однажды и я попал в поле его дьявольского зрения. Он вдруг посмотрел на меня, нарисовал указательным пальцем в воздухе на уровне моей головы какие-то замысловатые знаки, затем сказал:
- Вера, обрати внимание: у него совершенно волчьи уши. И вообще, милсдарь, обратился он ко мне строго, в вас есть нечто весьма волчье.
 - ... А у самого Бунина тоже были волчьи уши, что я заметил еще раньше!» (ТЗ. С. 262).

551. Во время первого шахматного турнира в Москве, в разгар шахматного безумия, когда у всех на устах были имена Капабланки, Ласкера, Боголюбова, Рети и прочих, а гостиницу «Метрополь», где происходили матчи на мировое первенство, осаждали обезумевшие любители. — Перечисляемые К. шахматисты: Х. Р. Капабланка (1888–1942), Э. Ласкер (1868–1941), Е. Д. Боголюбов (1889–1962), Р. Рети (1889–1929) упоминаются в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». 1-й Московский международный шахматный турнир проходил с 10.11.1925 по 8.12.1925 г. в Фонтанном зале 2-го Дома Советов (гостиница «Метрополь»). 1-е место занял Е. Боголюбов, чемпион СССР 1924—25 гг. На 2-е место вышел экс-чемпион мира Э. Ласкер, 3-м стал чемпион мира X. Р. Капабланка. Капабланка был удостоен и приза за наиболее красивую игру (в партии против Н. Зубарева).

552. ...Ключик сказал мне:

- Я думаю, что шахматы игра несовершенная. В ней не хватает еще одной фигуры.
- *Какой?*
- Дракона.
- Где же он должен стоять? На какой клетке?
- Он должен находиться **вне** <выделено K. Коммент.> шахматной доски. Понимаешь: вне!
 - И как же он должен ходить?
- Он должен ходить без правил. Он может съесть любую фигуру. Игрок, в любой момент может ввести его в дело и сразу же закончить партию матом.
 - *Позволь... пролепетал я.*
- Ты хочешь сказать, что это чушь. Согласен. Чушь. Но чушь гениальная. Кто успеет первый ввести в бой дракона и съесть короля противника, тот и выиграл. И не надо тратить столько времени и энергии на утомительную партию. Дракон это революция в шахматах!
 - *Бред!*
 - Как угодно. Мое дело предложить.

В этом был весь ключик. — Ср. в мемуарах И. Овчинникова: «По поводу шахматной игры Олеша немедленно же создал свою не лишенную оригинальности теорию.

— Шахматы себя изжили, — говорил он совершенно серьезно. — Сейчас опытный шахматист может любую партию свести вничью. Шахматы себя изжили. Игру надо модернизировать...

И так же серьезно предлагает проект этой модернизации:

— В шахматы надо ввести новую фигуру. Название я ей уже придумал — дракон. Этот предлагаемый мною дракон ходит куда хочет и бьет любую фигуру, какую хочет. Тогда игра обновится на несколько столетий, пока шахматные умники не разработают теоретические рогатки и против дракона...» (Овчинников И. // Об Олеше. С. 52). Ср. также в записях самого Ю. Олеши: «Я не понимаю игры в шахматы <...> Единственное, что есть интересное в них, это кривой ход коня и свист проносящегося по диагонали ферзя» (Олеша 2001. С. 124).

- **553.** *Бульвар Орлеан, по которому некогда проезжал на велосипеде Ленин.* Не только проезжал, но и однажды, в 1910 г., был сбит автомобилем. Потерпевший отделался легким испугом и поломкой велосипеда.
- **554.** Но я готов примириться с этой башней, как пришлось в конце прошлого века примириться с Эйфелевой башней, от которой бежал сумасшедший Мопассан на Лазурный берег и метался вдоль его мысов на своей яхте «Бель ами». К. приводит широко известные факты из биографии Ги де Мопассана (1850–1893), обожавшего свою яхту «Милый друг» и ненавидевшего Эйфелеву башню, «с ее отвратительными ресторанами, с ее тошнотворной толпой» (См.: Ги де Мопассан. Полн. собр. соч.: в 12-ти тт. Т. 12. М., 1958. С. 253). Последние полтора года своей жизни Мопассан провел в парижской психиатрической лечебнице.
- 555. Рука сильной и доброй власти стала приводить город в порядок. Она даже переставила Триумфальную арку от Белорусского вокзала к Поклонной горе, где, собственно, ей быть и полагалось, невдалеке от конного памятника Кутузову, заманившему нетерпеливого героя в ловушку горящей Москвы. В 1814 г. на площади Тверской заставы для торжественной встречи частей русской армии, победительницы Наполеона, была возведена деревянная арка. Именно под ней проходили войска, вернувшиеся в Москву из Западной Европы. В 1827—1834 гг. на этом же месте построили каменную Триумфальную арку, спроектированную О. Бове. Скульптуры для нее выполнили И. Витали и И. Тимофеев. В 1936 г. «мешавшая движению» арка была разобрана, а в 1966 г. воссоздана по обмерам и с включением сохранившихся деталей на Кутузовском проспекте «дороге воинской славы». Памятник М. И. Кутузову работы Н. Томского был открыт в 1973 г.
- **556.** ...он в ответ на мою дружескую улыбку поморщился и отвернулся, причем лицо его приняло несколько высокомерное выражение знаменитости, утомленной тем, что ее узнают на улице. Ср. о М. Зощенко у К. И. Чуковского: «Стоило ему появиться на каком-нибудь людном сборище, и толпа начинала глазеть на него, как глазела когда-то на Леонида Андреева, на Шаляпина, на Вяльцеву, на Аркадия Аверченко» (Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. М., 2001. С. 412). Чуковский также вспоминает, как однажды на Сестрорецком курорте он сидел с Зощенко на скамейке, когда к ним вдруг подошла молодая женщина, которая стала восхищаться талантом писателя: «Зощенко не дослушал ее и сказал ей "по методу Гоголя и Репина":
- Вы не первая совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зощенко. Но я не Зощенко, я Бондаревич.
 - И, повернувшись ко мне, продолжал начатый разговор» (Там же).
- **557.** ...имя автора не только прославилось на всю страну, но даже сделалось как бы нарицательным. Ср. в воспоминаниях М. Л. Слонимского: «"Зощенковский персонаж" в течение каких-нибудь четырех-пяти лет стал столь знаменит, что людей стыдили:
 - Ты прямо из Зощенко! Вот ровно такой же!» (Слонимский Мих. // О Зощенко. С. 93).

558. Так как я печатался в тех же юмористических журналах, где и он, то я посчитал себя вправе без лишних церемоний обратиться к нему не только как к товарищу по оружию, но также и как к своему коллеге по перу. — К. сотрудничал со многими юмористическими журналами и газетами, в частности, с журналами «Крокодил», «Смехач», «Чудак» (см.: Сидельникова Т. Валентин Катаев. Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 56). Свои фельетоны он подписывал псевдонимами «Старик Саббакин», «Оливер Твист», «Валяй Катаев» и др. Зощенко также работал во многих сатирических журналах, а из перечисленных наиболее часто помещал свои рассказы в «Смехаче», подписываясь «Назар Синебрюхов», «М.З.» и «Гаврила» (см.: Томашевский Ю. В. Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко // Лицо и маска. С. 346–347).

вы автор «Растратчиков»? — Да. A вы **559.** — Ах так! Значит, «Аристократки»? — Знаменитый рассказ М. Зощенко «Аристократка» был написан в 1923 г. Повесть К. «Растратчики» впервые была опубликована в № 10–12 журнала «Красная новь» за 1926 г. В 1928 г. была написана и поставлена пьеса с одноименным названием. Ср. запись в дневнике Вс. Иванова, относящуюся к концу 1920-х гг.: «Катаев задумчиво ходит по комнате, рассказал, что получил из Англии за перевод "Растратчиков" десять фунтов, и затем добавил: "А как вы думаете, получу я "Нобелевскую премию"?"» (Иванов. С. 23). Описываемая сцена знакомства с М. Зощенко вымышлена К. Автор «Аристократки» ездил отдыхать в Ялту почти каждый год, но его первая ялтинская встреча с К. могла состояться не ранее лета 1927 г. (после публикации повести «Растратчики») и не позднее 1929 г., так как в 1929 г. Зощенко и К. уже были хорошо знакомы. В письме А. Крученых к Зощенко от 7.1.1929 г. карандашом внизу страницы приписано: «Горячий привет от В. Катаева <,> Ю. Олеши и всех всех!» (Михаил Зощенко и Юрий Олеша. Весна 1930 года (Предисл. и публ. Т. М. Вахитовой) // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб., 2002. С. 197). В альбоме, собранном А. Е. Крученых и посвященном К., под групповой фотографией рукой К. написано: «В Никитинском Ботаническом саду под Ялтой летом 1926 года. Крайний слева — я, четвертый — Зощенко». Еще ниже Зощенко сделал приписку: «Действительно, как будто я. М. Зощенко» (РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. xp. 1. Л. 29). Таким образом, летом 1926 г. Зощенко — задолго до публикации «Растратчиков» (ноябрь-декабрь 1926 г.) — уже был знаком с К. Видимо, автор «Аристократки» впервые встретился с К. не позднее начала 1926 г. и произошло это в Москве, а не в Ялте, о чем косвенно свидетельствуют мемуары В. Е. Ардова. В его воспоминаниях изображен вечер «Кружка друзей литературы и искусства», участники которого собирались в подвале дома № 7 по Воротниковскому переулку: «"Кружок" обладал хорошим рестораном, биллиардной, небольшим залом для мероприятий культурного плана <...> Однажды явившись в "Кружок", я обнаружил за одним из столов ресторана компанию литераторов <...> Там были Л. В. Никулин, В. П. Катаев и кто-то еще. С ними вместе ужинал неизвестный мне человек лет тридцати, небольшого роста брюнет с внимательным и спокойным взглядом больших черных глаз. Нас познакомили. <... > гость назвал свою фамилию:

— Зощенко.

И произошло это в начале 1926 года» ($Apdoe\ B$. // О Зощенко. С.301).

560. Дальнейшее не нуждается в уточнении. — Как и Ю. Олеша, К. был близким другом Михаила Михайловича Зощенко (1894–1958), который при встречах именовал его Валечкой. Зощенко и К. познакомились примерно в середине 1920-х гг. и дружили до конца жизни автора «Перед восходом солнца», несмотря на то, что в 1946 г. К. предал своего друга, выступая на собрании московских писателей, посвященном Постановлению ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"»: «Отвратительное содержание и жалкая форма. Он деградировал как литератор» (Литературная газета. 1946. 7 сентября. С. 3). См. также неопубликованный фрагмент выступления К., цитируемый нами по «Стенограмме общемосковского собрания писателей по вопросу Постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"»: «Зощенко был моим большим другом в течение многих лет <...> но у нас было разное отношение к литературе <...> Когда Зощенко в последнее время начал подготовлять книгу "Перед восходом солнца", он мне показывал куски книги, и я сказал: или ты сумасшедший, нельзя эту книгу выпускать. Это неприлично. Там не только аполитичность, как у Ахматовой, а скрытое злопыхательство, какая-то патология <...> Я развел руками. Я до сих пор не уверен, что Зощенко не просто больной человек. Нельзя в твердом уме и доброй памяти так писать. Он стал деградировать как художник» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 782. Л. 123). Напомним, что постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», а также соответствующий доклад А. Жданова были опубликованы в 7-8 (августовском) номере журнала «Звезда». В докладе Жданова Зощенко был назван «подонком», «пошляком», «беспринципным и бессовестным литературным хулиганом» и награжден еще множеством подобных эпитетов (см.: Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Звезда. 1946. № 7-8. С. 8, 9). А. Ахматову Жданов записал в ряды «представителей... безыдейного реакционного литературного болота» и назвал «блудницей и монахиней, у которой блуд смешан с молитвой» (Там же. С. 10, 11). В своей депутатской речи по поводу принятия Верховным Советом государственного бюджета РСФСР на 1947 г. К., не называя имен А. Ахматовой и М. Зощенко, снова подверг Анну Андреевну и Михаила Михайловича резкой критике: «В нашу крепкую литературную среду стали проникать нездоровые, враждебные настроения. Появились произведения упадочнические, аполитичные, полные тошнотворного мещанского пессимизма, сугубо эстетские. А иногда были и просто хулиганские выходки против советских людей» (Правда. 1947. 27 июня. С. 2). По воспоминаниям В. А. Каверина, «через полгода <после Постановления. — Коммент. > (или раньше) пьяный Катаев, вымаливая прощение, стоял перед ним <3ощенко. — *Коммент*. > на коленях <... > Зощенко простил его и даже (судя по манере, с которой это было рассказано мне) отнесся к этому поступку с живым интересом» (Каверин. С. 61–62). Ср. также в дневнике К. И. Чуковского запись от 14.1.1965 г. о вечере памяти Зощенко: «В программе: Вал. Катаев, Шкловский, Чуковский, Каверин, Ильинский. И Катаев, и Шкловский побоялись приехать, да и стыдно им: они оба, во время начальственного гонения на Зощенко, примкнули к улюлюкающим, были участниками травли» (Чуковский. С. 366).

561. ...до этого бывший штабс-капитан намеревался остановиться в знаменитой гостинице «Ореанда», где, кажется, в былое время останавливались все известные русские писатели, наши предшественники и учителя. (Не буду их называть. Это было бы нескромно.) — Ресторан этой гостиницы упоминается в записной книжке Е. Петрова: «Старик официант из ресторана "Ореанда". Помнит Шаляпина, Горького, Чехова, Савину, Вяльцеву. <...> О великих людях он судил с точки зрения чаевых, которые ему оставляли.

"Шаляпин был грубый человек. Мужик. Да и Вяльцева тоже. Из горничных"» (Петров. С. 227).

- 562. Мы оба были в одно и то же время отравлены газами, пущенными немцами летом 1916 года, и оба с той поры покашливали. Он дослужился до штабс-капитана. М. Зощенко участвовал в Первой мировой войне и дослужился до чина штабс-капитана. Ср. с подписью Е. Петрова под своим шаржем, нарисованным Кукрыниксами: «...посвящаю свое изображение певцу русских сумерек штабс-капитану Михаилу Михайловичу Зощенко» (РГАЛИ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 79) и с портретом Зощенко из письма Л. Харитон к Л. Лунцу от 27.09.1923 г.: «Пополнел, похорошел совсем штабс-капитан» (Лев Лунц и «Серапионовы братья». Публ. и коммент. Г. Керна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. Кн. № 82. С. 164). Свое участие в Первой мировой войне и отравление газами под Сморгонью в 1916 г. писатель часто отмечал в автобиографиях (см., например: Зощенко М. М. Уважаемые граждане / Подг. М. 3. Долинский. М., 1991. С. 581, 594). Сюжет об отравлении газами лег в основу одной из новелл «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова» (1922).
- **563.** ... < дослужился > я до подпоручика, хотя и не успел нацепить на погоны вторую звездочку ввиду Октябрьской революции и демобилизации: так и остался прапорщиком. К. излагает реальные факты из биографии М. Зощенко и из своей биографии. Впечатлениями о войне К. делился, например, с писателем Александром Митрофановичем Федоровым (1868–1949). Так, в письме к нему от 20.02.1916 г. К. сообщал: «Сейчас я пишу в канцелярии, потому что в избе, где я живу со взводом, помещается около 60 человек. Духота. Теснота. Тоска... Подумайте 60! При переводе нас с передовых позиций в резерв < м мы попали в переделку, о которой я напишу Вам подробно на днях!» (Курсивом в ломаных скобках выделено зачеркнутое слово. РГАЛИ. Ф. 519. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1. об.). См. также в письме К. к Федорову от 13.05.1916 г.: «С самого моего приезда на фронт попал в такие переплеты, что не дай Боже!» (Там же. Л. 3). О взаимоотношениях К. с Федоровым см.: ТЗ. С. 234–236, Вертер. С. 140–186.
- **564.** В мире блаженного безделья мы сблизились со штабс-капитаном, оказавшимся вовсе не таким замкнутым, каким впоследствии изображали его различные мемуаристы, подчеркивая, что он, великий юморист, сам никогда не улыбался и был сух и мрачноват. Ср., например, в воспоминаниях В. А. Каверина: «За годы многолетней дружбы я никогда не слышал его смеха» (Каверин В. // О Зощенко. С. 121), Г. Н. Мунблита: «...в этой самой практической жизни он был человеком печальным и неразговорчивым» (Мунблит Г. // Там же. С. 231) и И. С. Эвентова: «В жизни он был деликатным, медлительным, осторожным, даже несколько меланхоличным» (Эвентов И. // Там же. С. 361). Но и в воспоминаниях Е. Ю. Хин: «В какой-то час он как будто просыпался, потягивался, сбрасывая с себя чары, и сразу бросался к людям. И тут начинался фейерверк разговоров, расспросов, шуток» (Хин Евгения // Там же. С. 192).

- **565.** Я, по своему обыкновению, хохотал громко как однажды заметил ключик, «ржал». Ср. в записях Олеши о К.: «Ему очень понравились мои стихи, он просил читать еще и еще, одобрительно ржал» (Олеша 2001. С. 199).
- 566. Выяснилось, что наши предки происходили из мелкопоместных полтавских дворян и в отдаленном прошлом, быть может, даже вышли из Запорожской Сечи. — В своих автобиографиях М. Зощенко неоднократно указывал, что отец его происходил «из потомственных дворян» (См., например: Зощенко М. М. Уважаемые граждане / Подг. М. З. Долинский. М., 1991. С.594). 12.12.1885 г. Полтавское Дворянское Депутатское собрание определило: «...просителей Михаила и Николая Ивановичей Зощенков причислить к роду дворян Зощенков, внесть в 3 часть дворянской родословной книги Полтавской губернии» (Запевалов В. Н. Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 9). Местом своего рождения Зощенко называл Полтаву, хотя на самом деле он родился в Петербурге. Ср. в воспоминаниях Носкович-Лекаренко: «Михаил Михайлович говорил мне, что фамилия Зощенко происходит от слова "зодчий". Кто-то из предков, то ли дед, а вернее — прадед, был архитектор-итальянец, работавший в России — на Украине» (Носкович-Лекаренко Н. // Вспоминая Михаила Зощенко. СПб., 1995. С. 302). Зощенко придавал огромное значение своим украинским корням, так как отождествлял собственную судьбу с судьбой Н. Гоголя. Об этом см. запись в дневнике В. В. Зощенко (жены писателя) за 1923 г.: «Как он часто любит делать, проводил параллель между собой и Гоголем, которым очень интересуется и с которым находит много общего. Как Гоголь, так и он совершенно погружен в свое творчество. Муки Гоголя в поисках сюжета и формы ему совершенно понятны. Сюжеты Гоголя — его сюжеты» (Личность М. Зощенко по воспоминаниям его жены (1916–1929) / Публ. Г. В. Филиппова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 69). О Гоголе и Зощенко см. также: Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко // Чудакова. 105; Кадаш Т. Гоголь в творческой рефлексии Зощенко // Лицо и маска. С. 279–291.
- **567.** Такие географические названия, как Миргород, Диканька, Сорочинцы, Ганькивка, звучали для нас ничуть не экзотично или, не дай бог, литературно, а вполне естественно; фамилию Гоголь-Яновский мы произносили с той простотой, с которой произносили бы фамилию близкого соседа... Бачей, Зощенки, Ганьки, Гоголи, Быковы, Сковорода, Яновские... Кроме Н. В. Гоголя в «соседях» у К. (Бачея по матери) и М. Зощенко оказался великий украинский философ Григорий Сковорода (1722–1794).
- **568.** Ключик поехал в Петроград из Москвы по каким-то газетным делам. Вернувшись, он принес вести о петроградских писателях, так называемых «Серапионовых братьях». Группе петроградских писателей, образованной в 1921 г., в которую входили Мих. Слонимский, Вс. Иванов, Конст. Федин, Мих. Зощенко, Ник. Тихонов, В. Каверин, Ел. Полонская, И. Груздев, Лев Лунц и Ник. Никитин. Расцвет группы приходится на 1921—1924 гг., в дальнейшем «Серапионы» собирались редко, но ежегодно праздновали годовщины своего литературного рождения.

- **569.** Ключик побывал на их литературном вечере. «Серапионы» регулярно устраивали литературные вечера, на которых читали свои произведения. Сведениями о посещении одного из таких собраний Ю. Олешей мы не располагаем. Ю. В. Томашевский датой знакомства Олеши и М. Зощенко считает 14.03.1928 г. (См.: Лицо и маска. С. 348). Отметим также, что с одним из «Серапионов» (Михаилом Слонимским) Олешу в самом начале 1924 г. познакомил К., что отчасти противоречит рассказу из «АМВ» об авторе «Зависти» как о «посреднике» между «Серапионовыми братьями» и писателямимосквичами (см.: Слонимский М. Л. Завтра. Проза. Воспоминания. Л., 1987. С. 551).
- **570.** ...бывшего штабс-капитана, автора совсем небольших рассказов, настолько оригинально и мастерски написанных особым мещанским «сказом». Имитирующим устную речь человека, не умеющего, но очень любящего рассказывать о себе и своих приключениях. О зощенковском сказе см., в первую очередь: Чудакова. С. 79–205.
- **571.** Это лишний раз доказывает безупречное чутье ключика, его высокий, требовательный литературный вкус, открывший москвичам новый петроградский талант звезду первой величины. Едва ли именно Ю. Олеша, даже если он побывал на вечере «Серапионовых братьев», открыл москвичам новую звезду литературного Петрограда. Скорее, это заслуга М. Горького, который очень тепло относился к «Серапионам» и пропагандировал их творчество как на Западе, так и в России. Особенно часто Горький хвалил произведения М. Зощенко. Он даже предполагал выпустить альманах «Серапионов» «1921 год», где собирался поместить три рассказа Зощенко, но издание это в итоге не осуществилось (см.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 375–376).
- **572.** ...отвозил на трамвае в редакцию «Крокодила». По адресу: Охотный ряд, д. 7. Когда, в декабре 1943 г., М. Зощенко вывели из редколлегии «Крокодила», К. явился к нему со словами: «Ну, Миша, ты рухнул» (Кондратович А. Новомирский дневник. М., 1991. С. 170). Этот же эпизод описывает в своих воспоминаниях Л. Чалова (Чалова Л. // О Зощенко. С. 351).
- **573.** Приходя в гости в семейный дом, он имел обыкновение делать хозяйке какой-нибудь маленький прелестный подарок чаще всего серебряную с чернью старинную табакерку, купленную в комиссионном магазине. Мы не располагаем сведениями о подобных подарках. Ср., однако, в воспоминаниях Ю. П. Анненкова: «Зощенко <...> никогда не расстававшийся с живописной табакеркой времен Екатерины Великой, сразу же выделялся из этой группы <,,Серапионовых братьев". Коммент. > своим редким и едким остроумием <...> Зощенко пользовался большим успехом среди женщин и был всегда окружен молодыми девушками интеллигентской среды. Смущенно Зощенко говорил, что им, вероятно, больше всего нравится его табакерка» (Анненков Ю. П. Михаил Зощенко // Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 2001. С. 244).

574. Он деликатно и умело ухаживал за женщинами, тщательно скрывал свои победы и никогда не компрометировал свою возлюбленную, многозначительно называя ее полушкински N.N. — Ср., например, у В. А. Каверина, отмечавшего, что М. Зощенко «любил женщин, к которым относился по-офицерски легко <...> Эта легкость не мешала ему, однако, нежно заботиться о них после неизменно мягкого, но непреклонного разрыва. Он <...> оставался другом семьи, если муж не был человеком особенно глупым. Женщины были хорошенькие, иногда красивые, но, за редкими исключениями, средние, без блеска ума или чувства» (Каверин. С. 62).

575. Степень его славы была такова, что однажды, когда он приехал в Харьков, где должен был состояться его литературный вечер, к вагону подкатили красную ковровую дерюжку и поклонники повели его, как коронованную особу, к выходу, поддерживая под руки. — М. Зощенко ездил в Харьков с выступлениями несколько раз: в середине октября 1925 г., а также в апреле 1926 г.; в мае 1933 г. он отправился в турне с чтением своих рассказов по маршруту Харьков — Ростов — Баку — Тифлис — Минеральные воды — Пятигорск — Кисловодск. О какой из поездок идет речь у К. — неясно. Ср. в воспоминаниях о Зощенко И. Слонимской: «Он рассказывал нам о своих поездках на выступления в разные города, о том, как его там торжественно встречали, но все это не хвастаясь, а как друзьям, просто как факты» (Слонимская И. // О Зощенко. С. 143).

576. Случалось, что мы, его московские друзья, внезапно ненадолго разбогатев, совершали на «Красной стреле» набег на бывшую столицу Российской империи. Боже мой, какой переполох поднимали мы со своими московскими замашками времен нэпа! <...>

Мы останавливались в «Европейской» или «Астории», занимая лучшие номера, иной раз даже люкс. Появлялись шампанское, знакомые, полузнакомые и совсем незнакомые красавицы. — Ср. описание одного из таких кутежей в письме М. Зощенко к Ю. Олеше от 7.4.1930 г.: «Засим — прибыл в новом костюме — конь <К. — Коммент. >. В любом кармане у него деньги. Он усталой ручкой выгребает оттуда червонцы и кидает куда попало <...> Приехал в Европейку, остановился в 8а. Сразу потребовал черноморских устриц. Жрет их ежедневно. Дела вокруг немыслимые. Левушка Никулин со своим членом остановился рядом в роскошных апартаментах. Господин Сметанич почувствовал трубные звуки разгула победителей жизни и ринулся на все прелести существования <...> Конь от жирной пищи вовсе очумел. И от прежних девушек воротит морду <...> он увел из чьихто конюшен прелестную девушку. <...> Словом, этот драматург и автор нашумевшей оперы "Универмаг", этот жуткий Катаев такую отхватил девушку, что народ ахнул. Девушка по всем видимостям принадлежит коню. Левушка колбасится не меньше коня. Вообще дым стоит коромыслом. А обо мне ведайте, что жизнь эта мне недорога. Я не вхож в ихние дела» (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 730. л. 1-2). Письма Олеши, адресованные Зощенко и предшествующие этому письму, см.: Михаил Зощенко и Юрий Олеша. Весна 1930 года. (Предисловие и публикация Т. М. Вахитовой) // Михаил Зощенко. Материалы к биографии. Кн. З. Спб., 2002. С. 112–122). Упоминаемый выдающийся переводчик Валентин Осипович Стенич (наст. фамилия Сметанич) (1898-1938, репрессирован) был близким другом всех троих писателей. Еще не зная о гибели Стенича, Зощенко в 1940 г. направил в НКВД письмо с просьбой пересмотреть его дело. К этому посланию сделал приписку К.: «Присоединяюсь к отзыву Михаила Михайловича Зощенко о писателе-переводчике Валентине Осиповиче Стениче (Сметаниче), которого я знаю тоже с 1927 года. Считаю нужным просить о пересмотре дела» (Даугава. 1988. № 3. С. 116). Подробнее о Зощенко и Стениче см.: Вахитова Т. М. «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001. С. 169–202). Ср. также запись в дневнике В. В. Зощенко (лето 1927 г.) о приездах Зощенко в Москву: «В Москве <Зощенко. — Коммент. > успокоился сразу. Там у него много друзей — по крайней мере он верит, что они ему друзья, — Ильинский, Валентин Катаев... Его встречали, провожали, устраивали в честь его вечера, катали на автомобиле» (Личность М. Зощенко по воспоминаниям его жены (1916–1929) / Публ. Г. В. Филиппова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 73).

- **577.** ...а в полночь мы пировали в том знаменитом ресторанном зале, где Блок некогда послал недоступной красавице «черную розу в бокале золотого, как небо, аи... а монисто бренчало, цыганка плясала и визжала заре о любви»... Из ст-ния Ал. Блока «В ресторане» (1910), написанного после встречи поэта с М. Нелидовой в ресторане «Вилла Родэ».
- **578.** ...а потом сумрачным утром бродили еще не вполне отрезвевшие по достоевским закоулкам <...> мимо решеток, напоминавших о том роковом ливне, среди стальных прутьев которого вдруг блеснула молния в руке Свидригайлова, приложившего револьвер к своему щегольскому двубортному жилету, после чего высокий цилиндр свалился с головы и покатился по лужам. Ср. у Ф. М. Достоевского в «Преступлении и наказании»: «Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок <...> Он приставил револьвер к своему правому виску.
- А-зе здеся нельзя, здеся не места! встрепенулся Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т 5. Л., 1989. С. 485).

- **579.** Со страхом на цыпочках входили в дом, на мрачную лестницу, откуда в пролет бросился сумасшедший Гаршин, в черных глазах которого навсегда застыл «остекленелый мор». Источник цитаты не установлен. В. М. Гаршин (1855–1888) покончил с собой, кинувшись в пролет лестницы.
- **580.** ...Поездки в наемных автомобилях по окрестностям, в Детское Село, где среди черных деревьев царскосельского парка сидел на чугунной решетчатой скамейке ампир чугунный лицеист, выставив вперед ногу, курчавый, потусторонний, еще почти мальчик, и в вольно расстегнутом мундире, Пушкин, «...здесь лежала его треуголка и растрепанный том Парни...» Из ст-ния А. Ахматовой «В Царском Селе» (1911). Назначение этой цитаты состояло в том, чтобы исподволь напомнить читателю о ждановском Постановлении 1946 г., «антигероиней» которого Ахматова была наряду с М. Зощенко (более отчетливые намеки на это Постановление вновь возникают через несколько абзацев «АМВ»).

- **581.** А где-то неподалеку от этого священного места некто скупал по дешевке дворцовую мебель красного дерева, хрусталь, фарфор, картины в золотых рамах и устраивал рекламные приемы в особняке, приобретенном за гроши у какой-нибудь бывшей дворцовой кастелянии или швеи, и так далее... Подразумевается Алексей Николаевич Толстой, который, после возвращения из эмиграции в 1923 г., летние месяцы 1924—27 гг. проводил в Детском (бывш. Царском) Селе. В мае 1928 г. Толстой с семейством переехал в Детское Село на постоянное жительство. Сначала он поселился в верхнем этаже дома Цыганова (ул. Московская, 8/13), потом в отдельном большом особняке на ул. Церковной, 6.
- **582.** С Ленинградом связана моя последняя встреча со штабс-капитаном совсем незадолго до его исчезновения. К. имеет в виду доклад А. Жданова «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», после которого М. Зощенко исключили из Союза писателей, и имя его с тех пор если и упоминалось в печати, то лишь в негативном контексте (О докладе см. примеч. № 560).
- **583.** Город, переживший девятисотдневную блокаду, все еще хранил следы немецких артиллерийских снарядов, авиационных бомб, но уже почти полностью залечил свои раны. «Прошло пять лет, и залечила раны, // Жестокой нанесенные войной, // Страна моя» (А. Ахматова, «Прошло пять лет, и залечила раны...», 1950).
- **584.** На этот раз я приехал сюда один и сейчас же позвонил штабс-капитану. Через сорок минут он уже входил в мой номер все такой же стройный, сухощавый, корректный, истинный петербуржец, почти не тронутый временем, если не считать некоторой потертости костюма и обуви свидетельства наступившей бедности. Впрочем, знакомый костюм был хорошо вычищен, выглажен, а старые ботинки натерты щеткою до блеска. Ср. в воспоминаниях С. С. Гитович о М. Зощенко: «Он нам рассказывал, как в Ленинград приехал Валентин Катаев, позвонил ему и бодро закричал в телефонную трубку: "Миша, друг, я приехал, и у меня есть свободные семь тысяч, которые мы с тобой должны пропить. Как хочешь, сейчас я заеду за тобой" <...> Действительно, очень скоро катаевская машина появилась перед домом. В открытой машине, кроме него самого, сидели две веселые раскрашенные красотки в цветастых платьях, с яркими воздушными шариками в руках <...>.
- Миша, друг, возбужденно говорил Катаев, не думай, я не боюсь. Ты меня не компрометируешь.
 - Дурак, сказал Михаил Михайлович, это ты меня компрометируешь.

"Вот в этом-то и сказалась вся темная душа Вальки Катаева", — грустно усмехнувшись, сказал Михаил Михайлович» (Γ итович C. // O Зощенко. С. 284). Ср. также у М. Левитина: «Потом, когда опала была снята, некоторые из вчера отрекшихся от него каялись и просили прощения. Помню, Михаил Михайлович говорил, что из Москвы приезжал В. П. Катаев и убеждал, что он не виноват, что его вынудили, заставили, что самому ему в голову не пришло бы написать такое... Свой рассказ о его приезде добрейший Михаил Михайлович закончил так: "И я его простил. А что с него возьмешь?"» (Π евитин M. // Там же. С. 299).

Вяч. Вс. Иванов в своих мемуарах также описывает этот эпизод, рассказанный ему самим Зощенко: «После постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград" Катаев выступил с одной из самых резких речей против Зощенко. Через некоторое время он пришел к Зощенко с повинной, привезя с собой для ресторанного кутежа сумму, во много раз превосходящую ту, с помощью которой он пытался запить предыдущее предательство» (Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда. 1995. № 1. С. 187). См. также запись в дневнике Вс. Иванова от 19.4.1948: «Катаев и Зощенко в Ленинграде. Катаев позвонил: "Миша. У меня есть 10 тысяч, давай их пропьем". Приехал на одной машине, она ему не понравилась — велел найти "Зис-110". Нашли. За обед заплатил 1200. Уезжая, вошел в купе и поставил три бутылки шампанского. — Объясняя свое поведение в инциденте с Зощенко, Катаев ему сказал: "Миша. Я думал, что ты уже погиб. А я — бывший белый офицер"» (Иванов. С. 389). Представительская машина ЗИС-110 выпускалась на Московском автозаводе имени И. В. Сталина. 11 августа 1945 г. первый автомобиль отправился на испытания, а с июля 1946 г. ЗИС-110 стали выпускать небольшими партиями (см.: Шугуров Л. М. Автомобили России и СССР. Ч. 1. М., 1993. С. 172).

585. Я чувствовал себя молодиом, не предвидя, что в самом ближайшем времени окажусь примерно в таком же положении. — Опубликованный в № 6–8 «Нового мира» за 1949 г. роман К. «За власть Советов» (1949) подвергся серьезной критике в печати. Так, известный проработчик, В. В. Ермилов, указывал в своей рецензии, что «из романа выпало главное: формирование сознания, характера, психологии людей партии большевиков <...> отсутствие этого решающего звена является серьезной идейно-художественной ошибкой автора <...> застилизовав пятидесятилетнего Гаврика под одесского дореволюционного мальчика, автор не заметил, что он исказил облик партийного работника <курсив Ермилова. — *Коммент.*>» (*Ермилов В.* Новый роман Валентина Катаева // Литературная газета. 1949. 8 октября. С. 2). Еще более сильно по К. и его роману ударила разносная статья М. С. Бубеннова, напечатанная с продолжением (!) в 2-х номерах «Правды» (за 16 января и 17 января 1950 г.): «...чтобы это произведение вообще могло жить в литературе, его нужно подвергнуть коренной, решительной, глубокой переделке. Валентин Катаев не должен жалеть для этого ни времени, ни труда» (Бубеннов М. О новом романе В. Катаева «За власть Советов» // Правда. 1950. 17 января. С. 4). Санкцию на публикацию этой рецензии в «Правде» дал лично И. В. Сталин: «— Я прочитал вашу статью, — сказал Сталин, — мне кажется, статья правильная, дельная статья. Впечатляет место, где вы пишете о так называемом Гаврике. Правильно пишете. Гаврик по-русски — это мелкий жулик, мелкий мошенник. Встает вопрос — случайно ли такое имя, Гаврик, товарищ Катаев дал партийному руководителю?» (Рыбаков А. Н. Роман-воспоминание. М., 1997. С. 221). К. печатно признал правоту своих зоилов: «После появления критических статей, справедливо указавших мне на недостатки моего романа "За власть Советов", я в письме в редакцию "Правды" заявил, что считаю для себя делом чести исправить эти недостатки» (Литературная газета. 1950. 31 декабря. С. 1). 2-я редакция романа «За власть Советов» была официально признана удачей К.: «После значительной переработки в новом варианте романа (1951) автор правдиво показал оборону Одессы в Великой Отечественной войне, организацию партизанской борьбы под руководством Коммунистической партии» (Большая советская энциклопедия. Т.20. М., 1953. С. 347). Но даже и критическая кампания против 1-й редакции романа «За власть Советов» не идет ни в какое сравнение с теми мучениями и унижениями, которым подвергли в 1946 г. М. Зощенко и А. Ахматову.

- **586.** Так или иначе, но я еще ж чувствовал над собой тучи, и мы со штабс-капитаном промчались в большом черном автомобиле только что выпущенной новинке отечественного автомобилестроения, на днях появившейся на улицах Ленинграда. К. продолжает здесь скрытые отсылки к блоковским «Шагам командора»: «Пролетает, брызнув в ночь огнями, // Черный, тихий, как сова, мотор».
- **587.** Мы объехали весь город <...> любуясь широко раскинувшейся панорамой с неправдоподобно высоким шпилем Петропавловской крепости, разводными мостами, ростральными колоннами Биржи, черными якорями желтого Адмиралтейства, Медным всадником, «смуглым золотом» постепенно уходящего в землю Исаакиевского собора. Еще одна многозначительная цитата из А. Ахматовой, из ее ст-ния «Долго шел через поля и села...» (1915).
- 588. Мы промчались мимо Таврического дворца, Смольного, Суворовского музея с двумя наружными мозаичными картинами. Одна из них — отъезд Суворова в поход 1799 года была работы отца штабс-капитана, известного в свое время художника-передвижника, и штабс-капитан поведал мне, что когда его отец выкладывал эту мозаичную картину, а штабс-капитан был тогда еще маленьким мальчиком, то отец позволил ему выложить сбоку картины из кубиков смальты маленькую елочку, так что он как бы являлся соавтором этой громадной мозаичной картины, что для меня было новостью. — В автобиографии 1953 г. М. Зощенко писал о Михаиле Ивановиче Зощенко (1857–1907): «Отец — художник-передвижник. (Его картины имеются в Третьяковской галерее и в Суворовском музее)» (Зошенко М. М. Уважаемые граждане / Подг. М. З. Долинский. М., 1991. С. 594). 16.03.1893 г. отец писателя «был определен на службу в Мозаическое Императорской Академии Художеств младшим Отделение при мозаичистом» (см.: Запевалов В. Н. Документальные материалы М. М. Зощенко Пушкинском Доме // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 11). По свидетельству В. В. Зощенко, легенда о том, что Зощенко в детстве, помогая отцу, сам набрал елочку на полотне «Отъезд А. В. Суворова из села Кончаковского в поход 1799 года», была своего рода семейным преданием (Там же. С. 12). Ср. также в воспоминаниях Арк. Минчковского: «Зощенко окинул взглядом хорошо знакомую ему картину "Отъезд Суворова из села Кончанского" и, показав мне на елки в левом углу на переднем плане, сказал:
- А вот эту елочку собирал я. Было мне, кажется, лет семь. Но папа доверил мне ее, и сам в елочке ничего не поправлял. Видите, какая она неладная?» (*Минчковский Арк.* // О Зощенко. С. 407).
- **589.** Я предложил ему по старой памяти заехать на Невский проспект в известную кондитерскую «Норд», ввиду своего космополитического названия переименованную в исконно русское название «Север», и напиться там кофе с весьма знаменитым, еще не переименованным тортом «Норд». Ошибка памяти К.: кондитерская «Норд» была переименована в «Север» в 1951 г., в разгар борьбы с космополитизмом (Сообщено А. А. Кобринским).

590. Мне <...> вспомнился Крым, наша молодость и споры: кто из нас Ай-Петри, а кто Чатыр-Даг. Конечно, в литературе. Пришли к соглашению, что он Ай-Петри, а я Чатыр-Даг. Обе знаменитые горы, но Ай-Петри больше знаменита и чаще упоминается, а Чатыр-Даг реже. — Ай-Петри — вершина Главной гряды Крымских гор. Ее высота — 1233 м. Чатырдаг — платообразный известняковый массив в Главной гряде Крымских гор. Его высота до 1527 м. По-видимому, К. намекает: пусть вершина Ай-Петри (то есть М. Зощенко) более знаменита; Чатырдаг (то есть К.) — выше. О вершине Ай-Петри см. шутливое двустишие К. в стеклографированной брошюре, составленной А. Л. Крученых:

Что Левидов написал бы на вершине Ай-Петри:

Люблю я этих крымских видов

В чем расписуюсь — Мих. Левидов.

(Литературные шушу(т)ки. Литературные секреты. М., 1928. С. 7). Журналист и драматург Михаил Юльевич Левидов (1892–1942) некоторое время заведовал московской редакцией «Накануне».

- **591.** *На долю ключика досталась Роман-Кош!* Наиболее высокая (1545 м.) вершина в Главной гряде Крымских гор.
- **592.** Над бело-желтым Смольным суровый ветер с Финского залива нес тучи, трепал флаг победившей революции, а в бывшем Зимнем дворце, в Эрмитаже, под охраной гранитных атлантов, в темноватом зале испанской живописи, плохо освещенная и совсем незаметная, дожидалась нас Мадонна Моралеса, которую ключик считал лучшей картиной мира. Речь идет о картине Луиса де Моралеса (ок. 1509–1586) «Скорбящая мадонна».
- **593.** ...непомерно высокая бетонная многочленистая Останкинская телевизионная башня первый выходец из таинственного Грядущего. Останкинская телебашня была выстроена в 1960–67 гг. по проекту инженера Н. Никитина. Высота этого сооружения 533 м.
- **594.** ... возле бывшего Брянского вокзала. Откуда на электричке можно доехать до писательского поселка Переделкино, где располагалась дача Б. Пастернака (а также самого К. и многих других литераторов). Этому месту автор «АМВ» посвятил очерк: *Катаев Валентин*. Мое родное Переделкино // Советская культура. 1985. 8 января. С. 6.
- **595.** ...на месте скопления лачуг раскинулся новый прекрасный парк. В 1954 г. старые постройки у Киевского вокзала снесли, на площади был разбит сквер и заложен памятник в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией.

- **596.** ...вижу мулата последнего периода постаревшего, но все еще полного любовной энергии, избегающего лишних встреч и поэтому всегда видимого в отдалении, в конце плотины переделкинского пруда. Он же Переделкинский пруд, он же Измалковский пруд. Самаринским именуют его по названию имения Самарина, в котором расположился писательский Дом творчества. В деревне «на той стороне Самаринского пруда» снимала жилье Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1995).
- 597. В тот день он был гостеприимен, оживлен, полон скрытого огня, как мастер, довольный своим новым творением. С явным удовольствием читал он свою прозу, даже не слишком мыча и не издавая странных междометий глухонемого демона. Речь идет об одном из первых авторских чтений романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1945—1955). «Работа над романом подходила к концу. Боря собирал людей и читал им первую часть. На первом чтении присутствовали Федин, Катаев, Асмусы, Генрих Густавович, Вильмонт, Ивановы, Нина Александровна Табидзе и Чиковани. Все сошлись на том, что роман написан классическим языком. У некоторых это вызвало разочарование. Поражались правдивостью описания природы, времени и эпохи» (Пастернака З. Н. Воспоминания. М., 1993. С. 357). 27.10.1958 г. К. выступил против Пастернака и его романа на том совместном заседании президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и президиума правления Московского отделения Союза писателей, где было принято решение исключить Бориса Леонидовича из Союза писателей СССР (в скобках, но все же отметим, что К. был одним из тех 4-х литераторов, кто проголосовал против исключения из Союза советских писателей Александра Галича в 1971 г.).
- **598.** ...написанные альфреско на стене подмосковного пейзажа с сельским кладбищем и золотыми луковками патриаршей церкви времен Ивана Грозного. Переделкинской церкви Преображения (XV в.), родового храма Колычевых.
- 599. А вот он на крыше нашего высокого дома в Лаврушинском переулке, против Третьяковской галереи <...> среди бегающих красных звездочек зенитных снарядов, в грохоте фугасок и ноющем однообразии фашистских бомбардировщиков, ползущих гдето вверху над головой. — С 1937 г. адрес Б. Пастернака в Москве был: Лаврушинский переулок, д. 17, кв. 72. О своих ночных дежурствах поэт рассказывал 3. А. Маслениковой: «Некоторое время я жил в Лаврушинском. Во время налетов я подымался на крышу дежурить. Эти ночные дежурства вызывали у меня состояние, близкое к опьянению. Я подымался вверх по лестнице в полной темноте, а вниз спускались в убежище люди, и я, встречаясь с ними, вдруг проводил рукой по чьему-нибудь лицу — так мне весело было! и вообще позволял себе разные озорные выходки. Семьи писателей уехали в Чистополь, я остался один, проходил на ополченском пункте военную подготовку» (Масленикова 3. А. Борис Пастернак: Встречи. М., 2001. С. 76).
- **600.** Мы с ним были дежурными противовоздушной обороны. Потом он описал эту ночь в своей книге «На ранних поездах». Вышедшей в 1943 году.

- **601.** «Запомнится его обстрел <...> Исчезнут очевидцы...» Из ст-ния Б. Пастернака «Страшная сказка» (1941).
- **602.** ...я помню, что среди ужасов этой ночи в мулате вдруг вспыхнула искра юмора. И он сказал мне, имея в виду свою квартиру в самом верхнем этаже дома, а также свою жену по имени Зинаида и зенитное орудие, установленное над самым его потолком: «Наверху зенитка, а под ней Зинаидка». Б. Пастернак был действительно склонен к шуткам подобного рода. Так, в свое письмо к сыну Жене от 23.7.1926 г. он вставил известное детское двустишие: «Дядя Федя // Съел медведя» (см.: Существованья ткань сквозная: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак. М., 1998. С.157).
- 603. Я думаю, основная его черта была чувственность: от первых стихов до последних. Из ранних, мулата-студента: «...что даже антресоль при виде плеч твоих трясло...» Приводятся строки из ст-ния Б. Пастернака «Попытка душу разлучить...» (1917). Московский университет Борис Леонидович окончил весной 1913 г.
- **604.** «Ты вырывалась, и чуб касался чудной челки и губ-фиалок...» Из ст-ния Б. Пастернака «Из суеверья» (1917).
- **605.** Из последних: «...под ракитой, обвитой плющом <...> Ну так лучше давай этот плащ в ширину под собою расстелем...» Цитируется пастернаковский «Хмель» (1953), вошедший в «Стихотворения Юрия Живаго». Трудно поверить, что, рассуждая о «чувственности» как об «основной черте» Пастернака, К. не помнил о «Гамлете», «Сказке», «Августе» и многих других ст-ниях Юрия Живаго (и, разумеется, о многих других ст-ниях раннего и позднего Пастернака).
- **606.** Он играет какую-то роль. Может быть, роль великого изгнанника, добывающего хлеб насущный трудами рук своих. Между тем он хорошо зарабатывает на своих блестящих переводах Шекспира и грузинских поэтов, которые его обожают. О нем пишут в Лондоне монографии. У него автомобиль, отличная квартира в Москве, дача в Переделкино. Сходные рассуждения К. отражены в дневниковой записи К. И. Чуковского от 15.8.1959 г.: «О Пастернаке он сказал:
- Вы воображаете, что он жертва. Будьте покойны: он имеет чудесную квартиру и дачу, имеет машину, богач, живет себе припеваючи получает большой доход со своих книг» (Чуковский. С. 288).

Выразительное представление о подлинном материальном положении Пастернака в этот период дают следующие фрагменты из мемуаров 3. А. Маслениковой: «Он рассказывал о себе, говорил, что его гнетет неопределенность положения.

- Лучше бы самое страшное, но поскорей. А то после моих писем ничего неизвестно. Известно только, что меня исключили из Союза.
 - А как ваши материальные дела?
- Мне ничего не платят» (1 января 1959). (*Масленикова 3. А.* Борис Пастернак: Встречи. М., 2001. С.1 48).

- «— Ничего не изменилось, ничего не стало яснее. Деньги мне по-прежнему не платят. Я переводил Словацкого, вы знаете.
 - Заплатили за перевод?
 - Нет.
 - Но ведь у вас договор.
- Они не отказывают, но и не платят. У Зинаиды Николаевны есть сбережения, мы их уже тронули» (11 февраля 1959). (Там же. С. 152).

См. также у Е. Б. Пастернака фрагмент, описывающий самое начало 1959 г.: «Мы приехали к папе 1 января <...> В его словах сквозило мучительное чувство неуверенности и неустойчивости его положения, выбитость из работы. Рассыпан набор "Марии Стюарт" Шиллера в издательстве "Искусство", из юбилейного многотомного собрания Шекспира выкинули все его переводы и "Генриха IV" заказали переводить кому-то заново. Упоминание его имени в чужих статьях ведет к их запрету, в театрах сняты спектакли с его переводами» (Существованья ткань сквозная: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак. М., 1998. С.541). Статьи (не монографии) о Пастернаке к этому времени написали английские критики Э. Уилсон и Д. Линдси. Обеими этими статьями автор «Доктора Живаго» остался недоволен (Подробнее об этом см., например: Русская речь. 1990. № 1. С. 12, 15). Из грузинских поэтов в 1956—59 гг. Пастернак переводил ст-ния А. Абашели, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани, П. Яшвили. Однако при жизни автора «Доктора Живаго» эти переводы опубликованы не были.

607. Не исключено, что именно в этот миг он вспоминает свою некогда начатую, но брошенную пьесу о Французской революции.

Не продолжить ли ее? Как бишь она начиналась? «В Париже. На квартире Леба <...> к тому, что нынче нас слепит, живит и греет, и то, что нынче ясность мудреца, потомству станет бредом сумасшедших». Октябрьская революция была первой во всей истории, совершенно не похожей на все остальные мира. — Подразумеваются И цитируются «Драматические сцены» Б. Пастернака. писавшиеся не после Октябрьской, а после Февральской революции — в июне-июле 1917 г.

608. Кто из нас не писал тогда с восторгом о зеленой ветке Демулена. — Ср. в ст-нии Э. Багрицкого «Знаки» (1920): «Текли века потоком гулким, // И новая легла тропа, // Как по парижским переулкам // Впервые ринулась толпа, // Чтоб, как взолнованная пена, // Сметая золото палат, // Зеленой веткой Демулена // Украсить стены баррикад». Образ «зеленой ветки Демулена» — ошибка эрудиции Багрицкого. Правильно было бы — «зеленой ленте» деятеля Великой французской революции Камиля Демулена (1760–1794), который, 13 июля 1789 г. призвал всех сторонников революции украсить свои шляпы зелеными лентами. Б. Пастернак писал о Демулене в отброшенном позднее предисловии к «Охранной грамоте»: «Едва ли сумел я как следует рассказать Вам о тех вечно первых днях всех революций, когда Демулены вскакивают на стол и зажигают прохожих тостом за воздух. Я был им свидетель» (Пастернак. С. 481).

609. ...в те дни, когда гимназист Канегиссер стрелял в Урицкого. — Поэт Леонид Иоакимович Канегисер (1896–1918) — с которым К, возможно, встречался в Одессе —

30.08.1918 г. застрелил председателя петроградской ЧК М. С. Урицкого (1873–1918). В это время Канегисер уже давно не был гимназистом.

- 610. ...а Каплан отравленной пулей в Ленина. 30.08.1918 г. «Даже если бы пули были отравлены ядом кураре, как предполагали, то и это отравление не могло иметь последствий, так как яд кураре страшен и смертелен на стрелах у дикарей, но если им отравляется пуля, то этот яд, легко разлагающийся под влиянием высокой температуры, при выстреле разлагается и теряет свои ядовитые свойства» (Врачи о болезни Ильича. Проф. В. Н. Розанов // Известия. 1924. 28 января). Интересно, что разговаривая с Б. А. Бабиной о Фанни Ефимовне Ройтблат (Каплан) (1890–1918) и ее покушении на В. И. Ленина, старый эсер Д. Д. Донской (как и К. в «АМВ») демонстративно отказался от напрашивающихся ассоциаций с Великой французской революцией: «Помню, похлопал я ее по плечу и сказал ей: "Пойди-ка проспись, милая! Он не Марат, а ты не Шарлотта Корде"» (Бабина Б. А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 25).
- **611.** Не избежал этого и один из самых выдающихся среди нас прозаиков конармеец. Исаак Эммануилович Бабель (1894–1940). «Помню, что написал Бабелю в Одессу письмо <,> в котором была такая фраза: "Слава валяется на земле. Приезжайте в Москву и подымите ее". Что Бабель и сделал. В<.> Кат<aeb> <1>928 год. Ноябрь <.> Москва» (РГАЛИ. Ф.1723. Оп. 1. Ед. хр.7. Л. 125).
- 612. ... тем более что он действительно в качестве одного из первых советских военных корреспондентов проделал польскую кампанию вместе с Первой конной Буденного. И. Бабель принимал участие в польской кампании Красной армии в период с 3.06.1920 г. по 15.09.1920 г. Свои репортажи и сводки он печатал в армейской газете «Красный кавалерист» под псевдонимом «К. Лютов». Этот опыт стал основой для 34 рассказов бабелевской «Конармии» (1923–25), удостоившейся гневной инвективы командарма Первой конной армии Семена Михайловича Буденного (1883–1973): «Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье» (Буденный С. М. Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196).
- 613. «Леф» напечатал его рассказ «Соль», и сам Командор на своих поэтических вечерах читал этот рассказ наизусть <...> что воспринималось как высшая литературная почесть, вроде Нобелевской премии. Возможно, намек на Нобелевскую премию Б. Пастернака. В журнале «Леф» (1923. № 4. фактически вышел в свет в 1924 г.) были опубликованы фрагменты бабелевских циклов «Одесские рассказы» и «Конармия», в том числе рассказ «Соль» (из «Конармии»). На диспуте «Леф или блеф?» 23.3.1927 г. В. Маяковский рассказывал: «Бабель три года тому назад приходил к нам в Москве с маленькой книжечкой своих рассказов. Мы знаем, как Бабеля встретили в штыки товарищи, которым он показывал свои литературные работы <...> После этого "Леф", потому что "Леф" не идет по линии трафаретной критики, напечатал самые лучшие рассказы Бабеля "Соль", "Смерть Долгушова"» (Новое о Маяковском. Литературное наследство. Т. 55. М., 1958. С. 51–52). См. также у П. В. Незнамова: «Отдельные выражения

Бабеля долго <...> ходили в быту лефовцев. Маяковский с полной рукой козырей любил говорить партнеру:

— А теперь, папаша, мы будем вас кончать.

И получал в ответ:

- Хладнокровнее <у Бабеля "холоднокровнее". *Коммент.*>, Маня, вы не на работе» (*Незнамов П. В.* // О Маяковском. С. 370).
- **614.** На него писали пародии и рисовали шаржи, где он неизменно изображался в шубе с меховым воротником, в круглых очках местечкового интеллигента, но в буденновском шлеме с красной звездой и большой автоматической ручкой вместо винтовки. См., например, пародию А. Архангельского «Мой первый сценарий» (1927), напечатанную в сб.: Архангельский <A.>, Кукрыниксы. Карикатуры. Пародии. М., 1935. Здесь же см. карикатуру Кукрыниксов на Бабеля 1927 г., на которой писатель изображен в буденновке, шубе и круглых очках. Этими же атрибутами автор «Конармии» наделен на карикатуре Кукрыниксов 1928 г. (см.: Читатель и писатель. 1928. 18 февраля).
- **615.** Он прославился еще до революции, во время первой мировой войны, так как был напечатан в горьковском журнале «Летопись». Кажется, даже одновременно с поэмой Командора «Война и мир». В 11 номере «Летописи» за 1916 г. были опубликованы 2 рассказа И. Бабеля: «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла». 5-я часть поэмы В. Маяковского «Война и мир» была напечатана в №№ 2—4 «Летописи» за 1917 г.
- **616.** Алексей Максимович души не чаял в будущем конармейце, пророча ему блестящую будущность, что отчасти оправдалось. Об отношении М. Горького к И. Бабелю в этот период см., например, у В. Б. Шкловского: «Горький очень верил Бабелю, удивлялся его точному мастерству» (Шкловский В. Б. // О Бабеле. С. 272). 22.2.1918 г. Горький писал Ромену Роллану об авторе «Конармии» и «Одесских рассказов»: «Это человек очень крупного и красочного таланта и человек строгих требований к себе самому» (Цит. по: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 38).
- **617.** У него была крупная голова вроде несколько деформированной тыквы, сильно облысевшая спереди, и вечная ироническая улыбка, упомянутые уже круглые очки, за стеклами которых виднелись изюминки маленьких детских глаз, смотревших на мир с пытливым любопытством, и широкий, как бы слегка помятый лоб с несколькими морщинами, мудрыми не по возрасту, лоб философа, книжника, фарисея.
- ... *И вместе с тем* нечто хитрое, даже лисье... Ср. в мемуарах Валентины Ходасевич: «Мне не приходилось видеть его глаза злыми. Они бывали веселые, лукавые, хитрые, добрые, насмешливые. Иногда он казался таинственным, загадочным, малопонятным, отсутствующим и "себе на уме"» (Ходасевич В. Портреты словами. Очерки. М., 1987. С. 253). К. Чуковский отмечал, что его всегда «очаровывала в Исааке Эммануиловиче смесь простодушия с каким-то прелестным лукавством» (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 231).

- **618.** Он был склонен к нравоучениям, хотя и делал их с чувством юмора, причем его губы принимали форму ижицы или, если угодно, римской пятерки. Ср. в ТЗ о бабелевских «тонких улыбающихся губах, изогнутых ижицей, как бы готовых каждый миг раскрыться для того, чтобы медлительно произнести ядовитейшее замечание, как он любил выражаться: "Замечание из жизни"» (ТЗ. С. 389–390).
- 619. У меня сложилось такое впечатление, что ни ключика, ни меня он как писателей не признавал. Автор «АМВ» не мог не читать впервые опубликованную в 1964 г. стенограмму одного из выступлений Бабеля, которое состоялось 28.9.1937 г. Отвечая на вопросы аудитории о лучших современных писателях, автор «Конармии» тогда сказал: «Высоко я очень ставлю Валентина Катаева, который, считаю, будет писать все лучше и лучше, который проделал очень правильную эволюцию, который, делаясь старше, делается серьезнее и книгу которого "Белеет парус одинокий" я считаю необыкновенно полезной для советской литературы <...> У нас почти не умеют показать вещь, а о ней очень многословно рассказывают, причем техника ужасающая. Я лично считаю, что Валентин Катаев на подъеме и будет писать все лучше и лучше. Это одна из больших надежд <...> Мое мнение о Юрии Олеше очень высокое. Я его считаю одним из самых оригинальных и талантливых советских писателей» (О творческом пути. С. 98, 99). Ср. также со свидетельством И. Л. Лившица: «Из всех одесситов Бабель больше всех ценил В. Катаева» (Вопросы литературы. 2001. Март Апрель. С. 205).
- **620.** Признавая он из нас одного птицелова. В 1925 г. И. Бабель характеризовал поэзию Э. Багрицкого следующим образом: «...плотояднейший из фламандцев. Он пахнет, как скумбрия, только что изжаренная на подсолнечном масле. Он пахнет, как уха из бычков, которую на прибрежном ароматическом песке варят малофонтанские рыбаки в двенадцатом часу июльского неудержимого дня. Багрицкий полон пурпурной влаги, как арбуз, который когда-то в юности мы разбивали с ним о тумбы (причалы) в Практической гавани у пароходов, поставленных на близкую Александрийскую линию» (Цит. по: Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 262).
- **621.** Впрочем, он не чуждался нашего общества и снисходил до того, что иногда читал нам свои рассказы о местных бандитах и налетчиках, полные юмора и написанные на том удивительном южноновороссийском, черноморском, местами даже местечковом жаргоне, который, собственно, и сделал его знаменитым. К. подразумевает бабелевский цикл «Одесские рассказы», открывавшийся рассказом «Король», написанным в 1921 г.
- **622.** Манера его письма в чем-то сближалась с манерой штабс-капитана. Ср. в мемуарах Ю. Анненкова об оценке самим И. Бабелем творчества М. Зощенко: «Однажды, в одну из наших парижских бесед на литературные темы, я спросил Бабеля, кого из современных советских писателей он считает наиболее интересным? Бабель вдруг расхохотался и произнес:

— Зощенку.

Затем совершенно серьезно и даже — с оттенком раскаяния добавил:

- Я совсем не потому засмеялся, что назвал имя Зощенки, а потому, что в моей памяти некоторые вещицы Зощенки: ЭТО они вызвали всплыли (Анненков Ю. П. Михаил Зощенко // Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 2001. С. 243). Одобрительно цитировал Бабель один из юмористических рассказов Зощенко в своей речи на I съезде советских писателей в 1934 г. (см.: *Бабель И*. Пошлость — вот наш враг // Правда. 1934. 25 августа. С.4). Ср., однако, слова Е. Полонской в письме к Л. Лунцу от 20.05.1924: «Еще родился новый прозаик, по фамилии Бабель, весьма приятный, еврей. Серапионы его ругают, а я одобряю весьма» (Лев Лунц и «Серапионовы братья». Публ. и коммент. Г. Керна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. Кн. № 83. С. 178). Критики ставили в один ряд имена Зощенко и Бабеля, анализируя популярный в то время сказ. Ср., например, в статье В. Б. Шкловского «О Зощенко и большой литературе»: «Бабеля определили как революционного писателя, взяв "Соль" и "Письмо" в первом плане. Зощенко определен как писатель "обывательский", но не потому, что секретари не добрались до второго. Добрался читатель. <...> Широко пользуются сказом современные писатели для введения в свои произведения технических выражений и словесных штампов, помещенных вне своего контекста. На игре со словесными клише построена "Соль" И. Бабеля, которая составлена из газетных, жаргонных и песенных (иногда "сказочных") клише <...> Так же употребляет Бабель в своей книге "Конармия" военные термины <...> Сказ должен быть рассмотрен в плане работ над поэтическим языком, а не в связи с ролью героя или маски. Более сложную работу проделывает иногда Зощенко» (Шкловский. C. 414–415, 416–417).
- **623.** Скрытность была основной чертой его характера. Ср., например, у И. Г. Эренбурга: «Он любил прятаться, не говорил, куда идет; его дни напоминали ходы крота» (Эренбург И. Г. // О Бабеле. С.60) и у К. И. Чуковского (со слов К. Г. Паустовского): «Всем врал даже по мелочам. Окружал себя таинственностью. Уезжая в Питер, говорил (даже 10-летней дочери соседей): еду в Калугу» (Чуковский. С. 333).
- **624.** *Горький посылал ему из Сорренто письма.* См.: Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 43–44.
- **625.** Иногда ненадолго он показывался у Командора на Водопьяном, и каждое его появление становилось литературным событием. Ср. у В. Б. Шкловского: «У Маяковского на Водопьяном переулке Бабеля встретили восторженно» (Шкловский В. Б. // О Бабеле. С. 275).
- **626.** В Мыльниковом он совсем не бывал, как бы стесняясь своей принадлежности к «южнорусским». Вновь передержка. Ср. с ответом И. Бабеля на вопросы читательской аудитории о его отношении к К. Паустовскому и Ю. Олеше: «Это все земляки, это так называемая одесская, южно-русская школа, которую я очень ценю» (О творческом пути. С. 99). См. также следующую записку К., адресованную И. Бабелю: «Милый Бабель, мне необходимо с Вами поговорить по весьма важному делу, касающемуся Лефа. Я очень занят

и не имею времени Вас разыскивать. Приходите ко мне (Мыльников 4 кв. 2) завтра или послезавтра до 11 утра или в районе 5 часов вечера. Куда Вы пропали? Ваш Валентинкатаев. 28 октября 1923 г. Чист<ые> пруды.» (РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 125).

- 627. У него была масса поклонников в разных слоях московского общества. Однако большинство из этих поклонников не имело отношения к литературной среде. Наоборот. Все это были люди посторонние, но зачастую очень влиятельные. Ср., например, у В. Г. Финка: «У Бабеля всюду были "корешки" по Первой Конной. Один командовал кавалерийским полком, другой был директором конзавода, третий объезжал лошадей в Средней Азии» (Финк В. // О Бабеле. С. 149). Впрочем, скорее всего, К. в данном случае намекает на других друзей И. Бабеля: подразумеваются тесные приятельские связи писателя с верхушкой ОГПУ. В декабре 1924 г. Бабель говорил Д. Фурманову: «...чекисты, которых знаю, ну... ну, просто святые люди» (Фурманов Д. Из дневника писателя. М., 1934. С. 83). В дальнейшем, однако, отношение автора «Конармии» к карательным советским органам усложнилось, вплоть до ужаса и брезгливого неприятия в конце жизни. Подробнее см., например: Поварцов С. Исаак Бабель: портрет на фоне Лубянки // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3; Флейшман Л. С. Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999.
 - 628. ...он никогда не упускал случая, чтобы преподать мне литературный урок:
- Литература это вечное сражение. Сегодня я всю ночь сражался со словом. И. Бабеля, Писательская медлительность вытекавшая ОТ его повышенной требовательности к себе, — общее место мемуарной и исследовательской литературы об авторе «Одесских рассказов». Ср., например, у И. Г. Эренбурга: «Работал он медленно, мучительно; всегда был недоволен собой <...> Одной из излюбленных тем критиков стало "молчание Бабеля". На Первом съезде советских писателей я выступил против такого рода нападок и сказал, что слониха вынашивает детей дольше, чем крольчиха; с крольчихой я сравнил себя, со слонихой — Бабеля» (Эренбург И. Г. // О Бабеле. С. 61). См. также высказывание самого Бабеля: «Я могу переписывать (терпение у меня в этом отношении большое) несчетное количество раз» (О творческом пути. С. 97).
- **629.** Вы сами не понимаете, **что такое** <выделено К. Коммент. > Бунин. Вы знаете, что он написал в своих воспоминаниях о N.N.? Он написал, что у него вкрадчивая, бесшумная походка вора. Вот это художник! «Он <... > ступал своими длинными ногами с носка, с какой-то, пусть простят мне это слово, воровской щеголеватостью, мягкостью, леностью, я не мало видал таких походок в одесском порту» (Бунин И. А. Горький (1936) // Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 239–240).
- **630.** Литературным божеством для конармейца был Флобер. Все советы, которые давал автор «Мадам Бовари» автору «Мило го друга», являлись для конармейца законом. В течение 7 лет Г. Флобер давал суровые уроки литературного мастерства

юному Мопассану. Первым мопассановским рассказом, который Флобер безоговорочно принял, была «Пышка». Параллель между И. Бабелем и Флобером еще в 1924 г. провел В. Б. Шкловский: произведения Бабеля «сравнивают с Мопассаном, потому что чувствуют французское влияние и торопятся назвать достаточно похвальное имя. Я предлагаю другое имя — Флобер. И Флобер из "Саламбо"» (Шкловский В. Б. Бабель. Критический романс (1924) // Шкловский. С. 367). Развитие этой параллели см., например, в работе: Жолковский А. К. Как сделан Мопассан Бабеля // Новое литературное обозрение. № 4 (1993). С. 223–224.

- **631.** Конармеец верил в законы жанра, он умел различить повесть от рассказа, а рассказ от романа. Ср., однако, с подлинным высказыванием И. Бабеля о так называемом «литературном мастерстве»: «Как работать над коротким рассказом? Я совершенно не верю ни в рецепты, ни в учебники, и, между прочим, стыдно признаться, может быть, это реакционное чувство, но я литвуза очень побаиваюсь» (О творческом пути. С. 100).
- **632.** Несмотря на заметное присутствие в его флоберовски отточенной (я бы даже сказал, вылизанной) прозе революционного, народного фольклора, в некотором роде лесковщины, его душой владела неутолимая жажда Парижа. С прозой Н. С. Лескова прозу И. Бабеля сравнил еще Н. С. Степанов (см.: Степанов Ник. Новелла Бабеля // И. Э. Бабель. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 27).
- **633.** Лучше всего он чувствовал себя за крошечным квадратным столиком на одной ножке прямо на тротуаре, возле какого-нибудь кафе на Больших бульварах <...> наблюдая за прохожими и мысленно вписывая их в какой-то свой воображаемый роман вроде «Человеческой комедии». Оноре де Бальзака (1799–1850), состоящей из 90 романов и рассказов.
- 634. Под высоким куполом Института на берегу Сены он чувствовал бы себя как дома. — Ср. в статье В. Б. Шкловского 1924 г.: «Иностранец из Парижа, одного Парижа без Бабель увидел Россию так, как мог ее увидеть француз-писатель, Лондона, прикомандированный к армии Наполеона» (Шкловский. С. 367). Ср. также, например, у А. М. Нюренберга: «У Бабеля был свой Париж, как была и своя Одесса. Он любил блуждать по этому удивительному городу и жадно наблюдать его неповторимую жизнь. Он хорошо чувствовал живописные переливы голубовато-серого в облике этого города, великолепно разбирался в грустной романтике его уличных песенок, которые мог слушать часами. Был знаком с жизнью нищих, проституток, студентов, художников <...> Он хорошо знал французский язык, парижский жаргон, галльский юмор. Мы часто прибегали к его лингвистической помощи» (*Нюренберг А.* // О Бабеле. С. 196). Во Франции И. Бабель жил с конца июля 1927 г. по май 1928 г.; затем — с февраля по август 1933 г.; и затем, по специальному разрешению ЦК, автор «Гюи де Мопассана» на короткий период выехал из Москвы в Париж для участия в Международном конгрессе писателей в защиту культуры в конце июня 1935 г.

- 635. В конце концов он стал оседлым москвичом, женился, поселился в хорошей квартире в особнячке в районе Воронцова поля и даже стал принимать у себя гостей. Собственную квартиру И. Бабель получил в 1932 г. См. ее изображение у Валентины Ходасевич: «Дом двухэтажный, деревянный. Звоню. Мне открывает дверь старушка, повязанная платком. Попадаю в переднюю. Из передней ведет деревянная, ступенек на двадцать, неширокая внутриквартирная лестница <...> Одно окно в узкой стене длинного помещения дает мало света. Вдоль перил, огораживающих лестничный проем, стоят сундуки. Один с горбатой крышкой, другой с плоской. И корзина. Один из сундуков обит медью, вероятно, старинный. У противоположной стены шкаф. Неуютно. Тут же, между шкафом и сундуками, небольшой стол, не больше разложенного ломберного» (Ходасевич В. // О Бабеле. С. 95). На Антонине Николаевне Пирожковой Бабель женился в 1934 г.
- **636.** В это время мы с ним очень сблизились. Беседы с ним доставляли мне большое удовольствие и всегда были для меня отличной школой литературного мастерства. Общение с конармейцем было весьма похоже на общение мое с щелкунчиком. Судя по мемуарам Н. Я. Мандельштам, в середине 1920-х гг. В. Нарбут предлагал О. Мандельштаму организовать новую акмеистическую группу «в союзе с одесситами» «новый акмеизм без Ахматовой, но с Бабелем и Багрицким» (Вторая книга. С. 52, 104). Мандельштам от подобного союза отказался.
- **637.** У него всегда можно было выпить стакан на редкость душистого, хорошо заваренного чая или чашку настоящего итальянского черного кофе эспрессо: он собственноручно приготовлял его, пользуясь особой заграничной кофеваркой.
- Скажите, каким образом у вас получается такой на редкость вкусный чай? Откройте ваш секрет.
- Нет никакого секрета. Просто не надо быть скупердяем и экономить на заварке. Заваривайте много чая, и ваши гости всегда будут в восторге. Ср. с «бородатым» анекдотом о старом еврее, который, умирая, открывает своей семье секрет приготовления хорошего чая: «Евреи, не жалейте заварки». Ср. также у Валентины Ходасевич: «Не буду описывать подробно, как заваривался и настаивался чай, очень сложно! Одно хорошо запомнила это поразившее меня количество чая на одну чашку: три или четыре ложки с верхом. А пить надо, чуть не обжигаясь, иначе аромат улетучится» (Ходасевич В. М. // О Бабеле. С. 96–97).
- 638. Однажды он вдруг показался у нас в дверях, а рядом с ним стоял некий предмет домашнего обихода красного дерева, нечто вроде комнатного бара с затейливым устройством, довольно неуклюжее произведение столярного искусства, которое он, пыхтя, собственноручно втащил на пятый этаж, так как лифт не работал. Оказалось, что это был его подарок нам на новоселье. Надо было распахнуть распахнуть крышки, и из недр сооружения поднимался целый набор посуды для коктейлей. Этот бар занимал много места, и мы не знали, куда его приткнуть. Я думал, конармеец сам не знал, куда его девать, а так как я однажды похвалил бар, то конармеец и решил таким элегантным

образом избавиться от сей громоздкой вещи. Чисто восточная любезность. Впрочем, я понимаю, что он это сделал от души. Вещь была все же дорогая. Он не поскупился. — Возможный источник этой истории — мемуары хорошей знакомой И. Бабеля, Т. Стах, описывающие Одессу 1924 г.: «Однажды раздался звонок. Я отворила дверь, и грузчики втащили огромнейший буфет... Оказалось, что Исаак Эммануилович, производя некоторую расчистку у себя дома, презентовал нам свой, как он сказал, "похожий на синагогу", "фамильный" буфет. Это было громоздкое черное сооружение с резными украшениями, где невероятно прочно оседала пыль... Буфет с трудом втиснулся в нашу квартиру и занял подобающее ему место в столовой» (Стах Т. // О Бабеле. С. 212–213).

- **639.** ... Ему очень нравилась моя маленькая двухлетняя дочка, и он любил с нею весьма серьезно разговаривать, как со взрослой, сидя перед ней на корточках и несколько пугая ее своими большими очками. Ср. в воспоминаниях А. Н. Пирожковой: «Двухлетняя дочь Валентина Петровича Катаева, вбежав утром к отцу в комнату и увидев, что за окнами все побелело от первого снега, в изумлении спросила: "Папа, что это? Именины?!" Бабель, узнав об этом, пришел в восторг» (Пирожкова А. Н. // О Бабеле. С. 362).
- **640.** Конармеец смотрел на этот пейзаж, но, мне кажется, видел нечто совсем другое: <...> белую конную статую Генриха Четвертого, сообразившего, что Париж стоит обедни. Эту фразу, согласно преданию, будущий король Франции Генрих IV произнес, когда ему, чтобы получить французский престол, пришлось перейти из протестантства в католичество. Конная статуя Генриха IV украшает парижский Новый мост.
- 641. ...прикрепленный навечно к каменной стене, сумрачно чернел совсем не страшный на вид косой нож гильотины, тот самый, который некогда на площади Согласия срезал головы королю и королеве, а потом не мог уже остановиться, и из-под него на Гревской площади покатились в черный мешок одна за другой головы Дантона, Сен-Жюста, Демулена, множество других голов, каждая из которых вмещала в себя вселенную, и наконец голова самого Робеспьера с разбитой челюстью и маленьким, почти детским, упрямым и гордым подбородочком первого ученика. Людовику XVI и Марии Антуанетте, которые были обезглавлены по постановлению Конвента, в 1793 г. Все перечисляемые далее К. вожди Великой французской революции, свергнувшей Людовика с престола, были казнены в 1794 г.
- **642.** Он пил кофе маленькими глотками, растягивая наслаждение, оттягивая миг возвращения, и его детские глазки видели тень Азраила, несущего меч над графитными плитками парижских крыш... Прозрачный намек на трагический финал биографии И. Бабеля: писатель был арестован 15.05.1939 г., после вечера, который он провел вместе с К. и его семьей в Переделкине (см.: МК). Будучи арестованным, под нажимом следствия Бабель дал показания, согласно которым он входил в троцкистскую террористическую группу вместе с Вс. Ивановым, К., Ю. Олешей, Л. Утесовым, И. Эренбургом и др. (см.: Ваксберг А. Процессы // Литературная газета. 1988. 4 мая. С. 12).

643. Одно лишь название улицы, со стороны которой мы появились — Бульвар Мальзерб, — как бы погрузило нас в обманчивую тишину девятнадцатого века после Франко-прусской войны и Парижской коммуны. — Соответственно, 1870–71 гг. и 1871 г.

644. Это был мир Мопассана.

Широкоплечий бюст этого бравого красавца француза с нормандскими усами, которые умели так хорошо щекотать женские шейки и затылки с пушком каштановых волос, что в конце концов и привело его к ужасному преждевременному уничтожению, был установлен на колонне. — «Двадцати пяти лет он испытал первое нападение наследственного сифилиса. Плодородие и веселье, заключенные в нем, сопротивлялись болезни. Вначале он страдал головными болями и припадками ипохондрии. Потом призрак слепоты стал перед ним. Зрение его слабело. В нем развилась мания подозрительности, нелюдимость и сутяжничество. Он боролся яростно, метался на яхте по Средиземному морю, бежал в Тунис, в Марокко, в Центральную Африку — и писал непрестанно» (Бабель И. Э. Гюи де Мопассан // Бабель И. Э. Конармия. Рассказы. Дневники. Публицистика. М., 1990. С. 427).

- **645.** На одном из газонов под розовым кустом лежала фигура ключика. Он был сделан как бы спящим на траве <...> а вокруг него, как некогда он сам написал: «...летали насекомые. Вздрагивали стебли. Архитектура летания птиц, мух, жуков была призрачна, но можно было уловить кое-какой пунктир, очерк арок, мостов, башен, террас некий быстро перемещающийся и ежесекундно деформирующийся город...» Точная цитата из рассказа Ю. Олеши «Любовь» 1929 г. (см.: Олеша 1956. С. 275).
- 646. ...рядом со старым памятником Гуно, возле пробирающегося по камешкам ручейка, дружески обнявшись с Мефистофелем, белела фигура синеглазого в шляпе с пером, с маленькой мандолиной в руках, поставившего ноги в танцевальную позицию. В комментируемом фрагменте К. намекает на сотрудничество М. Булгакова с Большим театром, начавшееся 10.10.1936 г. Булгаковский уход из МХАТа 15.09.1936 г. воспринимался некоторыми его приятелями чуть ли не как уход автора «Дней Турбиных» из литературы. См., например, запись в дневнике Е. С. Булгаковой от 23.08.1938 г.: «...встретили в Лаврушинском Валентина Катаева. <...> И немедленно начал Катаев разговор. М. А. должен написать небольшой рассказ, представить. Вообще, вернуться в "писательское лоно" с новой вещью. "Ссора затянулась". И так далее. <...> Все известное. Все чрезвычайно понятное. Все скучное» (Дневник. С. 364). Подробнее о работе Булгакова в Большом театре см.: Чудакова 1988. С. 427–461.
- **647.** ...я вспомнил нашу последнюю встречу. Сначала у памятника сидящего на Арбатской площади Гоголя, а потом у него в новой квартире, где он жил уже с третьей своей женой. На Елене Сергеевне Шиловской (1893–1970) М. Булгаков женился 4.10.1932 г., а в феврале 1934 г. они переехали в писательский дом № 3 в Нащокинском переулке, где поселились в кв. № 44. В письме к В. В. Вересаеву от 6.03.1934 г. Булгаков с восторгом, но и с обычной своей иронией рассказывал о новой квартире: «Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку. <...> Я

счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. <...> Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака <...> но все же я счастлив» (Письма С. 278–279).

648. Он сказал по своему обыкновению:

— Я стар и тяжело болен.

На этот раз он не шутил. Он был действительно смертельно болен и как врач хорошо это знал. У него было измученное землистое лицо. У меня сжалось сердце. — Ср. с описанием одной из последних встреч М. Булгакова с К. из дневника Е. С. Булгаковой (запись от 25.3.1939 г.): «Вчера пошли вечером в Клуб актера на Тверской <...> Все было хорошо, за исключением финала. Пьяный Катаев сел, никем не прошенный, к столу, Пете сказал, что он написал барахло, а не декорации, Грише Конскому — что он плохой актер, хотя никогда его не видел на сцене и, может быть, даже в жизни. Наконец все так обозлились на него, что у всех явилось желание ударить его, но вдруг Миша тихо и серьезно ему сказал: вы бездарный драматург, от этого всем завидуете и злитесь. — "Валя, вы жопа". Катаев ушел мрачный, не прощаясь» (Дневник. С. 417). В сентябре 1939 г. Булгакову был поставлен страшный диагноз — гипертонический нефросклероз. В заключении врачебного консилиума от 12.11.1939 г. было сказано: «Гражданин Булгаков М. А. страдает начальной стадией артериосклероза почек при явлениях артериальной гипертонии» (Дневник. С. 551). Врач Булгаков знал о том, что его болезнь неизлечима. 10.10.1939 г. он составил завещание в пользу Е. С. Булгаковой.

649. — К сожалению, я ничего не могу вам предложить, кроме этого, — сказал он и достал из-за окна бутылку холодной воды.

Мы чокнулись и отпили по глотку.

Он с достоинством нес свою бедность. — В дневнике Е. С. Булгаковой нет никаких намеков на стесненное денежное положение семьи Булгаковых в последние годы жизни Михаила Афанасьевича. Напротив, здесь много говорится об ужинах в писательском ресторане, о том, как из театрального буфета Булгаковым присылали икру, сыр, конфеты, яблоки и т. п. (Дневник. С. 460–461).

650. — Я скоро умру, — сказал он бесстрастно.

Я стал говорить то, что всегда говорят в таких случаях, — убеждать, что он мнителен, что он ошибается. — Мемуаристы отмечали, что в последние месяцы своей жизни М. Булгаков держался мужественно, но иногда с тоской говорил о том, что умирает. 10.11.1939 г., «проснувшись в 4 часа ночи, он сказал жене: "Чувствую, что умру сегодня"» (Чудакова 1988.С. 472). Ср. также в воспоминаниях А. М. Файко о последнем разговоре с Булгаковым: «"Я умираю, понимаешь?" Я поднял руки, пытаясь сказать что-то. "Молчи. Не говори трюизмов и пошлостей. Я умираю. Так должно быть — это нормально"» (Файко А. // О Булгакове. С.352) и в письме Булгакова к А. П. Гдешинскому от 28.12.1939 г.: «Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я <из "Барвихи". — Коммент. > умирать» (Цит. по: Дневник. С. 458). Ср., однако, в письме О. С. Бокшанской к своей матери от 28.12.1939 г.: «...Мака-то ничего, держится оживленно, но Люся <Е. С. Булгакова. — Коммент. > страшно изменилась: <... > в глазах такой трепет, такая грусть» (Цит. по: Чудакова 1988. С. 477).

651. — Я даже вам могу сказать, как это будет, — прервал он меня., не дослушав. — Я буду лежать в гробу, и когда меня начнут выносить, произойдет вот что: так как лестница узкая, то мой гроб начнут поворачивать и правым углом он ударится в дверь Ромашова, который живет этажом ниже.

Все произошло именно так, как он предсказал. Угол его гроба ударился в дверь драматурга Бориса Ромашова... — Булгаков умер 10.03.1940 г. Тело его было кремировано. Е. И. Габрилович вспоминал «вынос тела по стертым, узким, надстроечным ступенькам» (Габрилович Е. // О Булгакове. С. 346). См. также в мемуарах С. А. Ермолинского, который свидетельствовал, что перед похоронами Булгакова «много народу перебывало в квартире. Меньше всего было литераторов <...> в те траурные дни заходили попрощаться к нему не только его близкие знакомые, но и неведомо кто, и было тесно в доме. <...> А когда его гроб перевезли в Союз писателей, оказалось, народу совсем немного. <...> К вечеру собралось людей побольше. Было тихо. Музыки не было. Он просил, чтобы ее не было» (Ермолинский С. // О Булгакове С.482). Подробное описание похорон Булгакова можно найти в письмах О. С. Бокшанской своей матери А. А. Нюренберг, но и в них нет упоминаемого К. эпизода (Письма. С. 493–496). О драматурге Борисе Сергеевиче Ромашове (1895–1958) подробнее см., например, в одной из записей Ю. Олеши (Олеша 2001. С. 232).

- **652.** Раскинувши руки в виде распятия, но с ног до головы перекрученное на манер бургундского тирбушона-штопора. То есть штопора, похожего на тирбушон (прядь волос, завитую в локон).
- **653.** ...как бы перевитое лианами, перед нами мелькнуло и тут же померкло изваяние забытого всеми выона. В том же году, когда состоялась первая публикация «AMB», в Вене было напечатано обширное исследование: *Ziegler R*. Aleksej Krucenych als Sprachkritiker // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1978. S. 286–310.
- **654.** Там, на отшибе, отрешенный от всех, как некогда на плотине переделкинского пруда, ждал свою последнюю любовь постаревший мулат. Речь идет об Ольге Всеволодовне Ивинской.
- **655.** Мы ходили по аллеям, узнавая друзей, пока наконец не остановились возле фигуры, которую я узнал еще издали.

Перед нами сиял неземной белизной мальчик-переросток, худой, глазастый, длинноволосый, с маленьким револьвером в безнадежно повисшей руке. «... Без шапки и шубы <...> До чего ж на меня похож!..» — Из поэмы В. Маяковского «Про это» (1923), которую К., как и другие стихи Маяковского, цитирует в «АМВ» на удивление точно.

656. Мы уже шли к выходу, когда в заресничной стране парка Монсо увидели фигуру щелкунчика.

Он стоял в вызывающей позе городского сумасшедшего, в тулупе золотом и в валенках сухих. — Аллюзия на следующие строки из ст-ния О. Мандельштама «Жизнь упала, как зарница...» (1924): «Есть за куколем дворцовым // И за кипенем садовым // Заресничная страна — // Там ты будешь мне жена. // Выбрав валенки сухие // И тулупы золотые, // Взявшись за руки, вдвоем // Той же улицей пойдем».

- **657.** Его маленькая верблюжья головка была высокомерно вскинута, глаза под выпуклыми веками полузажмурены в сладкой муке рождающегося на бритых губах слова-психеи. Отсылка к следующему фрагменту мандельштамовского эссе «Слово и культура» (1921): «Разве вещь хозяин слова? Слово Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещность, милое тело» (Цит. по: Мандельштам. С. 171).
- **658.** Может быть, таким образом рождались стихи: «...Есть иволги в лесах <...> и золотая лень из тростника извлечь богатство целой ноты...» Неточно цитируется стние О. Мандельштама «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...» (1914).
- **659.** Однако именно эта незрелость покоряла, заставляла додумывать, догадываться ... «...Россия. Лета. Лорелея...» Что это такое? Догадайтесь сами! Из финала мандельштамовского ст-ния «Декабрист» (1917): «Все перепуталось, и некому сказать, // Что, постепенно холодея, // Все перепуталось, и сладко повторять: Россия, Лета, Лорелея». Лорелея дева-сирена Рейна, чаровавшая рыбаков своим пением, а затем губившая их.
- **660.** Невдалеке от щелкунчика стоял во весь рост, но как-то корчась, другой акмеист колченогий <...> с католически голым, прекрасным, преступным лицом падшего ангела, выражающим ни с чем не сравненную муку раскаяния, чему совсем не соответствовала твердая соломенная шляпа-канотье, немного набок сидевшая на его наголо обритой голове с шишкой.

Шляпа Мориса Шевалье. — Знаменитого французского шансонье, выступавшего в шляпе-канотье. Одна из самых известных его песен называлась «Твист соломенной шляпы».

661. Виднелись еще повсюду среди зелени и цветов изваяния, говорящие моему гаснущему сознанию о поэзии, молодости, минувшей жизни.

Маленький сын водопроводчика, соратник, наследник. — Превращение живого К. в памятник в финале своего произведения будет выглядеть вполне закономерно — и В. Казин, и Л. Славин в момент написания «АМВ» были еще живы.

662. Я хотел, но не успел проститься с каждым из них, так как мне вдруг показалось, будто звездный мороз вечности сначала слегка, совсем неощутимо и нестрашно коснулся поредевших серо-седых волос вокруг тонзуры моей непокрытой головы, сделав их

мерцающими, как алмазный венец. — Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Медлительнее снежный улей...» (1910): «И если в ледяных алмазах // Струится вечности мороз».

Иллюстрации

(Титул). Фотография В. Катаева, Ю. Олеши, М. Булгакова (РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 20).

1. Валентин Катаев. 1927 г. ОР ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. Хр. 25.

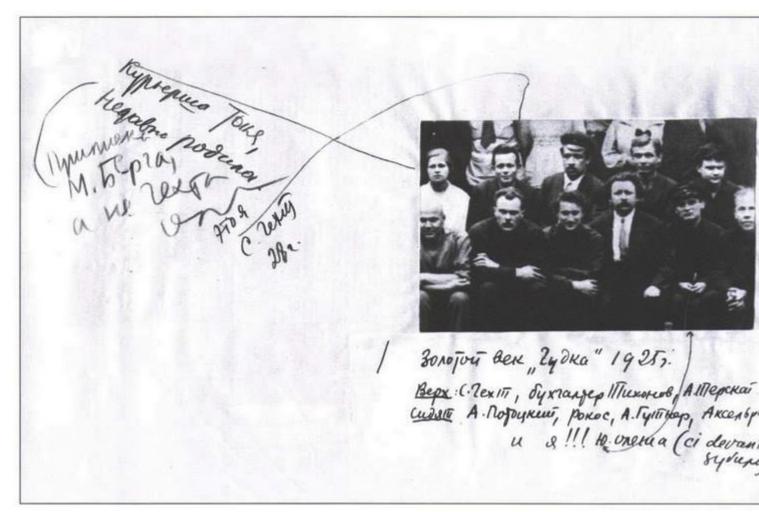

2. Подписи к фотографии (рукою Ю. Олеши): уравнение со многими неизвестными <-> совсем с неизвестными, а с очень известными Симе <:> Оля Суок-Россинская-Олеша <,> Лида Суок-Завадовская-Багрицкая <,> Сима Суок-Олеша-Нарбут. Примерно 1916 г. РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. Хр. 20.

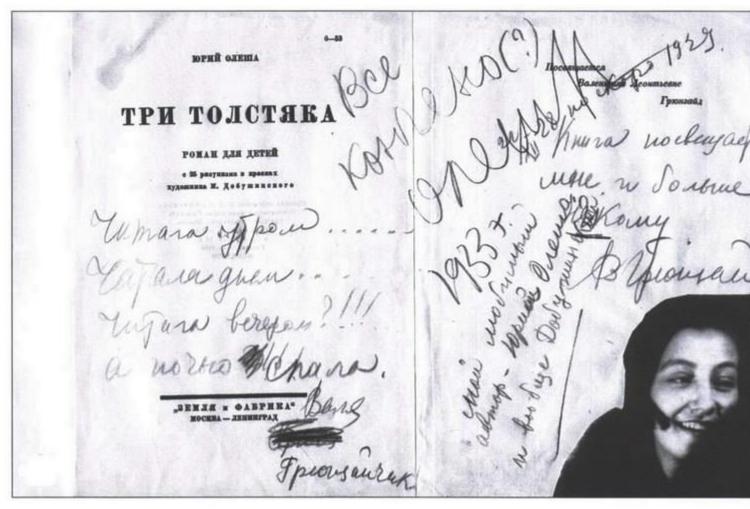
3. Юрий Олеша («Зубило») — крайний справа с работниками железной дороги. 1928 г. Подписи к фотографии (рукою Н. Адуева): Я слыхал <,> что есть станция имени Зубило. Если это правда, то станция <,> наверное <,> с буфетом, (рукою Ю. Олеши): Этого я не знаю, но знаю, что в Самаре и Камышине имелись (может, имеются и до сих пор) два пионерских отряда им. Зубило, (рукою Н. Адуева): Зубило просто точит лясы // А не воркует речи тонные // Зане — он посещает массы // Ему навек подфельетонные.

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. Хр. 20.

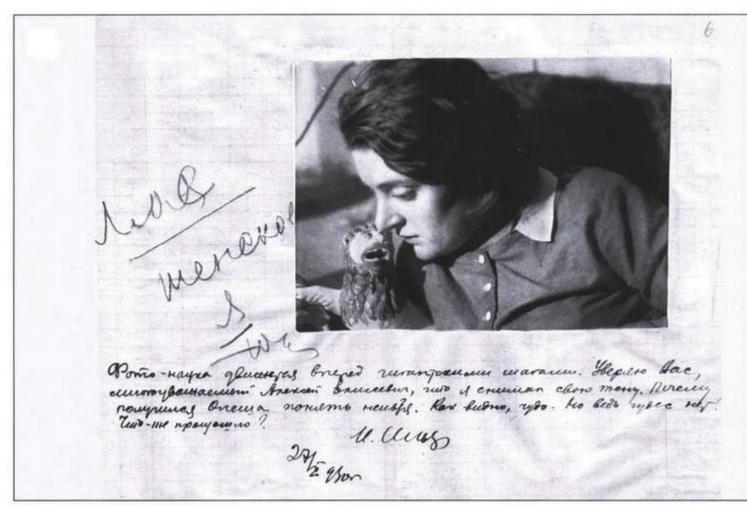
4. Подписи к фотографии (рукою Ю. Олеши): Золотой век «Гудка» 1925 г. **Верх:** С. Гехт, бухгалтер Тихонов, А. Терской. **Сидят:** А. Потоцкий, Рокос, А. Гутнер, Аксельрод и я!!! Ю. Олеша (сі devant Зубило). (рукою С. Гехта): Это я С. Гехт. 28 г. (рукою М. Берга): Курьерша Тоня недавно родила, (рукою Ю. Олеши): Приписка М. Берга, а не Гехта.

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. Хр. 20.

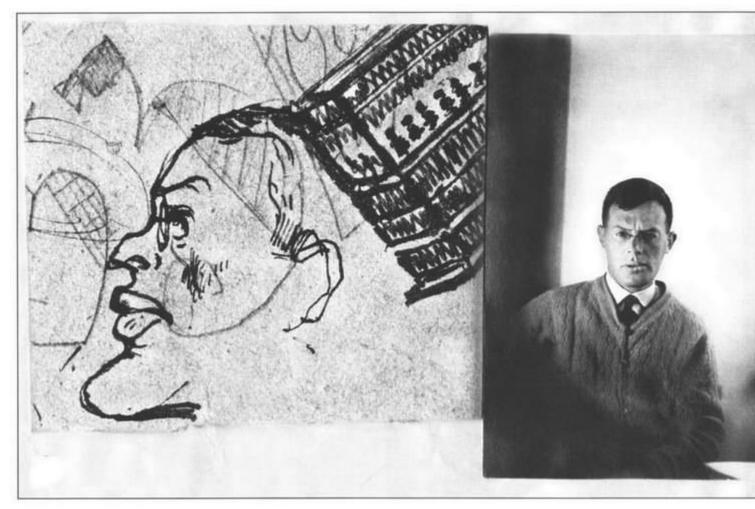
5. Юрий Олеша. Три толстяка. Изд. «Земля и Фабрика». 1928. В правом нижнем углу приклеена фотография В. Грюнзайд. Подписи на книге и к фотографии (рукою В. Грюнзайд): Читала утром... Читала днем... Читана вечером?!!! А ночью спала. Валя Грюнзайчик. Книга посвящается мне и больше никому. В. Грюнзайд. Мой любимый автор — Юрий Олеша и вообще Добужинский. 22/ХІІ-28 <,> но скоро 1929. (рукою Ю. Олеши): Все кончено (?) Олеша 1933 г.

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. Хр. 20.

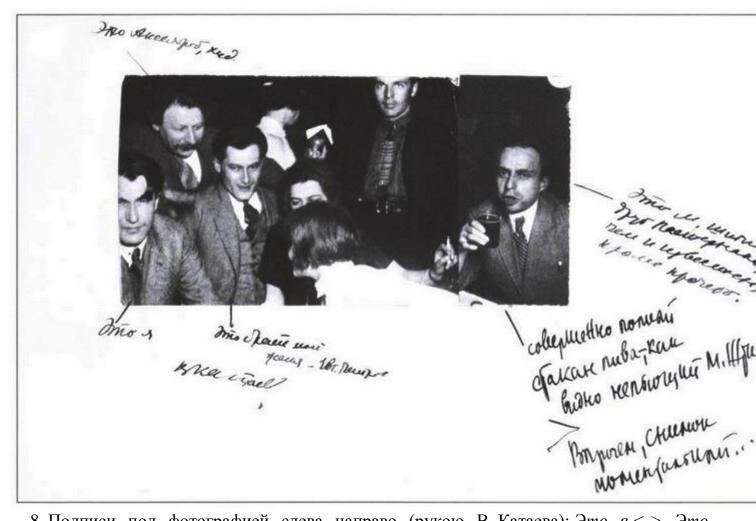
6. Мария Файнзильберг-Ильф. Подписи под фотографией (рукою Ю. Олеши): Мое женское я. (рукою И. Ильфа): Фото-наука движется вперед гигантскими шагами. Уверяю Вас, многоуважаемый Алексей Елисеевич «Крученых», что я снимал свою жену. Почему получился Олеша понять нельзя. Как видно, чудо. Но ведь чудес нет! Что же произошло? И. Ильф. 27/V <1>930 г.

ОР ИМЛИ. Ф. 161. Оп. 2. Ед. Хр. 9.

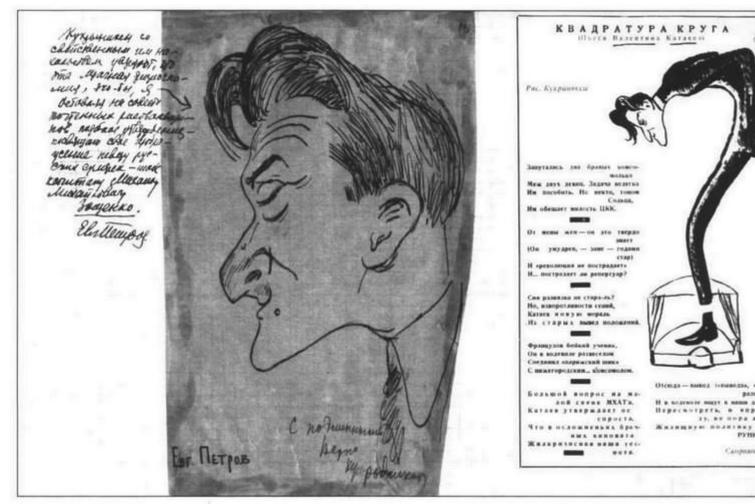

7. Илья Ильф. Шарж и фотография из альбома Ю. Олеши. Конец 1920-х — начало 1930-х гг.

ОР ИМЛИ. Ф. 161. Оп. 2. Ед. Хр. 9.

8. Подписи под фотографией слева направо (рукою В. Катаева): Это я <.> Это Аксельрод, худ<ожник> <.> Это брат мой Женя — Евг. Петров <.> В. Катаев <.> Совершенно полный стакан пива, — как видно непьющий М. Штих. Впрочем, снимок моментальный... Это М. Штих друг Пастернака, чем и известен, кроме прочего. РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. Хр. 1.

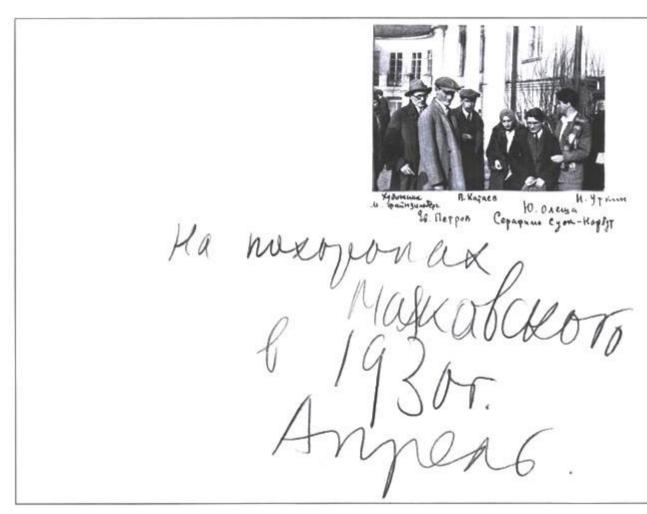

9. Слева шарж Кукрыниксов на Евг. Петрова, справа шарж Кукрыниксов на В. Катаева. Подпись к шаржу (рукою Евг. Петрова): Кукрыниксы со свойственным им нахальством уверяют, что эта мрачная физиономия, якобы, я <.> Оставляя на совести почтенных рисовальщиков подобное утверждение, — посвящаю свое изображение певцу русских сумерек — штабе капитану Михаилу Михайловичу Зощенко. Евг. Петров, (рукою Кукрыниксов): С подлинным верно. Кукрыниксы.

РГАЛИ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. Хр. 1.

10. Владимир Маяковский. Шарж Юрия Олеши. 1930 г. ОР ИМЛИ. Ф. 161. Оп. 2. Ед. Хр. 9.

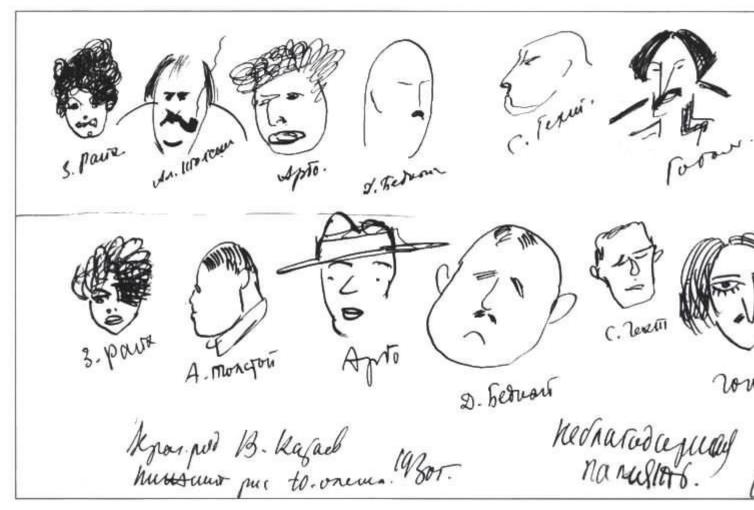
11. Подписи под фотографией слева направо (рукою А. Е. Крученых): *Художник М. Файнзильберг, Евг. Петров, В. Катаев, Серафима Суок-Нарбут, Ю. Олеша, И. Уткин,* (рукою Ю. Олеши): *На похоронах Маяковского в 1930 г. Апрель.* РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. Хр. 22.

12. Группа конструктивистов. Конец 1920-х гг. Третий слева — Эдуард Багрицкий. ОР ИМЛИ. Ф. 33. Оп. 4. Ед. Хр. 12.

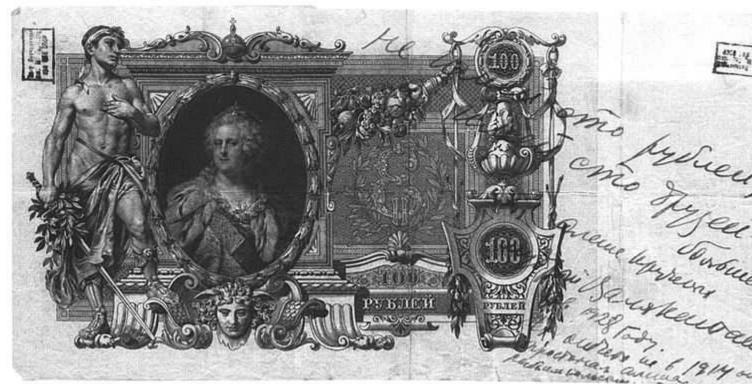

13. Ю. Олеша и В. Катаев. Севастополь. 25 августа 1929 г. РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. Хр. 561.

14. Портреты (слева направо): 3. Райх, А. Толстого, Арго, Д. Бедного, С. Гехта и Н. Гоголя. Верхний ряд рукою В. Катаева, нижний — рукою Ю. Олеши. 1930 г. Справа внизу (рукою Ю. Олеши): *Неблагодарная память*.

ОР ИМЛИ. Ф. 161. Оп. 2. Ед. Хр. 9.

15. «Екатерининка». Сторублевая купюра, подаренная Валентином Катаевым Алексею Крученых в 1928 г. Надпись на купюре (рукою В. Катаева): *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* — *большевиков. Алеше Крученых* <-> *мудрый Валя Катаев в 1928 году. Ах, отчего не в 1914 ом! Простонал Алеша рыбьим голосом.*

ОР ИМЛИ. Ф. 411. Оп. 1. Ед. Хр. 4.

16. Подписи под фотографиями М. Зощенко слева направо (рукою М. Зощенко): Это — до написания «Возвращенной молодости». Это в 1928 г. — в столь славной форме. М. Зощенко. А это — после — в 1932 г. Однако в 1935 г. снова вернул то <,> что потерял. М. З. Место для фотограф<ии> 35 г. Хотелось бы тут видеть моего дорогого друга Ю. Олешу. Еще (через (м.2: времени) воспользовался шифром Л. Н. Толстого. (рукою Ю. Олеши): Мой дорогой друг Миша Зощенко. Ю. Олеша. РГАЛИ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. Хр. 3.

Условные сокращения, принятые для комментария

Ардов — *Ардов В. Е.* Ильф и Петров (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. **Булгаков** — *Булгаков М. А.* Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989.

БЭ — Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.-Л., 1925.

Вертер — *Катаев В. П.* Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. 3. Лущика. Одесса, 1999.

Воспоминания — Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.

Вторая книга — Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990.

Герштейн — Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998.

Гинзбург — *Гинзбург Л. Я.* О старом и новом. Л., 1982.

Гофф — *Гофф И*. На белом фоне. Рассказы. Воспоминания. М., 1993.

Двенадцать стульев — *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997.

Дневник — Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001.

Зеленая лампа — $Ершов \Pi$. Одесская «Зеленая лампа». Из воспоминаний // Новое русское слово. < Нью-Йорк>. 1951. 21 января.

Иванов — Иванов Вс. Дневники. М., 2001.

Каверин — *Каверин В. А.* Эпилог. М., 1989.

Липкин — «Я родился при царе и десять лет жизни прожил в нормальных условиях». Вспоминает поэт Семен Липкин // Независимая газета. 2001. 15 сентября. С. 11.

Лицо и маска — Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994.

Любовь — Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915—1930. М., 1991.

Мандельштам — *Мандельштам О.* Э. Соч.: в 2-х тт. Т. 2. М., 1990.

Миндлин — *Миндлин* Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 19(38.

МК — Несвятой Валентин. Катаев нахамил Сталину и остался жив // Московский комсомолец. 2002. 18 февраля. С. 5.

Об Асееве — Воспоминания о Н. Асееве. М., 1980.

О Бабеле — И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972.

О Багрицком 1936 — Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936.

О Багрицком 1973 — Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973.

О Булгакове — Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988.

Об Ильфе и Петрове — Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963.

О Есенине — С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986.

О Зощенко — Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995.

О Маяковском — В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963.

Об Олеше — Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975.

Олеша 1956 — *Олеша Ю. К.* Избранные сочинения. М., 1956.

Олеша 2001 — *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2001.

О творческом пути — И. Бабель. О творческом пути писателя / Публ. Вяч. Нечаева // Наш современник. 1964. № 4.

Пастернак — Пастернак Б. Л. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982.

Перекресток — *Тихонов Н. С.* Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913–1929. М., 2002.

Петров — Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001.

Письма — Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989.

Светлаева — *Светлаева В. М.* Леля Булгакова (Елена Афанасьевна Светлаева) // Новое литературное обозрение. № 56. <2002>.

Сов. культура — «Голубой фонарь вечной весны» // Советская культура. 1978. 4 августа. С.4.

Спивак — *Спивак М. Л.* Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Γ . И. Полякова). М., 2001.

ТЗ — Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000.

Чудакова — *Чудакова М. О.* Литература советского прошлого. М., 2001.

Чудакова 1988 — Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.

Чуковский — *Чуковский К. И.* Дневник. 1930–1969. М., 1994.

Шкловский — *Шкловский В. Б.* Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914—1933). М., 1990.

Эрлих — *Эрлих А*. Нас учила жизнь. М., 1960.

Указатель имен и прозвищ

Абашели А. 250.

Абрикосова А. 180.

Аверченко А. 102, 230.

Адалис А. 38, 203, 205.

Азадовский К. 27, 30, 38.

Александров Г. 107.

Александров Р. 203.

Амфитеатров А. 92.

Андреев Л. 138, 230.

Андреев Н. 49.

Анненков Ю. 237, 238, 255.

Анненский И. 77, 216.

Антокольский П. 75, 218, 220, 222.

Аполлинер Г. 174.

Арватов Б. 52.

Арго (Гольденберг А.) 69.

Ардов В. 183, 186, 189, 190, 231,232, 269.

Ардов М. 127.

Арензон Е. 207.

Арлекин (см. Антокольский Π .).

Арманд И. 25.

Архангельский А. 223, 253.

Асеев Н. 41, 52, 53, 57, 62, 63, 88, 154–161,164,181,268, 270.

Асеева К. 52, 53,62, 157, 158.

Ахматова А. 63, 118, 232, 233, 241, 244, 260.

Бабель И. 9, 84, 251–263, 270.

Бабина Б. 251.

Бабиченко Д. 101, 213.

Бабков В. 208.

Багрицкая Л. 79, 80, 119.

Багрицкий В. 76.

Багрицкий Э. 26, 27, 31, 33, 36–45, 65, 75–82, 84, 94, 104, 119, 140, 144, 150, 167, 174, 176, 199, 203–207, 218, 220, 223, 225, 250, 255, 260, 270.

Баженов В. 55.

Байрон Дж. 150.

Балиев Н. 85.

Балуашвили В. 219.

Бальзак О. де. 259.

Баран Х. 59.

Баранов В. 11.

Барановский Г. 86.

Баратынский Е. 65.

Бачей Е. 24.

Бедный Д. 172.

Белозерская Л. 90, 93, 95, 97, 105.

Белый А. 71,211,212, 224, 270.

Бельский Я. 81.

Бенуа А. 83.

Берберова Н.122.

Березарк И. 47, 181.

Берловская Л. 147.

Беспрозванный В. 15, 60, 151,226.

Бетховен Л. ван. 66, 123, 130.

Биск А. 27, 30, 38.

Блок А. 31,32, 36, 54, 77, 79, 82, 94, 113, 121–123, 127, 128, 153, 159, 171, 240.

Блюм А. 101.

Бобович Б. 39, 80, 127–129, 137.

Бобович И. 203.

Бобров С. 62, 156, 158.

Бове О. 229.

Богемский Г. 23.

Боголюбов Е. 228.

Богомолов И. 42.

Богомолов Н. 15, 33, 62, 71, 94, 151, 201, 202.

Бодлер Ш. 40, 151.

Бокшанская О. 265, 266.

Болховский М. 13.

Бондарин С. 150, 175, 176, 199.

Боннар П. 111.

Боровикова М. 15.

Боттичелли С. 207, 208.

Боярский И. 22, 23, 33.

Брат (см. Петров Е.).

Брем А. 39.

Брик Л. 33, 34, 47, 52, 53, 130, 135, 145, 154, 155, 165, 269.

Брик О. 52, 53, 54, 155.

Брунсвик (см. Цадкин И.).

Брухнова 3. (см. Шишова 3.).

Брюсов В. 211, 212.

Бубеннов М. 243.

Бубнов А. 67.

Будберг М. 145.

Буденный С. 252.

Будетлянин (см. Хлебников В.).

Булгаков М. 8, 9, 86–110, 171, 226, 263–266, 269, 270.

Булгакова Е. А. (Светлаева) 102, 104, 110, 111, 115,226, 270.

Булгакова Е. С. (Шиловская) 90, 108, 263–265, 269.

Булгакова Т. Н. (Лаппа) 91, 97, 105, 106.

Булгакова-Воскресенская В. 104.

Бунин И. 26, 72, 135, 136, 171, 227, 258.

Бурлюк Д. 60, 186.

Бурлюк М. 60.

Бухштаб Б. 7, 16.

Бялосинская Н. 146, 148.

Ваксберг А. 262.

Ван Гог В. 111, 181.

Вахитова Т. 231, 239.

Вашков С. 169.

Вейдт К. 169.

Вергилий 129.

Вересаев В. 98, 264.

Верлен П. 40.

Вертинский А. 134, 135, 205.

Вильмонт Н. 220, 247.

Винниченко В. 25.

Витали И. 50, 229.

Витберг А. 49.

Власов А. 179.

Волконская 3. 86.

Волошин М. 100.

Боровский В. 209.

Воронский А. 83, 157.

Ворошилов К. 67.

Врубель М. 55, 111, 128, 129, 211.

Вьюн (см. Крученых А.).

Вяземский П. 23.

Вяльцева А.230, 233.

Габрилович Е. 265.

Галанов Б. 16, 21.

Галич А. 247.

Гардин В. 85.

Гарзонио С. 15.

Гаршин В. 240.

Гаспаров М. 150, 221.

Гдешинский А. 265.

Гейне Г. 219.

Гельрих Г. 66.

Герасимов С. 225.

Герлович М. 125.

Герштейн Э. 117, 168, 269.

Гехт С. 31, 84, 103, 177, 190.

Гиляровский В. 214.

Гинзбург Л. 43, 44, 221, 269.

Гинзбург М. 179.

Гинцберг Л. 22.

Гиппиус К. 57.

Гитович С. 242.

Гладилин А. 10.

Гладков А. 126, 154.

Гладков Ф. 67.

Гнедич Н. 218.

Гоген П. 111.

Гоголь Н. 14, 24, 49, 50, 98, 99, 151, 159, 160, 188, 230, 235, 236.

Голубовский Е. 203.

Гомер 40.

Гончаров И. 14.

Гораций 129.

Горнунг Л. 59.

Городецкий С. 82.

Горький М. 66, 67, 69, 193, 233, 237, 253, 256, 258.

Гофман Э. Т. А. 98.

Гофф И. 23, 34, 65, 130, 269.

Грибоедов А. 75.

Громов А. 15.

Громов М. 25.

Гроссман Л. 150, 203.

Груздев И. 236.

Грузинов И. 82, 158.

Грюнзайд В. 184, 186.

Гудкова В. 22, 24, 90, 125, 140, 269.

Гумилев Н. 38, 77, 131, 151, 153, 165, 166, 182, 218, 219.

Гуно Ш. 108.

Гуро Е. 210, 211.

Гурьянова Н. 59.

Данилов Н. 78.

Демулен К. 250, 251, 262.

Деревянный солдатик (см. Тихонов Н.).

Дзержинский Ф. 189.

Дзеффирелли Ф. 127.

Дзюбин Г. 39.

Диккенс Ч. 28, 174.

Динерштейн Е. 83.

Дитрихштейн В. фон. 37.

Добромирова В. 113.

Добужинский М. 185, 186.

Долинов Г. 120, 138, 205.

Долинский М. 234, 235, 245.

Донской Д. 251.

Достоевский Ф. 25, 135, 159, 240.

Драгунский В. 14, 137.

Друг (см. Ильф И.).

Дружочек (см. Суок С.).

Дункан А. 69, 73-75.

Дюма А. 192.

Евстигнеева А. 193, 194.

Евтушенко Е. 41.

Еготов И. 68.

Ежов Н. 35.

Елисеев Г. 86.

Емельянова И. 59.

Ермилов В. 243.

Ермолинский С. 94, 98, 265, 266.

Ершов П. 37, 78, 138, 203, 269.

Есенин С. 41, 42, 44, 45, 68-75, 82-84, 153-164, 212, 215-217, 219, 270.

Ефимов Б. 187.

Жданов А. 232, 233, 241.

Железнов П. 62.

Жолковский А. 258.

Жолтовский И. 48, 179.

Жуковский Н. 65.

Завадовский 78.

Заварзин А. 75.

Зайцев П. 71.

Замятин Е. 95.

Запевалов В. 235, 245.

Заркова М. 33.

Зарудный И. 73.

Затонский Д. 11.

Захаров В. 251.

Зелинский К. 172, 173.

Землячка Р. 171.

Земская Е. 98, 109.

Земская Н. 97, 108, 116.

Земскова Т. 17.

Зенкевич М. 148, 151.

Зимин С. 112.

Зиновьев Г. 179.

Золя Э. 25.

Зорин М. 170.

Зощенко В. 145, 236, 240, 245.

Зощенко М. 8, 22, 98, 230–245, 255, 256, 269, 270.

Зощенко М. И. 245.

Зубарев Н. 228.

Иванов Вс. 20, 67, 187, 231, 236, 242, 243, 247, 262, 269.

Иванов Вяч. Вс. 17, 18, 242, 257.

Иванов Вяч. И. 224.

Иванов Ю. 195.

Ивинская О. 247, 266.

Игин И. 173.

Измайлов Г. 74.

Изряднова А. 72.

Ильинский И. 68, 233, 240.

Ильф А. 15, 182.

Ильф И. 20,27,53, 65,97, 107, 162, 163, 167, 169, 171, 174–178, 182–184, 188, 189, 192–194, 196–198, 228, 269, 270.

Ильф М. 163.

Инбер В. 150, 203.

Ингулов С. 101, 102, 103.

Исаков С. 208.

Каверин В. 9, 12, 193, 194, 219, 233, 235, 236, 238, 269.

Каганская М. 12.

Кадаш Т. 236.

Казаков М. 178, 189.

Казин В. 70, 71, 268.

Калинин М. 110.

Каляев И. 189.

Каменев М. 179, 187.

Каменский В. 211.

Камю А. 56.

Кандинский В. 61.

Канегисер Л. 251.

Кантемир А. 150.

Капабланка Х. 227, 228.

Каплан Ф. 251.

Кардин В. 11.

Кардовский Д. 163.

Карпенко Ю. 26.

Карпов П. 73.

Катаев П. 188.

Катаева Ек. 186.

Катаева Э. 20, 40, 173.

Кацис Л. 15.

Керн Г. 234, 256.

Кесельман С. 6, 26-33, 199, 203.

Киплинг Р. 218, 219.

Киров С. 50, 51.

Кичанова-Лившиц И. 22.

Клейн Р. 57.

Клюев Н. 77.

Клюн И. 61.

Ключик (см. Олеша Ю.).

Книпович Е. 11.

Кобринский А. 245.

Коваленко А. 88, 116.

Коган П. 212.

Козачинский А.188.

Колли М. 179.

Колченогий (см. Нарбут В.).

Командор (см. Маяковский В.).

Конан-Дойль А. 174, 192.

Конармеец (см. Бабель И.).

Кондаков Н. 188.

Кондратович А. 237.

Коненков С. 86, 179, 216.

Конский Г. 264.

Константинов Б. 179.

Кончаловский П. 86.

Коровин К. 111.

Королева Н. 27, 60.

Королевич (см. Есенин С.).

Коростелев О. 15.

Косарев Б. 120, 147.

Костер Ш. де. 219.

Кошечкин С. 44.

Крандиевская-Толстая Н. 69, 70.

Красильников В. 98.

Kpayc B. 169.

Кричевская Е. 89.

Крупская Н. 61, 101, 116, 117.

Крученых А. 8, 27, 43, 59–61, 69, 88, 89, 98, 118, 141, 183, 184, 186, 195, 204, 211, 231, 246, 266.

Крымова Н. 7, 11, 16.

Кузмин М. 200.

Кузнецов А. 17.

Куняев Ст. 9.

Куприн А. 127.

Кутузов М. 230.

Кушлина О. 29.

Кушнер Б. 52.

Кушнерович М. 173.

Лавинский А. 61.

Лавров В. 12, 17.

Лакшин В. 13, 17, 95, 99, 103, 108.

Лансере Е. 83.

Лану А. 25.

Ласкер Э. 228.

Левидов М. 246.

Левин Ф. 80, 81.

Левитан И. 55, 111.

Левитин М. 242.

Леконт Л. де. 40.

Ленин В. 25, 53, 54, 61, 64, 66,68, 117, 149, 229, 251.

Леонидзе Г. 250.

Леонов Л. 67.

Лермонтов М. 15.

Лесков Н. 40, 174, 176, 188, 259.

Ли В. 198.

Либединский Ю. 217.

Ливанов Б. 145.

Ливий Т. 129.

Лившин С. 12, 17.

Лившиц Б. 29, 59, 211.

Лившиц И. 254.

Лидин В. 67.

Линдси Д. 250.

Липкин С. 9, 15, 16, 37, 38, 75–77, 79, 117, 139, 269.

Лисснер Э. 47.

Литвин Е. 15.

Литвинов М. 67.

Литовская М. 12.

Лишина Т. 150, 175, 176.

Лосев В. 270.

Лотман Ю. 17.

Луначарский А. 67.

Лунц Л. 193,234, 236, 255, 256.

Лутохин Д. 67.

Лущик С. 15, 27, 28, 30–32, 33, 81, 101, 142, 269.

Майн-Рид Т. 39.

Майский Ф. 62.

Маке О. 192.

Малинников И. 74.

Малкин Б. 64.

Малмстад Дж. 16.

Мандельштам Н. 34, 35, 110, 113, 118, 120, 166, 168, 189, 209, 260, 269.

Мандельштам О. 26, 28, 34, 35,40, 50, 61, 77, 81, 88, 112–114, 116–118, 141, 146, 168, 189, 210, 218, 224, 260, 266–269.

Мануйлов А. 75.

Map C. 214.

Мариенгоф А. 82, 83, 161, 162, 217.

Марков П. 21, 22.

Маркс К. 28.

Масленикова 3. 248, 249.

Матисс А. 111, 176, 181.

Матюшин М. 210, 211.

Маяковский В. 33–35, 42, 46, 47, 51–54, 56, 58, 61–64, 68, 86, 92–94, 107, 120, 135, 154, 155, 157, 160, 161, 164–167, 170, 174, 175, 187, 189, 191, 192, 208, 211, 212, 214, 252, 253, 256, 266, 269, 270.

Мейерхольд В. 92–94, 140, 164, 192.

Мельников К. 179.

Меншиков А. 55, 73.

Мережковские 3. и Д. 82.

Мережковский Д. 224.

Меркуров С. 82.

Метерлинк М. 134, 138.

Микини П. 169.

Милашевский В. 113.

Милков А. 87.

Миндлин Э. 75, 76, 87, 89, 92, 96, 102, 103, 118, 119, 190, 269.

Минчковский А. 245.

Мирекур Э. де. 192.

Митурич П. 213, 214.

Митурич-Хлебников М. 213.

Мндоянц А. 47.

Молдавский Д. 12.

Мольер Ж. Б. П. 131.

Мопассан Ги де. 174, 229, 258, 259, 262, 263.

Моралес Л. де. 246.

Морозов И. 111.

Морозова В. 51.

Mopya A. 192.

Моцарт В А. 129, 219.

Мулат (см. Пастернак Б.).

Мунблит Г. 36, 235.

Мунц О. 55.

Мухина В. 179.

Мягков Б. 91, 227.

Набоков В. 184, 185.

Нагибин Ю. 182.

Наполеон І. 49, 85, 129, 229, 259.

Наппельбаум М. 97.

Нарбут В. 6, 60, 140, 146–153, 165–168, 185, 194, 226, 260, 267...

Нарбут Сергей 148.

Нарбут Т. 146, 152.

Наседкин В. 216.

Наследник (см. Славин Л.).

Незнамов П. 52, 53, 161, 252.

Нелидова М. 240.

Немирович-Данченко Вл. 214.

Немировская Э. 139.

Нечаев Вяч. 270.

Никитаев А. 214.

Никитин Н. 246.

Никитин Н. Н. 216, 236.

Николай I. 49.

Никулин Л. 117, 225, 226, 232, 239.

Нилус Б. 107.

Нирнзее Э.-К. 85.

Новиков Вл. 14, 15, 17.

Новикова О. 14.

Носкович-Лекаренко Н. 235.

Нюренберг А. А. 266.

Нюренберг А. М. 259.

Овидий 129.

Овчинников И. 172–174, 228, 229.

Огнев В. 21,24, 140, 141.

Одесский М. 194, 198, 269.

Окс Е. 174–176, 182, 183.

Олеша К. 125.

Олеша О. В. 35, 125.

Олеша Ю. 8, 9, 14–16, 21–25, 27, 31, 33, 35, 36, 39, 43, 65, 67, 69, 76–78, 89, 93, 94, 98, 103, 118–121, 123–131, 134–145, 147, 150, 153, 161–163, 165, 167–178, 180–186, 195, 203–205, 213, 223–229, 231, 232, 235–237, 239, 246, 254, 257, 262, 263, 266, 270.

Оливье Л. 198.

Опекушин А. 42.

Орджоникидзе С. 67.

Орлов К. 106.

Осипов Д. 82.

Островская Л. 145.

Павел I. 218.

Панкин Б. 112.

Панченко Н. 146, 148.

Парнис А. 15, 54.

Пастернак А. 55.

Пастернак Б. 5, 6, 8, 15, 16, 38, 45, 55–57, 59, 62, 63, 73, 83, 128, 153, 154, 156, 158, 162, 194, 196, 217–222, 226, 246–251, 266, 270.

Пастернак Е. Б. 15, 248, 250.

Пастернак Евг. Вл. 57, 222.

Пастернак Ел. Вл. 15.

Пастернак 3. 196.

Пастернак Л. 55.

Патер У. 134.

Паустовский К. 26, 31, 33, 41, 46, 98, 145, 151, 256, 257.

Переяслов Н. 9, 10.

Перлов С. 57.

Перцовский В. 11.

Петелин В. 270.

Петр І. 82.

Петров Е. (Катаев Е.) 20, 27, 40, 53, 65, 97, 107, 171, 174–178, 182–184, 186, 188–192, 194, 196–198, 228, 233, 234, 269, 270.

Петровская О. 158.

Петровский Д. 213.

Петровский М. 94.

Пешкова Е. 66, 67.

Пигит И. 87.

Пикассо П. 61, 111, 220.

Пикфорд М. 111, 169.

Пиль Г. 185.

Пильняк Б. 88.

Пильский П. 30.

Пирожкова А. 260, 261.

Плетнева Е. 82.

По Э. А. 40, 134.

Поварцов С. 257.

Подорольский Н. 21, 35, 56, 188.

Покровский М. 209.

Полонская Е. 236, 255.

Полонский Я. 221.

Поляков Г. 31, 39, 78-80, 144, 270.

Поляков Н. 11.

Поляновский Э. 35.

Попов Е. 21.

Посохин М. 47.

Потоцкий А. 177, 178.

Прево А. 143, 145.

Приблудный И. 161.

Прокофьев С. 26.

Проскурнин Н. 63.

Прут И. 35.

Птицелов (см. Багрицкий Э.).

Пугачев Е. 189.

Пустильник Л. 148, 151.

Пушкин А. 23, 24, 26, 42, 44, 45, 54, 64, 70, 71, 78, 81, 93, 114, 129, 131, 141, 142, 149, 160, 171, 181, 188, 217, 218, 219, 241.

Пчхеидзе А. 199.

Пшибышевский С. 136, 137.

Рабле Ф. 174.

Райт-Ковалева Р. 47, 58, 59.

Райх 3. 75, 164.

Раскольников Ф. 67, 223.

Рахтанов И. 42, 43.

Рейн Е. 26.

Рембо А. 40.

Репин И. 230.

Рерберг И. 115.

Рети Р. 228.

Родченко А. 34, 61.

Рожицын В. 122.

Розанов В. Н. 251.

Розанова Е. 136.

Рок Р. 214.

Роллан Р. 253.

Ромашов Б. 265, 266.

Ронен О. 33.

Ропшин В. (Савинков Б.) 62.

Ростан Э. 131.

Рукман Л. 15.

Рыбаков А. 243.

Рябушинский С. 180.

Савина М. 233.

Садыкер П. 89.

Самойлов Д. 10.

Сарнов Б. 12, 22.

Саянов В. 166.

Саянский Л. 106.

Свердлов М. 15.

Светлаев М. 116.

Светлаева В. 115, 116, 270.

Свиридов Г. 73.

Северянин И. 24, 25, 29, 30.

Сезанн П. 111.

Сейфуллина Л. 167.

Семенов В. 48.

Серафимович А. 67, 95.

Сергеева-Клятис А. 15.

Серов А. 55.

Серов В. 55, 211.

Сидельникова Т. 230.

Симов В. 214.

Симонов К. 98.

Синеглазка (см. Булгакова Е. А.).

Синеглазый (см. Булгаков М.).

Синякова М. 60.

Скворцов И. 209.

Сковорода Г. 236.

Скорино Л. 147.

Скуратов Б. 36, 40.

Славин Л. 21, 65, 130, 135, 145, 174–176, 182, 183, 204, 268.

Слезкин Ю. 92, 103, 105, 109.

Слонимская И. 238.

Слонимский М. 230, 236, 237.

Случевский К. 77.

Соболев В. 23, 224.

Соколовский А. 203.

Сологуб Ф. 152.

Сонькин С. 61.

Соратник (см. Асеев Н.).

Спасский С. 161.

Спивак М. 31, 39, 78–81, 119, 144, 145, 165, 166, 270.

Ставский В. 35, 213.

Сталин И. 51, 117, 243.

Станиславский К. 94, 214.

Старостин А. 129.

Старцев И. 162, 164.

Стах Т. 261.

Стенич В. 239.

Степанов Н. 259.

Стерн Г. 174.

Стивенсон Р. Л. 38, 40.

Стонов Д. 103.

Стриндберг А. 137.

Субботин С. 73.

Суворов А. 244, 245.

Сувчинский П. 56.

Суок Л. 75, 76, 119, 140, 144.

Суок О. 24, 25,35, 119, 140.

Суок С. 140, 141, 143–145, 153, 165, 166, 168, 185.

Сухарев Л. 82.

Сын водопроводчика (см. Казин В.).

Табидзе Н. 247.

Табидзе Т. 196, 250.

Тарасов-Родионов А. 74, 75, 83.

Тарловский М. 223.

Татлин В. 92, 93.

Терский К. 112.

Тименчик Р. 146, 150, 152.

Тимофеев И. 229.

Тихонов Н. 27, 217–219, 221, 236, 270.

Толстая С. 216.

Толстая Т. В. 54.

Толстой А. К. 197.

Толстой А. Н. 26, 87-89, 103, 141, 241.

Толстой А. П. 50.

Толстой Л. 76, 135, 142, 143, 149, 216.

Томашевский Ю. 231, 236.

Томский Н. 50, 230.

Тон К. 49, 84.

Третьяков С. 52.

Триоле Э. 33, 34, 130.

Тынянов Ю. 219.

Тэсс Т. 74.

Тютчев Ф. 71, 100.

Уилсон Э. 250.

Урицкий М. 251.

Устинов А. 5, 15, 16.

Устинов Г. 154.

Устиновский В. 146, 152.

Утесов Л. 112, 262.

Ушаков П. 66.

Уэллс Г. 135.

Фадеев А. 63, 227.

Файко А. 265.

Файнзильберг М. 182, 183.

Федин К. 23, 110, 236, 247.

Федоров А. М. 234.

Фельдман Д. 18, 194, 198, 269.

Фет А. 221.

Фиалкова Л. 90, 269.

Фидлер И. 66.

Филиппов Г. 236, 240.

Финк В. 257.

Фиолетов А. 65, 79, 199, 201, 203.

Флейшман Л. 83, 221, 257.

Флобер Г. 174, 258.

Фомина Е. 8, 16, 172.

Фрайман И. 15.

Франс А. 174.

Фрейд 3. 226.

Фурманов Д. 257.

Харджиев Н. 79, 140.

Харитон Л. 234.

Хворощан А. 17.

Хелемский Я. 22.

Хенкин В. 107.

Хин Е. 235.

Хитрово Н. 214, 215.

Хлебников В. 7, 8, 57–59, 120, 147, 196, 207–214.

Ходасевич В. М. 93, 254, 260, 261.

Ходасевич В. Ф. 5, 6, 16, 77, 164.

Хомич А. 198.

Хунчжан Ли 57.

Цагарели Г. 30.

Цадкин И. 19, 20.

Цветаева А. 169, 218, 222.

Цветаева М. 153, 218.

Чайковский П. 108.

Чалова Л. 237.

Чаплин Ч. 169.

Чарный М. 139.

Чертков Л. 146.

Чехов А. 95, 233.

Чечулин Д. 49, 106.

Чиковани С. 247, 250.

Чичагов Д. 51.

Чичерин А. 120.

Чудаков А. 21.

Чудакова М. 89–91, 93–97, 99, 103, 105, 106, 109, 110, 140, 145, 226, 236, 237, 263, 265, 270.

Чужак Н. 52.

Чуковская Л. 10.

Чуковский К. 56, 166, 184, 212, 222, 230, 233, 249, 254, 256, 270.

Шаламов В. 62.

Шаляпин Ф. 230, 233.

Шамота Н. 11.

Шанявский А. 180.

Швоб М. 134.

Шевалье М. 267.

Шевченко И. 17.

Шекспир У. 249, 250.

Шенгели Г. 82, 88, 132, 150.

Шенталинский В. 35.

Шершеневич В. 217.

Шехтель Ф. 179, 209.

Шиллер И. 250.

Шишова 3. 31, 37, 40, 65, 78, 79, 129, 138, 205.

Шкловская-Корди В. 35.

Шкловский В. 9, 16, 21, 25, 41, 130, 140, 141, 193, 197, 212, 225, 233, 253, 256, 258, 259, 270.

Шмидт Н. 189.

Шмидт О. 209.

Шнейдер И. 69.

Шопен Ф. 51.

Шор О. 199, 203.

Шостакович Д. 166.

Шпейер В. 180.

Штабс-капитан (см. Зощенко М.).

Штейнберг А. 37.

Штих М. 178.

Шугуров Л. 243.

Шумихин С. 75, 83.

Шухов В. 68.

Щеглов Ю. 20.

```
Щелкунчик (см. Мандельштам О.).
```

Щепкина-Куперник Т. 131.

Щукин С. 111.

Щусев А. 48, 84, 179, 191.

Эвентов И. 235.

Эйбушитц С. 66.

Экстер А. 179.

Эрберг О. 214.

Эредиа 40.

Эренбург И. 256-258, 262.

Эрихсон А. 108, 181.

Эрлих А. 66, 96, 97, 120, 177, 184, 225, 270.

Эрлих В. 159, 216.

Эскесс (см. Кесельман С.).

Юдицкий Э. 87.

Юсов Н. 44.

Яблоновский С. 92.

Явич А. 105.

Якобсон Р. 165, 208.

Ямпольский Б. 23, 227.

Ямпольский М. Э. 33.

Янгиров Р. 101.

Янгфельдт Б. 208, 269.

Яншин М. 93, 105.

Ярон Г. 107, 112.

Ярославский Ем. 67.

Яськов В. 120, 147.

Яценко Е. 15.

Яшвили П. 196, 250.

Hahl-Koch J. 61.

Ziegler R. 266.

Примечания

1

Устинов Андрей. Нескромное предложение: «малые голландцы» русской поэзии и умозрительность литературной истории // Новое литературное обозрение. № 59. <2003>. С. 441.

(обратно)

2

Цит. по: *Малмстад Дж.* Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 54. (обратно)

3

См., например, § № 149 нашего комментария. (обратно)

4

Здесь и далее «Алмазный мой венец» цитируется по изданию: *Катаев Валентин*. Трава забвенья. М., 2000.

5

См.: *Бухштаб Б. Я.* Литературоведческие расследования. М., 1982.

6

Крымова Н. Не святой колодец // Дружба народов. 1979. № 9. С.237. (обратно)

7

Галанов Б. Е. Валентин Катаев. Размышления о мастере и диалоги с ним. М., 1989.С. 205.

(обратно)

8

РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1091. Л. 10. (обратно)

9

Олеша Юрий. Книга прощания. М., 2001. С. 112. Возможно, речь у Олеши идет о студентке графического факультета ВХУТЕМАСа Елене Николаевне Фоминой, 1902 г. рождения. Ее личное дело см.: РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 2641. Впоследствии Фомина работала на технической должности в газете «Гудок».

10

См., например, § № 190 и № 493 нашего комментария. (обратно)

11

См., например, § № 322 и № 359 нашего комментария. (обратно)

12

См. § № 560 и № 597 нашего комментария. (обратно)

```
13
```

23

```
См. § № 648 нашего комментария.
(обратно)
14
  См. § № 619 нашего комментария.
(обратно)
15
  См.: Шкловский В. Б. Тогда и сейчас (1929) // Литература факта. Первый сборник
материалов работников ЛЕФа. М., 2000. С. 130.
(обратно)
16
  См.: Липкин С. И. Катаев и Одесса // Знамя. 1997. № 1. С. 217.
(обратно)
17
  Литературная газета. 2003. 22–28 января. С. 14.
(обратно)
18
  Литературная газета. 1997. 29 января. С. 12.
(обратно)
19
  Знамя. 2003. № 5. С. 169.
(обратно)
20
  Дружба народов. 1979. № 9. С. 238.
(обратно)
21
  Там же. С. 249.
(обратно)
22
  Вопросы литературы. 1978. № 10. С. 75.
(обратно)
```

```
Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 158.
(обратно)
24
  Литературная газета. 1978. 26 июля. С. 4.
(обратно)
25
  Октябрь. 1979. № 4. С. 220.
(обратно)
26
  Ленинский путь. 1980. 1 марта. С. 4.
(обратно)
27
  См. § № 420 нашего комментария.
(обратно)
28
  Знамя. 1980. № 1. С. 236.
(обратно)
29
  Хворощан А. Звенья памяти. Заметки критика // Правда. 1980. 27 января. С. 3.
(обратно)
30
  Лавров В. Человек. Время. Литература. Концепция личности в многонациональной
советской литературе. Л., 1981. С. 91.
(обратно)
31
  Звезда. 1986. № 6. С. 198.
(обратно)
32
  См.: Новиков Вл. Заскок. М., 1997. С. 170.
(обратно)
33
```

Вечерняя Одесса. 1978. 13 октября. С. 4. Позже эта пародия вошла в сб.: Лившин C. «Ариведерчи!» значит «чао!». Пародии. (Библиотека «Крокодила»). М., 1986.

(обратно)

34

Шевченко И. Повести В. Катаева 60-х-70-х гг. и проблема совр. лирической прозы: АКД. Одесса, 1983. С. 14.

(обратно)

35

Синтаксис., 1979. № 3. С. 106. (обратно)

36

Октябрь. 1995. № 3. С. 190. (обратно)

37

Архив общества «Мемориал». Материалы самиздата. Вып. № 34/81. 11 сентября 1981 г. С. 12. (обратно)

(copulito

38

См. § № 215 нашего комментария. (обратно)

39

Цит. по: Лакшин B. Мовизма осень золотая // «Сумма» — за свободную мысль. СПб., 2002. С. 304. (обратно)

40

См.: Земскова T. C. Писатель в нашем доме. Заметки тележурналиста. M., 1985. C. 231. (обратно)

41

Литературная газета. 1984. 7 ноября. С. 4. Ср. с «адвокатскими» рассуждениями А. М. Кузнецова о «праве писателя на свое отношение к прототипам» «Алмазного венца» (Кузнецов А. М. Единство в многообразии (Творчество Валентина Катаева) // Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 1. М., 1983. С. 23–24).

Важным методологическим подспорьем для нас послужила классическая работа Ю. М. Лотмана, которая (может быть — не случайно) была впервые напечатана через год после первой публикации произведения Катаева (см.: *Лотман Ю. М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // Временник Пушкинской комиссии, 1975. Л., 1979. С. 93–98; также см.: *Иванов Вяч. Вс.* Жанры исторического повествования и место романа с ключом в русской советской прозе 1920–1930-х годов // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М., 2000. (обратно)

43

Новый мир. 1997. № 1. С. 222; о проблемах, связанных с комментированием поздних катаевских текстов, см.: Φ ельдман Давид. Проблема реального комментария: почти правда, почти вся, далее — по тексту... // Новый мир. 2000. № 5. (обратно)

44

Список условных сокращений помещен в конце комментария /В файле — раздел «Условные сокращения, принятые для комментария» — *прим. верст.*/. (обратно)

45

В файле — полужирный — *прим. верст.* $(\underline{\text{обратно}})$

Оглавление

- Вместо предисловия
- Комментарий к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец»
- Иллюстрации
- Условные сокращения, принятые для комментария
- Указатель имен и прозвищ

• *** Примечания ***